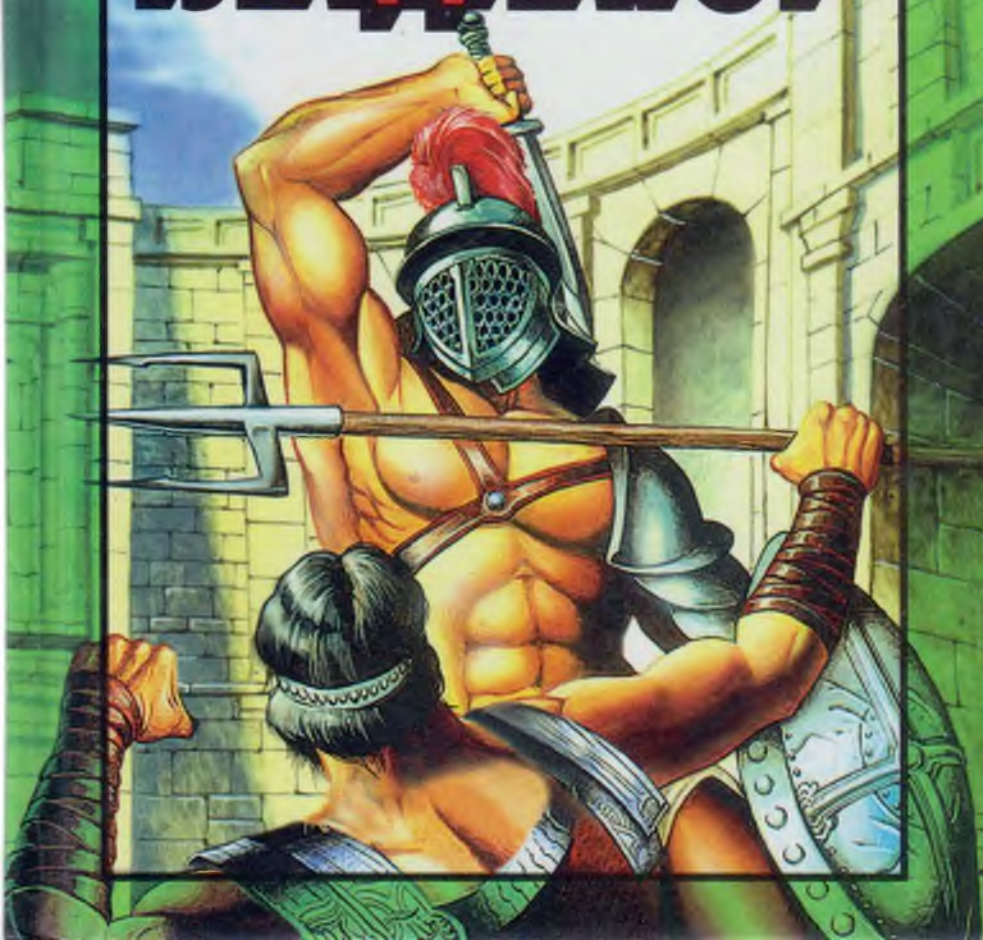

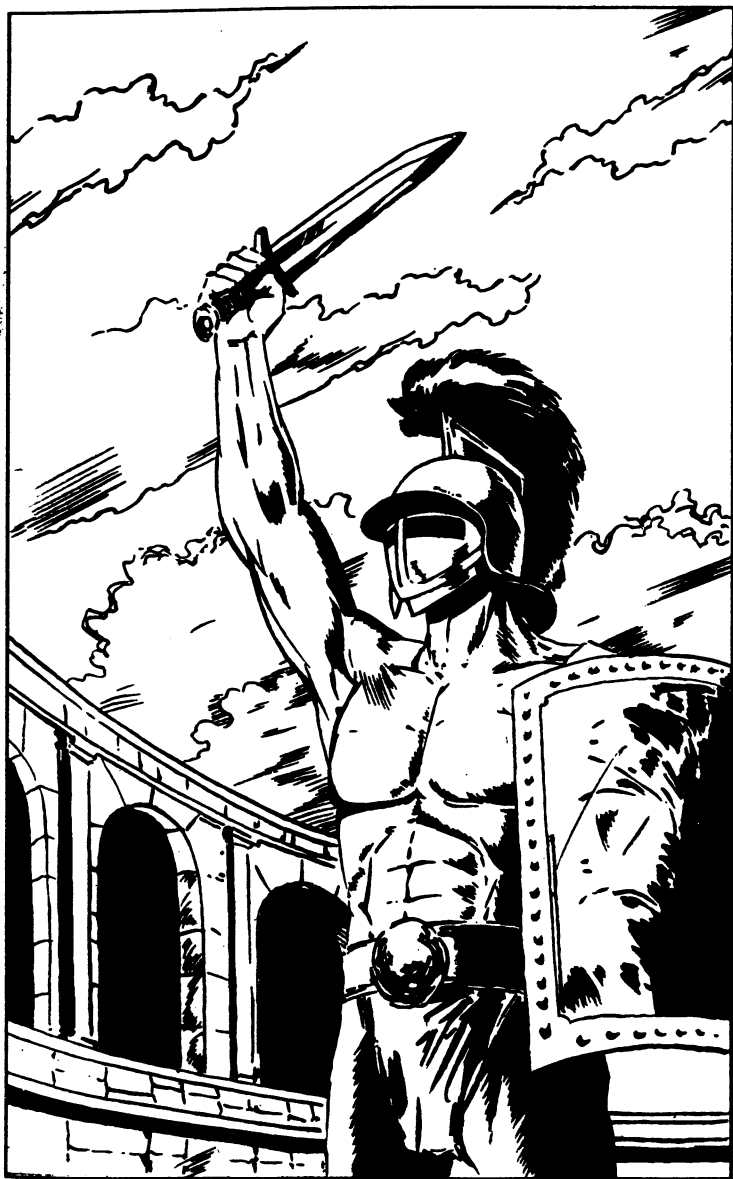
А. ШАЛАШОВ

ВЕЛИКИЙ ГЛАДИАТОР

Анатолий
Шалашов

ВЕЛИКИЙ ГЛАДИАТОР

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КСМ
1986
МОСКВА

ББК 84Р7
Ш 18

Разработка серийного оформления
художников *Е. В. Кипяткова,*
А. Г. Саукова, А. А. Хромова

Серия основана в 1995 году

Шалашов А. Ф.

Ш18 Великий гладиатор: Роман. — М.: ЭКСМО,
1996. — 416 с. (Серия «Олимп»).

ISBN 5-85585-504-X

Первый век до нашей эры. Молодой фракийский царь племени медов ведет с римлянами упорную и изнурительную борьбу за независимость. Долгое время точный расчет и цепь случайностей помогают юноше противостоять хитрым планам Рима, но силы неравны, и Спартак попадает в рабство.

Ш 4702010201—090
ЛР 061309—96

ББК 84Р7

ISBN 5-85585-504-X

© Оформление.
АОЗТ издательство
«ЭКСМО», 1996 г.

Книга первая

ПРОЛОГ

Летом 53 года до новой эры полководец парфянского войска Сурена, разбив римские войска на реке Евфрат, заманил на переговоры претора¹ Марка Красса...

МЕСТЬ ЗА СПАРТАКА

Начальник личной охраны претора, взяв под уздцы коня, настороженно предупредил:

— Солнцеподобный, они хотят заманить тебя в ловушку.

— Порций, меня нельзя взять в плен, — ответил Марк. — Я мертв. Я не существую на этом свете с того самого дня, когда парфяне отрубили голову моему сыну.

Красс спешился, направляясь к месту переговоров.

— Что видят мои глаза! — закричал Сурена. — Кто допустил, чтобы римский полководец шел на переговоры пешком! Подведите Солнцеподобному моего лучшего жеребца!

Перед Марком заиграл конь цвета каракумских песков.

¹ Претор — высший государственный чин в Римской республике.

Конюхи Сурены подсадили Красса на золотошерстного скакуна и стали подгонять его ударами ножен.

В этот миг Красс уронил взгляд на высокого златокудрого воина из свиты парфянского полководца.

«Где я его видел? — спросил сам себя император. — Где?»

А Сурена не отрывал глаз от Красса, но теперь смотрел на него повелительно и надменно.

И тут Марку вспомнился день гибели сына, когда у ворот лагеря римлян появились конные варвары и этот златокудрый великан, что теперь стоит за спиной Сурены, потрясал копьем с насаженной на него головой Публия.

— Эгей! Непобедимый и благоденствующий! — кричал гигант, обращаясь к мертвой голове. — Скажи, кто твой отец и кто твоя мать? Не осел же с ослихой, если тебя называют человеком?

— Мой отец Красс! — ответил кто-то из парфян за Публия.

— Тот Красс, что прославился в Риме победой над гладиаторами? — снова спросил златокудрый.

— Да! — притворно всхлипывая, отозвался парфянский конник.

— Значит, ты от шакала, лакавшего за деньги мочу вместо воды!

Марк догадался, кто стоял в свите Сурены: это был Спартак.

— Красс! Красс! Я вызываю тебя на поединок! — как бы подтверждая предположение претора, раздался призыв.

«Да, это Спартак, — согласился сам с собой претор. — Значит, ты все-таки предал гладиаторов и бежал к пиратам. Предал армию, чтобы спасти собственную шкуру. А я — старый дурень — поверил, что тебя растоптали... Эй, Порций, смотри, кто перед нами!»

Но тут воин-гигант, выхватив меч, разрубил голову центуриону¹ и стал пробиваться к Марку.

¹ Центурион — офицер, командир центурии — отряда из 100 человек.

От жары и запаха крови у Красса закололо под лопаткой. Он соскочил с коня и тоже выхватил меч. А златокудрый, разбросав легионеров, встал перед ним. От первого удара Марк увернулся, но вторым взмахом меча великан свалил претора на землю.

— Слава тебе, Дах! — закричал стоявший рядом парфянин. — Отруби ему голову. Сурена осыплет тебя золотом.

Великан пнул Красса:

— Мне не нужно золото, Эксатр. С меня довольно и того, что я отомщу за Спартака. А золото можешь взять себе.

Меч парфянина сверкнул на солнце и опустился на шею римлянина.

Час спустя голова претора Марка Красса на золотом подносе легла перед царем Парфии Арсакидом.

ПОКОРМИТЕ ЗМЕЯ ГРУДЬЮ

Жрица обнажила белоснежные груди и подставила змею. Двуглавый припал к ним, причмокивая.

Толпа облегченно вздохнула: слава Зевсу, он принял жертву, значит, боги пошлют царю медов¹ внука.

В храме зажгли светильники, обошли статуи, пропели несколько гимнов.

Питон заснул возле кормилицы.

Это случилось в конце второго века до нашей эры в Мезии — стране, располагавшейся по среднему течению реки Стримон.

В семье царского сына Сотимуса ждали ребенка.

Его жена ела много мяса, а значит, должна родить сына — такова примета.

И как бы в помощь невестке царь и послал в главный храм Амфиполя, ближайшего греческого города, двуглавого питона.

Царю маленького горного племени очень хоте-

¹ М е д ы — фракийское племя, народ Спартака.

лось, чтобы внук был похож на Александра Македонского, которого Олимпиада родила от змея.

Сначала Спартак Старший собирался совершить обряд в храме своего города, но побоялся: магия магией, а вдруг родится внучка, тогда позора достанет до самой могилы. О, как обрадуются вельможи, мечтающие занять его трон!

И царь решил совершить задуманное тайно, в греческом храме, выбрав для этого самую красивую жрицу.

За змеем в Пеллу, на родину Александра Македонского, он послал дака Муржо.

— Скачи в Пеллу! — приказал царь.

— Там пусто, владыка, — последовал ответ. — Живет несколько бедных обитателей, да клубится змеиное царство.

— Вот их-то мне и надо.

— Змей?

— Да.

— Но ведь каждая из этих красавиц длиной с молнию, а толщиной с руку Зевса.

— Таковую и купи.

— Злую?

— Нет, купи из тех, которых жрицы в дни праздников кормят грудью.

— ФРЭСКЭУЭЙНЫ¹?

— Скачи. И привези этот дар Зевсу в храм Амфиполя.

* * *

Муржо повезло: в Пелле какой-то заезжий с Самофракийского острова продал ему двуглавого питона. Змей был царских кровей: по серому брюху расплескались кружевные узоры, а за головой, там, где у зверей бывают рога, золотились две черные звездочки, как бы знаки высшего назначения.

Этот страшный груз Муржо привез в храм, послав заранее известие царю.

¹ Фрэскэуэйны — фракиянки, неистовавшие у горы Гем.

И вот Муржо снова у знакомых ворот.

— Эгей! — обратился воин к коню. — Ну-ка распусти свои золотые крылья и перелети эти стены.

Жеребец заржал.

— Грызла бы тебя змеиха-вдова, что ворует молодых овчаров!

Конь воровато примолк.

— Тихо, тихо, — предупредил Муржо любимца, — не накличь беды хромоногой.

А сам шепнул в проем, как больному в ухо:

— Вы что там, пьяны! Или еще что творите? Откройте свои засовы! Это я — Муржо!

Загремели засовы.

— Да выпарит из вас страх солнце! — обозлился дак.

Ворота приоткрылись.

— Свершилось? — спросил воин.

— Афина-благодетельница услышала наши молитвы.

Лицо Муржо передернулось.

— Смотрите, — тряхнул он плетью, — если что сделали кособоко, осмолю на костре!

С высоты башни голос донес:

— Боги Олимпа приняли ваши подношения. Пусть меды три дня соблюдают очистительные обряды и оплакивают судьбу новорожденного, имя которому будет Спартак Младший. Мойры уже спряли нить его жизни.

Жеребец тоскующе фыркнул и понес всадника по каменистой дороге.

Но Муржо, развернув коня, направил его к воротам города, к лавкам с оружием. А вот и трехслойные бронзовые щиты, о которых мечтал горец.

Муржо внимательно осмотрел их и выбрал себе один. Потом заткнул за пояс два новеньких кинжала: один для себя, другой для друга Руса.

А у таверны, что поблескивала лаком деревянных колонн, накрутил чуб на ухо и осушил два фиала вина: первый выпил за новорожденного, чтоб тот крепко держал меч в руках, а второй за то, чтобы сгинули те

сыны волчицы, что продают в рабство македонцев, добираясь и до медов.

Не забыл воин и о жеребце. Вон стоит, хвостом с тучей мух воюет.

— На, Змей Змеевич, насладись! — позаботился чубатый, протягивая длинногривому кусок пшеничного пирога.

Выехав за город и направляясь к Стримону, дак услышал девичий голос:

— Эй, демон фиванский! Ты забыл главное! — И рука, кожа на которой была белее лепестков лилии, протянула оракул.

— Это что такое, ФРЭСКЭУЭЙН? — насторожился Муржо.

— Послание Зевса. Царь знает.

Глаза дака заблестели. Жрица почувствовала неладное.

— Ах ты, Олимпиада неистовая! — подбодрил всадник девушку. — Курдючок у тебя, как у ярочки.

Еще миг, и Муржо вскинул жрицу на седло, давая Фонарю свободный повод.

Посланница храма закричала, зовя на помощь. Но черная кровь закрыла ей глаза, затуманила разум. А когда дрожь схлынула с души мягкотелой красавицы, Фонарь уже скакал по горной дороге далеко от Амфиполя.

— Ну что ты, Елена Прекрасная, — стал успокаивать пленницу дак. — Ты мне хвалу должна петь, что увез я тебя из храма — этой живой могилы. Солнышко ты курчавое, я не эфиоп бритоголовый.

— Боюсь, что бросишь в горах порченной, — прослезилась жрица.

— Нет, клянусь тебе богом даков Залмоксисом!

Муржо пересадил девушку на круп жеребца.

— За такого грека выдам замуж, что вся жизнь будет слаще смоквы.

Жрица стучала кулаками по спине разбойника, давясь слезами, а устав, налегла на Муржо грудью и затихла.

Чубатый гоготнул на все ущелье и запел счастливо и радостно.

ЛУЧШЕ БЫ ТЫ РОДИЛСЯ МЕРТВЫМ, СПАРТАК!

А тем временем во дворец съезжались почетные гости: вельможи, старейшины, хозяева рудников, богатые соседи.

Готовились к своим делам плакальщицы, прибывшие из Амфиполя.

В стороне от знатных гостей ютились воины, слуги, тоже пришедшие оплакивать новорожденного.

Хозяин — царь Спартак Старший — стоял в кругу приближенных, гордо вскинув голову. По правую руку от него высился сын Сотимус. Оба — длинноногие, широкие в плечах, головы украшены копнами золотых волос. Глаза сверкают, словно отлиты из вод лазурного моря.

Дорогая одежда отца и сына поскрипывала кожаными поясами, с которых свисали фракийские мечи.

У колодца дворца роилась дружина, в середине которой, накручивая чуб на ухо, метался Муржо, показывая умение владеть секирой. Когда-то меды взяли его в плен, но было у них золотое правило: не иметь рабов, а женить захваченных на своих нежнокожих красавицах и оставлять в деревнях свободными селянами.

Муржо хоть и рано стал сесть, но вся округа знала, что стоит его удар топором. Вот и сейчас двое медов не могли разжать его кисть, в которой как влитая была сжата рукоять кинжала.

— Ну и силища в тебе, Муржо, — тур! — удивлялись дружинники. — Змей Змеевич и тот, наверное, слабее!

— Такими руками только сынам волчицы хрящи ломать.

По лицу чубатого, словно волны по Эгейскому морю, так и прокатывалась улыбка. Ох и любил дак почет и уважение. Гордость вот-вот, кажется, так и разорвет его твердокостную грудь. Заливается смехом, радуясь славе, Муржо, то и дело посматривая на царя.

— Ты как Геракл! — похвалил его друг Рус, прозванный Золотой серьгой. — Эко по тебе бугрятся мышцы.

— Долго будешь жить, Рус, — отозвался дак на похвалу.

— Почему?

— Говорить умеешь хорошо... А ну тихо! — приостановил Муржо дружинников. — Смотрите, царица Каликрита показалась в окне.

Копьеносцы сгрудились теснее. По обычаю, им надо стоять со скорбными лицами, но как ни хитри, а на душе у них радостно: у любимого вождя должен родиться внук — наследник. Потому-то гости и собралась на белый двор.

С появлением Каликриты воины изобразили скорбь на лицах — а то еще высекут на конюшне: Каликрита яро хранит обычаи предков.

Да и Муржо виноват: привез из Амфиполя весть о том, что вроде бы одрисы¹ — соседи медов — снова собираются напасть на Яворину. Захотелось им отобрать у горцев табуны коней, угнать овец. Мало их сажали на колья, так они опять за свое, змеиные дети.

— Послушай, Муржо, — засопел Рус, — трибаллы и те точат на нас ножи.

— Это их подталкивает Митридат: меды ему нужны, вот он и стравливает нас то с одрисами, то с трибаллами.

— А может быть, опередить их? — предложил Золотая серьга. — А то обнищали, как последние рудокопы. Не пахать же нам, как черноплужникам. Выйти бы снова на дорогу, — замычал Рус. — В этом году купцы много янтаря с Германского моря везут. Вот и почистить бы у них мошны. Наши-то совсем оскудели.

— Что янтарь, — отозвался чубатый. — Говорят, к Истру сегодня олово из Британии возят. Вот бы чего перехватить и грекам в Амфиполе продать.

— Грыз бы им змей пятки, — вздохнул Рус. — Живем как нищие, а вокруг золото пропадает.

¹ Одрисы — фракийское племя.

— Что мы — афры безносые? Главное, надо бить латинян белых. А там царь в бедности не оставит.

— Тихо, Каликрита шастает.

Двери покоев растворились. Царица, вскинув руки к небу, воскликнула:

— О Артемида, помоги нам! Плачьте, рвите свои тела в великом горе — он родился на муки и страдания! Свершилось! Свершилось! Царь Спартак, великий Зевс одарил тебя внуком! Черная змеиха уже раскинула над ним свои агатовые крылья!

Подворье отозвалось стоном. Плакальщицы упали на землю, царапая лица.

— Лучше бы он не родился! — воскликнула старшая из них.

— Мертвым, мертвым мы ожидали тебя, о Спартак Младший! — поддержала вторая.

— Боги Олимпа и ты — Геракл, за что вы наказали его, подарив жизнь? Он же не саранча и не червь, чтобы извиваться на земле до смерти!

— О Орфей, возьми его к себе: ты же знаешь, что такое земные муки!

Дворец наполнился стонами и рыданиями. Плакали гости, воины, рвали волосы и одежду селяне.

— Умри!

— Умри!

— Уйди в страну вечной тьмы! — упрашивали торговцы на соседнем базаре.

— Мойры уже готовы прервать нить твоей жизни, — молила толстая женщина, продававшая шерсть.

Закружили вспугнутые с деревьев птицы.

Старшая плакальщица повела грудью, стаскивая с головы модный парик. На нее сладко посмотрел заезжий грек.

ПЛАЧ

— О славные меды и ты — царь Спартак! — обратилась Каликрита к воинам. — Зажгите костры! Режьте быков и баранов! Смягчим дарами ярость черных змеев. Пусть Зевс примет его под свою защиту... А

вы, — обрушилась Каликрита на плакальщиц, — приехали сюда показывать свои новые платья или оплакивать судьбу моего внука? Рыдайте, обливайтесь живыми слезами!.. Побратимы! — вдруг осерчала царица. — Горе очернило ваши умы. И ты, Спартак, и ты, Сотимус, забыли, что новорожденному надо подать меч. Он должен дотронуться до него.

Муж протянул ей свое заостренное оружие.

— Брили бы вы этими мечами волоса на груди! Разве не видите, что ваши ножны покрыты серебром одрисов, а нужно, чтобы это было оружие, выкованное в земле медов... Эй, Муржо, покажи-ка свой меч. Да оглох ты, что ли?

Чубатый выхватил клинок и, видя, что Каликрита одобрительно закивала, передал меч в ее руки. И она скрылась за дверью.

По дворцу снова прокатился плач.

Но Каликрита вернулась, упрекнув мужа и сына:

— Вы что, окаменели? Мне ли подавать меч внуку?

Переглянувшись, Спартак Старший и Сотимус взбежали в дом. Один из гостей, с рогом за поясом, почесал перерубленный нос и прокартавил:

— В недобрый час родился этот Спартак: царь рад, надеясь, что внук сменит его на троне, а вельможи и старейшины готовы растерзать ребенка, чтобы только занять престол.

— Очнись, тебя не молнией ударило? — оборвал говорившего сосед.

— Римляне готовят новый поход против медов, — продолжил гость с рогом за поясом. — Одрисы стали бриться, как сенаторы. Митридат шлет гонца за гонцом, стараясь втянуть нас в войну с Римом.

— А меды живут спокойно и чеканят свои белые деньги, — усмехаясь, возразил все тот же сосед.

— Славные братья, — вмешался в разговор Муржо, — вы не на базаре, а во дворце... Тихо!

Гость повернулся и, оборвав дака, сказал, как плюнул ему в лицо:

— Это не твое собачье дело...

— Локр, — позванивая оружием, окликнул его стоявший в тени двора воин, — ты снова за свое?

— Замолчи! — взревел Локр, вонзив кинжал в дерево.

Но тут распахнулось окно, и властный голос донес:

— Эй, кто там зазвенел деревянными копытами?

Царица приказала отрубить их у провинившихся!

Из-за створок показалось лицо: нос, губы, глаза были словно вырублены топором.

— Тихо вы! — снова обратился Муржо к вельможам. — Слышали, что сказал Золотая серьга?

Локр глубже заткнул рог за пояс. Лицо его стало красным.

— Я должен подчиняться конюху! — возмутился он.

— Во дворце стоишь, а не на дороге разбойничаешь, — упрекнул Муржо.

Угомонились.

Но через миг Локр снова вскипел:

— Тебе хорошо, Севт, молчать — у тебя деньги в мошне звенят. Доходы надо делить поровну. Ты-то в своем доме живешь как за каменной стеной. Только и знаете, что молитесь. А у меня в крепости воды не хватает. И одрисы под боком. Все отнимают у моих крестьян.

Как из-под земли вырос Рус.

— Царица приказала слезы лить и царапать лицо ногтями, — посоветовал он.

Локр выдернул из-за пояса рог и прохрипел:

— А твое место в конюшне, навоз собирать. Чтобы подох ваш ублюдок!

Муржо загородил друга.

— А чтобы вас афры погрызли! — простонал Локр, вскакивая на коня.

Жеребец заломил шею, зазвенел доспехами и направился к воротам дворца.

* * *

— Слыхала? — спросила старшая плакальщица соседку. — Вот так всю жизнь и живут, бросаясь друг на друга. Хорошо, что у царя рука, как у Руса дубина: любого прижмет.

— Скажи, — поинтересовалась младшая, — а почему они позвали на роды не тебя, а эту гермафродитку?

Старшая плакальщица ковырнула в ухе, оправдываясь:

— Есть у нее и муж, и дети. Она такая же, как и мы.

— Да, но в Амфиполе говорят, что если она принимает роды, то ребенок становится двуполым. Представляешь, что будет, если этот Спартак Младший будет, как сын Гермеса и Афродиты?

— Каликрита объявила, что внук родился, значит, все у него в порядке.

— А кем же ей его объявлять?

— Думаешь, могут подменить? — насторожилась старшая женщина.

— Все может быть. Эта косоглазая и пупка-то перевязать не может. Возьмут и подложат.

— Это ты права — нитку на пуповине зубами перегрызает, — улыбаясь, дополнила хозяйка парика. — Ничего, я теперь и на похоронах много белых денег имею. Слава Аресу, войнам на земле и конца не видно... Вот парик жена одного артиста подарила: ее мужа римляне убили, а она в такое время ребенка родила от гладиатора.

Женщины запричитали, размазывая по лицам тушь и румяна.

— Ты грудь-то побольше приоткрой, — подсказала старшая.

— А ты?

— У меня два пупырышка, а у тебя каждая, как спелая дыня. Смотри, как на тебя персидские купцы смотрят.

— Я не гетера.

— Плачь, плачь, сильнее лицо царапай, — снова заволновалась старуха.

— Исмена, а почему такая дикая злоба кипит между медами? — поинтересовалась младшая плакальщица.

— Разбойники, вот их каждый к себе и заманивает, любят свободную жизнь. Никого над собой не признают.

Тут раздался звон оружия: в воротах дворца показался Локр со свитой.

— Гордость соколу покоя не дает? — упрекнул Севт.

— Судьба земли медов, — донеслось в ответ.

Припекало все больше. Гости потянулись к флягам, баклагам.

Старая плакальщица, отпив из фиала, повеселе-ла, украсила голову венком из виноградной лозы, продолжая поучать курносую:

— Когда будешь принимать роды, помни, что есть близнецы, которые рождаются двух цветов: одной стороной черные, а другой белые. Эти бывают злые, как обезьяны.

— Имена, смотри, вельможи снова схватились.

— Эти никогда не уступят друг другу. А грудь-то открой попризывнее.

— Зачем?

— Может быть, скорее замуж выйдешь.

ГРУЯ ДУРИЛА

В покои роженицы принесли теплую воду и полотно.

— Эй, Муржо! — позвал голос. — Почему разгались!

— Тс-с! Отойдите от стен, а то накличете черное худо, — упрекнула Каликрита сверху.

Воины сменили место, переходя в тень виноградника.

— Вы что, как два пьяных певуна, — одернул князей чубатый, — говорю, что не шерстью торгуете. А то позову девку-чернявку, она вас живо заставит есть землю.

— Эй, Рус! — попросил помощи Муржо. — Клики-ка Дурилу. Пусть покажет этим стриженным верблюдам свою силу.

Из-под навеса показалась женщина-великан, руками хваткая, с лицом, отмеченным печатью без-

умия. Под ноздрями рощица усов. Подошла, усмехнулась. Князья притихли.

— Покажи-ка им, Груя, свою кентавровую силу, — попросил Муржо. — Да так, чтобы царица на нас не ругалась.

— Просто, или жен их вдовами оставить? — обрадовалась скуластая.

— Просто, — убаюкал чубатый.

— Ну, смотри, — усмехнулась Дурила. Подошла к жеребцу Локра, приподняла, взвалила на плечи и направилась к навесу.

Грюю остановили.

— А хотела бы ты побороться с этими вот тифонятами? — спросил Рус.

— Разом? — водопадно взбурлила Груя.

— Как судьба распорядится, — громыхнул Золотая серьга.

Дурила вытянула из колодца цепь, скрутила в тугой жгут и попросила шалым голосом:

— Ну, пусть садятся на своих вихрегонов, а я к ним лицом стану.

Локр и Севт растерялись.

Плакальщицы притихли, копыеносцы насторожились. Рус вскинул на плечо дубину.

— Тихо! — предупредил кто-то. — Панука идет!

Собравшиеся во дворце насторожились.

Между гостями брел человек. Хламида на его худых плечах обветшала. Левая сторона лица была покрыта черной повязкой. Грек то останавливался, вглядываясь в окружавшие его лица, то делал руками какие-то знаки, произнося заклинания.

Муржо завел чуб за ухо и ревниво просипел:

— Побили его в Афинах философы камнями, вот и скрывается у медов.

Грек закричал молодо и зло:

— Эй, длиннокопейные, почему умолкли? Кричите, как кричал Зевс, загоня титанов в Тартар! Плачьте, рвите свои одежды, посыпайте голову пеплом.

— Он — орфик? — спросил Локр у Муржо.

— Он софист и философ.

— Видно, хитер, косая выдра!

— В Афинах выступал на площадях и в театрах.

— Не хотел бы я быть с ним близнецом в утробе одной матери, — потряхивая рогом, сказал, словно язык прикусил, Локр.

Вокруг засмеялись.

— Ничего, Локр-курчонок, скоро и мы заглянем судьбе за пояс, а там много золота, — огрызнулся кто-то из воинов.

— Эгей! — кукарекнул Локр. — Дадут хозяева вина, или нам надо смачивать горло собственными слезами?

— Да вселят в вас боги нужное терпение, — отозвался Рус. — Мехи и амфоры давно ждут вас, только бы вызрело время.

И тут над входом во дворец заметалась шелковая накидка.

— Тихо, славные меды! — заторопился чубатый. — Как видно, великий Залмоксис уже благословил новорожденного Львенка!

— Пора бы, — раскрывая рот, огромный, как ущелье, не удержался Локр, — возятся, как с сыном Зевса. Завели уродца и носятся с ним.

— Локр, — предупредил Рус, — если ты сейчас скажешь еще одно кривое слово, то я позову Дурилу.

ОХРАНЯЙТЕ, АСПИДЫ, ЛЮЛЬКУ!..

Царь и Сотимус, войдя в покои, где повитуха держала на руках новорожденного, приостановились.

За занавеской лежала Меда.

— Слава богам! — воскликнула Каликрита. — Великое свершилось!

Стерев с глаз слезы, она поднесла новорожденного Сотимусу. Тот поцеловал меч и протянул сыну.

Спартак Младший дотронулся до оружия.

— Слава Гераклу! — выдохнул царь. — Да будет он крушить врагов медов, а особенно сынов волчицы!

Каликрита приподняла внука над собой и вышла на балкон.

— Вот он — Спартак Младший! Он уже держал в руках фракийский меч! Слава ему!

— Ула-ла! — понеслось вдоль каменной ограды.

— Слава!

— Слава Львенку!

— Слава новому Посеянному!

Плакальщицы зарыдали. Заломили руки черноплужницы, застучали мечами о щиты стражники на башнях. По городу раздался гром медных тазов.

— Эй, Муржо! — приказал царь, выйдя во двор. — Шли гонцов во все концы земли медов. Пусть все знают о нашем горе, до самых семивратных Фив!

Опустошили первый кратер¹.

— И все-таки в недобрый час появился этот кутенок, — стуча рогом о подошву сандалии, ознобисто прокудахтал Локр. — Не устоять медам перед Митридатом, и римляне в Филиппах готовят новый поход на нас.

— Сто лет готовят, — огрызнулся Рус. — Только не на ту кобылу нацелились.

— Македонцев сломили? И нас сломят! Слышал, собачья морда, у Прасиас-озера латиняне снова двух медов на костре подпалили?

— Видел! Спасибо нашим скакунам, сами кое-как из их рук ушли.

— Это еще Рим воюет с галлами. А вот стряхнут с копий рыжегривых, — булькнул князь, — и снова подавай им фракийских гладиаторов.

— Но нас поддержит Пантикапей, — вступил в разговор второй вельможа — Севт.

— Вымирают там ваши верные союзники, — огрызнулся Локр.

— Триста лет правили, — перебил его сосед — вислоухий хозяин рудника.

— А наши Спартаки имеют какое-нибудь отношения к пантикапейским? — спросил грек, почесывая красное пятно на руке.

¹ Кратер — сосуд, в котором вино смешивали с водой.

— Не знаю, — увильнул Локр, отсекая ножом кусок от туши жареного вепря.

— А почему новорожденного назвали Спартак? — поинтересовался перс — начальник наемных латников.

— Древний обычай: имя деда дают внуку, — стукнув рогом о стол, пояснил Локр.

— В гостях сидишь, а из своего рога пьешь, — упрекнул князя перс.

— Чтобы не отравили.

— Ты мудр, как Сфинкс!

— А могут? — боязливо уточнил хозяин рудника.

— Могут.

— И этого жеребеночка, благословленного солнцем?

— И само солнце соскоблят с неба. А этот сосунок, думаю, так в пеленках и умрет.

— Почему?

— Потому что скоро здесь будут пировать римляне. А они таких наследников распинают или продают в гладиаторы.

— И делают евнухами, — прибавил перс.

— Прикуси язык! — упрекнул Локр. — Ты что, оракул?

— Народ вы маленький, оттого и руки у вас уставшие. Сыны волчицы съедят вас, — не уступил перс.

— Но не их должен бояться этот щенок Спартак, — вильнул душой вельможа. — Щенку надо бояться родичей.

— Поэтому аспиды и будут охранять его колыбель? — усмехнулся грек.

— Это все придумал Муржо, — подмигивая чубатому, хихикнул Локр. — Он над вами имеет такую циклопическую силу, что ни одна из мойр не проникнет во дворец.

— Ула-ла, Муржо! Это ты возил двуглавого питона к жрицам в храм? От кого их наставница зачала: от змея или от тебя?

— В этом наш великий бог Залмоксис разберет-

ся... А вот тебе, Локр, выходит оставаться нищим, — ехидно ковырнул сердце князя один из старейшин.

— Тихо, — предупредил перс, — нас подслушивают.

— Кто?

— Панука. Бойтесь его, как ночных демонов.

— Артемида, помоги нам, — громко заговорил Локр. — Сотвори милость, отведи от медов всех циклопов, что распинаят наших братьев и слуг.

— О несчастный Спартак, — стал вторить князю перс, — почему ты родился в столь грязное время! — А в ухо Локра шепнул: — Если мы поможем тебе стать царем, чем отблагодаришь нас?

— Изгоню греков с рудников, их золото отдам вам, — обжег Локр соседа ответом.

— Умри! Умри и возвысься, как Орфей! — пропел начальник наемных латников, стирая кулаком слезы. Сидевшие рядом плакальщицы насторожились.

— Мойры уже допрядают нить! — крикнула Исмена, взглядываясь в перса.

— Придержи парик на лысине, — оборвал ее Локр. — Что здесь делают эти попрошайки? — крикнул он страже. — Рус, отведи старую кобылу на случку с ослом. Уходи, хромоногая песня... А ты останься, — усаживая на колени молодую плакальщицу, прошептал Локр. Мы с тобой станцуем. Ах ты, Змеиха-колдунья, заползла в душу и зацеловала мне сердце!

Панука, проходя рядами опьяневших, старательно прикрывал левую часть омертвевшего лица.

— Эй, философ! Правда, что твоя наука правильно называется фаллософией! — крикнул кто-то из горняков. — Поди сюда, посмейся с нами своим окаменевшим лицом. И пусть медузы лопнут от страха!

— Не трогайте его, он мудр, как Одиссей!

— Он предан царю!

Локр посмотрел в сторону софиста и поделился мыслью:

— Вот этого надо бы отравить.

Муржо объехал ближайшие деревни, окруженные высокими деревянными частоколами, и вернулся уже затемно. Не успел он спрыгнуть с коня, как подоспел Рус. Золотая серьга только и молвил:

— Зовут во дворец.

— Кто?

— Царь и Сотимус.

В комнате с низкой мебелью Муржо отвели красный угол.

Сотимус снял со стены меч в алмазах и протянул чубатому.

— Это тебе за все то, что ты сделал для нас.

— И за счастливый оракул, — добавил царь, протягивая мешочек с золотыми деньгами.

Муржо опустился на колени.

— Встань! — приказал Спартак Старший. — Вот так. Не тебе, воспитателю моего внука, рабствовать.

— Я — воспитатель Львенка? — спросил дак.

— Жалую! — благословил хозяин дворца. — Воспитай мне его воином, таким, как ты сам. А если свершится с ним какое змеиное лихо, то лучше сам зови в гости смерть.

— Залмоксисом клянусь, что никогда не подступит к нашему золотому Гроздючке Змей Змеевич! И пусть хоть сама Гера наведет на меня чары.

— Остановись! — сдержал царь чубатого. — Смотри, чтобы египетские аспиды всегда охраняли его люльку.

Муржо накрутил чуб на ухо, и какая-то лихая сила вынесла его во двор.

Фонарь было направился к улочке, где лопухо ютился домик с крышей, покрытой тонкими каменными плитами, но поводья указали коню иной путь, путь к тому далекому дому, в котором была припрятана украденная жрица.

Набросив на пленницу долгополую накидку, счастливцев подвез ее к дому грека-каменотеса.

Глянув на товар, тот не торгуясь отсыпал несколько горстей серебра.

Муржо помог запереть разъярившуюся красавицу в сарай, предупредив каменотеса, чтобы тот молчал о покупке.

— А она? — кивнул грек в сторону двери.

— Три дня не корми, а потом задари всем, чем надо. Тиха будет, как овца, — посоветовал чубатый.

Смешав золото царя с серебром каменотеса, Муржо улыбнулся и поскакал к дому Руса. Затем они направились к таверне, вспоминая события прошедших дней.

Стены питейного заведения были обложены грубо обработанным горным камнем. Тут и там виднелись звериные шкуры, персидские ковры.

Рус, навалившись на низенький столик, повел усами и предложил:

— Первый тост за нашего золотого Гроздючку.

— Да хранит нас Залмоксис! — поддержал дак.

* * *

Вот уже несколько дней, как по всем улицам и проулкам Яворины пламенно гудело гульбище.

После дней оплакивания радость затопила крепость. На площади и базаре всех угощали вином и едой.

На столах, врытых в землю, высилось вареное, копченое, томленое. Осоловело гудели барабаны, повизгивали флейты, рыдали свирели и звонко металы в толпу серебро звуков кифары.

Заезжие канатоходцы, натянув связанные тирсы, ходили по ним голыми, изображая пьяных сатиров. Пели цыгане, пыхтели на песке борцы и охали кулачные бойцы.

По дворцу и вдоль соседних улиц раскатывали телеги, наполненные овощами и фруктами. И только охрана на стенах города трезво выхаживала, внимательно оглядывая сутулые горные дали.

На женской половине дворца, где все вершила Каликрита, челядь одаривали полотном, одеждой, коврами. Плакальщицам дарили золото.

Каликрита виновных миловала и прощала, следила за тем, как ставились хлеба, запекалась птица.

Снаряжали новый обоз подарков в Амфипольский храм — дар в честь новорожденного.

Главная жрица просила, чтобы все это привез Муржо.

— Хитра эллинка.

— Хитра, отец! — вздохнула Каликрита. — Уж очень он жгуч, этот змей чубатый. Не ошибся ли ты, назначив дака воспитателем?

— Нет. Пусть и Спартак воспитывается таким же отчаянным.

Меда утопала в цветах. По обычаю ребенка надо было сорок дней прятать в темноте, но внук так пришелся по душе деду, что царица решила нарушить древний запрет.

— Пусть порадуетя вместе с нами, — приказал царь Каликрите. — Одним грехом на моей душе будет больше.

И старческое лицо млело от великого счастья, видя, как неразумное дитя тянулось к его бороде.

— Спеленать надо, не нагрязнула бы Змеиха, — настаивала Каликрита.

— Ничего. Посмотри, как спокойны аспиды.

ОБЕЗДОЛЕННАЯ ПОВИТУХА

Старая плакальщица, пристраиваясь у поленницы дров, рассматривала подаренный браслет. Подошла вторая.

— Упустила селезня с золотыми крыльями? — спросила Исмена.

— Опоила, как Аполлон мойр, и улетела.

— Не посмотрела, что в мошне у него было?

— Пуст он, как старый мех из-под вина.

— Посмотри, какая красота глазам здесь откры-

вается — лес. В Амфиполе одни камни, а здесь как на Олимпе.

— В Амфиполе люди на свободе.

Отряхнув кружевные оторочки, Исмена приподнялась, нагнулась за кувшином. А сделав несколько крупных глотков, поделилась:

— Вино медов самое лучшее во Фракии. Видно, они хорошо знают законы получения вина. Вот земля медов и зовется страной благородных трав. Слышала, как Каликрита разговаривает с аспидами?

— А как аспиды своих от отличают? — вопросом на вопрос ответила Родопа.

— Капнут тебе отваром на сандалию, а змеи этот запах знают, вот они и подпускают к люльке.

— А ты говоришь, что меды разбойники, а они вон какие хитрости таят... Исмена, а меды чьих богов дети?

— Разное твердят, кое-кто утверждает, что их предками были пеоны.

— Те, что по дорогам на столбах Солнце привешивают?

— Да. А кто говорит, что они из тевкров, тех, что в Эфиопии жили. А там кто их разберет. Локр тебе денег дал?

— У меня просил.

— Пес нищий. Поди принеси еды с кухни. Зубы у меня еще молодые.

— Боязно, Исмена. Такое между гостями затеялось, что и подойти страшно.

— Они такие, медузы дети. Я их знаю: сколько раз у них роды принимала... А теперь руки не те, голова трясется, вот и обездолила меня судьба. Я и Сотимуса у Каликриты принимала. Да разве бы я тогда Локра упустила. Он бы все карманы у соседей выгреб, а со мной остался.

— Скажи, мать Исмена, а у Эриний¹ волосы тоже были змеиные, как и у Медуз?

— Так говорят мифы, Родопа.

¹ Эринии — греческие богини мести.

— А правда, что Эринии произошли из крови оскопленного Урана?

— Иди принеси какой-нибудь печености. И не забудь нарезанных апельсинов — золотых яблок Атласа. А этих высоконогих не бойся: распищатся, как вино молодое, а потом зацелуют.

На лопуховых листьях Родопа принесла мяса, хлеба и фруктов.

— Да благословит святой Хер этого новорожденного Спартачка, — выламывая ногу у цыпленка, позаботилась старуха. — В баню бы сходить, а то запылилась, как в каменоломнях. Была в персидских банях? Зря. Персы хорошо разминают.

Донеслась музыка. Закружилось хоро. Черноплужники стали прыгать через костры. Торговка шерстью на соседнем базаре трясла жирными коленками перед заезжим греком, не замечая острых взглядов перса — предводителя наемников.

— Исмена, а что ты еще знаешь об этом доме?

— Царя Спартака знаю.

— Много у него белых денег?

— Но больше забот и горя, дорогая ты моя сердинка. Это только сегодня у него звонкоголосая радость. А так-то у него на душе холодный хрусталь. Стань гетерой и сама услышишь звон многих слезных денег.

— «Стань гетерой». Хорошо сказать, а где для этого я возьму всего. Учеба дорого стоит. Языков не знаю, на музыке играть не умею.

Старуха сняла парик, почесала плешистую голову и веточкой почистила под ногтями.

— Не всем принимать римских императоров. Будешь ездить на гастроли в Азию. Может быть, выйдешь замуж. Там много всяких черных деспотов. Вот и станешь повелительницей. Теперь многие медийки так делают. Захватывают римляне их земли, вот и жмутся в городах цветочницами.

— А если чем нехорошим заболеешь?

— Тогда сгниешь в ослиной яме, рядом с падалью... Я-то вот не заболела, живу.

— Таинство, наверное, знаешь?

— Знаю. И уже больного никогда к себе не подпускала.

— А как ты определяла, что гость твой не был связан с Венерой?

— Станешь гетерой, тогда и открою тайну. А здесь скоро будет плохо, Родопа. Меды-разбойники никого не признают, они лучше бросятся головой вниз с обрыва, чем допустят римлян хозяевами в их земли. Под латинянами они никогда не будут.

Родопа поправила на груди крылатого льва и поинтересовалась:

— А Локр все о каком-то походе кричал.

— Локр! Этот Локр — Геракл ослепленный. Я принимала у него внука, так он насыпал торбу ячменя и еще стал уверять, что дорого беру. Ему ночью на дороге купцов грабить.

Исмена оскоблила зубами косточку, примостилась в тени и сладко захрапела.

— Родопа, — неожиданно окликнула старуха, — можешь ночью одна с больной роженицей справиться?

— С какой?

— С Медой.

— Страшновато.

— Каликрита просила меня, а я на тебя перевела.

Это голос богов.

— А гермафродитка?

— Что принимала роды?

— Да. Вон как они ее одарили.

Исмена рыгнула и утомленно повела глазами.

— Боятся они, что эта богиня с усами подкуплена и что природнит еще к этому делу черного свата.

— А ты сама?

— Сама я была, когда на меня не мог просто смотреть сам Спартак Старший: горячая я была тогда в ласке. А наряды какие у меня были: десять эллинок против меня не могли устоять. А теперь нагишом стоять стыдно: все мое обвисло и пережевано, не кожа, а старая овчина. Вот, глянь. — Плакальщица выплеснула из-под одежды груди, похожие на двух раздавленных лягушек.

— А ну-ка покажи свои! — приказала старуха.

Родопа выпустила одного розовенького голу-бенка.

Исмена дотянулась до него, погладила.

— Ах ты, мой белый арапчонок! Засветятся еще над тобой драгоценные камни. Эко, сколько соколов вопьются руками в такую добычу. Смотри не поддайся, — предупредила Исмена. — Пусть хоть позовет тебя сам Сотимус или этот стрепет Муржо. Каким бы золотым солнцем тебя ни ослепляли, не усыхай духом, а то Каликрита бросит в колодец.

— А может, лучше и не ходить? — испуганно посоветовалась Родопа.

— Ты бедная. А тут, может быть, и получишь свое алмазное яблочко, чтобы стать гетерой. Иди и всю ночь не спи, стереги колыбель. Следи за аспидами, они-то тонко чуют подлость.

Исмена одернула кружевное шитье, причесала парик и как-то по-змеиному холодно и ядовито посмотрела на площадь, где шумело между каменными стенами дворцовое торжество.

Доносились крики, песни. На базарной площади ухал барабан, глухо и размеренно, будто кто-то ронял на землю огромные арбузы.

У бочек с вином, сидя на чурбаке, Локр никак не мог договорить желаемого: выпитое властно бродило в нем, отделив разум от речи. Что-то слюнявое, хрипастое пенилось на его губах, билось, словно курица со связанными ногами, но так и не могло вылететь изо рта.

Исмена толкнула соседку и заметила:

— Посмотри на Локра: вельможа, а порты мокрые. Позвать бы слуг, пусть обмоют.

Родопа хотела выполнить просьбу покровительницы, но та опередила:

— Сиди. Сейчас я припомню ему ту торбу ячменя. Эй, Муржо! — позвала она. Красавец подошел.

— Смотри, — кивнув в сторону Локра, усмехнулась старуха. — Прикажи, пусть слуги обмоют.

— Зачем?

— Вельможа все-таки.

— Вот пусть все и видят, какой он, а то ему наш царь хуже упрямого сокола.

— Смотри, тебе виднее.

— Ничего, пусть в пыли катается. Пусть люди знают, с какой они девичьей совестью дело имеют. Эй, Рус — Золотая серьга, иди, полюбуйся на наш сладкий сон! Вот он, герой побед над латинянами. Валяется, как осел, в пыли!

Рус закинул ручищи за голову и залился хохотом.

А Локр, пытаясь снять с себя одежду, все вспоминал и вспоминал Третью македонскую войну с римлянами.

— Что это за зеленая трава у него во рту, которую этот мерин никак не прожует? — спросил Золотая серьга. — И зачем она ему далась?

— Третья македонская война? — отозвался Муржо.

— А я знаю.

— Чего тут знать, вон он — кифарист, отсыпь ему белых денег, он и споет об этой войне. Многие помнят о ней. А пока скажи своим конюхам, пусть обмоют этого сокола.

— А если позвать Дурилу?

— И это хорошо. Пусть перенесет Локра в прохладу, а старая Рага сделает ему отваров. Не помер бы. Пиров впереди много, а он уже прокис.

Позвав Грюю и конюхов, Рус подошел к кифаристу, положил ему на колено деньги и попросил спеть о Третьей войне македонцев с латинянами.

Морщинистые пальцы ринулись по струнам. Напряглась измочаленная солнцем шея. Голос, мягкий, как мотки нитей дубового шелкопряда, звонко колыхнулся в мареве дня.

И вот о чем поведал певец.

Как-то сын македонского царя Филиппа Персей поднялся против римлян, уговорив на войну и фракийцев. Но консул Марций Филипп так умело командовал своими легионами, что Персею пришлось бежать, бросив деньги в море. Царя Македонии легионеры пленили и провели в дни триумфа по форуму Рима, сопровождая трофеями. С тех пор и гуляли по медийским тавернам песни о горцах, павших в

боях за свободу. И не вытравить, и не запретить было их.

Гудели струны кифар, повенчанных с такими словами, что вставала после них в горячих сердцах злоба против сынов волчицы.

Вот и теперь ведет по струнам лысая голова, ведет по натянутым бычьим жилам заскорузлыми пальцами, приголубливает копыеносцев, а сам ловко подливает в их души огонь — слова, от которых и гнет, и ломает.

За это несут старцу всего и всякого: кто горсть денег, кто вина фиал.

Плакал, сидя у ног кифариста, и Рус. Ему, бывшему гладиатору, было что вспомнить под эту песню. Он хорошо еще помнил, как травил его зверями в цирке Филипп, одев в панцирь смертника. Спасибо Муржо, что помог бежать от римлян.

Хотел Золотая серьга что-то сказать, но одернули:

— Тихо ты, сокол разноперый, не мешай народному плачу. Помолчи рядом со всеми. Лучше вспомни тех, кому не радоваться больше белому свету.

А кифарист — закаленный боец пирровых сражений — так и метил словом-дротиком в сердца медов, опустивших головы.

Сыплет старая борода на все четыре стороны свои песни, словно серебряные деньги, заворачивает, вспоминая те алмазные деньки, когда в Македонии захватил власть Андриск, валяльщик шерсти, выдававший себя за сына Персея, — деньки, когда простые черноплужники и мастеровые хлебнули свободы полный рот. Напелись, натанцевались и налюбились.

Приумолкла кифара. Отпив из фляги, ее хозяин усмехнулся, положив перед собой странного идола: голова у чудища баранья, груди словно у вдовицы, а все остальное такое безобразно большое, что сразу приковало глаза молодежи и старых дев.

Пировавшие приутихли, глядя на чужеземное диво.

— Вот это вещь! — воскликнула торговка шерстью — одинокая женщина. — И впереди всего

много — и сзади! Если ночью приползет, никаким помелом не отбиться.

— Купите, — предложил музыкант.

— Вот и возьму, — согласилась торговка.

— Петь? — обрадованно спросил старик у Руса.

— Пой, только о том, как вели Андриска по Риму в оковах, как даже нищие плевали на него, — попросил подошедший Муржо. — Пусть все знают, как римляне развесили латы фракийцев в своих храмах.

Показался Локр. Опускаясь на землю, сказал вроде бы и прямо, но глаза скосил:

— Прости меня, наше великое начало, но я скажу тебе как перед самой смертью: не хочу, чтобы внук царя мучился нашей жизнью. Пусть эти два аспиды, что берегут его, накинутся на Львенка, как змеи, что напали на Геракла... Пойми ты меня, дикий дак, обносила моя дружина. Посмотри: и я одет как последний черноплужник.

— Купцы ли на дорогах повымирили? — упрекнул Муржо. — Вынь из ножен свой бронзовый коготь и взмахни точно крыльями. Нет, Локр, не злость тебя сжигает, ты ровня сыновьям Иулы, — зависть тебя сжигает в ожидании царя.

— Меня бы на место царя, повел бы я медов на римские золотые копи, а там под прикрытием архонта Боспорского посмотрели бы мы, какого цвета у легионеров сердца. Веди нас, Арес, к добыче!

— Ты думаешь, что умнее царя? — заступился за хозяина Золотая серьга.

— Моложе!

— А Сотимус?

— Этот возле юбки. А нам нужна рука, как у Митридата. Нам, как ахейцам, надо занимать свою Трою.

— Чтобы кровью медов завоевывать тебе богатство? — спросил, появившись, хозяин дворца.

— Или нас съедят дети волчицы.

— Эй, Муржо, пусть поднесут еще всего и всякого. От такого разговора в горле печет, — признался Спартак Старший, управляя золотую бороду.

Локр замотал головой, как осел у брода.

Севт поправил кинжал, добыл из шелкового кармана флягу и протянул Локру.

— Ты еще можешь отличить разумное от глупого? — спросил царь. — Перед тобой я, царь, рухнули бы на тебя вершины Орбелуса¹!

— Я не о себе, я о Медике. Дружина обносилась. У одрисов оружие в камнях и золоте, а у нас и в праздник мамалыга на пустой воде. Вам хорошо: и скот, и кони, и виноградники. А вот если бы висел только меч на голом животе, тогда как? Золотые рудники нам нужны, царь, рудники!

— Ты не полынным ли вином упился, что не сидится тебе спокойно на месте?

Локр усмехнулся:

— Смотри, Севт, у собаки хвост длинный, но и та поджимает.

— Не взбрыкивай, — встал на пути вельможи Севт. — Думаешь, не знаем, что в Амфиполе гетерам коней на розовые деньги покупаешь?

— Покусили бы тебя змеи! — кинулся Локр на противника. — Не с тобой мне хотелось бы говорить об этом. А если хочешь, выйдем бороться кость на кость. Там я тебе и отвечу, кто из нас мед.

Локр, сверкнув глазами, вскочил на коня.

Севт метнул ему вдогонку:

— Косится на власть царя, а есть ли у него для этого три сердца? В одном и то колышутся черви!

Губы Локра, словно два сокола, взмыли, разлетелись, готовые снова вступить в бой, но встал между врагами Муржо.

— Вот я вас и спрашиваю: надо было родиться Львенку, когда меды между собой грызутся, как вебри из-за матки?

— Надо, — донеслось в ответ. — Род Спартаков крепок умом и мечом. Под их властью людям спокойно.

Муржо оправил украшения на коне вельможи.

¹ Орбелус — древнее название Пиринских гор на Балканах.

— Локр, ты слышал, что у Прасиас-озера римляне снова распяли трех медов? У кого хватит сил отомстить за это? У тебя? Или у Севта?

— И до них доберутся боги! — возразил Локр. — Не мстить надо, а идти походом против римлян в Македонию. Наши братья истекают кровью, а мы, как черноплужницы на базаре, ругаемся, задрав подолы. Почему мы медлим с походом?

— Потому что всякому курчонку понятно, что ты хочешь идти в поход, чтобы нахватать в нем денег.

— Да поймите вы, что, пока Рим возится с галлами, он не имеет возможности воевать во Фракии. Кто из вас знает Марка Порция — трибуна пятого легиона в Филиппах?

— Ну и что? Видел я этого быка на базаре в Амфиполе. Это у него челюсть вывернута, как у верблюда?

— Этот верблюд готовит нам железное стойло. И чувствует мое сердце, что мойры допрядают нить наших жизней.

Рус, стоявший около коня Локра, задумчиво добавил:

— Мы, как ядро в скорлупе ореха: Рим с одной стороны, Митридат — с другой.

— А одрисы, — добавил Муржо, — это ведь тоже арбуз зеленый, если упадет на ногу, то нахромаешься.

— Предали нас одрисы, — угрюмо заключил Золотая серьга. — А в Египте снова заварилась черная оспа, и опять враг на нашу голову.

— Послушайте, мы собрались на веселье или на похороны? — вдруг крикнул кто-то длинноногий.

— Эх вы! Нужно ли было родиться царскому внуку, чтобы вам тут переругиваться!

— Пусть растет себе и правит, как дед его, славный Спартак Старший! Эгей, флейтисты, сильнее надувайте щеки!

Мимо споривших пронеслась плотная стена танцующих.

БЕЛАЯ ЛАСТОЧКА

Гинекей¹ жил своей кропотливой жизнью: поднимались рано, ложились спать поздно.

Грозный голос Каликриты метался по жилью, как раненый орел по скалам.

Меда следила за прядильщицами, чесальщицами и ткачихами. Все эти ремесла она знала хорошо, потому что еще в доме отца научилась многому.

Поднявшись с ложа, она одевалась с помощью Родопы, которую оставила около себя после памятной ночи у люльки сына, и шла по дворцу, распорядясь.

А в залах и кладовых, в мастерских и на кухне жизнь стучала, как сердце в груди: кто дробил жерновами пшеницу, кто выпекал хлеба, кто чесал шерсть, кто ткал одежды.

Подгоняя работниц, Каликрита поучала:

— Труд никакой не позорен, позорно одно лишь безделье!

Если этого было мало, она добавляла, глядя на провинившихся:

— Работают все, даже боги на Олимпе! А вы! Гефест — бог, и какой великий мастер.

— Мастер! — оголяясь, чтобы принять удары за провинность, ругались женщины. — Щиты ковать...

— А кто двери сделал Гере с тайным замком? — водопадно обрушивалась Каликрита. — Если бы ты так работала, как Гефест, тебя бы не пороли, как сейчас это будет. Надо же, целая яма вина из-за твоей нерадивости закисло.

— Прости, золотце Каликрита!

— Кайся!.. А ты бей! — приказывала старуха Дуриле.

* * *

Под заботливым глазом Каликриты и грозным оком Муржо Спартак рос раскидистым явором.

¹ Гинекей — женская половина дома.

Муржо старательно приучал его к ратному делу с помощью забав.

Земля медов, зацепившаяся за горы, как гнездо орла, все эти годы продолжала жить своими трудными заботами: селяне растили пшеницу, овчары выпасали стада, воины упражнялись в своем ратном ремесле, не спуская глаз с римских легионеров, стоявших лагерем в соседней Македонии. Несколько раз ходили они в походы на сыновей волчицы, и те тоже задирали медов, выгрызая у них куски пожирнее.

В потоке этих забот и тревог тянулся к солнцу и златоголовый внучек Каликрита.

— А правда, что Аполлон был пастухом, а Геракл — простым каменщиком в Трое? — выхлебывал Львенок из царицы. Та объясняла как могла, чувствуя, что наступает пора переводить ребенка на мужскую половину.

В бане, куда Меда брала с собой сына, Гроздяночка стал посматривать не туда, куда надо. И Родоппа жаловалась на это.

Стараясь отогнать от себя мысли о расставании с внуком, Каликрита громко кричала на прислугу:

— Да онемеют у вас руки! Сильнее трите полотно маслом, тогда оно лучше заблестит.

Как-то подошел Львенок: глаза голубые, солнечные кудельки на голове.

— Все работают, — мурлыкнула ему царица, — а ты, моя Гроздяночка, почему не занят делом? Аполлон с Посейдоном — боги, а и те по приказанию Зевса в Трое год работали за уплату. А Ликаон и Парис ветки срубали со смоковниц. Вот и ты скоро пойдешь на мужскую половину, а чем там похвалишься?

— К кому пойду — к Пануке или Муржо?

— Заставят тебя там учить грамматику, чтоб ее порвали афры бритоголовые.

— А скакать Муржо научит?

— Не ленись. Вот когда меня сватать приехали, так я все умела: из лука стрелять, конем править, мечом головы срубать.

— А по грамматике эпизодии могла читать? Гомера зубрила?

— Учила.

— Прочти сейчас.

— Некогда, надо заканчивать работу. Поди сними с фитилей нагары.

Родоба помогла Меде снять одежду и присела около Спартака. Распустив волосы, Меда расчесывала их гребнем, выпиленным из панциря черепахи.

Пламя светильника покачивалось, приглашая к задушевной беседе.

Женщины стали судачить о разном. Неожиданно Меда спросила:

— Родоба, давно во мне зреет любопытство: как ты попала в плакальщицы? Ведь ты медийка?

— Да, госпожа. Это страшная история. Стоит ли о ней говорить на ночь? Приснятся еще нашему Львенку кошмары.

— А ты Расскажи, Расскажи, — пощекотала Меда.

В горах метнулась молния, сипло закудахтал гром. По двору, вымощенному тесаными плитами, словно кто-то стал разбрасывать деньги — упали первые капли дождя. Под окном зашелестел виноградник, видневшийся в темноте длиннохвостым чудищем.

Родоба дотронулась до прически и начала тихо и ласково:

— Мать говорила, что родилась я от отца-венед¹. А у них, у венедов, такой обычай: рождение ребенка не обязывает быть мужем и женой.

— Как это, Родопочка?

— Такие вот порядки. У них если молодница пришла в семью, то отцом ребенка считается старший брат. Вот отца своего я и не знаю. Потому как все мужчины должны познать ту, которую семья приня-

¹ Венеды — восточноевропейское племя. Венеды считаются предками славян.

ла. Так что мидийка я только по матери, а по отцу кровь моя от венецов.

— А чем же он занимался здесь?

— Говорят, разводил овец, хорошо играл на свирели. Мать рассказывала, что только он и дудел в Дионисии. Как задует, засвистит, да так ловко, словно сам Пан в лесу. Мать говорила, что сначала хорошо жили: пшеницы нажнут, вина надавят и по праздникам хороводят.

Спартак, прислонившись к стене, внимательно слушал кормилицу, похрустывая сливами.

— Только скоро все это кончилось: напали на село эти оборотни — легионеры. Все выгребли, потоптали. Матери грудь до горла разрезали, а меня в Амфиполе храм из плена выкупил.

— Ну а в храме как: делу учили или только тело не жили?

— Молились, — подтянув колени к подбородку, простонала Родопа. — Таинствам учили. А еще делали мы лекарства и яды. Училась говорить со змеями и травами. А потом я и стала плакальщицей. Часть денег отдаю храму.

Родопа накрыла Львенка овчиной, погасила светильник и направилась к лежанке.

— Родопа, — тихо продолжала расспрашивать Меда, — ты девушка?

Служанка промолчала. Потом тихо заплакала.

— Было у меня свое светило. Такой в плечах красавец, что многие завидовали. Живым его легионеры сварили... Скажи, госпожа Меда, а ты по своему желанию вышла замуж во дворец?

— Просватали, и вышла.

— А у тебя было светило?

Меда привстала, откинула шкуру оленя и приложила к подбородку белолебяжьих руки.

— Эко запалила ты мне душу, Родопа. Правда, в тебе есть что-то от чародейства: спрашиваешь тихо, а душа звучит, как щит меченосца. Спи. И пусть снится тебе хорошая доля... Нельзя нам об этом вспоминать. А как бы хотелось побежать на ту полянку, где

когда-то цветы для венков рвали. Родопа, спишь? Родопа?

— Слышу, слышу, белая моя ласточка. А как ты, госпожа, с Сотимусом повстречалась: сваты были, или вас вечер повенчал?

Закричали аисты. Испуганно захлопали крыльями утки. Сквозь вязкую темень ночи высветились пригоршни звезд.

— Родопочка, счастье ты мое блескучее, расскажу я тебе то, о чем никто не ведает. Очень ты мне по душе пришлась... Приехали мы в лес за цветами. Вышла я на полянку, тут мне руки и начали вязать три латинянина. А вожак их стал ко мне припрягаться. «Очень ты, — говорит, — красивая. Стань, — говорит, — моей Европой. Я тебе и пятки поскребу и руки золотить буду». Испугалась я — и кричать. Тут Сотимус и выхватил меня из плена, завернул в свою накидку. Вот я и стала у этого солнца луной.

ДЕЛЬФИН С КЛЕШНЯМИ РАКА

Сразу после жатвы в горах выпал снег. Пришлось быков впрягать по четверо, так как сено к овчарням с полонин свозили большими копнами.

Во дворце стало холодно. На окна натянули бычьи пузыри, затопили очаги. Из сундуков и хранилищ добыли одежды, подбитые мехом. Обулись в сапоги.

Спартаку разрешили под присмотром Муржо кататься на санках, которые смастерил Рус.

Львенок брался за веревку, напоминавшую узду коня, и волочил санки на вершину соседнего холма. А потом, сев на них, как на осла — свесив ноги, мчался вниз, захлебываясь радостным смехом. Внизу его ждал Муржо.

Как-то Муржо привел его мокрым от снега. Меда раздела сына, усадила у огня. Каликрита стала ругать наставника, что-де плохо смотрел за малым.

Тот, накручивая чуб на ухо, хитровато подмигивал Гроздяночке.

Вошла Родопа, сказав, что Золотая серьга привез Спартаку какой-то подарок.

— Волчонка! — обрадовался Гроздяночка.

— Не знаю, не говорит. Сейчас сам принесет.

Рус вошел с мороза лицом красный. Громко стуча ладонями, он наполнил покои запахом чесночной похлебки.

— А ну-ка, Гроздяночка Спартак, посмотри сюда, — попросил он, высвобождая из мешка лангуста размером с два локтя.

— Спаси нас, Артемида! — испугалась Родопа.

— Его, наверное, запрягали в колесницу самой Кибелы! — удивилась Меда.

— Провалиться мне в Тартар, — отозвался Муржо, — если этот Циклоп не возил в море самого Посейдона!

Спартак боязливо дотронулся до клешни, походившей на секиру.

— Гав, гав! — пролаял Рус. Спартак отдернул руку.

— Вот какой дельфин с клешнями мне попался, — похвалился Золотая серьга.

— А где ты взял этого дракона? Ведь ты обещал волчонка? — спросил Спартак.

Великан усмехнулся:

— Пусть меня осмоят на огне, если только это не тот же волк, только со дна моря. Если его приковать цепью к воротам, то в них не войдет ни один из сынов волчицы, будь они прокляты!

— Где же ты раздобыл этого Цербера? — не выдержал Муржо.

Великан поправил бороду, передернул бровями, притирая пальцем ноздрю.

— Днями боги подсказали мне во сне, что на меня перевернутся сани с навозом. Я сходил к Пануке за оракулом. Грек сказал, что это к большим деньгам. А то младшая жена моя совсем засмеяла за бедность. Вот я и собрался на Янтарную дорогу. Кинулся в повозку одного толстобрюхого купца, а там лежит вот этот дельфин с клешнями.

— Царь запретил ходить в набеги, — упрекнула

Каликрита. — Мы что, римляне? Опять скажут, что Спартак правит разбойниками.

— Кто скажет, мать Каликрита? Римляне? — вспыхнул Золотая серьга. — А они сами опять пожгли у Прасиас-озера двух овчаров. Привязали к бревну, как куски мяса, и опалили. Совсем медов затравили, как гладиаторов в цирке.

Спартак Младший застыл у очага, удивленно смотря на говорившего. Его детские глаза расширились, рот сжался, уши наострились.

— Рус, а разве можно опаливать живых людей? — со слезами на глазах спросил мальчик. — Ведь это очень больно.

— Можно, Гроздяночка, можно. Легионеры это делают. И зверьми травят в амфитеатрах.

— А что такое амфитеатр?

— Дом такой, где римляне стравливают диких зверей и наших родных братьев — фракийцев.

— А медов?

— Вот и меня травили.

— А как?

— Не хотел я убивать своего брата, так они стали прижигать нас раскаленным железом.

— И ты убил?

— Убил, — признался Рус.

Взрослые замолчали. Муржо приподнял Спартак над собой и добавил:

— Станешь выше Орбелуса, тогда и поймешь, почему римляне так ненавидят медов... Ну-ка садись на этого клешненого дельфина и дергай за усы, как за поводья.

Спартак обхватил рака ногами. Золотая серьга подал плетку, и мальчик стал нахлестывать своего скакуна, заливаясь смехом.

— Ула-ла! — подлаживаясь, подбадривал Муржо.

— Ула-ла! — вторил Львенок.

— А ну-ка руби латинян! — крикнул Рус, вкладывая в руку Спартак кинжал.

— Вот и молодец! — поощрил чубатый воспитатель.

Каликрита покосилась в сторону Муржо: не зря,

видно, царь приставил к внуку этого дака: молодец — умело выращивает воина из Львенка.

А Спартак, не унимаясь, размахивал оружием.

— Муржо, поведай нам о даках, — попросил Спартак.

Разматывая чуб, Муржо улыбнулся и рокотнул:

— Живут они вдоль по Истру. Разводят виноградники. Два раза вырубали их, чтобы не упиваться. А я ушел от них к роксоланам в наемники и попал в плен к медам. А те пленных не держат: или женись, или давай выкуп. Вот я здесь и угнезвился.

Стало слышно, как зазвенела цепь колодца — поднимали воду для коней. На базарной площади шумела толпа. Завизжала торговка шерстью. Высокая, толстая, она накинулась на базарного старшину, обвиняя его в том, что он лучшие места продает грекам.

— Пусть лемуры терзают твою душу! Эй, Робромакедонец, чтоб ты лопнул от вина! Скажи этому вдовцу, что не отлить ему из наших слез золотого дома, как не завоевать римлянам медов. Не воевать ему надо на базаре, а сесть на коня да гонять латинян вместе с дружиной.

Старшина — слон слонем — молча пересчитывал деньги, укладывая их в огромную мошну.

У входа на базар торчало несколько бревен, за ними тянулись прилавки, лоснившиеся от жира и виноградного сока. Несколько дуралеев, развалившись на шкурах, хлестали себя ручищами, отгоняя мух.

Молодухи с натертыми красной свеклой щеками протягивали прохожим плетеные корзины, в которых серебрились поделки.

Но вот цокнуло копыто, буранчиком взвихрился хвост коня Золотой серьги. Подкинув в седло одну из торговых, Рус сочно поцеловал ее.

— Вот они, золотые деньги! — похвалился воин.

Радостнее заворожила свирель, соединяя в танце несколько человек. К ним пристроились, бросив свое деревянное корыто, какая-то простушка, пастух с ножницами для стрижки овец.

Двое греков хотели уложить торговку шерстью на арбу, но им помешал Робро, у которого кисти были отрублены римлянами.

Греки позвали своих. Рядом с македонцем встал Рус. От ворот дворца побежала стража, подгоняя толпу ножами и тупыми концами копий.

— Пошли к Муржо, — предложил Золотая серьга безрукому Робро.

— А что там? — полюбопытствовал македонец, выплевывая зуб.

— Мамалыга с выжирками!

Улыбнулись.

— Хорошо, — согласился пострадавший.

Сели на коней.

В доме Муржо старик-кифарист пел Спартаку.

Темнота заполняла комнату все больше и больше.

— А о Македонии ты знаешь песни? — спросил Робро у кифариста.

— Столько, что можно петь два дня и две ночи, — подзадорил старик силача.

— Возьми из-за пояса монету, — попросил безрукий Спартака. — Передай этому достойному мужу.

— Спой, как Александр воевал с трибаллами, хотя рана трясла его, как африканская лихоманка.

Вошел Муржо с блюдом жаркого.

— Почему лица у вас уставшие, братья? Не крикнуть ли женщин, чтоб помыли ноги? Что смотришь на меня, Робро?

— Сегодня у нас в даве¹ римляне запрягли в телегу мою мать с сестрой и заставили возить лес с полонины. Вот и засел я с утра у вас в таверне, чтобы горе вином разбавить.

— Ворвались эти волки в стадо, рвут направо и налево! — возмутился Муржо, подвигая македонцу блюдо.

Спартак сидел в стороне от взрослых, ошипывая кисточку винограда.

Воины сгрудились над едой.

— Львенок, — повернувшись, обратился македо-

¹ Д а в — селение.

нец, — а ты чего? Подвигайся ближе, бери свою долю. Муржо, дай Гроздяночке место. Хлеба наломай. Вот так, теперь и он среди нас равный.

Мальчик надкусил головку сырого лука, обмакивая горбушку в озерцо бараньего жира.

— Да защитит тебя Зевс, — благословил македонец юношу.

СМЕРТЬ БОСПОРСКОГО АРХОНТА

Гонец привез горестную весть: в Пантикапее вспыхнуло восстание. Окружив крепость, базарная чернь потребовала смерти архонта, что родом был из боспорских Спартаков.

Царь выслушал новость, приказал созвать вельмож и старейшин.

Устроившись на троне, предводитель медов стал осматривать прибывших: на многих одежда поблескивала золотом и серебром.

Спартак Старший думал, глядя на родичей. Он не знал, как начать разговор. Конечно, события в Пантикапее не обошлись без Митридата, а может быть, и Рима. И хотя боспорские Спартаки и не имели никакого отношения к медам, но что-то обидное не покидало душу опытного правителя. Он-то знал, как легко было говорить и с римским сенатом, и с Митридатом, и с одрисами, имея поддержку в Пантикапее у Спартаков. Хотя, как говорит Гераклит: холодное теплеет, а теплое холодеет, но все-таки долгое время боспорские Спартаки помогали Медике.

— Братья! — призвал царь. — Мне сообщили, что в Пантикапее чернь взбунтовалась и захватила власть, убив архонта.

— И в Аттике! — добавил Севт.

— И в Сицилии толпа взялась за оружие! — предупредил начальник наемных латников.

— А в Амфиполе ливийцы и фригийцы ходят по улицам, призывая грабить лавки купцов, — хмыкнул Локр. — Скоро и мы этого дождемся.

— Все это я знаю, — приостановил царь говорив-

ших. — Только меня больше настораживает Пантикапей, этот пирог с ядовитой начинкой.

Поднялся Локр.

— Владыка, говорят, что Митридат просит нас скрепить с ним союз против римлян... Так ли это?

Старый полководец знал, для чего был задан этот вопрос: Локра не интересовал союз медов с Митридатом, ему хотелось показать собравшимся, что в большой политике он ровня повелителю.

Молчал Спартак Старший, молчал Локр.

— Экий же ты буйвол русский, — выругался царь. — Хочешь снова втянуть страну медов в свои темные дела. Недавно уже было такое. Хотя и можно было бы сходить в поход: вон трибаллы и бессы сбивают головы друг другу, чтобы носить шелковые наряды, но у них нет за спиной сынов Иула, как у нас. А пусти дружину в набег, они сразу появятся у стен Яворины.

Спартак положил ладонь на стол, растопырив пальцы, и стал быстро втыкать кинжал между ними. Игру эту он любил с детства.

— А накормят нас в этом доме или нет? — добыв из-за пояса рог, съязвил Локр.

— Да, мороз сегодня бронзу ломает, — поддержал Севт. — Неплохо бы и закусить.

Царь упрек принял.

— Муржо! — позвал Спартак Старший. — Готово ли все, что нужно?

— Прикажи, добрейший!

— Вносите.

Двери распахнулись, и слуги вошли с низкими столиками.

— Ну, — подмигнув Русу, гоготнул Севт, — заткнули дыру в мешке.

Ели и пили до отвала. Голоса становились все утробнее. А после подогретого вина многие развалились на коврах, словно барсы на весеннем солнышке.

— Так в какую же сторону будем бросать палицу? — спросил совета царь. — Что ответить Митридату?.. Приумолкли? Он нас зовет не на пир, чтоб

ели до рвоты. Ему нужна победа над Римом. А сколько семей осиротеют по нашим деревням? И так урожай собирают одни бабы.

Спартак понимал, что родители не могут дать нужного совета, потому что мало кому из них приходилось сталкиваться с хитростями Митридата.

Из дальних глубин истории исходит разговор между Европой и Азией. И не заканчивается. Вот и теперь: спор идет между Митридатом и Римом, а между ними, как на огромной шахматной доске, оказались десятки государств и народов. Одних заполучил Рим, других — Митридат. О, земля медов, как спасти тебя от заигрываний понтийского дракона, которому Балканские государства нужны лишь для того, чтобы их кровью достичь власти над Римом? Да и для Рима Балканы — источник дармовой силы — рабов. Конечно, пока надо выигрывать время: не вступать под руку Митридата и отбиваться от сынов волчицы. Сейчас у сената много других забот, отвлекающих его от Балкан. А Митридат, заманивая медов в свои силки, хочет заполучить их потому, что одрисы — основа Фракии — уже на стороне римлян. Они даже стали бриться, подражая жителям Вечного города. А меды все еще носят бороды, как эллины — свободнорожденные.

Понимая это, царь не хотел влезать в чужие коварные замыслы. Да, была медам опора в Пантикапее. А вот теперь их друг убит. Убит потому, как казалось царю, что Митридату Евпатору нужна была пшеница для содержания армии.

«Может быть, схитрить — оттянуть время до тех дней, когда эти два крокодила перегрызут друг другу горла», — думал старик, глядя на сына. В Сотимусе он был уверен: этот понимает все как надо и не вонзит отцу нож в спину. Он поведет медов дальше, как продикует мудрость. А внук? Каким он будет? В какую сторону повернет его парус?

А где он теперь, Львенок? Вроде только что сидел по левую руку. Вот муравей, непоседа, все бы ему тереться около Муржо. А пора бы начинать изучать

науки с Панукой. И этот Рус со своими жеребцами забил парню голову. А вообще-то молодцы и Муржо, и Золотая серьга, хорошего растят воина.

ТАТУИРОВКА НА ГРУДИ СПАРТАКА

А тем временем Гроздяночка из-за камина наблюдал за родными. Муржо глаз не спускал с воспитанника. Принес ему сушеных смокв, винограда. А потом выломал у запеченного гуся ногу и тоже положил на блюдо за камином.

— Муржо, что такое Боспор и Пантикапей? — дотянувшись губами до поросшего волосами уха воспитателя, поинтересовался Гроздяночка.

— Когда-то эти города были побратимами фракийцев.

— А какие там Спартаки?

— Были. Последнего убили.

— А нас не убьют?

— Дед им за тебя голову отрубит!

— А за Спартаков в Пантикапее кому-нибудь голову отрубили?

— Не знаю. Об этом ты лучше спроси у Пануки. Он — грек, все знает. Он там жил. Возил из Трапезунда соль и рыбу.

Муржо ушел, а вернувшись, с завистью добавил:

— Мне сказала Меда, что скоро тебе будут делать на груди татуировку. Счастливый ты. Вот если бы мне выкололи такую. Был бы я тогда настоящим аристократом.

— А кто будет делать?

— Грек-каменотес. Он уже приготовил иголки.

— Это больно?

— Да, но надо терпеть.

* * *

Пир продолжался. Царь покалывал гостей взглядом, выбирая добычу. Вот он приподнял золотой ритон и хлестнул голосом:

— Ула-ла! Севт! Не сможешь ли решить думку о Пантикапее?

Крепыш звякнул доспехами, тряхнул мечом и сказал, как после грудной болезни отхаркнулся:

— Славный и благородный наш повелитель! Что я могу промгчать в ответ. Ты наш свет. А я, как босая цыганка, только и могу, что косу распустить по ветру. Куда ты свой дрот метнешь, туда и я с тобой.

Спартак задумался, роняя в вино жемчужинку — защитницу от предательства и заговоров.

— Дети! — голос его звучал уверенно. — Горе в Пантикапее большое. Оно и нас может в свою петлю затянуть, если мы отдадим сироту бодливому козлу. Я думаю, что нам надо тереться о бок Митридата, но своего в его руки не отдавать... А чтобы еще раз проверить нашу силу, я решил совершить набег.

Всех как в холодную воду окунули.

— Ула-ла! — хитро проскрипел Локр. — В набег!

— В набег! — поддержал Севт.

— За белыми деньгами и золотыми одеждами! — заплетался голос Локра. — На одрисов!.. На одрисов! — стал подбивать он, громыхая по столу рогом.

Царь ждал, пока совет высших успокоится.

— Тихо! — призвал он, ощетинаясь. — Ваша немота мне понятна. Не пора ли, мол, этому старому псу блох ловить, а не медов в походы водить. Но набег нам нужен не ради белых денег, а для того, чтобы смахнуть испуг с сердец черноплужников и рудного люда. Да и сынам волчьим надо подорвать жилы, отомстив за всех загубленных. Только надо выждать момент, чтобы точно ударить секирой.

Старик умолк.

От его слов у многих скривились души и рты.

— Вот тебе и сухой явор! — обомлел Локр. — Вот тебе и пуп с перегнившей ниткой! А мы карманы подставили, чтобы собирать добычу!

Локр криво посмотрел на Севта.

— Опять ты выиграл, срубить бы голову с твоих плеч!

— Ничего, меньше будешь тратить золота на гетер в Амфиполе, — осадил князя крепыш.

— Муржо, — спросил Львенок, — а как это: «в набег»?

— Война, Гроздяночка. Возьмем мечи и устроим себе праздник. Выйдем все под знаменами в новых хламидах. Вот легионеры и спляшут свой смертный танец.

Слуги, размещая гостей на ночь, укрывали их меховыми одеялами, строго следили за тем, чтобы всем было удобно и никто не был обойден почестями.

Многие еще допивали за столом, вспоминая лихое прошлое. Локр хвалился победами и добычами.

Дворня доедала остатки.

А когда стали тушить светильники, Муржо отвел воспитанника в гинекей. Здесь обо всем увиденном и услышанном Львенок рассказал матери.

Меда знала о набеге, но внимательно выслушала сына и попросила его беречь тайну.

Гордый вниманием взрослых, мальчик разделся, лег в постель и попросил Родопу спеть ему песню.

— Мать Меда, правда, что скоро меня отметят знаком благородных воинов — сделают на груди наколку?

— Правда, Львенок. Ты будешь носить отметку своего рода. И имя у тебя благородное. Не всех таким награждают.

— А что означает слово «Спартак»?

— Если его перевести на наш язык, то это значит Посеянный.

— Как лук или тыква?

— Нет, как те зубы дракона, которые посеял царь Кадм. Спи, а то во сне мойры привидятся. Спи.

— Расскажи про Кадма, расскажи!

— Вот скоро тебя переведут на мужскую половину, там грек Панука будет тебе читать книги великих философов. Он и объяснит про Кадма. Спи, моя Гроздяночка, солнышко ты мое домашнее.

ПЕСНЯ ЖАРЕНОГО ПЕТУХА

На мужской половине дворца закипел спор: софист Панука задал, казалось бы, простой вопрос: почему кобылы приносят по одному жеребенку, а свиньи и собаки по несколько наследников?

Отвечали по-разному, но так толком ничего и не сказали.

Разговор перекинулся на массагетов, о которых Геродот писал, что у них мужчины и женщины вступают в соитие открыто, не обращая внимания на окружающих.

— Хорошо это или плохо, не знаю, — говорил софист, — но верблюды и те скрываются, чтобы во время свадеб оставаться наедине.

Внесли светильники, ужин. Следом вошли Львенок и Муржо.

Воин поклонился, обратившись к Спартаку Старшему:

— О великий царь!

— Ты о чем? — забеспокоился старик.

— Сегодня Гроздяночке исполнилось столько, сколько положено, чтобы его перевести на мужскую половину.

— Знаю, Каликрита уже советовалась со мной, — согласился он.

Все шумно заговорили, поднимаясь, чтобы поздравить владыку с радостным событием.

Кифарист заиграл величальную, кто-то начал петь гимн. Севт, гостивший в Яворине, предложил принести богам жертву.

С этого вечера Спартак навсегда был переведен на мужскую половину дворца. Ему отвели помещение с окнами на галерею, возле которой росло несколько яворов. Одна из стен комнаты была расписана золотыми кругами — солнцами. В нише, что была вырублена рядом с лестницей, стояли два кувшина и оружие, над которым тянулись полки с фиалами и блюдами, украшенными резьбой и чеканкой.

Рядом со Спартаком поселили Муржо и Пануку,

который должен был учить Львенка грамматике, геометрии, арифметике, музыке и танцам.

Муржо поручалось закалять тело царского внука упражнениями и фехтованием. Особые часы отводились на верховую езду. Теперь Львенка поднимали с петухами, а укладывали с курами. А жизнь в Яворине катилась, как снеговой ком в горах. Все это время медов донимали легионеры, что охраняли рудник у Прасиас-озера, но и горцы не оставались в долгу.

Как-то Сотимус отправился купить оружие в Амфиполе, прихватив с собой Муржо и Руса. Упросил отца отпустить его к грекам и Спартак.

— Пора, господин, и ему бывать с нами, — поддержал воспитанника Муржо. — Да и отдохнет у него голова от этих книг. А то наш софист совсем уморил Львенка Платонами и Гераклитами.

Сотимус согласился.

Только поладили с этим, как Золотая серьга стал упрашивать взять в отряд его младшую жену, которая хотела продать в Амфиполе несколько ковров.

— Женщина в отряде — плохая примета, но что делать, — просил Рус.

Ехали спокойно, проезжая Прасиас-озеро, любовались голубой гладью воды.

Спартак хотел пустить коня рысью, но Муржо предупредил, что надо быть осторожным: здесь римляне устраивают засады, а потом — впереди болото и топи.

Оружие купили удачно. Погрузили на запасных коней. С хорошей охраной караван направили в Яворину, а сами решили заглянуть к синтам — соседям, с которыми много раз ходили в походы. Да и теперь кое-что надо было обговорить тайно. Сотимус хотел прихватить и Спартака, но время было смутное, на дорогах в горах царил разбой, и Сотимус оставил сына с Муржо и Русом в Амфиполе до своего возвращения.

Проводив господина, Золотая серьга загулял, и Муржо, вырвавшись на свободу, поддержал побра-

тима, спустил в соседней таверне деньги, полученные за украденную жрицу.

Гуляли широко: собирали вокруг себя греков, понийцев, афров; заказывали музыку, танцы. Играли флейты, били барабаны. Но каким бы пьяным Муржо ни был — первая забота о Спартаке — Гроздяночке, — которого он оставил при храме Зевса.

В комнате с выходом в садик было много книг, картин и красивой посуды.

Львенок внимательно рассматривал росписи и фрески на стенах. На одной изображался бой медов с легионерами. Видно, художник хорошо знал римлян, рисуя их в одном из ущелий Орбелуса.

Спартак подошел к окну, омотрел дворик. Блестела чистотой выложенная камнями дорожка, по которой прохаживались павлины. Шумели кипарисы и персиковые деревья. Синички, срывая лепестки роз, уносили их в гнезда.

Гроздяночка открыл дверь и вышел в сад. Его встретила жрица и повела показывать клумбу, где гулко шумели пчелы и шмели.

А тем временем Рус и Муржо, обнявшись с друзьями, горланили песни в таверне.

И все было бы хорошо, не свали они гору дынь того самого перса, которого когда-то хотел побить безрукий Робро.

Перс полез в драку. За него вступился какой-то легионер, думая, что за помощь купец дешевле уступит дыни.

Понятно, что Амфиполь не Филиппы — город греческий. А римлянин, как видно, забыл об этом, поднимая кулак на медов. Дак обрадовался, что подтвернулась возможность отомстить за многие раны и обиды, полученные в стычках с сыновьями волчицы. Завязалась драка. Муржо успел послать прислужника таверны к Спартаку, предупредив, чтобы Львенок вместе с охраной ждал их у Северных ворот города. Но юноша побегал на базар, где чубатый отбивался от нападавших. Рядом с ним стоял Рус.

— Ах ты, верблюд вонючий! — кричал легионер.

— Вшивый мед! — оскорбил Золотую серьгу второй. — Мы вам покажем, как задираться на орлов пятого легиона! Терзай этих собак! — призвал римлянин, вынимая меч.

Но четыре кулака горцев дружно обрушились на солдат, так что те только успевали закрываться от ударов.

Легионеры кликнули подмогу. И вот уже строй римлян, возглавляемый деканом¹ Секундом, показался на форуме², разворачиваясь в боевой порядок. В руках сынов волчицы сверкнуло оружие.

— Эй! — призвал Секунд. — Где эти беременные торговки рыбой, что подняли руку на боевых орлов Вечного города!

— Вот они — сучье племя! — указал один из побитых на Муржо и Руса, около которых сгрудились афры — погонщики слонов, македонцы и греки.

— Э-эй, меды! — предупредил бесс-ювелир, что стоял на пороге соседнего дома. — У них оружие, а вы берите камни!

Но что камни против мечей.

Рус кинулся к соседней лавке оружейника, тот же, видя, что можно получить хорошую прибыль, заломил за кинжалы цену.

Сколько Золотая серьга ни упрашивал, грек стоял на своем. А на базаре декан уже приказывал брать медов в плен. У Муржо в руках поблескивала амфора. Сосед его — афр вооружился веретеном, кто-то из македонцев размахивал цепью.

Не зная, что делать, Рус подтолкнул к купцу жену, зарычал:

— Да провались ты в Тартар! Бери ее в обмен на оружие!

Сделка состоялась, и сторонники медов встретили легионеров с кинжалами в руках.

Базар шумел.

¹ Декан — в римском войске командир отделения из десяти человек.

² Форум — рыночная площадь.

Горожанам давно надоели римские копьеносцы своей хладнокровной наглостью. Считая себя везде хозяевами, солдаты избивали встречаемых, не различая чинов и званий.

Это еще больше озлобило амфипольцев. Объединившись с медами, торговцы и чернь базара выступили против римлян.

В ход пошло все: огурцы, связки кур, арбузы и повозки. Кто-то запустил в Секунда гусем. Декан-верзила, стирая помет с лица и одежды, выстроил подчиненных и, видя, что им не добиться победы, увел легионеров с форума.

Базар ликовал.

— Вот так-то, Львенок! — радостно кричал Муржо. — Их можно бить! Можно!

— Ах, как жалко, что я не захватил свою палицу! — стонал Рус.

Муржо передал побратиму баклагу с вином. Тот, переливая жидкость в свое нутро, рокотнул очередным проклятием в сторону легионеров и, ощупав на лице ссадину, так лихо засмеялся, что, казалось, еще миг — и все бляхи на его ремне окажутся на земле.

— А и вертко ты их, побратим Муржо, угостил арбузом! — тыча рукой в плечо товарища, радовался Рус. — У этой самой беременной торговки рыбой глаза выкатились, как у краба. Будет он помнить твои кулаки!..

— О-го-го!.. Хо-хо-хо! — катилось по базарной площади.

Спартак стоял бок о бок с Муржо, накручивавшим чуб на ухо.

— Муржо! — позвал Львенок.

— Да.

— Посмотри, ведь она вся в слезах.

— Кто?

— Жена Руса. Мне очень жалко ее. Выкупи.

Чубатый посмотрел на Золотую серьгу, тот стоял опустив глаза.

Дак о чем-то подумал, что-то прикинул и подошел к лавке оружейника, высыпая перед купцом остатки денег, полученных за украденную жрицу.

— Верни медийку Русу. — приказал он.

Проезжая Прасиас-озеро, яворинцы увидели, как с высоты взгорка, от рудника, спешили несколько десятков легковооруженных легионеров.

— Это они хотят отомстить за Секунда, — подсказал Муржо Сотимусу, — но опоздали... Видишь, Гроздяночка, что значит быстро разбить врага и вовремя выйти из боя. Смотри и запоминай все это, в жизни пригодится.

За озером меды увидели несколько человек, прибитых к ветвям деревьев.

— На, смочи им губы, — предложил Муржо, протягивая какую-то склянку Русу.

— Что это такое? — спросил Спартак.

— Мандрагора.

— Для чего?

— Вожу всегда с собой: если смерть подступит от оружия, чтобы не мучиться ранами, а, смочив горло этим взваром, с улыбкой на лице принять смерть.

— А снять распятых нельзя? — пожалел истерзанных Львенок.

— Не успеем, — пояснил Муржо. — Сейчас примчатся сыны волчицы. Рус, торопись!

Золотая серьга взобрался на дерево, прикладывая склянку к губам изувеченных. Лица умирающих блаженно заулыбались.

— Меды, отомстите! — попросил один из них.

— Бейте сынов Иула! — призвал второй.

— Слава Фракии! — благословил последний, намертво засыпая.

Большие зеленые мухи стали прилипать к губам и глазам мертвых.

— Муржо, за что их так? — снова заволновался Спартак.

— Чтобы запугать нас с тобой.

— Но им больно!

— Вот латиняне и хотят, чтобы их песни пели наши жареные петухи.

Рус спрыгнул с дерева.

— Сотимус, — предложил он, — может быть, и

мы заглянем к римлянам на рудник, пусть познают сладость мандрагоры.

— А Спартак? Если что, отец нас не пощадит за него.

— Это правда, — согласился Муржо. — Спартак Старший за внука шкуру сдерет.

— А какой случай, — вздохнул Рус. — Как рады были бы нам рудокопы. Там и меда много. Гноят их сыны волчицы в мокрых ямах.

Рус дотянулся до Спартака и похлопал его по плечу.

— Ах ты, Львенок! В Амфиполе не растерялся, спасти нас прибежал. Кровь деда в жилах бушует.

Оглянувшись на распятых, гигант вскочил на коня, направляя его в заросли соседнего болота. Высвободил из-под себя лазурное шитье, поджег его, заискрив трут, и бросил огонь в густую щетину камыша.

— Натe, ешьте, — порадовался Рус. — Топитесь, словно курдючное сало.

Огонь быстро разгорался, схватывая своими крыльями раскидистые дали.

Львенок подъехал к Сотимусу.

— Легионеры очень злые люди, отец?

— Злее всех змей. Учись биться с ними.

И кавалькада всадников понеслась по горной дороге.

Спартак цепко держался на Лампе, приподняв ступни ног на круп коня так, как его учил Муржо.

Хорошо выезженный жеребец словно понимал, кого несет на себе, мягко переходя то на рысь, то на шаг.

Муржо скакал рядом с воспитанником, который все это время оглядывался и оглядывался, всматриваясь в то место, где на дереве остались распятые.

Молодое сердце стучало четко и бойко, но какая-то странная сила все больше и больше сдавливала грудь, заставляя закусывать губы с натекшими на них солеными слезами.

— Ула-ла! Львенок! — окликнул Муржо. — Под-

бери поводья! Жми крепче коленями! Не давай жеребцу закусывать удила!

Юноша выполнял указания воспитателя, но чувство, родившееся у посиневших ног распятых, было так сильно, что Спартак не мог остановить слезы. Ему вспоминались пузырьки с мандрагорой, измученные тела медов и большие зеленые мухи на их губах. А еще виделись базар в Амфиполе и женщина, бывшая гусем декана Секунда. Птица кричала, вырывалась из рук черноплужницы, заливая лицо командира легионеров пометом.

— Вам все мало! — вопила толстопятая македонка. — На, бери последнее!

УРОД

Дверь открылась, и вошел Спартак.

— Бабушка, — обратился он к Каликрите, — правда, что в Яворине жил знаменитый урод? Ноги у него были, как прутики, а голова тряслась. Говорят, что его задушили дымом.

— Кто тебе сказал?

— Не сказал, а спел. Утром я с Муржо ходил на базар смотреть приезжий цирк. А там македонец Робро посадил меня на плечо и спел песню об этом уроде. А потом сказал, что у меня глаза ястребиные и я буду царем.

Львенок улыбнулся и протянул Каликрите ядрышко.

— Это дал мне Робро.

— А вот прикажу я его выпороть, — возмутилась Каликрита. — Надо, сколько налил черноты в душу цыпленка.

— А правда, что меды боятся легионеров и ползют перед ними мокрицами? — не унимался Спартак.

— Не гневи богов, внук царя, — призвала Каликрита, — Кибела, мать богов, владычица гор и лесов, может наказать тебя за криводушие. Победить медов — все равно что перервать руками Стримон.

— Так ты мне скажи, был в Яворине этот урод?

Львенок остановился перед ковром на станке и долго смотрел на вытканную розу. Его волосы отливали позолотой. Курчаво крылатясь, они спадали на лоб, натекали на уши.

Сжимая в правой руке кисть винограда, он отщипывал ягоды, отправляя их в рот. Большой звонкий шмель вился вокруг его губ, залитых сладким соком.

Меда прихлопнула крылатого. Упав на каменный пол, шмель выпустил жало. Спартак нагнулся и вырвал эту черную иголочку.

— Мать Меда, а правда, что жало похоже на меч ионической закалки? — озадачил он женщину.

— Не знаю, Гроздяночка. Спроси у отца. Не ведать бы тебе всего этого.

— А Муржо учит, что ионическая бронза пробивает панцирь из двух кож слона.

— Муржо?

— Да.

— Он, кроме своих жеребцов, еще что-нибудь знает?

— Муржо все знает. Он учил меня, как вить колючки и бросать их под ноги слонов, если они будут атаковать нас.

— А чему тебя еще учит Муржо?

— Еще? А еще он говорил мне, что бой надо начинать в дни созвездия Льва.

— Почему? — удивилась Каликрита.

— Потому что Лев — властелин силы и враги от такого расположения звезд слепнут.

Меда накрутила нитку, завязала узел и внимательно посмотрела на сына.

— Как это могут люди слепнуть от расположения звезд, Гроздяночка?

— Очень просто: ты знаешь, что только одни львята рождаются с открытыми глазами, так как у них столько огня в сердце, что они и спят не смыкая век?

— Львята?

— Львята. А созвездие Льва и есть эти самые глаза.

— И все это тебе рассказывал Муржо?

— Он еще говорил, что из жира крокодилов

можно делать мазь, которая залечивает любую рану, даже если она сделана самим Змеем Змеевичем.

Меда усмехнулась:

— И откуда все это знает твой Муржо?

Спартак насупился и, защищая воспитателя, тихо сказал:

— Это все ему рассказывали, когда он учился в Александрии.

— Муржо учился в Александрии?

— Он говорил, что из наших мест вышли четыре великих воина.

— Я знаю одного — Александра Македонского.

— А Геракл — он ведь родился в Фивах, и Филипп Одноглазый, отец Александра?

— Ты будешь четвертый, — пошутила Каликрита, молчавшая все это время. — Станешь высоким и красивым.

— Я буду сильным, как Геракл! — воскликнул Львенок, глядя на мать.

— И умным, как Аполлон златокудрый, — добавила та. — Ты не знаешь, где сейчас отец?

— Он с дедом и Панукой рассматривает серебро для чеканки белых денег. Грек-каменотес нарисовал на воощенных дощечках какие-то таинственные знаки, а царь ругает его за это. Он говорит, что в этот раз плохое олово привезли из Британии. Хорошее перехватили сыны волчицы. — Львенок помолчал и добавил: — Каликрита, почему нас все боятся и не любят?

— Что? — удивилась старуха.

— Однажды я сидел за очагом и слышал, как Локр урчал на деда. А в бане я спросил у Дурилы: «Почему Родопа хочет уйти от нас?» А она за это залепила мне глаза пеной.

Меда тяжело вздохнула:

— Потому что ей хочется быть свободной — она медийка, мы свободу ценим выше всего. Знаешь, как поют селянки:

Нам счастья не надо, что ценой
Такой обиды куплено; богатств,
Герзающих сердца, я не хочу...

— А еще Родопа говорила, что и боги бывают несчастными.

— Бывают.

— Но они боги!

— И среди них есть несчастные.

— А мы счастливые?

— Мы слабые.

— Почему?

— Наша земля, как Родопа: встать бы и ей под сильную руку.

— Мы победим римлян?

— Не знаю. Крыса не гоняется за волком.

— Что нужно Локру?

— Наше золото.

— Но ведь он не римлянин?

— Он хочет стать царем.

— А дед?

— Иди, иди, сынок. Играй. Наш царь настоящий мед.

Сняв со стены рог, Спартак затрубил. Ему откликнулся барабан.

— А я стану царем, как Александр Македонский?

— Обязательно, если будешь избегать жестоких и лживых людей, рек без брода, гор без прохода и рвов без изгороди.

Где-то снова рокотнул барабан.

— Это Муржо, он зовет заниматься верховой ездой. Сегодня мы с ним идем в поход против римлян.

«Как хорошо, что сына передали на мужскую половину, — подумала Меда. — Не дело ходить ему в баню с Родопами и Дурилами. Вон какой стал орел».

Она подобрала оборванные концы пряжи, приосанилась и направилась к Рачке.

Посидев у изголовья роженицы, Меда спросила:

— Ты почему не хочешь выходить замуж в Яворине?

— Боюсь, — пролепетали бледные губы. — Не могу видеть, как горят наши деревни, как уводят и бьют родичей... Пойду в эллинский полис. За его стенами жить спокойнее.

— А мы? — вдруг вывалилось из груди будущей хозяйки дворца.

— У тебя, белая ласточка, другая судьба: ты скоро станешь царицей. Тебе надо иметь сердце богини, чтобы карать и миловать. А если придется, то и умереть как подобает повелительнице.

Родопа приподнялась.

— Где ребенок? Похороните? — с упреком спросила роженица Меду.

— Спроси у Рачки.

— Госпожа, прикажи опустить его в землю, не носите в горы волкам.

— Чей он сын?

Родопа зарделась.

— Муржо?

— Нет, госпожа. Муржо настоящий мед, — роженица хотела добавить что-то, но сдержалась. — Пощади и больше ничего не спрашивай об этом.

— Хорошо. В землю зарывать, как простого воина? — соглашаясь, позаботилась Меда.

* * *

На черном дворе закрипели камни давилки. Видоделы налегли на рычаги.

Вошла Дурила.

— Великодушная Меда, тебя зовет Каликрита, — сообщила она. Во дворе звенел голос разъяренной хозяйки дворца.

— Ты только посмотри, как они порвали тунику Львенка!

И царица ударила ключницу по лицу.

— Она и была порвана! — хотела защититься Груя.

— Презренная медуза! Значит, я вру!

Дурила заплакала и припала к ногам Каликриты.

— Возьмите ее на конюшню и выпорите, — приказала Каликрита Русу.

И долго были слышны плач великанши и удары кнута.

В эту ночь Спартак не мог заснуть. А когда луна

стала светить ему в лицо, он поднялся с постели и пошел к Муржо.

Прижавшись к воспитателю, Львенок прикорнул. Он видел во сне торговку шерстью, которая хотела его побить, но безрукий Робро, посадив его на коня, умчался с ним в небо к Светилу, похожему на вымя коровы. Македонец подарил ему доспехи римского воина, а потом стал доить солнце, дергая за лучи-соски.

Чубатый принес воды, напоил воспитанника, погладил по голове. Стало легче.

— Зря били Дурилу, — пожаловался паренек.

— Зря, — согласился дак.

ЗМЕИНЫЕ ПЕСНИ

Как-то Муржо учил Львенка стрелять из лука. Выехали из города, поднялись на соседнюю вершину.

Наложив на тетиву стрелу, Спартак прицелился в мышь, застывшую у норы, но из-за дерева мелькнула змея.

— Не бойся, Гроздяночка, — подбодрил Муржо. — Всякий враг страшен незнанием. Вот и змея. Все думают, что она самый ядовитый зверь, а ну смотри.

Муржо срезал с соседнего куста рогатку, прижал ею голову змеи к земле и приподнял ее над собой.

— Не давай, чтобы она обвила тебе руку, а то упрется телом и выдернет головку из кулачка. Смотри, как надо делать, чтобы победить этого врага.

Муржо встряхнул телом змеи словно плетью.

— А ну попробуй! — предложил чубатый. — Так, одним пальцем у самой головы. Перехватил? Вот и знатно. Так и с латинянами поступай: главное, надо отрубить врагу голову, а тело само вздрогнет. А теперь застынь и посмотри, как я буду петь змеиные песни.

Муржо, закрыв глаза, засвистел мерно и протяжно, перебивая сам себя какими-то трелями, похожими на трезвон жаворонка.

Спартак прислушался.

Воспитатель долго выводил змеиные звуки. И вот Львенок заметил в траве глазастую голову. Потом показалась вторая, третья.

— Ползут! Ползут! — удивился мальчик.

А Муржо заливался, вытянувшись, как выпь в камышах.

Одна гостья уже терлась о ногу дака, две другие замерли, околдованные чародеем.

Оглядев храбрейшую, дак снова залился своими заклинаниями.

Спартак не выдержал и стал подражать воспитателю.

Почувствовав неладное, змеи скрылись.

— Ничего, Львенок, — успокоил Муржо, — трудное это дело — познать язык змей. Научишься. Они ползут только к тем, у кого душа добрая. А у тебя она чиста, как вода. Пойдем купаться в речке. А то скоро Каликрита пришлет нас на обед звать.

— Скажи, Муржо, а знаешь ли ты хитрости черной магии, о которых говорил мне Панука?

— Я знаю и законы белой магии.

— А какая между ними разница?

— Белая — это та, которая помогает человеку, а черная та, которая человека иссушает.

— А может черная магия сделать змею из палки?

— Может.

— Наведи порчу на сынов волчицы. Пусть все они изведутся и не будут прибывать к деревьям наших медов.

— Для этого, Гроздяночка, нужно многое. Раздевайся и прыгай в воду, закаляй холодом тело.

Чубатый разделся и бросился в ледяную струю, отфыркиваясь.

Окунувшись, Львенок бросился бежать по течению, минуя торчавшие из воды камни.

— Ну, согрелся? — позаботился Муржо, видя, как воспитанника бьет колотун.

— Как в Африке, — стуча зубами, отозвался тот.

— А ну-ка схватимся. Не забыл приемы римской борьбы?

Сцепились. Воспитатель окунул Спартак в воду,

ожидая, когда у того кончится воздух. Хлебнув раз-другой, паренек стал задыхаться. Ему казалось, что грудь наполнило холодным огнем. Руки хватались за всплески, но опоры не было, и он хотел закричать. Муржо открыл глаза. Холодная вода резанула по ним словно кинжалом. Почему-то вспомнилась молодость, Александрия, где после занятий в гимназии ездили купаться в море. В городе тогда прошел слух, что в море стали пропадать дети из богатых семей. По берегам была выставлена стража и спасательные команды.

Однажды Муржо заплыл далеко, не обращая внимания на окрики портовой охраны.

Почувствовав за собой что-то смертельно опасное, он обернулся и увидел человека с кинжалом в зубах. Мальчик хотел нырнуть, но пловец схватил его за ногу.

И как хорошо, что когда-то на Истре отец научил Муржо бить по воде ногами, как сом хвостом во время игр. Для этого они с родителем расплывались, выслеживая друг друга, а потом, подкравшись под водой, били ногами, переворачиваясь через голову. Удар был такой силы, что мог оказаться смертельным, угоди в голову. Но там, на Истре, это была игра, а теперь, когда за спиной сверкал кинжал, надо было спасти жизнь. Муржо посмотрел на александрийский мол: до берега далеко, на крик подплыть не успеют. Тогда, изловчившись, он крепко схватил преследователя между ног. Тот, сцепив зубы, хотел дотянуться до жертвы кинжалом, но, мелькнув над водой дельфином, дак ударил напавшего двумя ногами, как его когда-то учили. А тут подросла и портовая стража.

Чубатый отпустил Спартака. Злой, задыхающийся Львенок бросился на учителя, но опытный пловец лишь повел телом, и тот снова провалился в холодную зыбь запруды.

Выскочили на берег. Львенок бросился на дака — Муржо перебросил воспитанника через бедро.

Грязные, в тине и каких-то скользких остатках растений, они долго катались по песку.

Муржо хотел, чтобы будущий царь почувствовал радость победы, но не сразу, а завоевав ее.

Перехватив гибкое тело парня, чубатый подсек ногу Львенка. Спартак изловчился, устоял, но дышал тяжело и прерывисто. Вот он захватил правую руку Муржо. Еще миг, и Гроздяночка подломил учителя. Тот упал на песок.

— Ула-ла! — радостно закричал победитель. — Я повалил Муржо!.. Ула-ла! Я научился бороться!

Дак улыбнулся, отряхивая бороду.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Меды готовились к празднику сторожей, которых было так много, что они имели собственного бога.

Почти в каждом доме Яворины отмечали это торжество, самую лучшую комнату украшали рукодельями и цветами, развешивали пышные ковры, стелили дорожки, белили дома, обводили мелом окна и двери.

На постелях жались одна к другой пирамиды подушек.

Готовились к празднику и во дворце. Как всегда главенствовала Каликрита.

Больше всего приказывала царица следить за огромным венком, сплетенным из завитков пышного теста, запекать который она решила сама.

Красавец лежал на самом почетном месте, нежась в золотозвонных лучах светила.

Все просмотрела Каликрита: и горшки, и плошки, и вазы, и черпала, резанные лучшими мастерами.

Протерты золото, серебро, медь искрится, словно огонь костра, а старой Каликрите все кажется, что мало праздничного в доме. В конюшне заставила всем лошадям подковы начистить песком. Греку-каменотесу спуску не дает: то почему наличники у окон не так окрашены, то почему плохо вырезал и закрепил на воротах букет из листьев винограда.

— Ты вот что, каменных дел мастер, подумай, как

мне должно поднос красиво держать, какой лебяжьей поступью к гостям выходить, чтобы не подумали, что я уже на исходе?

— В Афинах знатные элинки не подносят даров, — повествовал мастер. — Подносы за них несут красивые служанки, такие, как Родопа.

— А я дары понесу сама. Носила же их Олимпиада.

— Она и неистовствовала, как черноплужница.

— А сына какого родила. Богом стал.

— А если уронишь?

— Нет, не искушай, хитрюга. Думай о том, о чем тебе приказала.

Обругав каменотеса, дав новые указания портнихам, Каликрита взяла вощеную табличку и пошла по клетям и подклетьям учитывать еду, одежды, вина, посуду и травы.

За ней последовала Меда, которой надо было замечать, кто как будет одет, обут, умыт, причесан, где надо протереть статуи богов, где развесить новые венки и ковры.

Старался и царь. Объехав дальние деревни, осмотрев границы, жилища черноплужников, он стал сводить воедино все записанное и запомнившееся. Праздник требовал большого учета.

Как-то добрался Спартак Старший и до тайника-подземелья, где хранилось золото. Много его было, но все-таки не хватало. Приходилось считать его и учитывать.

Заглянул старик и в конюшню, где рыли землю копытами среброгривые красавцы. Одного из них — Лампа — царь подарил Львенку: помни деда.

Возвращаясь к обеду, он посмотрел на роспись стен и огорчился: вроде бы и хорошо были они выправлены, и дорожка на каменной лестнице выведена так гладко, что наступить хочется, но рождалась от всего этого какая-то странная маета на сердце. Почему? И понял царь хитрость каменотеса, так расписавшего кладку, что озноб охватывает сердце у тех, кто посмотрит на его работу. У всех дела, у всех заботы.

— Ула-ла! Муржо, едем, а то Ламп застоялся, —

заволновался Спартак, оглаживая лебединую шею жеребца.

— Сейчас, сейчас! — отозвался чубатый, вспрыгивая на своего скакуна.

— А то не успеем выполнить поручение деда, — заторопился Львенок.

— Успеем, подготовим место для праздничных скачек, — подбодрил его Муржо, думая: «Надо же, вот и усики у Львенка пробиваются. А совсем недавно Каликрита протягивала ему мой меч, в баню с Дурилой водила».

Коней пустили вольным шагом.

Проезжая мимо домика Муржо, натянули удила, приостановились.

Жилье у Муржо так себе: три комнаты, одна над другой, а за ними хвост виноградника да пять-шесть слив. Но не тем ценна домина. Загляни в его подвалы, что повязаны между собой тесаным камнем. В их объятиях нежится многое добро. А больше всего из этого любит Муржо вино. Цветом оно черное, как кожа эфиопки, а есть и белое, как волосы римской модницы. Муржо в этом деле знает большой толк. Жену иной раз обругает старой мыррой, а с жильцами винного подвала, с этими золотыми источниками в амфорах и бочках, разговаривает, словно Змеиха со змеятами.

Вот и с этими солнцами, что воркуют у тебя в амфорах, как ты мурлычешь, а? Иная медийка-невеста и в свадебную ночь такого от жениха не добьется, а ты столько песен вину напоешь, что оно так и лезет из кожи вон, только бы угодить своему чубатому ухажеру.

Накрутил Муржо чуб на ухо, тронул повод и залился белозубым смехом, пуская Фонаря вперед лихо, как в танце. А за ним и Спартак.

Ламп, похрапывая, нес своего всадника в синеву вечерних скал, в курчавый гомон соседней реченьки, туда, где меды испытывали своих коней, соперничая в силе и выносливости вихрегонов.

Муржо остановился напоить Фонаря. Четверо конюхов, сопровождавших Спартака, растянулись по дороге, пролегавшей у подножия меловых стен Орбелуса. А вот и нужная поляна — узкая, вытянутая. Горы вокруг нее амфитеатром.

Подготовить место для скачек, казалось, дело простое: отмерь шагами нужную длину, вбей кол, наметь повороты.

А Муржо вместе со Спартаком прошел по всему полю, осмотрел ухабы и норы сусликов, приказав их засыпать, чтобы кони не поломали ног.

Вроде и делу конец, если бы это был любой другой праздник. А тут — торжество сторожей. Если что случится не так — жрецы и заговорами, и предсказаниями замучают: мол, солнце кособоко на твой виноградник светить будет, скот падет, приплода не будет или жены нарожают криворотых и трехногих. А кому нужны такие работники в семье?

«Нет, трехногих детей мне не надо, — думал Муржо, старательно забивая сусличью нору камнями. — А ведь было время, когда однажды медийки стали рожать кособоких и трехногих. А кто совсем плохо отмечал дионисии, у тех дети случались придурковатыми. А чтобы зря не пропадало такое добро, как уроды, их продавали перекупщикам по сходной цене, а те везли товар ливийским купцам, поставлявшим это развлечение для гаремов. Хорошо, что такое проклятие находило на медов раз в сто лет».

— Муржо, — окликнул Львенок, — Александр Македонский сам посуду мыл после себя?

— В походе? Мыл. Он ведь жил просто: утром ел ячменный хлеб, а спал на потнике.

— А почему ты не разрешаешь мне мыть посуду?

— Потому что ты внук царя.

— А Александр?

— Покоритель мира!

— Покоритель, а посуду мыл сам?

— Вот когда ты станешь богом, тогда я тебе разрешу мыть посуду. А пока учись подготавливать поле к скачкам.

МУРЖО

На дни праздника Спартак был освобожден от занятий с Панукой. Ему разрешили побывать у Муржо дома.

Чубатый радовался этому больше, чем Львенок. Двое его детей погибли, вот и вкладывал дак душу в воспитанника.

— Поехали, поехали! — торопил он любимца, забрасывая ногу на Фонаря. — Тпру ты! — осадил воин жеребца, крутившего хвостом.

Но вот и Львенок взобрался на Лампа.

— Свили бы Эринии аркан из твоей злости, — обругал Муржо коня, что так лихо понес по городу молодого всадника. А догнав рысистого, Муржо так схватил его за ухо, что жеребец оскалил рот.

— Знай, травоед, правду: не амазонку тебе доверили везти, сатир ты безъязыкий, царского внука!

Вихрегон заржал, хлестнул себя хвостом и зашагал, выступая медленно и гордо.

— А ты не давай ему растанцовываться, — поругал Муржо Львенка. — Дави бока ногами, намертво зажми руками повод, а то в битве конь закусит удила и понесет в самое римское брюхо. Это же не конь, а кентавр. Вот так! Ай да Гроздяночка! Да прикроет тебя в бою Залмоксис! Смотри, а то этот Пан-недомерок прижмет ногу к забору и сдерет кожу.

В доме у Муржо пыхтела в котле мамалыга и шкварчал жир.

Шерстяной ниткой Муржо поделил мамалыгу, положив на каждый ее кусок по перцу.

Принесли томленную баранину.

Ели долго и сосредоточенно.

Отяжелев от еды, Спартак поднялся во вторую комнату, стены которой были увешаны оружием. На черном дворе бесновались куры.

Спартак любил бывать в домике Муржо, а особенно в этой комнате, где хранились мечи и копья.

Когда-то у чубатого было трое сыновей: одного весной смыло с гор в ущелье, второго разорвал барс, а третий жил в Риме: его захватили в плен легионе-

ры, охранявшие рудник, и продали в Латий. Кто-то из медов, сбывая в Сицилию коней, слышал, что сын Муржо стал в Риме модным гладиатором. Имя его пишут на стенах домов. Как-то он прислал отцу подарок: меч, украшенный алмазами, щит и ритон из слоновой кости.

Грек-каменотес, бывший по делам в Филиппах, привез странную новость: палач пятого легиона — Глобус, брат женщины, что в Риме живет у Большого бычьего рынка и содержит приют для незаконно-рожденных детей, просил передать, что один из внуков Муржо находится на воспитании у его сестры.

Муржо ездил в Филиппы тайно, встречался с Глобусом. Тот рассказал, что сын его живет хорошо. Недавно он выиграл бой и получил за это кубок золотых. Женщина, родившая ему сына, — жена архитектора, реставрирующего форум в Помпеях.

Когда царь узнал об этой встрече, он спросил у сына:

— Ты не думаешь, что Муржо может предать нас?

— Я верю даку, как самому себе, — заступился отец Львенка за чубатого.

Позвали Муржо. Он признался во всем. Показал меч, щит и ритон. Сказал, что сын зовет в Рим, но он, Муржо, никогда отсюда не уедет.

— Нет, отец, Муржо преданный нам человек, — уверил Сотимус, когда Муржо покинул дворец. — Если не верить ему, то кому же — Локру?

— Хорошо, пусть остается, — благословил царь.

Полученные подарки Муржо продал, а на вырученные деньги купил стадо коз, поправил каменную стену в подвале и прикупил кобылу фракийских кровей.

Дак хорошо помнил давний уговор со Спартакком — рассказать о Боспоре и Таврии и потому в темноте вечера заговорил так, будто Львенок только что вернулся с охоты.

— Ты связывал когда-нибудь соколу перья на крыльях? — спросил Муржо, смахивая крошки с усов.

— Нет.

— А ну-ка посмотри, как это делают в Боспоре.

Чубатый снял птицу с жердинки, на которой она сидела, протянул ее Спартаку.

Сокол верещал и царапался, стараясь взобраться юноше на плечо. А когда Муржо снял с его глаз колпачок, птица расправила крылья.

— Вот так и Боспорское царство, — пояснил Муржо. — Многие ему хотели повязать крылья, а Пантикапей сам бил золотоперок, потому и угодил в силок к Спартакам-архонтам.

— Эти Спартаки были меды?

— Кто их знает. Одно верно, что были из Фракии. Самый первый из них нанялся служить в армию в Пантикапей, а потом стал архонтом.

Сокол, тихо попискивая, пытался клювом развязать перья. Муржо хотел надеть на голову птицы колпачок, но Спартак отвел его руки.

— Пусть полюбуется светом, — попросил он. — А у Александра боспорские Спартаки были? — уточнил юноша.

— Нет. Но многих сминали, как сокол добычу. Повезут тебя в Пантикапей, так ты сам все это посмотришь. А там в Александрию поедешь, учиться будешь.

— Только с тобой, Муржо.

— А может, с Панукой?

— Нет, с тобой. — И Спартак прижался к воспитателю.

— Бери меч, немного поупражняемся.

ДВУГЛАВЫЕ

Питон медленно полз по дереву. Жрец тихо стучал палочкой. А когда пятнистое тело добралось до сучьев с орехами, палочка прижалась к ноге, обутой в римскую сандалию.

Змея стала трясти ветки. Плоды посыпались на землю.

Палочка снова застучала по стволу, но теперь быстро и отрывисто. Тугие кольца питона усмирились, судорога, сковавшая их, расплылась ровными вол-

нами от головы до хвоста. Пятнистая красавица медленно стекала на землю. Жрец стал оглаживать гибкое тело. И тут центурион Феликс Помпеянин заметил, что у змеи две головы.

— Клянусь всеми богами и статуями форума Рима, что в Вечном городе никто не видел подобного! — воскликнул офицер.

— Пусть Юпитер пронзит меня молнией, если этот подарок не может стать украшением лучшего цирка Латия, — добавил Марк Порций — трибун¹ пятого римского легиона.

Жрец снова дотронулся до змеи. Веки питона сомкнулись, и он, нежась в лучах яркого солнца, стал засыпать.

— Ты знаешь тайное слово? — спросил Феликс у жреца, кивнув в сторону пятнистой красавицы. — Что позволяет тебе повелевать этим исчадием Аида?

— Тайна в том, что его надо гладить по голове — пояснил жрец, — и тогда можно так усыпить это чудо, что хоть руби его мечом. Только успевай отскочить, а то ударом хвоста он может сломать хребет льву.

— О, будь он проклят! А вместе с ним и тебя бы посадить в подземелье, — возмутился Порций. — Ты, жрец, из Македонии?

— Нет, мой господин.

— Кто же тебя научил самофракийским таинствам? За какие заслуги тебя допустили прикасаться к чарам, к которым допускаются лишь избранные?

— Жизнь, — хитровато ответил укротитель питона.

— Где ты добыл этого уroda?

— Мне продали его много лет назад в главном храме Амфиполя. Он так исполнителен, что может стать гладиатором в лучших цирках Римской империи.

— Хорошо. Но ты должен понять главное в моем замысле. Если же нет, то тебя ждет столбосидение².

— Но я жрец, а значит, неприкосновенен!

¹ Трибун — в римской армии начальник легиона

² Столбосидение — вид казни, когда человека сажали на вкопанный столб, с тем чтобы, ослабев, он упал на землю.

— В Мамертинской тюрьме Рима палачи отлично знают, на каком языке говорить с такими, как ты!

— Юпитер, да спасешь ты меня от пытки и наказаний! — взмолился хозяин змея.

— Прошедшим днем, после второй ночной стражи, около нашего лагеря снова нашли убитых легионеров. Как ты думаешь, Климакс, или как там тебя зовут... чьих это рук дело?

— Не знаю. В земле медов и Родопах все против нас.

— Да, здесь так не хватает Суллы. Он бы давно отсек головы всем этим фракийским удавам.

— А особенно медам, — добавил Феликс.

— У, презренные разбойники! — взревел Марк, перекосив лицо. — Сколько наши славные консулы направляли сюда военных экспедиций, но так и не продвинулись ни на локоть. А перед нами всего лишь какие-то меды. И мы — покорители этрусков и Ганнибала — терпим позор от шайки горных разбойников. А казалось, где бы заместнику Македонии показать свои воинские способности, как не здесь.

— Мое сердце рвется в бой! — поддержал Порция Феликс.

— Клянусь! — подняв правую руку, отозвался трибун. — Мы уничтожим медов — этих варваров. А победив, будем продавать на рынках по квантранту за голову.

Феликс улыбнулся:

— Климакс, а ты уверен, что питон не поступит и с нами так, как меды с легионерами — не переломает нам кости? — забеспокоился центурион.

— Клянусь, что этот красавец мне больше предан, чем войска Рима, набранные из-за Тибра.

— Хорошо, иди в лагерь, — приказал трибун.

Жрец застучал палочкой по ноге, и питон заскользил вдоль серых плит дорожки парка старого замка.

Порций и Помпеянин продолжали следить за змеей, одна голова которой тянулась к руке хозяина, а вторая к сандалиии.

Соблюдая дистанцию, оба военных проводили укротителя до ворот лагеря.

— Клянусь всеми достоинствами Помпей, но в

Кампании мясники¹ умерли бы от зависти, глядя на такую красавицу. Она могла бы приносить огромные доходы, — продолжал восхищаться Феликс. — Я бы и сам хотел иметь такого телохранителя во время ночных путешествий.

— Пусть давит наших врагов здесь. Переломала бы она кости этому Спартаку! — высказался трибун. — Варвары! Все у них варварское: и законы, и обычаи, и люди.

— Когда я переправлял очередную партию пленных в Рим, меды взбунтовались и стали бить охрану телами мертвых детей, которых сами же и задушили. Только бы не жить в рабстве!

— Но рабство в Риме — рай вместо этих гор.

— Так жизнь видим мы. Попробуй скажи об этом царю медов. Фракийцы свободолюбивый народ. Они умеют воевать. Бойся, центурион, их засад.

— А чем плохи наши? Разве пятнистая смерть не сделает того, что хотят с нами сделать меды?

— Попробуй воспользоваться их доверчивостью, — поделился замыслами трибун.

Военные вышли из развалин крепости и приостановились. Внизу были разбиты строгие ряды палаток лагеря легиона.

В большом прямоугольнике, огороженном бревнами и земляным валом, виднелись укрепления, в центре которых высились стяги, орлы и жертвенник.

Около палатки трибуна толпились центурионы, писцы, охрана и каптенармусы.

Палач Глобус сортировал одежду распятых, которую ему разрешалось брать.

Слышно было, как декан Секунд кричал, упрекая палача:

— Кому нужна такая рвань? Возьми меч и добудь золото. Ты что, нищий?

— Ничего. Сестра сошьет из этого тряпья хламиды для детей, которых рожают тайно матроны Рима, — услышал он в ответ.

¹ Мясники — так называли в Древнем Риме хозяев школ гладиаторов.

— Что это такое? — спросил Феликс, видя, как один из легионеров старается поймать большую свинью. Другие тянули за рога белого быка.

Запели трубы. Прислуга, писари и младшие офицеры, расположившиеся на сиденьях, наблюдали, как животных приносили в жертву богам, закалывая у груды дров.

Снова зазвенели горны.

— Разве легион начал уже праздник Юпитера? — уточнил жрец.

— Это третья когорта готовится встречать караван с золотом, что пойдет с северных фракийских приисков. А чтобы поход был благополучным, решили принести богам жертву.

Дико завизжала свинья, взревел бык. И снова горную тишину вспороли звуки горнов.

— Смотрите, — попросил Климакс, кивая в сторону лагеря. — Они приносят в жертву и человека.

— Это не человек — это варвар — вождь одного из медийских родов, — пояснил Марк.

— Лучезарный, а почему этот мед на осле? — поинтересовался Феликс.

— Таков обычай.

— Смотри, он как высечен из камня! — восхитился центурион.

— Гордые, словно титаны, — вздохнул Порций. — Сам сошел с осла... Не боится смерти.

— Но почему так заторопился Глобус? Или Керы уже схватили меда? — озадачил офицер вопросом хозяина пятнистой смерти.

— Ха! — восхитился центурион. — Мед отбросил Глобуса и сам пронзил себе сердце.

— Жалко палача, теперь он не получит одежду принесенного в жертву. Все его платье должно сгореть в огне.

Пока на валу шел разговор, в лагере срезали с забитых свиньи и быка жир, обжаривая на нем остатки животных и труп меда.

Собранной кровью жрецы обрызгали землю и поднесли огонь к поленьям, на которых были уложены жертвы.

И снова фанфары брызнули звуками. Жрецы запели гимн.

Центурии, посланные конвоировать обоз с золотом, стали проходить около жертвенного костра, направляясь к палаткам, где их ждал торжественный обед.

Феликс смотрел на лагерь, не забывая косить в сторону хозяина питона.

Порций поднял руку и произнес:

— Будь осторожен, Климакс. Никто не должен знать о твоём существовании. Никто не должен видеть нас вместе. Мы с центурионом спустимся в ров и пройдем к Декумским воротам, а ты иди к Центральным.

— Трибун, — обратился жрец, — у Декумских ворот много объедков. Легионеров плохо кормят, и они выбрасывают еду.

— Твое счастье, что ты назначен на выполнение святого дела республики, а то бы я приказал подsunуть язык клеветника под колесо метательного орудия, — обругал Порций укротителя.

Спустились к воротам, добрались до сеток, натянутых во рву. У ворот оба военных приостановились, выжидая нужный момент. А когда начался обед для когорты золотого каравана, офицеры пришли в палатку трибуна.

Климакс тем временем, взвалив на плечо плетеную корзинку, в которой находилась змея, направился к месту, где на кресте висел человек.

«Значит, парфянин все еще утверждает, что он лишь пират, — подумалось Климаксу. — Сильный человек, если Глобус за столько дней не может добиться от него признания».

Висевший на кресте застонал.

— Пить! Пить! — взмолился он.

Помощники палача поднесли к его губам котелок.

— Это соль! Дайте воды! Воды! — стонал пытаемый.

— Скажи, кто ты, и мы нальем тебе в живот целое Тирренское море. Кто ты? — закричал младший палач.

— Воды! — прошептал распятый, роняя голову на грудь.

ТРУСЛИВЫЙ БОГ ВОЙНЫ

После праздника заехали в домик Муржо.

Хлопнули ворота. Несколько спелых ягод упало с соседнего дерева. У колодца затрезвонили трясогузки.

Всадники сняли верхние одежды, умылись и раскинулись на красовавшемся на полу веранды ковре.

Сверкал пестрыми красками закат. Лучи уставшего светила напоминали кисти платка, повязанного вокруг девичьего лица.

Зажгли светильники.

На черном дворе женщины шупали кур, примечая тех, которые завтра должны снестись.

Спартак сидел, укрывшись плащом из козьих шкур.

— Отец хотел, чтобы я стал поэтом, — поделился со Львеном дак. — А я мечтал о подвигах на войне. У меня и не было большей радости, чем носить шлем и латы. А тут еще и двух детей потерял. А последний в гладиаторах. Как я поеду в Рим, если я и запаха этих легионеров не переношу.

— А как хорошо ты бил их на базаре в Амфиполе. Такими ударами можно гордиться! — вспомнил Спартак.

Муржо скривил губы:

— И как он их терпит в Риме, понять не могу. Почему не бежит?

Ударил крыльями сокол. Заскрипели двери. Вошла женщина с тазом и кувшином воды, омыла ноги Спартаку, хозяину и гостю.

— Я с детства учил его: не рвись к солнцу — закусают оно тебя до смерти и швырнет мертвым. Не послушался. Вот и сидит в своем Риме.

— Он — гладиатор?

— Смертник. Убивает людей ради забавы сынов волчицы... Я и тебе говорю, Гроздяночка: будешь царем, будь мудр и осторожен, а то сгоришь, как Спартаки в Пантикапее.

— Их побили римляне?

— Нет, Львенок, их съел Митридат.

— Он такой сильный?

— Он — крокодил со стозубой пастью.

Дак прошелся по веранде, спустился в подвал, принес поднос, на котором лежали кизил, винные ягоды и смоквы.

— А почему люди воюют, Муржо? Почему ездят в Боспор и убивают друг друга? — поделился мыслями Спартак.

Хозяин дома добыл из кармана орехов и положил их перед воспитанником.

— Об этом надо спросить у Геры, что породила Ареса — бога войны. До него люди не знали этого ремесла. Арес научил их героизму. Вот и стали они друг друга красиво убивать.

— А сам Арес бился на мечах?

— Нет. Трус он был.

— Бог войны, а трус?

— Да. Когда гиганты воевали, его два разбойника заперли в погребе, где он просидел пятнадцать месяцев. А потом бежал во Фракию.

— Муржо, а кто убил последнего из Спартаков в Пантикапее?

— Савмак.

— А кто он такой?

— Копьеносец.

— Один.

— Нет.

— А кто ему помог?

— Думается мне, что кто-то из Сицилии. Есть такое место в Италии. Недавно там вспыхнуло восстание рабов. Кто-то, как видно, бежал в Боспор, принес с собой искру от костра. Вот беднота и взялась за оружие, чтобы добыть свободу.

— Разве могут рабы побеждать царя?

— Могут, Львенок, могут.

— А Рим?

— Не знаю.

— А в земле медов может появиться Савмак? — заволновался юноша.

— Он уже есть.

— Кто?

— Локр. Этому только дай силу, как он такое устроит, что запыхает вся Фракия.

— А как Севт Обшти?

— Он предан царю как собака.

— А почему Локр так зол на нас?

— Овец у него мало, вот он и разбойничает. А теперь где-то узнал, что римляне хотят провести караван золота с верховья Стримона, так совсем не стало этому дикобразу покоя. Упрашивает царя перехватить обоз сынов волчицы. Каликрита стала уговаривать отказаться от этой пляски, так он запел такую черную песню, что целых два дня Рачка натирала владыке виски винным уксусом.

— Муржо, а какое золото у римлян на Стримоне?

— Есть тайные прииски. Вот оттуда и наметили провести в Македонию караван.

— А почему дед никогда не говорил об этом?

— Сам узнал недавно.

— А от кого?

— Львенок, ты еще мал, чтобы знать тайны дворца, но одно тебе скажу: есть кому каркать от римлян в нашу сторону.

— Из Македонии?

— А может быть, из самого Рима. Вот Локр и хочет поспорить с царем, как Дурила с самим солнцем.

— А как она спорила с солнцем, оно ведь такое сильное.

В соседнем дворе, за каменным забором, заскулил щенок. Широкие ладони ветра так повели по шершавым листьям винограда, что многие из них опали.

Спартак напомнил:

— Муржо, ты хотел рассказать о Груе и солнце.

Дак накрутил чуб на ухо, обтер усы и усмехнулся так, словно проглотил ложку меду.

— Однажды эта ярочка поспорила, что победит само солнце. Сказала, а у самой ума, как пота у лягушки в засуху. Поспорила да обгорела. Сказала всем, что она лучше светила, ну и покрасила лицо воробьиными яйцами, а оно подсохло и стянулось, как зад у петуха. Так, думаю, будет и с Локром: возьмет его царь за горло. Ну, Гроздяночка, свечерело, пора и во дворец, а то Сотимус и царица беспокоятся за тебя, а меня проклинаят. Поехали.

Стали одеваться.

Сокол сидел в клетке, снова обидчиво ударил клювом по прутьям. Где-то зарычали собаки. Клейко запахло тестом, которое ставили для утренних хлебов.

— Муржо, скажи, — в глазах юноши задрожала тревога, — можно римлян бить? Они ведь называют себя покорителями всего мира.

— Смелее, Львенок! Меды еще бросят свои дроты в Адриатическое море. Разве мы их не били на базаре?

— Но они распяли наших побратимов на ветвях дуба, а мы не сумели отомстить.

— Когда львенок маленький, он еще только львенок, но когда он станет львом, то волки не смогут спокойно есть кур, им бы успевать грызть луковицу.

Вспрыгнули на коней и поскакали во дворец.

— Думаю, что можно их бить, если у этого народа сам бог войны трус, — подбодрил воспитанника дак.

ДОНОСЧИКИ

Дежурные офицеры ждали возвращения трибуна. Два ветерана, находившиеся во время отсутствия Порция в палатке, покинули ее, оставляя центурионов одних.

Стены палатки были увешаны пурпуром. На столбах висело оружие, панцири и шлемы. По углам, переливаясь в свете факелов, искрились круглые щиты. Курительницы испускали ниточки дыма благовоный.

Порций сел в кресло. Глубокие морщины и шрамы, бороздившие лоб, выдавали наступающую старость. Он еще мог вскочить на коня без помощи слуг, метнуть точно в цель копье, но все чаще и чаще болели ноги, покалывало сердце, а в дни плотных туманов кашель буйствовал в груди: сказывалась служба в болотах Британии.

Вот и сейчас, после того, как этот мед сам вонзил в себя меч, предсказав этим плохой исход экспедиции с караваном золота, Порций старался выглядеть бодро, но грудь его так сильно ныла, что холодный

пот струился между лопаток. Трибун вздохнул, пристально посмотрев в сторону дежурных офицеров. Его поняли.

Центурионы замерли, ожидая приказаний.

Марк распрямился, предложив:

— Не преклонить ли нам колени перед богами, Феликс?

Видя бледность на лице трибуна, Счастливым опустил на ковер.

— Прикажете, — попросил Порций офицеров, — пусть подадут горячее и копченых языков. Сегодня мы это заслужили.

Лицо Марка ожесточилось, губы слиплись, и он, как бы подводя итоги встречи с укротителем питона, подумал: «Сенат в Риме давно хочет вместо меня назначить брата Красса. Но я спутаю игру этому быку с соломой на рогах. Скоро, совсем скоро я затоплю Рим фракийскими рабами. Только бы очистить путь для большого похода. И пока Митридат тратит силы в Азии, подбираясь к Балканам — этому ларцу с золотом, я сомну презренных медов, стравив их с одрисами. Пусть дерутся и слабеют. Пятнистая смерть Климакса — вот кто вознесет Марка Порция к новой славе».

— Ты думаешь о медах, Лучезарный? — прервал мысли Феликс.

— Ты прав, мой мальчик. Я хочу затопить ими рынки Рима. А Спартака Старшего и его сына я с удовольствием казню, чтобы отомстить за убийство всех свободных граждан республики... Вот и недавно двое из них ехали лечиться на живые воды, а они задушили их дымом. Один из убитых — мой давний знакомый.

Заметив, что один из дежурных офицеров прислушивается к разговору, трибун махнул в его сторону рукой, приказав:

— А вы можете быть свободными.

И обрушился на Феликса:

— Я посвятил тебя в свои тайны как лучшего центуриона, как человека, которого я знаю по битвам в болотах Британии, а ты говоришь о них в присутствии этих доносчиков.

— Лучезарный, прости, если я виноват.

— Вот это мне больше нравится, — похвалил трибун. — И помни: мало кто решится в наше время приблизить к себе центуриона из Помпей, которые не признали Суллу... А я доверяю тебе как настоящему римлянину.

— Но я — оск¹, древний оск!

— В этом твое несчастье, древний! Был бы ты хоть тутикусом².

— Лучезарный, я твой раб!

— Этого мало, мой мальчик. Раб — это живое имущество, а я хочу, чтобы ты стал частью моего мозга, а особенно в том деле, которое я задумал. Ты слышал что-либо о парфянской коннице?

— Слышал.

— Так вот, если она одновременно станет мочиться, то Тибр покажется лужей перед этой рекой.

— Как твои мысли о двуглавом питоне, медахрабах и Риме связаны с парфянской конницей?

— Думай, думай, мой мальчик! Это тебе новая загадка. А сейчас распорядись, чтобы пришел массажист — у меня очень болит под левой лопаткой.

— Лучезарный, — поинтересовался Феликс, — а разговор о караване золота — это приманка или великое дело для сената?

— Думай, думай, центурион, славный оск из Помпей. Ах, проклятая лопатка! В спине словно острие меча! Феликс, не надо массажиста, зови лекаря. Скорее, скорее! И посмотри, не подслушивают ли эти доносчики у стен палатки.

ТАНЕЦ НА РАСКАЛЕННЫХ УГЛЯХ

К этому торжеству готовились старательно. Еще за неделю до него в селах и крепостях, как и в Яворине, с восходом солнца выходили на улицы, встретив со-

¹ Оски — одно из италийских племен, населявших Кампанию.

² Тутикус — носитель высокой власти осков.

седа, снимали шапку, кланялись, желали ему счастья и здоровья.

На второй-третий день подготовки Спартак взял кувшин вина, как учил его Муржо, и они направились на городскую площадь.

Им встретились ремесленники, дружинники, купцы, овчары. Они раскланивались, угощая друг друга, целовались и шли дальше.

Базарная площадь мурлыкала свои торговые песни, обсуждая завтрашний день, на который выпало огнехождение.

Из соседнего храма сообщили, что честь танцевать на углях выпала на дочь князя Севта, так как она жрица.

Базар заплескался, споря до драк, как надо правильно кидать жребий о том, кто должен совершать обряд огнехождения.

Подвыпивший Рус, покупавший дрова для ритуального костра, наскაკивал на базарного старшину, грозя:

— Если не знаешь великих таинств, так иди курщипать. А мне еще мать моей матери говорила, что надо сначала ноги выпарить в отваре дуба, а потом ходить по огню.

Базарный, стуча пальцем по полену, не уступал:

— Проткнул бы меня русый бык рогом, если бы только не эта хитрость цыган: ноги надо дубить в квасцах!

Красные глаза старшины слезились, толстые губы, как рубцы плохо зажившей раны, скособочились на мясистом лице.

— Нет, старый хрен, ты скажи мне: почему у них не выступают волдыри на ногах после этих танцев по огню?

Старшина схватился за полено, Рус — за нож. Подошли Муржо и Спартак.

— Эй, славный побратим Рус! — поприветствовал дак. — Какую крокодилову язву в Аид провожаешь?

— Ха! — обрадованно обратился к царскому внуку старшина: — Рассуди нас, Спартак: есть тайное

слово у жриц, чтобы босыми ногами по огню ходить? В чем магия такого чародейства?

— Эге-ге! — загоразивая воспитанника, отозвался Муржо. — Это и старой Рачке известно.

Золотая серьга гоготнул, что-то прошипел, глядя на Муржо, и облапил его ручищами.

— Когда ты со мной рядом, я и по солнцу могу постучать пятками, — признался он. — А может, на радостях перевернем пару возов с тыквами?

— Можно было бы, но со мной Спартак.

— Вот и пусть порадуетя нашей силе. Давай, Муржо, ведь праздник скоро.

Воспользовавшись тем, что Рус отвлекся, старшина нырнул в лавку торговли шерстью.

— Хорошо умеешь говорить, Золотая серьга! Мы еще выпачкаем смолой какому-нибудь крокодилу пасть, а пока покажу я Львенку, где будет огнехождение. А ты — гуляй! Или спроси вон у того афра, как он попал к нам в Яворину. Не послан ли он сынами волчицы.

— Эгей, коротконосый! Скажи, как это занесло тебя в наши уголья? Робро! А ну-ка покажи этому стозубому, как мы выбиваем доносчикам клыки!

Чернокожий распахнул свое длиннополое одеяние и показал рубец у самого сердца.

— Амон-Ра подсказал мне, что меды идут походом на римлян. В Филиппах легионеры сломали мне ребро и сожгли дом. Я был гладиатором и боролся с быками.

— Вооруженным? — не доверяя незнакомцу, уточнил Рус.

— Голый.

— С пустыми руками?

— Пусть проклянет меня Имхотелу-врачеватель, если я вру.

— Докажи! — потребовал Золотая серьга.

Спартак замер, наблюдая за афром.

Негр подошел к привязанному у столба быку, дразня животное красной тряпкой. Двурогий ударил копытом и заревел.

Собралась толпа. Кричали, шумели, подбадривая храбреца.

Быка отвязали. Он вскинул рога, чтобы ударить ими афра. Но негр увернулся, перехватил правую ногу животного, и бык, валясь на бок, смял гору арбузов.

— И это голыми руками. А если ему меч дать! — удивился Спартак.

— Нет, не надо! — отозвался афр. — Пока не надо. У римлян на руднике, что у Прасиас-озера, уже сгорело несколько машин и двое легионеров утонули в болоте. Это сделал я.

Ничего не понимая, Львенок посмотрел на воспитателя.

— О каких машинах он говорит, Муржо?

— О тех, что откачивают воду и поднимают породу.

На площади загрохотали поленья, сбрасываемые с возов: привезли дрова для костра. Показался караван ослов с мешками угля.

Робро, размахивая изуродованными руками, указывал, как и где раскладывать дрова.

Рус стал рассыпать уголь в виде круга, изображая черное солнце.

* * *

На третий день праздника начались огненные игры.

Сначала заухал барабан. Взметнулось огненное пламя.

Толпа празднующих гудела по улицам городища, затопляя переулки. Отбушевав в одном конце крепости, она просачивалась в другой. Барабан все бил и бил, охая, как раненный насмерть. Прощались с кем-то сердобольные свирели.

«Страх-перестрах!» — вроде бы покрикивал костер, жая своими языками-лезвиями курдючно-жирные облака, что спускались с Орбелуса на город.

Рус, вооруженный жердиной, чванливо поторапливался у костра. В соседнем храме готовили к огнехождению Семелу, девицу-жрицу.

А барабан все звучал, словно торговка шерстью, стучавшая себя по ляжкам: бух-бух, бух-бух.

Солнцеволосая Семела встала на колени перед жрицами.

— На нее молись! — приказала старшая, указывая на изображение, где оголенная богиня ехала в телеге, запряженной Змеихой. Груды обвисли, а под ними извиваются всякие разводы. Змеиха заглатывала ребеночка. Снуют по реке рыбины и дельфины, ползают красные раки, вьются лемуры. Страшно. Семела заплакала.

А старшая жрица с лицом мятым, как бычья кожа, дотронулась до ее виска и запричитала — словно колдунья, привораживающая жениха к невесте:

— Дух страха перед огнем и пеплом, обратись ты в небытие и прах убитых! Пади в своего Орбелуса и забушуй там цветком Орфея. Освободи сердце Семелы от всякого черного глаза и змеино-го лихоемства!

Встала девица, лицо ладонью тронула. Глаза, что были с рысинкой, закипели стайками созвездий.

— Иди! — приказало видение в черном. — Ибо твоя душа уже вошла в царство соприкосновения с пылающими углями. И ты чувствуешь, как они жгут твои белые ноги... Ступай! Да не стой долго на одном месте.

— О, Афродита! — взмолилась жрица. Я не могу двинуть ногами с места, они уже покрылись волдырями. Кто же возьмет такую калеку в жены. Пощади ты меня и помилуй!

И снова по лицу Семелы покатались слезы.

Глаза старшей жрицы, как две капли раскаленного золота, из-под губ торчат зубы.

— О Афродита! И ты — мать Гея! Влейте в душу Семелы силы и уверенность, чтобы побороть страх перед огнем. Влейте в душу и запечатайте! Семела, ты уже не боишься! Крепись! Ступай!

А барабан, как голос самого Зевса, что, бывает, доносится раскатами грома, призывает и призывает народ к костру, на огненное чародейство.

— Ну-ка налей мне своего змеино-го отвара, — попросил Рус соседа, подставляя горсть, похожую на

добрую квартиру. — А то в голове все перемешалось, как в костре угли.

Сказал, наклоняясь, и притих, слыша, как афр шепнул ему в ухо:

— Сыны волчицы в Филиппах жарят пшеницу в масле.

Рус тут же передал эти слова Муржо.

— Значит, готовятся к походу на нас?

— И еще афр сказал, что они хотят провести золотой караван с верховья Стримона.

— Выходит, пронюхали о замысле нашего царя и метят ударить раньше. Придавило бы их кряжами Гема!

— Что делать, Муржо? Идем во дворец?

— Я обещал Спартаку показать хождение по углям.

Царь тоже сейчас будет здесь, вот ему и пошепчем.

— Нет, я побегу, — не выдержал Рус.

— Хорошо, беги.

* * *

Во дворце Рус так и выпалил:

— Римляне жарят пшеницу!

Подлокотники в руках Спартака Старшего хрустнули.

— Выходит, все пронюхали... Ну, Локр! Афр — верный человек?

— Друг Робро.

— Робро нам верен. Значит, надо ждать от сынов волчицы нового укуса. Хотят сорвать наш поход в Македонию. Ну что же, посмотрим, кто ловчее — троянцы или ахейцы.

— Созови, Рус, тайно вельмож и старейшин. Нужно им сообщить это известие. Но праздник не портить. Пусть люди радуются. Да смотрите, чтобы Львенок все видел как надо.

Рус хотел выйти из покоев, но его поманили пальцем.

— Как думаешь, можно Гроздяночку подпустить к стрельбе из лука? Не опозорится?

Золотая серьга подумал, дотронулся до кинжалов за широким поясом и благословил:

— Пора, глаз у него верный, как у коршуна.

Царь, покусывая сивый ус, прошелся взглядом по конюху и добавил:

— А не юн?

— Невесту пора бы приглядывать. Вон жрица, дочь Севта, чем не невеста?

— Та, которая на углях танцевать будет?

— Да. Всякий ли из копыеносцев это сможет сделать? Характер царский: крепка душой, как моченый дуб.

— Гм! — одобрил царь. — А это ты хорошо придумал: невеста из знатного рода. А как она статью?

— Как Афродита!

— Вот тебе, Рус, поспразднуй, — Спартак Старший протянул Золотой сереге монету. — Погуляй на славу. А завтра утром соберите с Муржо всех на совет.

Царь умолк, а в глазах заметалось, заухало, обжигая мозг и душу, тоскливое пламя.

А на базарной площади искрились угли, как драгоценные камни в короне. Меды знали цену этим рубинам — не раз их обсмаливали враги на огне, живыми закапывали в горящие угли.

Снова закартавил барабан — словно кто-то говорил, набив рот мамалыгой. Двери храма распахнулись, и яворинцы застыли, увидев красоту жрицы Семелы. Светлые волосы ее были распущены, глаза-серебрянки полны небесной лучезарности. Шла она — пава павою, фигурой напоминая Афродиту — богиню любви и красоты, статуя которой стояла на форуме Амфиполя.

Толпа окаменела. Кто-то так и не досказал слов, застывших во рту. Кто-то смотрел на жрицу, закипая черной завистью. А Семела шла к огню, как бы восходя на Олимп, — благолепно и уверенно.

— Вдохнови и наставь такую красоту, Афродита! — молился Робро.

— И руки царственные, а шея, как у Меды! — восхитилась Каликрита.

— Царица, — обратился Рус, — смотри, как она похожа на тебя в молодости.

И опять повезло Золотой сережке: царица протянула ему несколько золотых.

— И пусть великий Залмоксис продлит тебе жизнь, — поблагодарила старуха, ласково посмотрев в сторону конюха.

Но тут свирели и барабан окатили всех таким бурлящим взрывом звуков, что праздник снова замер.

Семела, вздрогнув всем телом, неистово закричала и пошла по углям, как-то особенно ставя ноги. Лицо ее потемнело, руки взлетели, глаза расширились, наполняясь таинственной силой.

Пройдя через круг, Семела вернулась к центру пылающего солнца, выкрикивая что-то немыслимое и таинственное. Спартак, околдованный увиденным, стоял не шевелясь.

— Слава Гераклу-хранителю! — опираясь на руку воспитателя, песнопесенно промурлыкал Львенок, жалея молодую жрицу.

— Она богоподобна, — согласился дак, накручивая чуб на ухо.

— А какая храбрая! — удивился парень. — О Артемида и Аполлон Лучезарный, пожалейте ее ноги и охладите угли, — взмолился юноша, все пристальнее вглядываясь в лицо девушки.

А Семела, дважды пройдя круг, взяла в руки статую Геракла и снова пошла по углям, дышавшим жаром. Казалось, силы вот-вот покинут ее. Жрицу подхватили и унесли в храм. Спартак сопровождал девушку взглядом, выискивая ожоги на ногах, но ноги оставались белыми, как и были. А тем временем вокруг горевших углей гигантской сороконожкой зазмеился хоровод.

Спартак и Муржо неслись по кругу в этой цепочке вместе со всеми, приседая и выкрикивая слова, оглушавшие окрестность.

Весь день праздник клокотал в Яворине, обрушивался на самые глухие уголки города, пенясь в каждом квартале и самой маленькой лачуге. Яворина бурлила и пела, прославляя храбрость и красоту Семелы.

После торжеств царь приказал весь скот перегнать на верхние пастбища. Туда же отправили стариков и детей. Казну закопали в тайных местах. По дорогам выставили конные дозоры. Ждали нападения римлян.

Женщины вызвались наносить в горы хвороста и запасов пищи.

Военный совет собрался в соседней роще тайно. Среди зарослей и кустарника, где была объявлена охота, расположились представители родов.

Спартак Старший сидел на побитом молнией яворе, остальные окружили его.

— Это затея Порция, — крикнул Севт. — Опять крутит хвостом, как жеребец перед случкой! Может быть, откупимся.

— Деньгами, которые получим, продав тебя в рабство? — спросил отец Семелы.

— Или откажемся от похода в Македонию? — успокоил их царь.

— Тебе можно, у тебя сундуки полны золота. А у меня снова пал скот, — возразил Локр.

— Но это римляне?

— Мне какая разница. Они готовят золотой караван, вот его мы и завернем в свою сторону. Веди нас в поход, повелитель, или уступи место другому!

— А если это новая хитрость римлян? — поделился царь мыслями.

— В чем их хитрость? — зло кинул Локр.

— Они знают, что если нам будет известно о жареной пшенице, то мы поторопимся с походом и тогда они погонят нас, как охотники волка.

— Веди! — потребовал Локр.

— Веди! — посоветовал Севт.

Спартак Старший посмотрел на Сотимуса и позвал внука, думая: «А хорошо бы дочь Севта взять во дворец для Львенка: красива, стройна, обучалась великим тайнствам. Хорошо бы. А похода пока не будет: рано, плохо подготовились. К нему бы надо привлечь и соседей, но казна слаба. Много пало скота. Пока

надо совершить не поход, а набег. Он охладит многие сердца, а Локру заткнет рот».

— Меды! — произнес царь. — Порций хитер. Он пойдет на все. Но нам помогут могилы наших предков и горы — наш дом! Я подумаю и сообщу свое решение.

Подъехал Рус.

— Владыка, — доложил он, — мы загнали двух барсов.

— Хорошо. Братья, вы не будете возражать, если первый выстрел по зверям сделает мой внук?

— Ула-ла! — подхватил Муржо.

— Ула-ла! — одобрительно повторил Сотимус. — Пора. Он уже настоящий воин.

Оруженосцы подали Львенку лук деда.

ПУДРА ИЗ ШКУРЫ БЕЛОГО СЛОНА

Полог палатки распахнулся, и вошли слуги. На золотом блюде лежали тонко нарезанные ломтики копченого языка вепря.

— Лучезарный, — сказал один из вошедших. — Привезли пудру из толченой шкуры слона. Близок час, когда твой массажист должен взяться за свое дело.

Слуги удалились.

— Пусть тебя не удивляет, что мне втирают измельченную кожу слона, она омолаживает, как и спинной мозг льва, — передавая копчености центуриону, объяснил Порций. — Годы и походы унесли свежесть и цвет моего лица. А так хочется продлить молодость.

— Толченой кожей слона?

— Халдеи предписывают ее как средство, сглаживающее морщины на лице. А гетеры советуют пудру из шкуры носорога, но у меня после такого бальзама появляется зуд.

Феликс ударил ногами по бронзовому шлему.

— Ты стучишь, как хозяин пятнистой смерти по ореховому дереву, — отозвался Порций, почесывая могучую челюсть.

— Еще в гимназии учитель музыки говорил нам, что петь и декламировать лучше в сопровождении инструмента. Проверим? — И Феликс стал читать:

Кляли тела на везы, проливали горячие слезы.
Громко рыдать Приам запрещал им. Трояне безмолвно
Мертвых своих на костер полагали, печальные сердцем,
И, предав их огню, возвращались к Трое священной...

Так и с другой стороны меднолатые мужи-ахейцы
Мертвых своих на костер полагали, печальные сердцем, —

дополнил Порций.

— Великий слепец Гомер! — воскликнул Феликс.

— Клянусь Юпитером-Громовержцем, отец, как видно, недаром тратил деньги, отправив тебя слушать философов в Афинах, — восхитился трибун. — Я не могу себе представить, как эти Спартаки пьют крестьянское вино и спят вместе с овцами и телятами, словно хлебопашцы в наших селах.

— А они считают себя свободнорожденными! — зло произнес Феликс.

— Налей вина, — как бы отблагодарил за что-то старший офицер, добавив:

Кубок налил и привстал, за руки взявши Пелида:
«Здравствуй, Пелид! В дружелюбных нам пиршествах
нет недостатка...

— Но есть недостатки в рабах, которые на форуме Рима могли бы прославить имя Порция! — перебил центурион.

Эти слова, казалось, обрушились на душу трибуна, как лава вулкана. Глаза Марка вспыхнули, лицо дрогнуло.

— За этим святым делом я готов идти от Геркулевых столбов до самой Индии.

— Твой путь к лаврам может быть короче, Лучезарный: перед нами Фракия!

— Но это хвост царства Митридата.

— Хвост, который ты можешь намотать на руку.

— Мне нужна победа. Мне нужна слава. Я хочу получить триумф в Риме. Но как добиться его здесь?

Порций напрягся, скрипнул зубами. Еще миг, и он бы заплакал. Бычья челюсть отвисла, губы дрогнули.

— Покурим конопли¹?

— Мы не скифы.

— Эй! — позвал слуг трибун. — Принесите семян конопли!

Через некоторое время посреди шатра стоял сосуд с горящими углями.

Завернув рукава, Марк торопливо отсыпал горсть зерен и кинул их на огонь. Густой зеленоватый дым заструился над жаровней. Порций стал жадно вдыхать его.

— Иди! — позвал он центуриона.

Тот подсел рядом. Чихая и давясь, он сделал несколько вдохов. Перед глазами все поплыло. Предметы стали увеличиваться.

— Ну как? — поинтересовался трибун.

— Очень захотелось есть.

— Это хорошо. Вдыхай, вдыхай. Сейчас захочешь танцевать.

Офицеры рассмеялись. Движения их стали медленными, лица исказились странными улыбками. Язык трудно подчинялся мыслям. Странные тени царствовали в их головах. Тени говорили, спорили, кривлялись.

— Счастливый, ты достоин похвалы! Некоторым сенаторам неплохо бы иметь в своих мозгах такую клоаку максимум², чтобы по ней стекали мысли о собственном благополучии, оставляя в голове заботы о делах Вечного города.

— Я раб замыслов Лучезарного.

— Повторяю: ты не раб, ты — часть моего мозга. И мы еще споем свои гимны. Пятнистая смерть делает великое дело.

Порыв ветра обрушился на шатер. Где-то загремела посуда. Стали ругаться слуги. С привязи сорвался чей-то конь.

— Пока мы с тобой в тени, пусть Сулла в Мамертинской тюрьме добивает противников, выколачи-

¹ Семена конопли — наркотик.

² Клоака максима — дренажные сооружения в Древнем Риме.

вая из них дворцы и виллы. Пусть острее почувствуют поступление в казну золота из рудников Фракии. Македонию мы успели вытрясти так, что, кроме ослиного навоза, в ней ничего не осталось. Значит, нужны новые земли, хотя бы Фракия. А для этого надо совершить поход в эту страну волшебных трав.

— Но царь медов сейчас в почете у соседних племен и на наш поход он может ответить военной экспедицией. Стоит только медам подняться на войну, как вся Македония, помня свое величие в прошлом, начнет вырезать гарнизоны легионеров, — отозвался Феликс.

— Если я и здесь потерплю неудачу, мои враги в сенате переселят меня в Египет, — поделился трибун. — А я не выношу африканского солнца. У меня от него появляются струпья. Помни, Счастливый, что о моих мыслях знают только двое. Третьему не дано.

— Лучезарный, ты достоин быть императором!

— А пока я один из шести трибунов македонского легиона.

Вошел дежурный центурион.

— Что ты хотел сказать, когда мы пришли? — спросил Порций.

— Все приготовили? Серебряную посуду привезли из Филипп?

— Да.

— Родопа будет?

— Ее пригласили к наместнику, но она отказала ему, приняв приглашение Лучезарного.

Бычья челюсть что-то пережевала и застыла.

— Она предпочла меня наместнику? — восторженно откликнулся Марк.

— Боги благосклонны к тебе, трибун, — заторопился дежурный.

— Выходит, зря я называю вас доносчиками? А?

— Зря.

— Вот это медка: гордая, злая, но с душой, в которой пылает искренность. Сегодня отдам ей остатки жалованья.

Порций взял флакон с благовониями и вылил на себя две горсти ароматной жидкости.

— Счастливый, сегодня мы устроим маленький пир. Пусть принесут побольше светильников, — добавил он, обращаясь к вошедшему офицеру, — и ковры. Постелите их в палатке Родопы. Все приказанья ее выполнять сразу. Если что — обращайся ко мне. Хотя подожди. Ты молод и можешь не устоять перед ней. Передай Глобусу, пусть он будет при гетере. Этот муравей умеет укусить в нежное место. Только что-то никак не разделается с парфянином, распятым на кресте.

СПАРТАК И АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ

— Шакаленок, и ты здесь, — толкнув Спартака, озлобился Локр. — И вся ваша порода волчья. Спрятались за стенами дворца и боитесь высунуться.

Вельможа сильно постарел: голова поседела, спина сгорбилась.

— Труссы! Римлян напугались. И ты растешь трусом, как дед? Ростом стал выше Орбелуса, а душа как у курицы.

Спартак отступил, вынимая кинжал. Глаза его сверкнули.

— Испугался? В спину будешь бить, дикобраз! Все вы единого помета: только бы резать родичей. Ну, бей! Бей, сыночек!

Подошел Муржо, глянул на Локра озверевшими глазами. Тот снова вспылил:

— Устроился у царя за пазухой и облизываешь пот на волосах. Тебя давно надо запрячь в ярмо вместо вола, чтобы пахал у черноплужников, собачья сыть! — кинул князь в сторону чубатого. Казалось, все внутренности заскрипели у дака. Его как молнией сломало. Оперся о стену погребца, лицо перекосилось, вздулось, словно исхлестанное плетью.

Не хотелось воину сносить обиду при Спартаке, но знал он, что нельзя ему поднимать руку на вельможу.

— Небо тебе судья, Локр, — защитился Муржо.

— Замолчи, черная кровь! — рявкнул тот. — Не дыши на меня своею вонючей пастью. Эй! — подозвал он своих людей. — Выпороть эту суку!

На Муржо навалились, сорвали одежду.

— Локр! — предупредил дак. — Ты во дворце.

— Я плевать хотел на твоего псаря, я сам такой же царь, как твой хозяин. Валите! — снова приказал Локр своим силачам.

Суставы Муржо хрустнули.

Но рядом с воспитателем встал Спартак, держа в руках обнаженный кинжал. Бледный, со взъерошенными волосами, парень прижался к даку, целя лезвием в грудь князя.

— Назад!

— Бей! — приказал Локр, закусывая рябые от пены губы.

— Одумайся, Локр! — предупредил чубатый. — Перед тобой внук нашего повелителя.

— Бей! — прохрипел князь, указывая на Львенка.

Муржо встал перед Спартаком.

— Пусти, пусти меня! — требовал тот, порываясь дотянуться до Локра оружием.

И тут Муржо нашелся: из кладовой, где хранились продукты, вышла ключница. Плечистая, усатая, она взвалила мешок муки и хотела спуститься в подвал, но ее окликнул дак:

— Эй, Груя!

Ключница остановилась. Сбросив ношу на землю, она подошла к Локру, громыхнув:

— Эй, ты что развоевался? А то брошу в яму с навозом, захлебнешься.

Угроза подействовала: Локр понимал, что одно дело Муржо, а другое — быть преданным позору от руки Дурилы.

— Не тронь Гроздяночку, Локр! — еще раз предупредила Груя, надвигаясь. — А то не посмотрю на твое величие, голым домой поедешь.

Воины сомкнулись вокруг хозяина, обнажив мечи.

Ключница завернула рукава. Охрана не знала, как поступать дальше.

— Эй, Золотая серьга, — крикнула Дурила, — позови-ка конюхов.

— Ладно, поехали! — приказал своим Локр, вспрыгивая на коня. — Я еще покажу этому даку, где находится его Сармицегетуза¹.

На ступеньках главного входа палат Муржо широко улыбнулся, махнув рукой великанше, запустив пятерню в золотые кудри Спартака.

— А ты уже не львенок, а лев, Гроздяночка! — поблагодарил воспитатель. — Настоящий мед: храбрец, своих в обиду не даешь. И всегда будь таким. Был Александр Македонский, а ты стань Спартаком Фракийским. А!

— Скажи, почему Локр такой злой?

— Фортуна ему не улыбается, вот он и лязгает зубами. А потом — мед! А вы такие — никому обиды не прощаете. Попробовал как-то отец Александра Македонского — Филипп Одноглазый — подчинить медов, а сам ушел походом в Грецию, оставив править вместо себя Александра. Узнали об этом меды и взялись за мечи, решив освободиться из-под чужих князей. Александр — на коня. И огромная между ним и медами свара затеялась тогда. Македонец многих медов вырубил, а остальных выгнал из города, заселив его иным народом. Но духа медийского так и не сломил. Вот они какие, наши братья.

— Муржо, а я впервые слышу, чтобы Александр Македонский рубился с медами.

— Было, Львенок.

— А после как?

— Как он медов побил?

— Да.

— Прошло время, Александр вырос, стал великим полководцем, дошел до Индии, вместе с ним воевали и меды. Один из них был его любимым стратегом.

Спартак поправил одежду, подтянул пояс, на котором висел кинжал.

— Скажи, Муржо, а правда, что где-то за Кас-

¹ Сармицегетуза — столица государства даков.

пийским живут такие же даки, как и ты? Панука, когда мы с ним проходили по истории Кавказ, сказал, что они бежали туда вместе с киммерийцами. Там поселились и выстроили пятнадцать городов?

— Да, Гроздяночка, там много даков.

— А как они говорят?

— Не знаю, но, наверно, как и мы — даки с Истра.

— Муржо, трудно стать как Александр?

— Трудно, но ты старайся стать Спартакoм Фракийским. Вот тогда великий Залмоксис пожертвует тебе золотой венок. Гей, Грyя! — позвал Муржо ключницу, несущую от колодца воду. — Дай испить, чтобы душа насытилась здоровьем и весельем!

Дурила заулыбалась, показывая красивые зубы, похвалила Спартака:

— А ты молодец, Гроздяночка, встал горой за Муржо. Храброе у тебя сердце. На, испей живой воды, чтобы стать как львы эфиопские.

Спартак нагнулся над бадьей, ткнулся носом в воду, фыркнул и снова утонул лицом в холодной влаге.

— Ах ты, вода, какая же ты всем родная сестричка в жаркий день: нежная, ласковая, искристая как золотце.

Спартак пил, обливая грудь. Грyя сняла с головы венок и надела на кудри парня.

— Александрoм Македонским хочет быть, — кивнув в сторону Львенка, поделился Муржо. — А я благословляю быть Спартакoм Медийским.

Грyя потеряла усы, сдвигая полосатую повязку на голове, и так гоготнула, словно воз арбузов рассыпался.

— Пусть и к такому делу привыкает, пусть. Гроздяночка, больше играй на свирели: фракийский всадник очень любит такие песни слушать. Вот она тебе и поможет.

Великанша улыбнулась, поправила висевшее меж грудей монисто и поплыла дальше.

— Спартак Медийский! — вдруг крикнула она, взмахнув рукой. — Чтобы Залмоксис помог тебе

бить латинян, как Александр бил персов, да и гнать их до самого Тирренского моря.

— Муржо!

— Что, Львенок?

— Почему дед не объявляет поход?

— Ты видел сегодня Локра?

— Видел.

— А если такое случилось бы в походе, он повернул бы своих против царя! Не простое это дело, Гроздяночка, сварить такую похлебку. Не вернуться бы из этой кутерьмы с колодкой на шее.

— А про золотой караван римлян ты слышал?

— Дошел слух, но думается мне, что большая тут затевается хитрость. Не торопись, присматривайся.

— Хорошо.

ГРЫЗЛИ БЫ ЛОКРА ВОЛКИ

У ворот дворца Рус откинул с телеги войлок и увидел трех убитых.

— Кто?

— Локр напал на Севта, — ответил черноплужник, привезший трупы. — Собрал своих, позвал бесов и устроил бойню. Теперь идет грабить Яворину.

— А кто еще из фракийцев с Локром?

— Просоеды хотели, но одрисы их остановили.

— Петь нам тореле¹.

— Говорят, что с Локром всякий сброд с рудников, — поделился селянин. — Много горя приносит людям этот Арес.

Поправляя войлок на телеге, Рус стал прятать под него синие руки и ноги убитых. Волосы на его голове взъерошились. Щеки покрылись пятнами.

Черноплужник торопливо вдыхал воздух.

— Что будет? — обратился он к Золотой сереге. — Опять война? И так не знаем, куда деться от жары, а этому Локру и не сидится. Все крадется за белыми деньгами.

¹ Тореле — траурная песня.

Заскрипели ворота, телега двинулась, тяжело постукивая колесами.

— Стой! Кому хочешь показывать этих счастливицев? — остановил черноплужника стражник, кивнув на мертвецов.

— Говорят, надо спрятать в подвал до возвращения царя, а он в горах — коней смотрит. А у меня дома соседка корову сглазила. Молоко перестало доиться.

Черноплужник вздохнул, поковыряв в ноздре.

— Куда дальше править? — спросил он у Руса.

— Подожди, — приостановил тот.

Рус прошел к Каликрите и рассказал о том, что видел.

Послали за Спартакoм Старшим.

Дворец всполошился, заволновалась прислуга.

Забегали, закричали в домах, расположенных около стен дворца, а там поднялась и вся Яворина: запирались ворота, прятались товары.

При возвращении царя в отпоре уже бушевало пожарище слухов. Оно бросало простолюдинов с улицы на улицу, сменяя тревогу предположениями, страх — убежденностью, а там и озлобленностью против Локра.

Прискакав домой, царь приказал запереть городские ворота и выставить усиленную стражу. Базарному старшине было наказано ворота форума держать открытыми.

Осмотрев изрубленных, Спартак Старший созвал военный совет. Умывшись, переодевшись, он пришел в храм, встав на колени, долго молился.

— О великий из великих Тилтазес¹! Дай мне твердость духа и разума, чтобы принять решения, которые помогли бы не проливать кровь побратимов.

В жертву богам закололи быка и нескольких баранов. В храме зажгли новые светильники. К народу послали Пануку, Муржо, Руса с дружинниками.

Сам царь стал осматривать склады с оружием, кладовые и тайники с золотом. Поздно вечером объ-

¹ Тилтазес — медийский бог.

ехали складские помещения с запасами продовольствия, не забыли проверить колодцы и водопровод города.

Тайно держали совет втроем: Спартак Старший, Каликрита и Сотимус. Понимали, что Локр один против своих не пойдет: трус. Кто-то стоял за его спиной.

Каликрита взмолилась.

— О Андромеда, не оставь нас без покровительства! Помоги царю наказать предателя!

К смене первых ночных караулов позвали Муржо и Руса.

— Возьмите тридцать воинов и привезите голову Локра, — приказал хозяин дворца, — ибо она, наверное, безумна, если он осмелился поднять руку на повелителя.

— Смерть предателю! — как приговор выпалила Каликрита.

— А если закатаем в ковер и привезем живым? — предложил Муржо.

— Если Зевс и Тилтазес будут способствовать вам, привезите, — согласился Спартак Старший.

Муржо накрутил чуб на ухо. Рус тряхнул дубинкой.

Передав Спартака Сотимусу, чубатый потрепал Фонаря по шее и вспрыгнул на него.

Львенок то подходил к деду, то заглядывал в глаза Каликрите, стараясь быть чем-то полезным.

Вскоре у ворот собрался отряд добровольцев.

— Братья! — призвал Спартак Старший. — Химеры снова хотят укусить нас за пятки. Локр, подбив бессов, высунул свою драконью голову, чтобы проглотить Яворину. Смерть предателю! Кто поймает его и привезет сюда, получит большую награду. Во всем слушайте Муржо и Руса!

— Ула-ла! — воскликнул Муржо.

— Ула-ла! — подхватили конники.

— Мы привезем его живым! — дополнил Рус. — И сбросим с ворот на копья!

Воины приободрились, выстраиваясь цепочкой.

Царь прикусил губы, лицо его перекошилось.

— Взяла бы его стозубая хворь. И куда он лезет, этот Локр, — подбодрила Каликрита.

— Братья! — Снова обратился Спартак Старший к дружине. — А может, я обидел Локра так, что сердце его стало пустой тыквой? Или за службу не одаривал табунами?

— Не мучайся, царь, душой, — позаботился Муржо, — Залмоксис с нами, а он — справедлив. На копьях место этого Локра!

Спартак замер около деда. Рядом не было Муржо, и некому было объяснить, почему меды нападают друг на друга. Почему Муржо и Рус должны привезти голову Локра. Хотя Львенок помнил обиду, которую князь нанес ему и Муржо, но не отрубать же за это голову. Где-то мякнула кошка. У основания колонны забегали муравьи. Один из них остановился, пошевелил усами и побежал к птенцу горлинки, выпавшему из гнезда.

Спартак придавил муравья ногтем.

Конники закружились на своих белогривых скакунах и тронулись в путь.

Рус хотел что-то сказать, но его жеребец, не слушаясь повода, рванулся во главу отряда.

— Повелитель! — призвал он, поглядывая в сторону царя. — Локра надо казнить, а вот его людей помиловать: тут и свинье ясно, что это римляне травят его на Яворину.

— Владыка Спартак, — вдруг обратился Львенок к деду, —пусти меня с Муржо и Русом.

Старик улыбнулся, накрыл голову внука ладонью:

— Надо бы Львенку побывать в драке со львами, но мягки у тебя пока коготки. Сотимуса не пускаю, берегу. А крови вы еще наглотаетесь. Демоны еще изорвут ваши души. Видятся еще такие кровопролития, в которых твой меч еще много раз будет дымиться от человеческой крови. Давай-ка, внучек, сначала поборемя. Покажешь мне свою силу! Но это после того, как отправим Муржо и Руса. Благослови их, Афина, и укажи путь в страну мрака этому змею Локру.

Руки старика скрестились на груди, и ему поче-

му-то вспомнилось детство. Вот он бежит по лугу босой. Вокруг цветы, птицы, солнце.

— Не мучайся, Спартак. Не казись. Не руби Локру голову. А вот поучить надо, — вроде бы как заговорило Светило. — Отруби-ка только левую кисть, а то и обе, как римляне это сделали с Робро.

— Понял, — согласился царь, мысленно возвращаясь из детства на площадь перед дворцом. — Спасибо за доброе слово, — закивал старик, прищурившись в сторону солнца, и улыбнулся.

Увидев это, заулыбалась дворня, а там и базар, и вся Яворина облегченно вздохнула. Заулыбался царь — значит, дела ладятся.

Ночью Спартаку Старшему почудилось, что солнце снова заговорило с ним:

— А ты, Спартак, все-таки не убивай Локра. Муж он горячий, но родину любит. Отсеки левую кисть, и ладно. Пусть живет и помнит про твою тяжелую руку.

— Ну их, эти кисти, — отмахнулся старик, вспоминая радостное лицо внука, — ты уже говорил мне об этом.

— А ты умеешь кричать по-ослиному? — спросил почему-то старик внука.

Спартак кукарекнул ломающимся голосом.

— Плохо получается.

— Муржо учил.

— Ну-ка еще раз.

— И-а! И-а! — постарался Львенок.

— А вот и не получается, — почему-то обрадовался царь.

— А как?

— Слушай. И-и-а! И-и-а! — старательно вывел царь.

— А по-петушиному? — пристал к деду внук.

— Ку-ка-реку! — закричал тот.

— А как овца?

— Бэ-э-э!

— А воробьи?

— Чик-чирик, — ободрившись, угодил старик внуку.

— Какой же ты у меня хороший! — отблагод-

рил Спартак царя, поцеловав в ухо, а тот обнял внука, чувствуя, как странная мысль заледенила скрипучее сердце: «И Локр хочет нанизать эту голову на копье?»

Старик посмотрел на солнце косовато.

— А ты уговариваешь меня, чтобы я ему только одну кисть отрубил. За такую измену прикажу продеть ремни сквозь уши его отрубленной головы, и пусть все видят, что ждет предателей.

— Львенок! — позвал Спартак Старший. — Иди, Гроздяночка, и начинай свои уроки с Панукой.

СОБАЧЬЯ ВОШЬ

День над Явориной припозднился. На базаре покупатели встряхивали кур. Высились мешки с орехами нового сбора, нежились на камышовых подстилках плетеные косы репчатого лука.

Торговка шерстью, забрызгивая пышную грудь маслом, ела лепешку.

Фанагорийские купцы протирали лепные фигурки. Рядом свисали туши баранов и свиней. Розовощекие говорливые медовщики лениво персругивались. А дальше шли ряды овощей и лечебных трав, которыми были так богаты Орбелус и Родопы. В стороне от базара раскинулся бродячий цирк. Здесь танцевали на руках, гимнасты крутились в воздухе, ревели звери, показывали африканца с двумя головами. Рядом закапывали в землю живого человека, с тем чтобы живым извлечь со дна могилы.

Во дворце жизнь кипела, как прежде. Каликрита шумела, словно морской прибой Фракийского моря.

Но тут что-то дрогнуло в воздухе. Да так, словно солнце сорвалось с привязи и ударило копытом по небу. То вздрогнула Яворина от голосов на базарной площади. Взобравшись на плаху мясоруба, Панука читал указ о предании смерти лихоимца Локра. Предводитель медов повелевал отсечь предателю голову.

— Живым зарыть в землю! — громыхнул Робро.

— Сбросить на копья! — предложил кто-то из черноплужников.

— Осмолить, привязав к бревну!

— В пропасть! — несло со всех сторон.

Локра вели четверо, держа на цепи, тянувшейся от пояса пленника. Костер ненавидящих взглядов вспыхнул, как только пленник показался на площади.

Виноградари, гончары, каменщики, ремонтировавшие крепостную стену, старались дотянуться до закованного в цепи и ударить. Спартак стоял на балконе дворца. На его лице было написано удивление. Светлые глаза непрерывно следили за толпой.

А там, внизу, заводь людских тел хлесталась о камни оград и строений, оглашая город рокотом жестких требований.

— Муж Сотимус, — попросила Меда, — может быть, увести Гроздяночку со стены?

— Нет, — возразил тот. — Пусть видит, как меды карают за предательство.

Князя вскинули на колоду, разрывая одежду.

И только водопадная речь Муржо сдерживала тех, кто готов был разорвать Локра на куски.

— Братья! — призвал дак. — Суд идет, а не праздник! Остановитесь! Эй, дружина, направьте копья в горла тем безумцам, кто будет кричать как прокаженный! А этой толстой торговке шерстью заголите зад и прижгите огнем двухлунное светило!

Спартак хмуро смотрел на озверевшую толпу.

До него долетали слова:

— Стало известно, что Локр сговорился с самофракийскими пиратами. Они обещали ему оружие за наши головы и долю с добычи, — продолжил Муржо. — А если что, то обещали взять под защиту.

Спартак дернул отца за рукав.

— Кто такие пираты?

— Разбойники на море, что грабят купцов и увозят в рабство селян и селянок.

— А вельмож и стратегов?

— За них они стараются брать выкуп.

- Их много?
- Целое Киликийское царство.
- Пиратское царство?
- И очень сильное.
- Сыны волчицы не могут их победить?
- Нет.
- Почему?
- У Рима слабый флот.

А тем временем Муржо, накинув на себя шкуру медведя, сорвал железный пояс с Локра и поставил предателя на колени.

— Ула-ла! — закричал дак. — Смотрите на этого скорпиона, задумавшего уничтожить Яворину!

У плахи развели костер и стали калить железо. Локра расковали, обстригли, сорвали остатки одежды. Он все это выдержал с достоинством.

Гордость и смелость горца понравились медам. Они сами часто встречались со смертью и потому знали цену человеку, который мог, не дрогнув, посмотреть смерти в лицо.

Рус, разминаясь, сбросил плащ.

Многие впервые увидели, какой он крепкий. Такого не побороть. Говорили, что он мог руками переломить саррису¹. И, как бы в подтверждение молвы, Золотая серьга взял меч, размахнулся и вогнал его в край плахи. Дружинники хотели высвободить острую бронзу, но им не хватило сил.

Привели двух жеребцов. Роня пену, они рвались из рук конюхов, но разве сладить им с силачами, что в праздники играючи перекидывали один другому наковальни.

Меды замерли, не понимая, что задумал царь: для чего костер и эти тяжелые сытые кони.

Только Локр, кажется, стал догадываться, что его ждет.

А жеребцы пританцовывали, кося пугливыми глазами на раскаленные наконечники копий.

С Локра сняли последние одежды, что висели на

¹ Сарриса — пятиметровое копьё.

бедрах. Теперь почему-то особенно стало заметно, какой он еще бычок молочный.

— Мама, ты моя мама! — всплакнула торговка шерстью, утирая слезы. — И куда тебе, Локр, против Муржо и Руса, этих двух циклопов! Они самого Геракла могут скрутить, а тебе клевать бы еще нарезанное яичко да пить молоко из грудей няньки. Чирикал бы ты с повелителем Спартаксом в одну дудку. Ты что, окаменела? — обратилась торговка к старой медийке Марице, что стояла рядом. — Не ты ли вскормила царя? Скажи свое страшное слово. Благослови выкормыша на новые грехи.

Старушка вытерла концом накидки гноившиеся глаза и посмотрела в сторону Львенка, думая о чем-то своем. Подслеповаты были глаза у царской кормилицы, а заметила, как много во внуке было от деда. Улыбнулась сморщенным ртом, потрясла головой, вспомнила, как Спартак Старший бегал голышом по дворцу. Вот какого жеребчика выкормила. А родился ведь он слабым, крикливым, таким осенним, что когда с гор обрушивались на Яворину лихие туманы, он боязливо прижимался к ней, прося тепла и защиты.

Улыбнулась старая, вспомнила, как царь ребенком чмокал губами, припадая к ее груди. А теперь — стоит на крепостной стене и повелевает медами. А бывало, встанет в колыбели, схватится за перекладину и кричит, пока не оботрут ноги. Да и этого Локра, наверное, еще недавно кормилица шлепала по задку, а вот замер перед мечом Руса, как былиночка перед снежным обвалом.

Марица заправила космы под платок, выгнула попрямей усохшую спину и подбодрила себя мыслью: «А ведь у этого Локра-сверчка где-то горемычит Дичма, как у Спартака Каликрита». Ее не знают, а она, Марица, помнит, как эта Дичма была наказана за что-то богами, а вот сходила тогда царская кормилица к Рачке за наговорными травами и исцелила Дичму.

Много тайнств знала Марица, да теперь все старостью покрылось, как могилы травой. Сколько на

ее глазах бито-перебито медов. А сколько угнано в рабство за девять рек и морей. И все кому-то мало, все лишают люди друг друга солнца. Вот и этот одуванчик с козлиной кривизной в коленях: все б ему прыгать да бодаться. Ну оторвут воробушку голову, и что — злость в молоко превратится? Нет. Не прополоть ее, не прорезать. Так и будет по свету шастать, перегрызая сердца людские.

И закипела кровь старой Марицы, как, может быть, давно не бурлила.

А у плахи уже подламывали Локру ноги, склоняя голову. Кусал Локр дерево, но что было делать. Никому не хочется расставаться с жизнью.

Хрястнули кости шеи. Зеленое пламя вспыхнуло в глазах князя, вот он уже почти сроднился со смертью.

Рус изловчился, вскинул меч, но на башне взметнулось в воздух белое знамя. Подбежал дружинник и передал приказ царя: милует он предателя.

— Нет! — взревел Локр. — Руби мне голову! Золотая серьга, не хочу жалости! Пусть смерть освободит меня от этой проклятой жизни!

Бился пленник на помосте, стараясь дотянуться зубами до своей смерти — меча Руса, но сдерживали озверевшего сильные руки.

— Ничего, пусть глаза его ослепнут от стыда! — неслось со стен дворца. — А чтобы рука больше не тянулась к мечу, укоротить правую на кисть!

Рус взмахнул мечом и отрубил князю все пять пальцев, показав их народу.

Рачка перетянула руку Локра сухими жилами, останавливая кровь.

Подошла Дурила, взвалила его на плечи и отнесла в комнату колдуньи.

* * *

Ночью Спартаку было плохо. Он шарил во тьме, звал Меду, поднимался с постели. Голова его была горячей.

— Царь, отпусти его! Муржо, Муржо, не надо ру-

бить руку! — умолял парень. — Мне жалко Локра, жалко!

Позвали Рачку, она принесла своих чародейских отваров, напоила, опрыснула юношу и до рассвета сидела у изголовья Львенка, шепча заклинания.

И сон затопил Львенка.

Каликрита, сотворяя над золотой головой внука какие-то таинственные знаки, шептала:

— Сгинь, сила чародейская! Не летай, не верещи, не маши зеленым хвостом!

Утром Спартак не мог встать — все его тело охватила горячка.

Пришел Муржо. Пришел, устроился у изголовья, накрутил чуб на ухо и стал напевать унылые дакийские песни.

— Мне жалко Локра, — прошептал Спартак.

— А если бы он водрузил наши головы на копья?

— Мог бы?

— Для этого и хотел захватить Яворину.

— Жалко.

— Пора, Львенок, твердеть сердцем. Тебе еще воевать с волками. Распятых помнишь?

— У Прасиас-озера? Помню, как большие зеленые мухи поползли по их губам!

— Вот и подниматься пора. Ламп застоялся. Охотники загнали козла в горах. Поднимайся, поехали.

НЕ ТОРОПИСЬ, ЦЕНТУРИОН!

Обняв Феликса, Порций приостановил его речь, подняв указательный палец. Центурион выпрямился, как в строю, продолжая произносить:

Во мраке скрываясь густом и пользуясь
ночью удобной...

Марк добавил:

По два метательных дрота сверкают в руках,
А щиты их длинное тело совсем покрывают...

Трибун прислушался, откинув ковер, выглянул из палатки.

— Тихо! — приказал он. — Этот доносчик еще не ушел — слушает, о чем мы говорим. Читай, читай. Хотя нет, возьми-ка я лиру.

Играл Порций хорошо.

— Лучезарный, ты держишь в руках лиру, словно это твое призвание. Как красиво этот инструмент вторит голосу. Иному певцу можно было и поучиться у трибуна.

— Ты прав, оск. Я получил музыкальное образование у софиста Пануки, что сейчас живет во дворце медов. Он умел научить водить руками по струнам. Слушай.

Трибун снова заставил звучать лиру так звонко, так веселее, что Феликсу до боли в груди захотелось пойти в храм и помолиться, совершив гаруспиций — гадание по внутренностям жертвенного животного. И он, пожалуй, знал, почему ему захотелось заглянуть вперед: он чувствовал всем своим существом, что, как бы он ни увертывался, ему все-таки придется выйти гладиатором на арену политических событий, которые трибун хотел бы начать по всем законам большого римского амфитеатра: откроют программу меды с одрисами, а потом включатся прославленные воины — Митридат Понтийский и Рим со своими союзниками. Начаться все это может из-за каравана с золотом, которое сейчас так необходимо сенату.

— Не бойся, — совершенно откровенно сказал Порций, — все будет хорошо! Не думай, что гаруспиций тебе покажет правду. Все это бредни. Когда-то и я рвался к ним, но понял, что верить надо только интуиции.

Глаза Порция сверкнули, словно у пантеры.

— Мир, мой мальчик, как гетера. Ты бывал у них?

— Конечно.

— В первый миг кажется, что наши грубые слова и жесты достойны их божественного умения разжигать в сердцах страсть. И не они — торговки телом куплены нами, а мы ими. Но стоит удержаться в начальный момент их атаки, как они уступают подобно галлам под ударами легионов. Так и сегодня, в этой политической игре на Балканах. Земля медов —

сосок на груди гетеры. Сумеем его поцеловать — она снова будет у наших ног.

— Легионеры устали, они хотят домой, — сделал вывод центурион.

— Кто устал, декан Секунд? Палач Глобус? Они во всех своих дневных и вечерних молитвах только и просят у Юпитера денег, чтобы первому купить в Помпеях ферму, а второму расширить приют для внебрачных детей. И для этого Глобус готов распинать не только медов, но и римлян, только бы доставалась ему одежда замученных. А если война с медами подарит ему еще и трех хороших рабов, то он может спокойно уходить на пенсию.

Порций поднял фиал, облив молодого офицера завистливым взглядом.

— Лучезарный, а у медов есть рабы?

— Нет. Они еще девственно-чисты. Клянусь, я обрею Спартаков на половину головы как рабов Рима.

Порций снова заиграл.

ПЕЛАСГИ

Древен, очень древен был корень племени медов и рода, из которого происходил Спартак. Еще при организации первого фракийского государства в пятом веке до нашей эры под крылом власти Терея меды граничили с диями, дигерами, дерсеями, сапеями и никопами, покоренными одрисами, но меды жили свободными в долине Стримона, там, где река текла широко и спокойно, соединяя множество озер. Одно из таких озер называли Прасиас-озеро. Никто из медов не знал, почему оно так называлось. Как-то завели разговор об этом с Панукой, но и тот лишь пожал плечами. Поговорили, поругали легионеров за их жестокость, на том и забыли сказанное — зовут и зовут. Как и о названии своего народа: меды и меды, а что и как, это мало кого интересовало, других забот полон рот. Есть на то жрецы — они и буквы знают, и книги составляют. А тут бы успеть виноград собрать, вина наделать. Того и гляди снова в набег идти.

— Учитель, — как-то позвал Пануку Спартак. — А вот мое имя из какого имени произрастает? От Спарты? А что означает слово «Спарта»?

Философ снял с плеча волосинку, потер пальцами мертвую щеку, выдыхая из себя:

— Имя Спартак зародилось среди древних пеласгов, некогда живших по соседству с великим Олимпом. А дальше — там был хаос, в котором боги и те не могли разобраться.

Увлекаясь, Панука рассказывал Спартаку о славных аргонавтах, Геракле, что чтился у медов богом, о великом певце Орфее. Много знал софист. Побывал он в Египте, в Мемфисе — городе мертвых фараонов. Прошел Фригию, Каппадонию, из Синопа плывал в Трапезунд: возил на купеческих кораблях из Пантикапея соленую рыбу и пшеницу. Бывал во дворце царя Митридата Евпатора.

Часто рассказывая о пеонах, эллин задумывался. Замирал и Спартак. Теперь он уже знал, что меды — родственники пеонам.

— Учитель, — обратился как-то Львенок, — а от кого произошли пеласги, победившие почти всех на земле? И почему они называются пеласгами?

За окном в ночи перекликались караульные.

Эллин настроил кифару и поскреб мертвую часть лица.

— Ты помнишь, когда мы с тобой читали Эхила?

— Помню, — отозвался Спартак.

— В тех стихах и ответ на твой вопрос. Вот послушай.

И Панука запел:

Не беспокойся, отвечай по совести:
Пеласг перед тобою, землеродного
Сын Палехтона, первый человек в стране.
А племя, что на этих нивах кормится,
Пеласгами зовется в честь меня, вождя.
Весь до захода солнца, край, где Стримона
Бежит поток священный, — безраздельно мой.
В мои владенья входит и Перрибия,
И земли, что за Пиндом¹у Пеонии,
И гор Додонских кручи...

¹ Пинд — гора в Эпире.

— Я вспомнил, вспомнил! — воскликнул Львенок, продолжая:

А этой вот равнине имя Апия,
Дано на память об ее спасителе.
Жрец и гадатель Апис, Аполлона сын,
Явившись в Навпакту, землю здешнюю
Освободил от душегуба-чудища,
Клубков драконов, лютой злобы полного...

— Вот видишь, строки божественной поэзии Эхила дальше рассказывают о том, как сын Аполлона Апис приехал к пеласгам, чтобы усмирить дракона, которого, по другому греческому мифу, победил царь Кадм. Получается, что корни твоего имени уползают в Азию, страну Аполлона.

— Почему, Панука? — снова загорелся Спартак. — Разве Аполлон не эллин, родившийся на острове Делос, где мать его Латона опустилась на землю, устав скитаться без крова?

— Нет, Львенок, Аполлон иноземец, — тихо продолжил Панука. — Аполлон родом из Азии, страны хеттов. Я читал их древние папирусы. Аполлон — это бог хеттов Аполюн.

Где-то засвистела птица. Удушливо, прибито откликнулась сова. Пролетела летучая мышь.

— Не бог ли Аполлон, обидевшись за вторжение в его пределы, требует, чтобы мы умолкли? — насторожился юноша.

Скрипнула дверь, и голос Сотимуса приказал:

— Спартак, пора спать! Завтра с первыми лучами солнца надо ехать в город. Ты не забыл? Амфиполь ждет нас!

Львенок радостно запрыгал на шкуре.

— Я готов хоть сейчас вскочить на Лампа! Отец Сотимус, ты обещал сводить меня в театр. Исполнишь?

— Да благословят тебя боги, сын мой, но радоваться на ночь — плохая примета: утром будут слезы, — предупредил грек.

Спартак выхватил из ножен меч, что висел на стене, и ловко взмахнул оружием.

— Кто из сынов волчицы и рода их посмеет напасть на меня, я передавлю их, как Геракл змей, изрублю, словно Кадм дракона у ручья.

— Но не убеги и сам, как Кадм от выращенных им же воинов, — заботливо приостановил сына Сотимус.

— Отец, а ты знаешь, что меды не относятся к фракийцам, а происходят от пеонов?

— Это только предположение. Когда-то и эллины не были эллинами, а были ахейцами.

Потушили светильник. Спартак остался один. Закинув руки за голову, он думал. Ему виделось, как Александр Македонский штурмовал Яворину, как побежденных медов продавали в рабство.

Спартак вздрогнул, напрягаясь. Что такое? Он посмотрел в окно: с неба сыпались белые пушинки. Вот они обернулись снегом, скрипящим под полозьями саней, на которых когда-то Львенок ехал с Муржо и Панукой на праздник в соседнюю крепость. А сани все хрустели и хрустели снегом, что серебрился по Орбелусу, словно грива Лампа.

Хорошо катиться с горы на гору, укрывшись овчинами и шкурами. Хорошо ехать в санях, когда над тобой раздаются боевые песни Муржо. Много знал их дак.

А вот и слышались звуки труб, предупреждающие о дорогих гостях.

Дубовые ворота крепости празднично распахнулись. Народ валом повалил навстречу царскому внуку, вынося печеное, копченое, томленое и заливное.

С самого верха крепости молитвенно произнес свою проповедь барабан, уступая место хору звонкой меди.

Спартак гордо стоял в санях, подражая этим деду, но вдруг помертвел душой, встретившись со взглядом Семелы.

* * *

Львенок отошел от окна, закрылся покрывалом, хотел вернуться к видению, но унесся совсем в другой мир, в мир философов Эфиопии. Почему Панука, говоря о философии, космогонии, хаосе и космосе, обратил внимание на то, что жизнь породили на земле Уран и Гея? А в книгах египетских ученых говорится о том, что создателями мира были два еги-

петских Горуса: первый Горус — брат Озириса, а второй Горус — сын Озириса и Изиды.

— Так кто же первым создал мир? — спросил темноту Спартак.

Темнота промолчала.

Непонятная сила снова подняла парня с лежанки.

Томимый неведомым, Спартак пришел к Муржо. Тот молился. Увидев Львенка, поднялся с колен.

— Тебя кто-то напугал? — забеспокоился дак.

— Да.

— Кто?

— Вопрос. Скажи, почему имя Спартак так тесно связано с именем нашего Руса?

— Как это может быть?

— Как? А вот смотри: есть Спарта.

— Ну!

— А кто ею правил?

— Царь.

— А над ним?

— Герусия — совет старцев.

— Вот и получается: страна Спарта, а над нею — ге-ру-сия.

Муржо улыбнулся, подал Львенку кусочек засахарившегося меда и взбил золотые кудели на голове любимца.

— Хочешь сказать, что наш Рус выше всех спартанцев? Ха-ха-ха!

— Муржо, почему так: в Египте го-русы, а в Спарте — ге-ру-сия?

— Выбрось все это Панукино из головы, на, ешь. — И чубатый подал Гроздяночке горсть сушеных ягод тутовника.

— Все, иди, а то проспим — завтра нужно рано вставать.

ОБРЕЗАНИЕ КАМЕННЫМ НОЖОМ

Заночевавший в таверне израильтянин рассказал торговке шерстью о том, что в Риме, откуда он прибыл, теперь стали модными самоубийства и продажа самих себя в гладиаторы.

— А еще, — удивил израильтянин, — в общине ходит слух, что астрологи нашли таинственное число, которое предсказывает уничтожение всех фракийцев, а особенно тех, кто станет рядом с Митридатом.

— Какое число? — испугалась толстуха.

Иудей сжал губы, проглотил кусок пшеничного хлеба и, подняв палец, добавил:

— Оно соответствует заколдованному числу значения имени Орфей!

Гостю поднесли чесночную похлебку с курицей и блюдо жареного лука. Пить палестинец не стал, но несколько капель вина пролил на пол.

И об этом через некоторое время рассказывали в царевце.

За иерусалимцем послали Руса, и скоро он вошел в тронную. Иудею поднесли вино.

Спартак осторожно посматривал на пришельца, одежда которого была оторочена золотым шитьем, густая борода черным водопадом расплескалась по груди. Палестинец опустил в подставленное кресло, стараясь не помять накидки.

— Я же приказал не пускать тебя в крепость! — сказал царь.

— А я снова здесь: Бог — моя защита.

— Ты был в Риме?

— Да.

— Что делал там?

— Обрезания пожелавшим не познавать болезней Венеры, ибо я самый лучший специалист, умеющий выполнять этот обряд кремневым ножом. Бронза оскверняет однажды сказанное: обрезание — это вечный завет на теле грешных!

Израильтянин закрыл глаза руками и утих.

— Ты говорил о каком-то таинственном числе — враге Фракии? — поинтересовался Каликрита.

— В Риме стало много самоубийств, так как Сулла — пантера с усами льва зверствует хуже бритоголовых египтян... Тайновидец предсказывает, что сокровенное число 666 может открыть слово, опреде-

ляющее ту темную силу, которая угрожает будущему фракийцев.

— Ты знаешь это слово?

— Знаю. Вот смотрите.

Гость взял навощенную табличку и начертал на ней: «Латинянин». А под словом подписал цифры: $30 + 1 + 300 + 5 + 10 + 50 + 70 + 200 = 666$.

Дошечка заныряла из рук в руки. Но никто из присутствующих не понял смысла написанного.

— Панука, — обратился Спартак к учителю, — как расшифровать формулу?

— Цифровое значение букв можно прочесть, как и буквы написанного слова, но для этого нужен особый ключ.

Грек приоткрыл больной глаз, посмотрел начертанное и обратился к иерусалимцу:

— В чем же неплодная мысль, раскрывающая тайну твоего цифрового значения, сын Яхве?

— Цифры эти не воссоединились бы, не носи сенаторы на груди драконов с семью головами и десятью рогами.

— Этот зверь всегда был символом силы.

Царь не торопился с ответом.

Иудей вел себя спокойно и храбро. Он поднял с пола свою сумку и стал выкладывать инструменты для совершения задуманного.

Спартак, не зная, как себя вести, смотрел то на отца, то на Муржо, то на Каликриту.

Тишина в зале была каким-то приказом, который подчинил себе всех безмолвно и хозяйственно. Израильтянин как околдовал всех, утверждаясь духом все больше и больше. Глаза его наполнились властной силой и решимостью.

— Именем Яхве, одаряющего меня ясновидением, предсказываю гибель тем, кто идет со знаменем орфиков и греков-философов, ища спасения от дракона. Ибо только в Пелле палестинской, где свершается таинство обрезания и соблюдается суббота, останется жить тот, чья душа познает иерархию небесных сил. О меды, погибнете и вы, если не пустите свои души в мир пустынь палестинских!

Взяв каменный нож, израильтянин поднял руку, впиваясь глазами в Спартака.

И тут Панука как очнулся:

— Стой, сын Израиля! — возразил он. — Что в этом особенного? — отразил грек. — Почему мы должны бояться таинств числа 666?

— Почему? — заволновался иудей. — Потому, что семь чаш Божьего гнева готовы опрокинуться на вас, что равно семи походам Рима.

— А десять рогов?

— Думаю, что это десять римских провинций.

В трапезной притихли, боязливо задумавшись.

— Но есть и противоядие.

— Какое? — спросил царь.

— Принять медам веру Моисея.

— Сделав обрезание?

— Чтобы стать под защиту Великого Бога.

— Я стар.

— Аврааму совершили обрезание в девяносто лет, а его сыну оно было подарено в тридцать... Но я вижу здесь и того, кто молод, — и иудей посмотрел в сторону Спартака-Львенка.

Муржо потянулся к мечу.

— Мать Каликрита, прикажи, — зашептал он царице. — Распорядись, и мы сбросим его с башни!

Израильтянин, по-своему понимая медов, продолжил:

— Кремневый камень и мандрагора со мною, если повелитель медов решит спасти от порочного жала и римского рабства свое дитя, я совершу великое.

— Заклинаю тебя всеми богами Олимпа! Кто разрешил тебе под сводами этого священного места, где Орфей и Зевс всегда были хранителями душ и огня, проповедовать истины, достойные лишь тех, кто увечит свое тело, поклоняясь темным силам пустыни Палестины?

Иудей привстал. Глаза, наполненные дьявольской силой, хотели вторично призвать к повинности, но, встретившись со взглядом единственного ока грека, потухли.

— Тело — источник всякого зла. Материя — источник душевных терзаний! — возвысил голос Авраам.

Панука, понимая, что от него ждут победы, снова ринулся в бой:

— Материя — источник душевных терзаний? Но почему тогда вы, сыны Яхве, живете под гнетом легионов Рима, а мы — необрезанные — вот уже сто лет свободнорожденные? Нас Рим еще не победил! Выходит, что наши боги сильнее Яхве? Берегись, пока великий Залмоксис не укоротил тело бога иудеев ровно на столько, на сколько ты хочешь обезобразить тело нашего Львенка!

Гость, не зная, что ответить, вскинул плечи к ушам, покрытым густыми волосами, спрятал каменный нож в сумку.

Меды повеселели, заулыбались.

— Вот уже второй раз мы ведем с тобой спор, и второй раз я хочу сказать, что ты творишь безумное, — укорил Панука. Эллин отпил из кубка, пожевал виноградину, подмигнул Спартаку и утвердил: — Тело Зевса не обезображено. Геракл и Аполлон — образцы красоты. Почему же Яхве, уродуя вас, не сделал обрезание себе?

Авраам вытянул шею, понимая, что победа отвернула от него лицо.

До ворот Яворины его проводили Рус и дружинники. Страже было еще раз приказано больше не впускать этого странника в город.

Перед сном Спартак спросил у грека:

— Почему израильтянин так упорно говорил о своем боге?

— Потому что наш мир тяжел и страшен не только мечами и копьями римских легионеров, но и елейными речами, которыми многие хотят завоевать власть над медами и другими племенами Фракии. Бойся таких речей, Львенок, а особенно когда станешь царем.

— А почему у людей разные боги?

— Спи.

Оставшись вдвоем с Каликритой, царь посоветовался:

— В Риме стали модны самоубийства, как это понять?

— Сулла рвется к власти.

— Не щадя и своих?

— Как и его не пощадит Митридат.

— А Сулла не пощадит и фракийцев, — огорчился Спартак Старший.

Густые сумерки сочно вымазали город, горы, похозяйски заливая планины и левяды. Ветерок-игрун баловался между домами кривых улиц. Пахло горелым мясом.

Зал наполнился жирным чадом светильников.

— А в чем же тайна числа шестьсот шестьдесят шесть? — как бы подумал Спартак Старший, обращаясь к жене.

— В имени Орфея, — отозвалась Каликрита, — призывающего фракийцев на борьбу с Римом.

— Так будем мы делать обрезание Спартаку? — упрекнул в чем-то царь жену.

— Нет. Не та птица прилетела. Но решай сам, ты — царь.

Спартак Старший задумался, приказав позвать софиста.

— Панука, а если бы израильтянин победил твою мысль, что бы ты стал делать?

— Тогда бы пришлось Львенку сделать обрезание.

Старик нахмурился.

Но Панука поторопился порадовать старика:

— Разве я зря в Афинах был одним из лучших ораторов?

— Ну и что?

— Я задал бы ему вопрос.

— Какой?

— Он говорил о душе, а это учение принадлежит нашим орфикам ¹. А израильтяне присвоили его

¹ Орфики — сторонники древнегреческого религиозного движения, включающего учение о душе.

себе. И еще: их жрецы учат, что израильтяне — народ единого бога и происхождения, по образу которого они и созданы. Тогда, спрашивается, какого же цвета волосы были у их бога: черные или белые? Они-то все двух цветов.

— Интересно, — удивилась Каликрита.

— Мы привыкли считать их черноголовыми, но ведь среди них много и светлоголовых, — продолжил грек.

— Панука! — поблагодарил царь. — Ты самый великий философ! Слава воспитателю Спартака! Да, ты права, Каликрита: решая судьбу медов, мы решили судьбу многих племен Фракии. Рим рвется к Истру.

— А Митридат к нашему золоту.

— Но что делать? Локр все больше подбивает рудокопов к походу.

— А мы к нему не готовы?

— Не все фракийцы понимают, что совершать поход надо объединившись.

— Многие живут за горами и думают, что их там не достанут копья сынов волчицы.

— И жить мне остается мало. Скоро умирать, — довершил царь.

Каликрита посмотрела на мужа и прослезилась.

— Без тебя, отец мой, и мне здесь делать нечего.

ЛУЧЕЗАРНЫЙ

Трибун зло плюнул на ковер и почесал под мышкой. Затем, потеряв ребром ладони между сильно вспотевшими пальцами ног, пожаловался:

— Сколько времени лекарь обещает добыть рецепт уксуса, которым когда-то мыл ноги Ганнибал, но так ничего и нету. Спрошу у гетер, как они избавляются от этой дряни.

Разморенный вином и успехами на плацу, где принимал у центурий умение ходить строем и владеть оружием, Порций раскинулся на ковре, скребя ногтями икры ног.

На душе у него было как-то особенно скверно. Для полной уверенности в себе не хватало хорошего собеседника.

— Позовите Феликса! — приказал он.

Через некоторое время перед ним предстал центурион.

— Как ты думаешь, можно спросить у гетер, какими средствами они пользуются против потения ног?

— Было время, когда матроны самых знатных семей Рима приводили своих дочерей к гетерам, чтобы те научили простушек высшим законам любви.

— Конечно, — согласился Порций, поднимаясь с ковра. — Великие ораторы и те брали у гетер уроки красноречия.

Стянув толстые мягкие губы в большой пупок, трибун грубо выругался и потрогал пальцы ног.

— Презренные, отрублю я вас, как медам руки. Феликс, если только лемносские женщины пахли так, как мои презренные ноги, то я понимаю их мужей, которые хотели променять жен на фракиянок.

Марк обрызгал ковры духами и приказал принести теплой воды.

Указание быстро выполнили.

Феликс задумчиво молчал. Он понимал, что разговор о поте и гетерах — это только вступление, что-то иное приготовил для него трибун с бычьей челюстью и с сердцем пантеры. И если Марк, выполняя задуманное, не жалеет народов Балкан, то пожалует ли он его — офицера из Помпей, города, провинившегося перед самим Суллой?

Понимал и трибун, что игру с центурионом он ведет не очень тонкую. И что, кажется, Феликс начинает его понимать. Но он молод и провинциален, а кампанийцы ко всему прочему еще и ленивы. Интуитивно Порций понимал, что план поездки к медам пока еще рано раскрывать. Вот сегодня вечером, когда при помощи Родопы он еще раз проверит этого лежебоку, тогда и состоится последний разговор об экспедиции к медам.

— Юпитер, обостри мой слух и зрение так, чтобы я сумел понять этого сосунка. И тогда ты получишь жертву из моих собственных рук, — взмолился трибун, посматривая на офицера. — О чем думаешь, Феликс? — поинтересовался Марк.

— Почему-то вспомнилось, как меды заманили нас в горы и обрушили на головы лавины, засыпав многих солдат.

— Вот я и хочу послать к ним моего человека, чтобы, разгадав планы их набегов, отомстить, как это делают орлы великого Рима!

Где-то прогрехотал гром, метнув молнию.

Порций принял это за хорошее предзнаменование: просьба дошла до Юпитера. Распорядившись, чтобы на завтра приготовили для заклания белого барана, белую свинью и белого быка, он стал яростно тереть пальцы на ногах.

— Когда-то боги были ко мне благосклонны. О! Это был мой золотой век! Интересно?

— Очень! — согласился центурион.

— Тогда я служил в коннице Лукулла, в Азии. Ах, какая у меня была маленькая израильтянка! А как она читала Эхила:

Погубят их там и потопят,
Прежде чем они, закон преступив,
Сестер двоюродных силой возьмут
На мерзостных брачных постелях!..

Какие у нее были выразительные жесты, а мимика! Разве сравнить с этими прямоносими македонками.

Феликс молчал, думая о своем: ему не хотелось ехать к медам.

— Но однажды любимый конь Лукулла наткнулся на сариссу. Стоимость жеребца, выращенного на прикаспийских клеверах, он хотел содрать с плебеев. Я заступился за конюхов. В ответ Лукулл придрался ко мне и хотел отдать под суд, обвинив в сделке с парфянскими купцами. Судьи перевели меня служить в Мавританию, в какой-то Тимград. Ты слышал о таком городе?

— Он за Карфагеном? Мой отец подавлял там восстание.

— Я растерялся, не знал, что делать.

— Лучезарный, а почему ты не нанял хороших ораторов?

— Друзья Лукулла выигрывали во времени.

Ноги Марка подогнулись: стало сводить икры. Морщась от боли, трибун продолжал:

— Ты понял, для чего я тебе все это рассказываю?

— Догадываюсь.

— Для того, чтобы ты глубоко осознал всю важность доставки золотого каравана в Рим как для меня, так и для себя. Тебе, кажется, очень повезло.

— В чем именно? Верные Локру люди рассказали мне, что у Спартака Старшего странная болезнь, вылечить которую почти нельзя: почки. Здесь может помочь только соитие с куланихой.

— Варвары, где же они ее возьмут? — поинтересовался молодой офицер. — Ведь куланы водятся только в пустынях Вавилонии.

— Каликрита предложила отправить туда Муржо.

— А как же слава повелителя? Она же погибнет после такого позора, — возмутился Счастливый.

— Они думают, что лечение будет вечной тайной дворца.

— Станный способ, Лучезарный.

— Забытый. Это африканская медицина, а в ней столько оригинального, что неварвару она кажется дикостью.

— А на самом деле?

— Приносит отличные результаты. Наше дело — постараться помочь царю использовать этот рецепт, а потом весть о его поступке распространить по Балканам. Пусть меды отвернутся от своего предводителя, занимающегося скотоложством. А? Как тебе нравится моя мысль?

— Где же добыть кулана?

— Было бы золото, купцы привезут!

— Что скажет Рим, узнав о такой дипломатии?

— Мы заткнем ему рот золотом и рабами.

ПАЛАЧ ПЯТОГО ЛЕГИОНА

Хотели разойтись, но в дверь постучали.

Рус предупредил:

— Царь, у ворот всадник. Он прячет лицо под черной накидкой.

— Что привело его в столь поздний час? — забеспокоилась Каликрита.

— Говорит, что очень важное дело.

— Впусти, — распорядился Спартак Старший.

Через некоторое время в трапезную вошел человек.

— Кто ты? — приостановил хозяин дворца пришельца.

Гость приспустил повязку. Лицо его было молодо и красиво. Нос с горбинкой говорил о том, что перед медами римлянин благородной крови.

— У меня есть тайный разговор к царю, — оповестил юноша.

— Здесь все свои, поверь.

— Мне велено передать все только вашему повелителю.

Каликрита подала знак, слуги вышли.

Поняв, что посторонних нет, римлянин сообщил:

— Палач пятого македонского легиона...

Царица строго предупредила:

— Не надо называть имени.

— ... Узнав, что царь болен, прислал вот это. — И, повернувшись, протянул сверток.

Каликрита с недоверием посмотрела на посланника. Она ждала чего-то дополнительного.

— Чем ты можешь доказать, что от того, кого назвал? — насторожилась царица.

Юноша смутился, спохватившись. Он вытянул руку и повернул перстень на пальце камнем вниз.

— А какие слова ты должен сказать после этого?

— Мой брат — частый дождик. Родина — свободная Фракия.

Услышав пароль, Каликрита облегченно вздохнула: гонец знал тайну палача Глобуса.

— Накормите его и приготовьте ложе, — распорядилась она, призвав слуг.

— Употребляя этот эликсир, надо сказать: «светлый и темный», — это два пути подвижного мира, которые считаются постоянными, по одному из них идут без возврата, по другому возвращаются.

— Напиши, — попросила Каликрита.

Гонец взял стиль¹, что лежал на столе, и начертил заклинание на восковой табличке.

— Какое лекарство ты привез? — поинтересовался больной.

— Бальзам молодости, которым пользовались еще фараоны. Он поможет владыке возглавить поход против римлян.

— Ты богат? — спросила Каликрита.

— Очень. У моего отца миллион сестерциев, сотни рабов и собственная вилла в Кампании.

— Чем же тебя вознаградить? — озадачилась царица.

— Это я должен быть благодарен медам: палач Глобус спас мне жизнь. И я никогда его не забуду. Я написал отцу, чтобы он всем медам, работающим в нашем имении, даровал свободу.

— Ты так благороден, юноша, — удивилась старуха. — А я думала, что среди римлян нет подобных сердец. Кого мы должны славить в своих молитвах?

— Я Океан Сетий, гражданин Рима. Наш дом находится у самого Капитолия.

— Далеко ли это от Большого бычьего форума?

— Этот базар около амфитеатра, а мы с другой стороны.

— Как древен ваш род?

— Мы истинные римляне. И род ведем от царя Нумы. Древнее нашей фамилии в Риме не найти.

— Большая семья?

— Четверо: отец, мать, я и сестра.

Каликрита опустила на скамью, пригласила отдохнуть и гостя.

¹ С т и л ь — заостренная палочка для писания на восковых табличках.

Не знала она, что много времени спустя ее внук Спартак встретится в Риме с Океаном Сетием, и этот римлянин сыграет в судьбе Гроздяночки не последнюю роль.

— А больше Глобус ничего не просил передать? — поинтересовалась Каликрита.

— Просил сказать, что скоро одна из когорт выйдет из лагеря, чтобы прикрыть караван с золотом.

Брови царицы дрогнули. Еще пристальнее всматриваясь в лицо гонца, она вдруг решила что-то перепроверить.

— Почему ты, римлянин, сын великого отца, предаешь своих, рассказывая об их замыслах?

— Они не наши. Они мари́йцы. А честь нашего рода требует выкорчевывать тех, кто поднял руку на аристократию. Вот почему я союзник медийских аристократов. И еще: трибун замышляет какую-то новую хитрость: они распяли человека, который шел к вам от Митридата. Пленный утверждает, что он пират из Киликии, но Порций ему не верит. Палач говорит, что вы, меды, и ему когда-то спасли жизнь.

— Да продлят боги его дни! — благословила Глобуса Каликрита.

— Когда Порций думает выступить на нас?

— Царь еще успеет встать на ноги. Они ждут новые метательные машины, что пока находятся в порту Брундизия.

Гонец устало поправил накидку.

— Эй, Груя! — позвала Каликрита. — Постелите гостю в теневых комнатах и приготовьте баню.

* * *

Теперь Спартака Старшего поили зельем, которое прислал палач. Сон его стал ровнее, зубы укрепились, лицо повеселело. Через неделю он поехал в лес. Горный воздух влил в него новые силы. И здоровье царя как бы стало выправляться. Спартак и Муржо все это время были около больного.

Яворяне, завидев знакомый отряд, останавливались, кланялись, благословляя царя.

Базар откликнулся на последние события по-разному: безрукий Робро горько сожалел, что в такой момент химеры поселились в теле повелителя. Хвостогривая торговка шерстью ядовито ухмылялась в свои мшистые усы, проминая губами слова, как жернова зерна:

— Так тебе и надо, старой собаке. Если овце своя шерсть мешает, то нету цены и ее туше.

Люди Локра насмехались над царем откровенно, думая, что с его смертью они отплатят за свою бедность, за поругание над их повелителем.

ПОГОНЯ

Поход Порция на медов не удался, сенат не утвердил: не было денег.

Организовали вылазку. Сожгли несколько деревень. Три сотни черноплужников увели в плен.

Но самое главное: совершенно случайно легионеры захватили Меду.

Трибун понял, какая дорогая заложница у него в руках и какую важную роль она может сыграть в его судьбе.

— Не помешает ли это золотому каравану? — насторожился Феликс.

— Напротив, она-то и поможет свободно провести его в горах.

— А как оказалось, что царская дочь в наших руках?

— Она решила искупаться жарким днем в речке.

— Одна?

— Со служанками. А Секунд и сгреб эту куропатку. Ха-ха! — поторапливая отряд с пленницей, радовался трибун.

Порций велел перевезти Меду в Филиппополь, но как римляне ни старались спрятать свою добычу, меды выследили отряд, охранявший мать Спартака.

На одном из поворотов дороги Муржо взревел:

— Ула-ла! Рус! Да выключот мне вороны глаза, если перед нами не та самая стая волков! Сейчас они станцуют свой предсмертный танец!

Отряды медов и римлян сшиблись у карьера белого камня. Легионеры хотели развернуться в каре, но узкая дорога не позволила сделать это. Феликс, сопровождавший пленницу, рубился за двоих, но Муржо и Рус, пробившись сквозь ряды копыеносцев, отбили мертвенно-бледную женщину. И, перебрасывая с седла на седло, помчались к соседней роще.

— Спартак! Спартак! — звал Муржо воспитанника, рубившегося рядом с отцом.

— Уходите в горы! — приказал Сотимус. — А мы их задержим!

Львенок направил Лампа к яворинцам, но в это время к латинянам подошла помощь, перехватившая горцев, которые повернули коней, стараясь скрыться в глубоком ущелье.

Яростнее всех нахлестывал жеребца Феликс. Он хотел отыграть шанс, который ему послала судьба, зная, что Рим не прощает таких ошибок.

— Клянусь всеми богами, я должен перехватить эту презренную варварку! — призвал сам себя центурион. — О Юпитер и ты, Юнона, благословите меня на подвиг! Подтянитесь!.. Подтянитесь, славные сыны Юпитера! — подхлестнул офицер легионеров.

Муржо гнал и гнал Фонаря.

Римляне не отставали. Голоса их слышались почти рядом. Спартак старался не отставать от воспитателя, понимая, что может попасть в плен.

— Эгей! — кричал Секунд. — Да умрет мой отец раньше срока! Я бы хорошо заплатил за эту овечку! Вон какой у нее жирный курдючок! Эй ты, фракийская морда! Ты, с чубом на ухе, дай и нам подержаться за ее бока!

И вдруг Муржо стал придерживать коня. Спартак, ничего не понимая, все оглядывался и оглядывался на погоню, которая была совсем рядом.

Меда, побледневшая, с растрепанными волоса-

ми, обвила руками шею воспитателя сына и обезумевшими глазами смотрела в сторону римлян. И только один Муржо был спокоен.

— Ула-ла, Львенок! — подбодрил он. — Учись воинскому искусству!

— Муржо, но они догоняют! — испуганно воскликнул Львенок.

— Держись! Еще немного! — слышалось в ответ.

Меда хотела что-то спросить, но руки Муржо, словно два змея, сдавили ее.

А Феликс все гнал и гнал жеребца, привыкшего скакать по ровным дорогам, но где было его коню до Фонаря, что крутился между скалами, словно Пан в лесу.

— Львенок! Львенок, не отставай! — заботился Муржо.

И тут дак усмехнулся, оглядываясь на преследователей.

Конь Феликса споткнулся, из ноздрей холеного жеребца полилась кровь. Еще шаг-другой, и он рухнул. Декан Секунд хотел предложить центуриону своего коня, но в это время на римлян обрушилась лавина песка и камней.

— Эгей! — разнесся голос македонца Робро, стоявшего на краю ущелья и видевшего, как лавина, перемалывая тела легионеров, засыпала большую часть отряда.

Феликс и декан, отрезанные от преследуемых завалом, вовремя прижались к соседней скале.

Секунд, потрясая в воздухе кулаком, пригрозил:

— Эй ты, дикарь, я еще подниму твою отрубленную голову за чуб! И быть мне беременной торговой рыбой, если я этого не сделаю!

Муржо, понимая, что теперь римлянам их не достать, обхватил Спартака и подвел к обрыву.

— Узнаешь? — спросил он, указывая на декана.

— Это вы ему с Золотой серьгой в Амфиполе нос перебили?

— Слышишь, Секунд! — позвал Муржо. — Ты, наверное, везде хвалишься тем, что нос тебе перебили в бою, а вот наш Львенок и тот знает, что тебе его

сломали мы, меды, в драке! Да наградит Залмоксис твой лоб ослиными рогами!

— Эй, Львенок-крысенок, смотри, чтобы твоя мать не родила от этого сына беременной торговки рыбой! — огрызнулся декан. — А когда я еще раз поймаю вашу Меду, то пусть умрет мой отец раньше срока, если мы ее не поставим голой в филиппопольских термах для услуг всего легиона... Ха-ха! А тебя, Муржо, я заставлю целовать зад нашего палача Глобуса!

Феликс, вспрыгнув на коня декана, стал спускаться к своим.

Секунд пошел за ним, то и дело оглядываясь на завал. Ему жалко было расставаться с дорогой добычей.

Спартак поднял камень, прищурился и ловко бросил вслед римлянину. Он блеснул на солнце и ударился о шлем декана. Секунд споткнулся, выругался и побежал догонять центуриона.

Меда улыбнулась. На ее бледно-зеленоватом лице появились проталины румянца. Поправив черную накидку, обшитую серебряными нитями, она потянулась к серьгам, чтобы снять их.

— Спасибо тебе, Муржо! — поблагодарила она. — Расплатимся ли мы с тобой за твое доброе сердце?

Несколько новых морщинок прорезали ее лицо.

— Успокойся, мать Меда, — попросил Спартак. — Мы еще отомстим за все. Правда, Муржо?

— Не будь моим богом Залмоксис! — поклялся чубатый красавец.

— А куда теперь? — спросил Львенок.

— Теперь мы поедем в пещеры к жрецам, что живут в горах. Там нас не достанут никакие волки.

Собрались. Меду усадили на коня и направились к вершинам, на склонах которых, на высоте полета орлов, были вырублены пещеры. Их догнал Золотая серьга. Разгоряченный боем, он долго рассказывал, как рубили сынов волчицы.

Меч его поблескивал свежей кровью.

— А Сотимус? — забеспокоилась Меда.

— Добивает последних. Скоро и он поднимется сюда.

РАСПЯТИЕ

Потеря пленницы бесила трибуна. Марк не мог спокойно вспоминать об этом. Он уже представлял, как в сопровождении лучших офицеров легиона подарит эту красавицу Сулле. Добыча для Корнелия не очень значительна, но обратила бы на себя внимание. А по Риму поплыл бы о Порции новый разговор, которого не хватало ему для свершения задуманного. Будь проклят этот вислоухий щенок Феликс! Ему не воевать, а обжираться в своей Кампании капустой. Упустил такой подарок судьбы.

Марк нашел бы способ сплавить его отсюда, и этот тупоголовый оск глотал бы гнилую воду британских болот, но центурион был нужен для сохранения золотого каравана, о котором, как говорил Локр, меды знают давно и думают, как бы его перехватить. Конечно, многое было в руках Феликса. Вот почему Порций сделал вид, что не заметил проступка.

Понимал и Феликс, чем он обязан трибуну, и потому хотел загладить свою вину старательным выполнением задания. Вытянувшись перед трибуном, докладывал он о деталях погони за женой царского сына.

— Вот какие испытания послали мне боги Капитолия. Верно говорят, что в бою крепок не щит, а сердце.

Пальцы Порция впились в бычью челюсть, показывая, как напряженно он думает.

— Что делать, что делать! — предупредил о чем-то Марк.

— Хорошо, что взяли хотя бы триста пленных.

Вдруг пантера улыбнулась, сверкнув глазами.

— Все это мелочи, дорогой мой мальчик! Меня беспокоит другое. Представь, что в те дни, когда я ожидал Родопу, я чувствовал себя, как Гоплит¹ перед атакой слонов. Язону² было легче пахать на огнеды-

¹ Г о п л и т — греческий тяжеловооруженный пехотинец.

² Я з о н — мифический герой Греции

шаших быках, чем мне прочесть в ее присутствии четверостишие из «Илиады». Даже то любимое место, где сказано: «Рванулся, сжавшись в комок, как орел, на высотах парящий...» Она смеялась над моими ударениями: оказывается, в этой строке я не мог выделить главной мысли. Неграмотное произношение безобразило смысл сказанного и написанного. А ты хотел сразу познать великое умение воевать с медами в горах. Успокойся, центурион. Ты не декан Секунд. У того все просто: кто против него, тот «беременная торговка рыбой». Твоя победа впереди.

Услышав это утешение, оск стал холодным как лед. Ему казалось, что трибун, словно пятнистая смерть, стягивает свои кольца вокруг его тела.

— Вот если бы такое случилось со мной у Лукулла, — поделился Порций, — палачи Мамертинской тюрьмы уже давно бы крутили меня на пыточном колесе, вбивая в руки и ноги гвозди.

И чтоб хоть как-то прикрыть этот поток намеков и издевательств, Феликс, дрожа всем телом, как бы вспомнил:

— А разве Лучезарного однажды не хотели продать за Тибр?

— Ха! — радостно взревел Порций. — И еще как! Хотели продать в гладиаторы. Лукулл, великий Лукулл и здесь отыграл все на себя: он, изображая благородство, упросил оставить меня в республике. И снова венки почета упали к его ногам. Учись, центурион, как надо стяжать славу.

Порций прилег на лежанку, помешивая лезвием ножа в парфянском ритоне.

— Не знаешь, как чувствует себя снятый с креста?

— Кажется, все время смеется, — поторопился Феликс. — Сидит в карцере.

Улыбнулись.

— Молчит?

— Упрямый!

— Пусть отдохнет, он нам еще пригодится.

Продолжали говорить о делах в легионе, а думали о разном. Порцию почему-то вспомнилось, как

однажды, обиженный Лукуллом и сенатом, он, не зная, как отомстить за несправедливое наказание, проник ночью на Капитолий и нагадил у центрального входа храма Юпитера. Для чего? Он и сам до сих пор не мог понять этого, но сделать такое он сделал и не жалел о своем поступке до сих пор.

Долго искали виновника, по Риму ползли слухи, что осквернившего храм поймали и задушили. Могли, конечно, задушить бродягу или нищего. Но онто, виновник, живой и здоровый.

— Когда ты видел в последний раз Родопу? — произнес трибун. — Это сама Венера Капитолийская! Какая линия бюста, бедер!

Оск молчал, протирая глаза, так как Порций стал видаться ему двоящимся. Феликс очень волновался.

«Изуродовала бы тебя проказа!» — подумал Марк, всматриваясь в молодого собеседника.

— В школе какой афинской гетеры она училась своему искусству? — хлестко плеснул трибун словами. — Очень умна. Прекрасный собеседник.

Удар был точен, как удар дротика в бою. Порций понял, чего хотел оск, поэтому и направил острие вопроса в сторону молодого офицера.

— Гордиться культурой Афин сейчас не модно, — возразил Феликс. — Город с кривыми улочками. Афины в деле воспитания гетер — провинция, Порций... Александрия — вот где сочетают мудрость с вавилонской роскошью. У Родопы нет образования, а есть интуиция, дающая приличные доходы. А ты все это принимаешь за искреннее к тебе отношение, — отбил удар Счастливый.

«Хитер ты, оск, — прикинул в уме трибун, — но будь готов принять и мою стрелу».

Но Порций не успел сделать новый выпад, так как центурион опередил его сообщением, от которого икры Марка скрутило болью.

— Знает ли Лучезарный, что Глобус нашел в мешке распятого инструменты для резьбы по кости?

Глаза трибуна налились искрящейся злостью.

— Инструмент для резьбы по кости? Глобус — презренная скотина! Я повешу его вниз головой,

чтобы научился думать, как это надо делать настоящему палачу.

— Для резьбы по кости! — как бы ведя по лицу своего начальника ножом, повторил Феликс.

Бычья челюсть снова дрогнула.

— Иди! — оттолкнул от себя трибун центуриона. — И скажи Леандру, пусть выворачивает этому пирату руки и ноги, но не жжет железом лица и спины. Да, я еще буду наместником Рима на Балканах. Понимаешь ли ты, центурион, как удачна твоя судьба? Теперь-то я стравлю медов с одрисами и золотой караван целым доставлю в Вечный город. О Юпитер! Помоги мне своим покровительством!

Порций встал, привалился к столбу шатра и, выхватив меч, закричал:

— Защищайся! — и бросился на младшего офицера.

Молодость помогла центуриону увернуться от удара. Порций сделал второй выпад, но нога не прогнулась так, как бы ему хотелось. Марк со злобой наступил на лиру. Струны лопнули.

Теперь оск стоял перед ним с мечом в руке. Феликс понял обиду трибуна: Порций завидовал гибкому телу центуриона, видя, что ему никогда не победить юность.

Удар, еще удар.

Центурион отступал, защищаясь. Но вот Порций дотянулся до оска, помял панцирь, показалась кровь. Тот, забыв все, обрушил меч на трибуна. Этого Марк ждал. Выдержав натиск противника, уставший Порций повалился на ковер. Он понял, что Родопа долго еще не сменит его вот на этого кампанийского сосунка, в котором хоть и кипит вулкан силы, но природная лень обеспеченных предков его не даст возможности выбраться из сетей, в которых он запутает этого лежебоку. Улыбнувшись, трибун похвалил Феликса, подумав: «А зря я все-таки нагадил у дверей храма Юпитера. Видно, старик Юпитер и мстит мне за это».

ДУХИ

Шел обычный урок, на котором Панука рассказывал о том, как Александр Македонский использовал при захвате городов осадные машины и как эти машины устроены. Некоторые из машин грек чертил на табличках, заставляя делать это и Спартака.

Львенок хотел спросить о саперных работах римлян при форсировании рек, но дверь открылась, и Дурила сказала:

— Каликрита просила передать, что скоро будут вызывать души усопших родственников.

Вызывание душ мертвых родственников было намечено на день соединения созвездия Ара с линиями движения звезд каких-то особых предзнаменований.

Каликрита, пролистав книги халдеев, сообщила о том, что сегодня ночью гений Орфея посетит дворец с тем, чтобы предсказать будущее.

Все переоделись в черное. Переоделся и Спартак.

— Панука, а чьи души мы будем вызывать сегодня?

— Царю нужен совет великих предков.

— Учитель, а нельзя вызвать душу того валяльщика шерсти, что выдавал себя за сына царя и воевал с сынами волчицы?

— Не знаю, это все в пределах законов белой магии.

В дверях показался Муржо. На нем были черный хитон грубой шерсти и высокая шапка из меха.

— Торопись, Львенок, — подзадорил он. — Каликрита делает последний обход дворца.

Панука заботливо поправил на Спартаке одежду и спросил:

— Почему ты вспомнил об Андриксе?

Спартак посмотрел в окно, в котором виднелась башня, украшенная вьющимися растениями, цветы, чем-то похожие на пушистых цыплят, и сказал:

— Мне нравятся те, кто бьет легионеров. Я никак не могу забыть трех медов, распятых на ветках яворов. Скажи, Панука, почему люди так ненавидят друг друга?

— Разве можно сказать, почему орел ворует ягнят, а волки грызут овец?

— Но римляне не волки, а люди.

— А может быть, поэтому народ и говорит, что человек человеку — волк.

— Что нужно им на земле медов?

— Рабы и золото.

— Рабы — это мы?

— Фракийцы.

— Значит, мы не люди?

— Для них.

— Ты был рабом?

— Был.

— Это плохо?

— Лучше быть волом — того меньше бьют и больше берегут.

Застывший глаз грека мерцал каким-то холодным, смертельным светом.

— Рабство оставило на моем лице след, Гроздяночка!

— Мне об этом говорил Муржо.

На подворьях дворца готовились к гаданию, запирая двери кладовых. Стража выгоняла пришлых.

Каликрита, позванивая золотыми деньгами, ходила вдоль стен, отпугивая черные силы. За ней шагал Рус, постукивая дубинкой в двери.

Свершилось великое таинство. Говорили шепотом, нараспев. Из рук в руки передавали какой-то предмет.

Лица были радостны, голоса молитвенны. Царь, стоявший у изображения богов, вглядывался во что-то лежавшее на ладонях Каликриты.

— Нас ждет великое будущее! — продолжала та. — Я слышу, как боги благословляют нас на дальнейшую жизнь! Вижу толпу предков. Вот идет отец. Он взмахнул рукой, улыбнулся.

К царице подошла Дурила, поставила поднос, над которым взлетел зеленоватый дым. Каликрита

несколько раз глубоко вдохнула, продолжая предсказания. Стул, на котором она сидела, закрипел.

— Вы слышите? — простонала старуха. — Это голос самих богов, благословляющих нас на великие дела. Я вижу, вижу лица наших предков. Они подняли руки, стараясь придать нам сил в борьбе с черной магией сынов волчицы.

В храме тихо запели, опустились на колени. У многих сверкнули слезы.

— Они видят нас и знают о наших страданиях, — продолжила Каликрита. — Их тени тянутся в нашу сторону!

В храме снова запели. Воскурились благовония. Дурила опять поднесла царице поднос с тлевшими семенами конопли.

— Панука, — прошептал Спартак, — а где тени предков? Почему Каликрита их видит, а мы нет?

— Это дано только тем, кто посвящен в таинства избранных, — отозвался криволицый. — Молись, помогая этим царице разговаривать с тенями ушедших в мир богов.

— Мы победим?

— Если фракийцы объединятся, как при Андриксе.

— И одрисы?

— И одрисы.

ПРОРОЧЕСТВО

Царь почувствовал себя плохо: под глазами мешки, ныла поясница, сердце металось в груди, как подбитый кречет.

Приезжали лекари, знахари, но никто не мог помочь Спартаку Старшему.

Приезжал Морщинистый, дал несколько рецептов лекарств древней египетской медицины, но где было взять для них трав и снадобий?

Ездил царь и на живые воды, но боли не утихли. Силы его слабели. Это скрывали: меды ждали похода, а их повелитель не мог шевельнуть и рукой.

Больше всего тайну хранили от соседних племен

и от ойноотрийцев. Чтобы поднять Спартака Старшего на ноги, жертвовали богам и храмам золото, коней, лекарственные травы, живность, но тот угасал.

Как-то Каликрита собрала совет: что, если владыка скоро уйдет в страну теней?

Доверенные хмурились, молчали, не готовые к разговору.

Переминались с ноги на ногу стоявшие у дверей Муржо и Золотая серьга.

Но вот встал Севт:

— Пусть повелительница простит меня, но сначала надо сделать все, чтобы наше солнце взошло.

— Если боги тебя вразумили, как это сделать, вразуми и нас, — упрекнула Каликрита. — Но, как видно, Аид призывает нашего повелителя в свое царство. Если владыка...

Севт поправил кинжал и, вздохнув, решился:

— Тогда пусть повелителем будет Сотимус. Он достоин этого: у него светлая голова и твердая рука. Мы верим ему. Он может возглавить намеченный поход.

Каликрита, соглашаясь, кивнула.

— Да омоют тебя боги росой! Ты прав, Севт: Сотимус должен стать царем. А ты сам не хотел бы сесть на белого коня?

— Хотел бы, мать медов, но не те у меня бронзовые копыта. Здесь серп нужен поострее.

Львенок сидел у камина. Ему было жалко деда. Он никак не мог представить себе, как может случиться такое, что его не будет среди них.

— Братья, — упрекнула кого-то хозяйка дворца. — Грек Панука предложил мне такое, что я и передать не решаюсь.

— Что он советует? — заторопился Севт.

— Позовите элина! — крикнула царица слугам.

Рус скрылся за пологом двери.

Грек вошел, поклонился, прикрывая ладонью омертвевшую часть лица. Понимая, для чего его пригласили, он сосредоточился.

Муржо опустил глаза. Золотая серьга глубоко вздохнул.

Панука знал, что во дворце не все его любят, так как некоторые меды считали греков волками, которые хоть и не родились от волчицы, но тоже могли проглотить страну благородных трав в один миг, как это когда-то сделал Александр Македонский. Но лучше было жить в тени дворца, чем палиться под солнцем в руднике, где плеть надсмотрщика — главный судья. И потому, относясь с презрением к варварам вообще, эллин старался быть честным с семьей повелителя медов, за что его и одаривали доверием. Панука гордился этим и теперь, когда здоровье Спартака Старшего стало резко ухудшаться, он прочел все, что мог, о болезнях почек. Читал и рекомендации белой магии, одна из которых рекомендовала такое странное средство, что оно не укладывалось в сознании.

— Садись, — пригласила Каликрита, поправляя в волосах золотой гребень.

— Что ты предназначтал медам? — потребовала она.

— Не я, а боги! — отозвался грек.

— Говори, и пусть боги благословят тебя.

Панука огладил лицо и, как бы решаясь на заветное, изрек:

— Мне кажется, что земля медов скоро погибнет.

Сидевшие за столом вздрогнули. Руки потянулись к оружию. Заговорили быстро и жгуче. Такого приговора в этом зале еще никогда не слышали.

Эллин попросил принести горячих углей и зерен конопли. Глотнув зеленоватого дыма, он поднял руку и замер, понимая, что высказанное предположение требует подтверждения. Было видно, как по его бледному лицу стало разливаться чувство, дарованное не каждому, а только тем, кому боги вручили жезл предвидения.

— Вижу, вижу кровь и огонь... Вижу дракона, прегрызающего Орбелус!.. Стримон, наполненный телами мертвых!

— Что-то останется Спартаку-Львенку? — не выдержала Каликрита.

— Горе, — твердо ответил Панука.

— Оно с нами всегда было рядом.

— Но не такое. Мой единственный глаз видит очень много крови.

— Ты говоришь как трус! — не выдержал Севт. — У нас есть еще Сотимус!

— Тихо! — остановила гнев князя Каликрита. — Грек изрекает истину! Сотимус, что ты думаешь, сын мой?

Отец Львенка поднялся.

— Мы держались сто лет и будем держаться еще столько же, ибо знаем, что такое римское рабство. А если настанет время последнего боя, умрем, как завещали нам предки, с мечом в руках.

— Слава тебе, достойный сын достойного отца! — прогремел голос Севта.

— А Пануку надо сбросить со стены! — крикнул кто-то из старейшин.

— А истину? — парировал философ.

— И ее вместе с тобой! Выходит, что нам надо пойти на дружбу с легионерами?

— Тогда надо звать Митридата! — крикнул вельможа в ободранной каракулевой шапке.

— Тогда пусть Локр будет царем! — предложил кто-то. — Он жгуч, как солнце, а боевит, словно барс!

— Чтобы он растерзал Сотимуса и Львенка! — бросился в атаку Севт. — Он давно готовит эту измену!

Рус так грохнул дубиной об пол, что в зале стало тихо.

— Вам что, Змеиха вместо мозгов наполнила головы яйцами со змеятами? Братья, опомнитесь! Химеры точат свои зубы. Надо еще крепче объединиться. Сыны волчицы только того и ждут, чтобы царем стал Локр.

— Нужен поход.

— Поход!

— Ула-ла! Поход!

— А кто поведет нас на римлян? Царь? Он болен.

— Сотимус! Ула-ла, Сотимус!

— Сотимус! Веди нас в поход, тогда будешь повелителем!

— А то позовем Локра!

Ударил гром, молния осветила комнату.

— Тилтазес принял наши условия, Сотимус! Веди нас в поход, и ты станешь царем!

— Слово!

— Молви слово, Сотимус!

— Поход!

Грек поднял руку, призвал к тишине.

— Панука, — крикнул Севт, — ты знаешь, для чего позван на совет?

— Знаю.

— Что скажешь?

Эллин осмотрелся. Напротив, облокотившись на меч, сидел Сотимус.

Свернув шкуру медведя и подложив под нее руку, устроился на лежанке Севт.

— Со смертью Спартака Старшего власть может оседлать Локр, — как бы предупреждая, добавил Панука. — Это все понимают?

— Говори, говори! — попросил старейшина, молчавший все это время.

Грек потер омертвевшую часть лица, раскинул полы хитона.

— Пусть Аполлон изуродует все мое лицо, если я скажу неправду. Есть и другой путь.

— Какой?

— Попробовать вылечить царя.

— Как это сделать? — заботливо спросил Севт.

— Да простит меня Каликрита, но то, что я скажу сейчас, не мной выдуманно. Это написано в трудах великих магов Эфиопии.

— Говори, — было почти приказано.

— Можно сказать? — обратился грек к Сотимусу.

— Говори, — ответил тот.

— Великие ученые, служившие при дворах фараонов, рекомендуют лечить болезни почек с помощью соития человека с кобылой куланов.

— Опомнись, Панука! — призвал Севт.

— Не оскорбляй чести царя, грек! — возвысаясь над всеми, обрушился на софиста вельможа в шапке из каракуля.

— Он подкуплен Локром!

Грек посмотрел на Сотимуса. Тот молчал.

Каликрита подняла руку.

— Слава вам, достойные меченосцы! — властно осадила разгоряченных она. — В словах Пануки нет измены. Он говорил мне об этом и раньше. Что делать? Если надо совершить геракловский поступок, он должен быть совершен. Разве Зевс не подарил свою любовь короле Ио, разве кентавры не похищали женщин... Сохранить бы только разум нашего вождя и свободу медов. Великий Тилтазес и Геракл благословят нас на святое дело.

— Кто еще так лечился? — перебил старуху Севт.

— Не знаю, — признался грек. — Но так рекомендуют поступать лекари великих фараонов.

— Я слышал, что на Кавказе камни рожают от охотников.

— А деревья! — простонал вельможа в каракулевой шапке. — Разве наши соседи дарсеи не вступают в любовь со святыми деревьями, чтобы получить детей, крепких, как дубы.

— Узнает ли об этом Локр?

— Узнает. Такой горящий уголь в ладонях не спрячешь.

Все неожиданно смолкли.

РАСПЯТЫЙ ПИРАТ

На соседней горе, что прикрывала лагерь римлян от ветров, заиграли первые лучи солнца, когда палач Глобус доложил Порцию о том, что снятый с креста пират молчит, как бы его ни пытали.

Тяжело встряхивая головой, в которой звенело так, будто сошлись в бою две центурии, Порций слушал, соображая.

— Клянусь всеми богами Капитолия, но тебе надо было быть не палачом, а беременной торговкой рыбой, как говорит декан Секунд. Ну что ты устался на меня, как волы на соль. Повиновение — вот главное в деле нашего легиона. Консул Торкват каз-

нил собственного сына, самовольно вступившего в сражение, хотя оно и принесло победу. Вытапливай из этой рыбы все, что только можно.

— Но он молчит, рот его словно зашит.

— Здравствуй, мой мудрец! Не я ли должен его заставить говорить? Послушай, Глобус Леандр, чьи руки умели развязывать язык и не таким, как этот, выдающий себя за пирата. Ох, как болит голова!

Глобус налил вина в ритон и подал Марку.

Трибун выпил и, вспотев, почувствовал себя лучше.

— Налей и себе, — приказал он. — Оказывается, ты можешь приносить людям и облегчение. Да разразит тебя Юпитер молнией! Пытай, мой Глобус, как не пытали еще ни одного варвара. Выворачивай руки, ноги, но не жги железом и не рви кожу плетью, она еще принесет добычу сенату.

Пошли часового за Феликсом. Я всегда ценил твое умение. Я помню, как ты помог мне в Помпеях, когда я проигрался до последней унции¹.

— Лучезарный, можешь из моего позвоночника сделать ожерелье для своего любимого коня, но этот презренный парфянин молчит, как бык перед жертвенником.

— Он должен признаться, что шел к медам от Митридата. У меня есть об этом вести от наших людей у Митридата. И в этом фортуна Пятого легиона. Даже ты, голова которого набита соломой от подстилок волов, должен понять, что военные кампании моих предшественников были неудачны потому, что они к своим действиям подходили только как стратеги, а не как дипломаты. За них думали в Риме. Их аркан был свит из песка. Знаешь этот миф?

— В котором царь Фракии приказал свить подчиненным аркан из песка?

— Чтобы победить врага.

— А один из них попросил царя показать, как это делается?

— Клянусь, Юпитер не обделил тебя мозгами.

¹ Унция — мелкая римская монета.

Может быть, ты знаешь и как один из трибунов пятого легиона приказал местным беднякам в неурожайный год собрать зерно для посева?

— И они разорили муравьиные гнезда, добыв по мешку отборного ячменя.

— Глобус, я верю, что твоя голова создана для более великих дел, чем занятие палача легиона. Когда я буду в Риме, то добьюсь, чтобы тебя перевели палачом в Мамертинскую тюрьму. А пока вытряси из этого парфянина все нам нужное, не сделав на этом мешке костей ни одной раны. Он еще нужен будет мне красивым. Сенат должен заговорить о фортуне Порция во Фракии. Понимаешь ли ты, как важно мне сейчас заставить говорить этого грязного парфянина? И тогда план Марка Порция по стравливанью медов с одрисами будет иметь две головы и одно тело, как у того удава, которого нам показывал Климакс.

Трибун открыл флакон с розовым маслом, капнул дважды на палец, помазал за ушами.

Благовоние освежило запах в палатке.

Доложили о Феликсе.

Центурион вошел, сверкая позолотой доспехов.

— Я приветствую тебя, лучезарный Порций! — сказал он, опуская голову и почтительно поднимая правую руку.

— Ты знаешь что-нибудь о капуянах в период правления консула Манлия Торквата и Деция?

— Да, Лучезарный! В их консульство римляне, воевавшие с галлами, обратились за помощью к латинянам, до тех пор всегда враждебным, завидуя славе Вечного города. Латиняне потребовали римского гражданства, посмеив начать сражение, во время которого консул Манлий Торкват казнил собственного сына за неподчинение.

— Что же мне делать с Глобусом, который в дипломатическом сражении с фракийцами проявляет неповиновение? Парфянин до сих пор на кресте молчит.

Оск не понял шутки трибуна.

— Можно облить его кровью жертвенник алтаря

легиона, чтобы боги смиловались над судьбой Лучезарного.

— Налей ему вина, Леандр, а то, я вижу, в его голове после вчерашней попойки звенят мечи не двух центурий, а двух легионов.

— Лучезарный, — тихо посоветовал палач. — Поступи, как поступил консул Даций Мус.

— Даций Мус? Глобус, ты читал хронику латинской войны?

Леандр кивнул головой.

— Счастливый, хотел бы ты, подражая консулу Дацию, покрыть голову аболлой¹ и броситься в бой, чтобы не видеть, как тебя пронзит туча стрел? — поинтересовался трибун.

— Но он это сделал ради победы республики.

— Когда в гимнасии в мою пустую голову вколачивали пьесы и мифы, — снова включился в разговор палач, — я помню, как учитель говорил, что Даций бросился не потому, что жаждал славы для республики, а будто бы по сновидению, гаруспексы² предсказали ему вечную славу за гибель в этом бою.

— Знаешь, Глобус, ведь Совет ветеранов легиона может и палача распясть. Почему ты ничего не говоришь об инструментах, найденных в одежде парфянина?

— Вот они. Я даю вам ключ от ворот победы над фракийцами, — заторопился Леандр, положив перед трибуном сверток.

— Что это?

— Инструмент для работы по слоновой кости, который я нашел в одежде парфянина.

Порций умолк. Бычья челюсть медленно задвигалась.

— Феликс, о чем говорят эти предметы? — проэкзаменовал Порций центуриона.

— Он резчик ритонов из слоновой кости.

— Это я понял.

— Удобный вариант: резчик едет во Фракию,

¹ Аболла — зимний плотный плащ.

² Гаруспекс — гадатель по внутренностям животных.

чтобы познать тайну создания этого вида произведений искусства. А учитывая, что ритоны завезены в Парфию, видимо, Александром Македонским и резались там мастерами-греками, которые познали это ремесло у фракийцев, то он и будет нам рассказывать эту легенду.

— Да. Ты прав... Парфянские кубки, как говорят персы, резались в далекой Нисе, той, что за Каспийским морем.

— Послушай, Леандр, а ты умеешь руководить своим начальником: я думал посадить тебя на кол за лень, а теперь иная мысль приходит ко мне: не награждать ли тебя за этот инструмент? Выходит, распятый пират не посланник Митридата, а посланник парфянских царей.

Порций сжал кулаки и радостно ударил ими по щиту.

— А куда же смотрят часовые на сторожевых башнях Лукулла? Парфяне начинают тайный сговор с Фракией, а Лукулл, любимец Суллы, наслаждается объятиями гетер. Глобус, ты понял, что подарил мне сегодня? Передай главному жрецу легиона, чтобы в день новых пыток он принес жертвы богам. Все должно служить в это время тебе, Леандр. Ибо фортуна легиона в твоих руках, как в твоих руках и добыча каждого легионера.

Порций многозначительно посмотрел на палача.

— Иди, Леандр. Ты сегодня совершил великое дело. И угости пленника хорошим куском свинины, сказав, что это от меня.

БЛЮДА ИЗ СОЛОВЬИНЫХ ЯЗЫКОВ

Глобус вышел из палатки. Стоял солнечный день. Небо было голубое, как в далекой Латии. Плыли легкие облака. Пели птицы. Черноплужники погоняли волов, запряженных в телеги. Палач прищурился, засмеялся, показав два ряда крепких зубов, и стал спускаться с холма, на котором короной высился шатер трибуна Порция.

После Глобуса в палатке наступила тишина. Порций разделся и развалился на широком ложе.

— Ты скоро едешь к медам, — произнес Порций. — Ты слышишь меня? Или Янус¹ затворил ворота твоих ушей?

— Я все понял: мы должны воспользоваться гостеприимством медов и стравить этих враждующих волкодавов, а Риму доказать, что находимся у истоков нового заговора Митридата и Парфии, — ответил оск.

— Будь на страже, Марс! — вдруг воскликнул Порций. — О великий покровитель войн и границ, может быть, для тебя надо совершить жертву?

— Пусть он лучше благословит инструменты, что разбросаны по ковру, — подсказал Феликс.

— Цербер не охраняет так вход в Аид, как я буду охранять это предзнаменование. Феликс, как я понимаю, твоих доходов в Помпеях хватает только на уплату долгов портным и парикмахерам?

— Страшнее другое, Лучезарный: капуянцы, чьи виноградники граничат с моими, стали расширять школы гладиаторов; скупая пленных солдат, воров и приговоренных к казни. Доходы их растут. Они поставляют смертников самым влиятельным лицам и лучшим городам республики, сдирая за свой товар по три шкуры. Да и в Помпеях последнее время собирается на летние каникулы много аристократов. Они за смертников платят такие деньги, каких нам никогда не получить, переверни мы весь Орбелус.

— Сколько же сейчас стоит хороший гладиатор?

— До десяти тысяч сестерциев.

— Годовой доход зерновой виллы.

— Четыре таких гладиатора — и можно купить соловьиную ферму в сорок тысяч голов птиц.

— А почему не перепелиную?

— Потому что теперь в аристократических семьях вошло в моду подавать к праздничному столу блюда из соловьиных языков. Ланисты в Капуе становятся самыми богатыми людьми, так как на обучение

¹ Янус — бог—покровитель дверей и ворот.

пленных солдат искусству гладиаторов уходит не очень много денег. Теперь все для гладиаторов: портные, оружейники. Греки-художники имеют такое количество заказов, что создают около школ целые кварталы.

Центурион подошел к пологу палатки, откинул его и посмотрел на лагерь, освещенный солнцем. Зазвучали фанфары, приказывая когортам приступить к упражнениям на плацу. Звеня оружием, легионеры выстраивались шеренгами.

Дымили кострами кухни. Каптенармусы выдавали продукты. Водовозы погоняли меринов, запряженных в повозки с деревянными бочками.

— А чтобы прокормить эту армию смертников, выписываются самые прославленные повара, — продолжил Феликс. — Ланисты покупают почти все продукты. Однажды в Помпеях гладиаторы вышли на бой в таких панцирях, каких не имеют центурионы гвардии императора.

— Так что же в этом плохого? Твоя Кампания цветет, а ты увядаешь.

— Цветет? Крепнет, но не Кампания, а колония греков, осевших в ней. Сначала они торговали зерном, а теперь Капуя стала вторыми Афинами.

— Так много в ней эллинов?

— Там только магистратура из латинян, все остальное в руках греков.

— Поэтому Капуя и сдалась когда-то Ганнибалу?

— Они не хотят признавать Рим, требуя у него равноправия.

— Эллины? — удивился Порций, оглядывая лагерь. — Смотри, как красивы наши когорты. Иди полюбуйся легионерами, — почесывая челюсть, пригласил Порций. — Пусть школы гладиаторов не беспокоят тебя. Наши войска могут смертельно укусить кого угодно. Приведем золотой караван, и твое имя будут писать на всех домах Помпей и Капуи.

— Лучезарный, а где когорта, что ушла для прикрытия каравана?

— Стоит в горах и ждет моего приказа.

— И когда это будет?

— Будут ждать, пока не прикажу двигаться золоту. Надо уметь обмануть медов. Надо уметь выжидать.

— Меня пугает другое: ростовщики Капуи стали влиять через посредство юристов на цены вин и виноградников. Раньше Кампания платила Риму налог ячменем, а теперь сенат требует денег. А где их возьмешь? Три года неурожаев сделали свое дело.

— Твоя кровь, центурион, как молодое вино. Узнай это кто-либо из моих тайных осведомителей, не помогло бы тебе и мое покровительство. Клянусь Юпитером, Асклепий со своей змеей покинул мою душу. Ах, как заныли кости, будь они прокляты, эти британские болота! Посмотри, в ларце есть настой из лунных трав. Я разденусь, а ты натри мне спину.

Феликс откупорил флакон и часть жидкости вылил на спину трибуна.

— Лучезарный, у тебя раны на спине?

— Думаешь, что Марк Порций был когда-то дезертиром? Нет, мой мальчик, иногда в бою бьют мечами не только враги, но и друзья. В молодости я был подобен Алконею, этому первородному сыну земли, который смеялся над всеми ранами. Три сильнее, дави спину кулаками. Выклевали бы вороны глаза моему массажисту. Так, хорошо, мой мальчик! А теперь я лягу на ковер, а ты разомни меня ногами. О, да облегчит твои ноги Асклепий. Больно! Больно! Дави пятками между лопаток!

Порций pokrылся потом, ступни его ног передернула судорога. Боль все прочнее вгрызалась в мускулы. Марк скрипел зубами. Бычья челюсть хватала воздух. В уголке рта появилась пена.

— Феликс, — обессиленно ворочая языком, приказал трибун, — на туалетном столике, за баночкой с румянами, лежит бронзовая игла, протри ее вином. Быстрее, быстрее! О боги Капитолия, разве я не приносил вам в жертву человеческую кровь, за что вы так наказываете меня! А ты, Юпитер, смилуйся и помоги!

— Готово, Лучезарный, — отозвался Феликс.

— А теперь коли икры! — приказал Порций.

— Как? — удивился центурион.

— Так, как будто перед тобой один из медов!

Счастливый осторожно ткнул иглой в тугую связку мышц. Порций выхватил иглу из рук центуриона и вонзил ее во вторую икру. Мышца дернулась и стала расслабляться.

Порций радостно заплакал.

— У тебя легкая рука. Ты поразил эти два клубка змей на моих ногах в самое сердце. Так быстро еще никто не освобождал меня от боли.

Марк подложил под голову ритон и блаженно вытянулся на ковре.

Доложили о приходе массажиста.

— Дать ему пятьдесят ударов. А коли он еще раз придет позже моих молитв к Асклепию, я продам его в гладиаторы, — приказал трибун. — Так вот, о твоих виноградниках. Ты помнишь наш разговор о гетерах и об их прекрасном образовании: умении владеть телом, петь, играть на арфе, танцевать. Да, мой мальчик, они во многом превосходят наших жен. Но наши жены остаются матронами семейств, не обладая всей той красотой жизненных познаний, которыми обладают гетеры, а эти амфоры ласк и сладостных соблазнов так и остаются слугами утех сильных. И если капуянцам сопутствуют удачи на гладиаторах, то почему бы и тебе не получить хорошие доходы, имея школу смертников?

За стеной шатра раздались удары — наказывали массажиста.

— Ничего, это восстанавливаются законы подчинения, — глядя на центуриона, пояснил Порций.

Вошел дежурный офицер.

— Остановите Глобуса, скажите, что, если он еще раз ударит без отяжки, я сам сделаю пятьдесят ударов на его спине. И потом, пусть занимается своим делом подальше отсюда.

Дежурный вышел. Послышалась ругань Леандра.

— У меня и своей работы хватает! — возражал Глобус. — А наказание прислуги должен производить старший ключник, ему платят за это втрое больше, чем мне.

Голос дежурного офицера перебил палача:

— Караул, сопроводите палача в положенное место!

— Отпустите меня, — взмолился массажист, обращаясь к дежурному офицеру. — Я изгоню из вас слабость, над которой смеются все гетеры Филипп!

— Кто тебе об этом сказал? — боязливо и тихо спросил центурион.

— Родопа.

— Нет, нет, не могу! — испугался дежурный. — О твоём наказании распорядился сам трибун Порций. А эта Родопа пусть присмотрит за собой: деньги берет, как гетеры в Афинах, а только спаивает, подсыпая снотворного. А какая кожа у нее на груди — как у слонихи.

— Ты что-то спутал: Родопа прекрасна!

— Это для тебя, слуги. Ты видел настоящих гетер?

— Они похожи на Эвридику.

— Молчи. Твое дело — потные спины клиентов.

— Если центурион говорит о спине Марка Порция, то она более достойна внимания, чем твое лицо.

Массажист понимал, что в палатке его слышат.

Порций посмотрел на Феликса и улыбнулся.

— Родопа выдает себя за гречанку.

— Из крестьян: около ступней очень широкие кости. А это на любителя.

— Говорят, что в Афинах такие ноги теперь в моде.

— В Афинах, а не в Риме и Помпеях. Кривоногая, с волосами длиной в палец.

— Нет, Феликс, ноги у нее стройны.

— А если Родопа действительно подсыпает снотворного? — усмехнулся Счастливый.

— Не засыпай.

На плацу старательно пели горны. Начиналось соревнование по метанию копий в движении.

Выстраивались новобранцы, среди которых бушевал декан со сломанным носом.

— Если вы будете держать в руках оружие, как держат рыбу, — объяснял Секунд, — то меды дважды успеют перерубить вам колени. Правофланговый, выходи к черте. Приготовь копье. Нет, вы посмотре-

те, как он держит щит. Прижми, закрой грудь и левый бок!

— Декан Секунд, а кто вам перерубил нос? — спросил правофланговый.

— Не перерубил, а нанес рубящий удар. Тебе сыну ветерана нашего легиона, стыдно не знать воинских терминов.

Порций улыбнулся, прислушиваясь к наставлениям декана.

— Ты знаешь, кто перебил нос Секунду? — спросил Марк у Феликса.

— Знаю, — поддержал тот. — Меды в Амфиполе на базаре.

МАШИНЫ СПАРТАКА

Был солнечный день. Вершины Орбелуса просматривались на фоне голубого неба. Пахло виноградным соком.

Спартак на черном дворе под руководством Руса мастерил машину по чертежу, который ему сделал Панука. С помощью се Львенок хотел подавать в поллки конюшни воду из колодца. Пока ничего не получалось. Руки и плотницкие инструменты плохо слушались юношу.

— Гроздяночка, — советовал Рус, — а может, попробоваться сначала наладить сломавшийся виноградный пресс, а то скоро надо давить сок, а винт у него не работает.

Но тут к воротам дворца подскакал Муржо.

Судя по всему, с ним что-то случилось. Прихрамывая, дак добрался до главных дверей. Стало ясно, что он ранен.

Уложив инструмент, ссыпав в деревянную кубышку гвозди, Спартак направился в покои.

Муржо прошел в царские покои. Одежда на нем была порвана, лицо в крови.

— Царь! Царь! — громко говорил он. — Я кое-как ушел от них живым. Рудокопы отказываются рабо-

тать, требуют денег и еды. Я пытался говорить с ними мирно, но они избили меня и выгнали.

— Сколько мы им платим? — поинтересовался Спартак Старший.

— Как и везде.

Царь задумался.

— Мало, мало поступает золота и серебра. Греки и римляне с таких копеек получают больше.

— Клянусь Залмоксисом, управляющий делает все, чтобы не скудели наши запасы, но вода заливают раскопы. Много времени уходит на ее вычерпывание.

— А у греков и римлян нет воды? — поинтересовался больной.

— У них воду откачивают машины и времени на это уходит в десять раз меньше.

Спартак присел на скамеечку у изголовья деда. Услышанное заинтересовало его.

— А почему у нас нет таких машин? — обратился он к воспитателю.

— Для этого нужны мастера и чертежи.

— Но у них рабы на рудниках, а у нас вольнорожденные. Где Панука?

Позвали грека.

Узнав, в чем дело, софист наклонился к царю, пояснив:

— Мое дело — слово, а машины — дело механиков.

Спартак Старший приподнял руку, цветом похожую на воск.

— Муржо, возьми денег, вина и еды, устройте рудокопам праздник, а то они все дни в своем подземелье, как в Аиде. Пусть отдохнут. А машины надо купить.

Взрослые заторопились. Львенок молчал. Ему очень захотелось посмотреть греческие машины на рудниках римлян.

— Муржо, — попросил он, — поедем в Амфиполь, посмотрим машины.

— Туда нельзя, там латиняне.

— Хочу, очень хочу! Если ими можно черпать

воду, то, наверное, можно поднимать и копьеносцев на стены осаждаемых крепостей?

— Ула-ла! Ты вон куда! Но римляне сейчас злеще пчел: мы их хорошо побили, отняв Меду. У них теперь одно в голове: как провести караван с золотом в Рим и насолить нам.

— А проведут?

— Долго придется ждать. А там Залмоксис, может быть, благословит нас на поход.

— Муржо, а если мы не победим?

— Такого не случится.

— А вдруг случится?

— Ты уже стал взрослым, Львенок, и должен понять, что тогда нас продадут в рабство или в гладиаторы.

— В гладиаторах плохо?

— Спроси у Руса, он знает, как убивать людей под смех сынов волчицы. А как спускают в рудники колоть камни, спроси Пануку, он рубил породу.

— Машинами?

— Рубилом.

— Как те мастера, которыми руководит Лошадина голова?

— Они свободнорожденные, а Панука был рабом.

— Это там у него омертвело лицо?

— Там били часто. А когда хотел сбежать, то жгли раскаленным железом.

— Выходит, мне никогда не увидеть этих машин?

— Пока это опасно. Подожди, вот купим свои, установим, и тогда колдуй вокруг них сколько хочешь.

ЗОЛОТОЙ КАРАВАН

Как-то Порций возвращался из Филипп. Было душно, но настроение было хорошее, и потому судачили о разном. Сначала говорили о делах в Риме и сенате, о предстоящей войне с Митридатом. И как всегда, Порций поругивал Лукулла.

Глобус, сопровождавший господ, заговорил о парфяnine.

— Все молчит? — удивился Марк.

— Заговорил, — хитровато отозвался экзекутор.

— Признался?

— Он, наверное, сошел с ума.

— Не выдержал пыток?

— Говорит, но что-то странное.

— Бредит?

— Все время убеждает меня в том, что многие парфяне имеют по два фаллоса.

— А почему? — удивился Фешенебельный.

— Почему? А почему у быка два рога, а у носорога один?

Порций так рассмеялся, что приостановил коня.

— Ну-ка повтори, что он говорит.

Леандр подчинился приказу.

— А у него, у парфянина, сколько их?

— Как и у нас.

— А почему?

— Потому, утверждает он, что он не парфянин.

— Хитер. Пора мне самому заглянуть к тебе, — предупредил трибун. — Время назначенного срока подходит, а мы так ничего от него не добились.

— Феликс, скоро тебе ехать к медам.

— Я готов.

— Но не готов еще Леандр.

Центурион вопросительно посмотрел на трибуна.

Марк помял руками икры и тихо добавил:

— Не подошел еще срок конкретного разговора, терпи, Феликс, скоро все узнаешь. Главное, чтобы Леандр сумел подготовить к этому делу парфянина. Подготовишь, Глобус?

— Геракл тому свидетель, Лучезарный!

Марк погладил коня, и глаза пантеры налились тем мучнисто-холодным светом, который появлялся в них, стоило лишь сердцу застучать громко и строптиво.

— Есть слух о том, что царь медов собирается поехать на лечение в Амфиполь.

— Меды и сами хорошие лекари, — усмехнулся Феликс.

— Но греки есть греки. Хорошая дичь, насадить бы ее на вертел. Подумай, юноша, может быть, около Прасиас-озера можно организовать засаду. Сам бы ее и возглавил. Награда за поимку их царя была бы равна стоимости школы гладиаторов.

Порций умолк, всматриваясь в центуриона.

— Да-да, Феликс, тебе, как никому другому, нужна война с медами. У горцев много золота. Значительно больше, чем будет в нашем караване.

«Почему Лучезарный вот уже столько времени говорит о моей поездке к медам и караване золота какими-то намеками? — подумал центурион. — Почему не рассказывает всего? Или я, как пятнистая смерть, нужен буду только тогда, когда постучат по ноге палочкой?»

Трибун приостановил жеребца, вонзив взгляд в центуриона, словно пустил в него два дротика.

— Проверяю, друг мой, проверяю.

Феликс прекрасно понимал, что Порций играет с ним, как со шенком. Но и не только с ним. Двойную игру Марк ведет и с сенатом. Пока нет наместника Рима в Македонии, а несколько трибунов болеют, тем самым давая возможность Порцию продлить свое дежурство как командира легиона, Марк старается проявить себя, сосредоточить внимание всех на трудностях доставки каравана.

«Но для республики ли старается Порций? — как-то подумалось центуриону. — Не ради ли каких-то своих тайных дел так затаился трибун? Не сам ли он хочет заполучить золото, сославшись на грабеж медов и на него, Феликса, которого недолюбливают в Риме. И это наказание массажиста у палатки. Все знают, что наказания проводятся на плацу. Не хотел ли этим Порций проверить мою реакцию на крики массажиста: не боюсь ли я пыток, чтобы этим припугнуть. Но для чего? Не для того ли, чтобы потом доказать начальству, что операция сорвалась из-за слабых нервов. Лукулл! Вот кого боится трибун».

Тронули лошадей. Зазвенели жаворонки. Запахло увядающими травами.

«А может быть, обо всем этом сообщить Лукуллу? — молча спросил сам себя Счастливый. — Не зря ведь когда-то он возбудил дело против Порция. И не парфянский жеребец был тому причиной, как говорит трибун. По всей вероятности, Лукулл делал более глубокий экскурс в биографию человека с бычьей челюстью. Лукулл знал, что в Риме ему никогда не бывать первым, а потому и укрепился в Азии, обезвреживая тех, кто мог мешать его карьере».

В одной из дубовых рощ остановились, перекусили. В соседней речке искупались.

Наверху, в горах, зазвенели девичьи голоса. Глобус и несколько всадников поскакали в ту сторону, но вернулись огорченными.

— Дикие! — крикнул Леандр. — Пахнут потом!

— Но ты их поймал? — обругал его трибун.

— Они словно серны унеслись по камням.

Феликс продолжал думать о Лукулле:

«Понятно, что и в Порции Лукулл видел человека, рвавшегося к власти. Помнится, что одну из побед Марк приписал себе, известив о ней военную коллегия сената. Хотя принадлежала она фракийцам, допустившим ошибку: горцы перед боем закололи своих коней, показав этим, что лучше умрут, чем хоть на шаг отступят. Воспользовавшись этим, римляне первой пустили конницу. Не ошибись фракийцы, кто знает, чем бы закончилась эта битва.

Сенат утвердил Порция одним из шести трибунов македонского легиона.

Лукулл знал всю эту историю, но до времени молчал. А Марк стал подговаривать ветеранов, чтобы они на парадах кричали: «Да здравствует трибун Порций!»

В солдатских тавернах и термах все чаще и чаще шел разговор о щедрости и добром сердце Марка. А некоторые легионеры, получившие земельные наделы в Македонии с помощью Порция, стали говорить о том, что, когда Лукулла переведут командовать в

Азию, наместником в Македонии надо назначить Порция.

Лукулл не боялся оставлять за спиной человека не столько по характеру военного, сколько мечтающего о военной славе, за которую он готов сломать себе шею. И сломал».

Оск тяжело вздохнул, стер с лица холодные капли речной воды.

В биографии трибуна было много поучительного, что могло послужить примером для молодого офицера. Прошло немало времени, пока грехи Порция подзабылись и друзья сумели направить Марка на войну с галлами в должности начальника когорты. Он сумел удачно выиграть несколько боев, но не за счет умелых маневров, а за счет хорошей выучки легионеров, которой добился его предшественник Серторий Карбон, павший в одной из стычек.

В это время в Риме был раскрыт очередной заговор. Лукулл, поздравляя с какими-то успехами Суллы, порекомендовал направить Порция в погоню за главарями заговора, бежавшими в Мавританию, думая, что там Порций найдет себе смерть.

Марка отозвали с войны. Вернувшись с северных берегов Африки живым и здоровым, Порций дал понять Лукуллу, что теперь он может стать с ним одного положения.

Лукулл вновь возбудил против друга уголовное дело, обвиняя победителя в растрате казенных денег, что могло повлечь за собой, учитывая вспыльчивый характер Суллы, продажу Порция в гладиаторы. Но волею судеб и с помощью друзей Марк оправдался, и, когда Лукулла назначили командовать легионами в Малой Азии, он сумел вернуться в Македонию трибуном.

— Эгей, Феликс! — донесся голос Порция. — Ты посмотри, какие красивые цветы!

Оск пошел на голос.

Порций стоял с букетом. Глаза его были нежны и ласковы. Нагибаясь за цветами, он сиял, как ученик, знающий урок.

— Рви! — предложил он центуриону. — Мы сплетем себе венки.

Полянка была пестро заткана разноцветьем. Около двух пней, побитых какими-то лишаями, офицеры нашли огромные грибы.

— Леандр! — позвал трибун. — Возьми-ка все это и вернись в Филиппы, передай Родопе. Она очень любит всякую неожиданность. С собой прихвати легионеров, а то меды, обрадовавшись своей победе, и на тебя накинут аркан. Торопись, Леандр!

СМЕРТЬ ЦАРЯ

Часовой у ворот Яворины застучал мечом о щит.

Заголосили женщины. На базаре гукнули селяне, затревожились иностранные торговцы.

Могильно и тоскливо завыли собаки.

Во дворце забегала прислуга. Рванули цепи жеребцы.

Руки у Каликриты окаменели. Велено было кликать Сотимуса и Меду. Царица приказала отворить ворота дворца. Муржо принес кованый ключ, вставил в проем всячего замка, что был с баранью голову, и распахнул обитые медью створы.

Спартак взобрался на стену, встал между бойницами и увидел отряд дружинников, несших на плечах мертвого деда. Он лежал на щитах, устроенных на копьях.

В небе блистало солнце, хвастливо носились стрижи, а по сердцу Львенка кто-то стучал черным молотом.

Воины шли тихо, размеренно. Их шлемы, висевшие на рукоятках мечей, искрились словно жарптицы.

Отряд миновал улицы Яворины, базарную площадь, направляясь к воротам дворца. Царь и мертвый выглядел гордым и воинственным. Дворец затопил народ. Ударили в гонги.

С высоты стен Спартаку было видно, как черноплужники бросали поле, пастухи останавливали ста-

да, каменотесы роняли рубила, направляясь на зов меди.

И вот, словно по тайному сигналу, собравшиеся подняли руки и запели торжественно и заботливо.

— Люди! — закричал Рус. — Слава царю!

— Он отмучился на этом свете! — подхватил Муржо. — Ула-ла! Радуйтесь, братья, радуйтесь! Танцуйте!

Спартак спустился со стены, смешиваясь с толпой медов.

Заиграли свирели, их поддержал барабан. Нестройный хор подхватил плясовую.

Меды пели, плача.

— Танцуйте! — призвал Сотимус.

— Пойте громче! — приказала Каликрита.

Спартак встал в цепочку танцующих. Казалось, на него навалился весь Орбелус. Но что было делать, того требовал обычай.

Слезы текли по щекам, а он продолжал танцевать. Затрещал костер, на котором торопливо обжаривались туши. Из подвалов несли овощи и фрукты.

Начиналась тризна.

Тело царя перенесли в храм и уложили на медвежьей шкуры.

Жрецы вспороли одежду, омыли охладевшее тело, натерев его благовониями. Потом приподняли и уложили в сруб.

* * *

Спартак, вдавившись в нишу храма, рассматривал мертвое лицо деда.

Со стены, что была напротив, на него смотрел Геракл, нарисованный греком-архитектором. Обнаженный бог лежал, опираясь одной рукой о землю, а другой поднимая кубок. Его большое круглое лицо улыбалось, и он как бы говорил: ничего, со мной вам будет хорошо — танцуйте и пойте.

Между Спартаком и мертвым возникла фигура Сотимуса. Сжимая рукоятку кинжала, он заговорил четко и утвердительно:

— Боги призвали к себе нашего царя!

— Как случилось это черное счастье? — спросила темнота.

— Он попросил, и его вынесли в поле, чтобы сердце порадовалось светилу. Там и угас его костер, — пояснил Сотимус.

Трещали факелы, метались летучие мыши, над Орбелусом расхрабрился гром.

— Слышите, великий Тилтазес принимает душу Спартак Старшего и благословляет нас на великие дела! — замерцал чей-то голос в темноте храма.

— Смерть сыновьям волчицы! — загудело под каменными сводами.

— Веди нас, Сотимус! — потребовали голоса.

Царский сын поднял руку. Его глаза встретились с глазами Львенка.

— Братья! — призвал Сотимус. — Поход, как учил меня отец, обогатит таких, как Локр. Но многие семьи осиротеют. Некому будет пахать и разводить овец. Есть ли смысл, добыв малое, потерять большое?

— Есть! — отозвался один из черноплужников, стоявший у двери. — Сердце просит мщения. Мы должны выполнить заветы убитых.

— Месть! — поддержали остальные.

— Смерть сынам волчицы! — отозвалась даль.

— Смерть! — согласился Сотимус.

ДУХИ УМЕРШИХ

Потрескивали факелы. Пахло сажей. Сквозь узкие окна падали на пол храма лучи света, похожие на лезвия мечей. Таинственно шумел ветер, налетающий на дворец.

Панука хотел послать за плакальщицами, но его остановили.

Спартак стоял в нише, слезы катились из его глаз. На голову Львенка легла знакомая рука — это был Муржо.

— Утрись, Гроздяночка! — подбодрил дак. — Мы

должны гордиться жизнью орлоподобного. — И воспитатель прижал к себе парня.

В храм вошел грек-архитектор. Ему принесли воск, теплую воду и какие-то мази. Мастер смазал лицо умершего жиром, потом растопленным воском, закрепив его шелковыми ленточками.

А когда слепок застыл, грек снял его с лица мертвого царя.

— Зачем каменотес накладывал воск на лицо деда? — стал допытываться Спартак у чубатого.

— По той форме он сделает маску, а потом высечет его лицо из камня.

— А он будет рисовать деда на стене гробницы?

— Там грек изобразит всех: и Каликриту, и Сотимуса, и Меду, и тебя.

— А для чего?

— Ночью, когда дух умершего увидит нарисованное, он обрушит на него всю злость, а вас оставит в покое.

Как только грек собрал свои инструменты и вышел, двери святилища распахнулись и показалась Каликрита.

Спартак почему-то съежился и закрыл глаза. Он знал, как сильно наказывали горцы женщин, посмевших войти в храм, где собрались мужчины на похороны воина.

Но вошедшая была сама царица, умевшая рубиться в конном и пешем строю.

— Остановись! — предупредил ее Сотимус. — Зачем ты нарушаешь запрет предков? Почему ты вошла в храм, где собрались мужи, чтобы совершить священнодействие?

— Сотимус, — предупредил Муржо, — разве ты не видишь, что Танат, сын Ночи, уже отрезал золотым серпом часть ее рассудка.

— О царица! — обратился Севт к Каликрите. — Ты обезумела от горя!

Старуха упала на колени и протянула Сотимусу кольцо, сорванное с пальца.

— Возьми и прочти написанное на нем.

Сотимус отыскал луч солнца, подставил под него червонное золото и огласил:

— Спартак, я умираю около тебя.

— Сын мой, — воскликнула хозяйка дворца, — передай этот перстень твоему сыну, а он пусть передаст его своей жене. Ибо надо знать, как медийки любят и заботятся о чести своих мужей.

Царица подошла к телу Спартака Старшего, опустилась на колени и подозвала сына.

Колыхнулось пламя светильника. В оконный проем вполз богомол. Пропищали стрижи.

Лицо Сотимуса было бледное. Мать протянула к нему руку и властным голосом изрекла:

— Я благословляю тебя на все испытания во имя нашей земли! Пусть боги укрепят твое сердце. Мсти за погибших. А я уйду, чтобы догнать своего господина.

Каликрита обвела взглядом собравшихся, а заметив внука, ласково позвала:

— Ты все слышал, Гроздяночка?

— Да.

— Не слезись, теперь ты уже Лев, а не Львенок. Запомни, как умирают цари, и никогда не позорь нашей чести.

— Клянусь! — холодея, прошептал Спартак.

— Надел кольцо? — обратилась старуха к сыну.

— Надел.

— Тогда, воины и старейшины, поднимите на мечах нового царя.

Бронзовые клинки скрестились, Сотимус встал на них. Под сводами храма прозвучала клятва верности.

Поклялся и Сотимус честно служить медам.

Спартак хотел отступить в тень ниши, но Муржо подтолкнул его в спину.

— Ступай, встань рядом с отцом: пора и тебе привывать к мужским делам, детство кончилось. Иди.

И Львенок пошел в центр круга.

— Будь достоин своего звания, — напутствовала его Каликрита. — Теперь ты не внук, а сын царя.

Присутствовавшие в храме преклонились перед Спартаком Младшим.

Принесли кубки с вином. Сотимус надрезал палец, и несколько капель крови подкрасили напиток. Новый царь помешал мечом в сосуде, пролил каплю вина на пол, отпил.

Вторым приложился к кубку Спартак. Сосуд стал переходить из рук в руки.

— Готовьтесь к походу! — воззвал Сотимус.

— На римлян в Македонии?

— На рудник!

— Слава тебе, Сотимус! — крикнул Севт.

— Слава! — поддержал Рус.

— И прошу вас, братья, в бою оставить мне центуриона Феликса.

— Ула-ла! — поддержали меды.

— Сколько ему лет? — спросила Каликрита.

— Он старше нашего Львенка.

— На сколько?

— Лет на пять.

— Муржо, а я увижу на руднике машины? — прошептал Спартак.

— Конечно. Я сам пойду с тобой смотреть их. Но зачем они сыну царя? Твое дело умело владеть мечом и приемами борьбы.

— Эй, Муржо! — раздался голос нового повелителя.

— Я здесь.

— Лови! — И Сотимус бросил чубатому кинжал в позолоченных ножнах.

— За что?

— За Львенка. Крепи его руку и не спускай глаз в битве. Теперь он всегда будет рядом со мной.

* * *

Тело Спартака Старшего положили на дубовые плахи, приготовленные для костра, рядом положили мертвую Каликриту.

Языки огня прощально взметнулись к небу, яростно и трескуче свиваясь в единое пламя.

Спартак настороженно следил за телами деда и бабушки. Но вот вскрикнул: рука мертвого царя

приподнялась. Казалось, Спартак Старший призывал на помощь.

— Муржо! — взметнулся голосом Львенок. — Смотри, он жив! Спаси их! Спаси, Муржо!

Но собравшиеся у костра радостно закричали, засмеялись и стали танцевать. Зазвучала музыка.

— Радуйся! — приказал Муржо. — Они отмучились и теперь вдвоем идут в сторону наших предков.

Костер загудел, словно буря в горах. Из прогоревшего шелка показалась голова царицы.

— Видишь, Муржо, Каликрита рвется к нам! — призывал Львенок.

— Нет, Гроздяночка!

— Они живы. Это мы трусы! Пусти, пусти меня!

Дым костра становился все гуще, плотнее окутывая покойников.

Закружился прощальный танец. Запели.

— Г-ха!

— Г-ха! — пронеслось по царевцу, в центре которого метался в своей пляске огонь.

— Идем! — позвал Муржо. — Ты должен вместе со всеми воздать должное памяти своих предков.

Они присоединились к цепочке танцующих, оглашая округу громкими призывами.

Спартак нет-нет и смахивал набегавшие слезы.

— А как умерла бабушка? — крикнул он воспитателю.

— Это знает только Рачка, — накручивая чуб на ухо, отозвался дак.

БЕЗРУКИЙ РОБРО

Похоронив царя и царицу, избрав нового предводителя, меды продолжали заниматься своими обычными делами.

Яворина шумела, встречая караван ослов, привезших из Одессоса, что был расположен на берегу Эвксинского понта, медную посуду, утварь и оружие.

Сотимус, только что наградивший победителей

бегов на колесницах, тревожно прислушивался к этому шуму.

Вот он встал, перешел к окну, из которого просматривалась базарная площадь.

«Да, наступает время, когда новый предводитель медов должен показать умение в бою, — подумал Сотимус. — Все, что было раньше, — это дела предков, а каков ты? Вот, кажется, простая задача: караван из Одессоса. Но почему он явился без предупреждения? Почему купцы греческого города не спросили у него разрешения торговать в Яворине? А может быть, это и не купцы? Или купцы, но не из Одессоса? Может быть, это новая хитрость римлян?»

Царь встал, прошелся.

«Как случилось, что греки Одессоса прошли через одрисов и добрались до Яворины? В чем хитрость прихода этого каравана?» — продолжал пытаться сам себя Сотимус.

Яркое солнце щедро затопило город. На тесных улочках, среди узких домов волновались яворяне, окружив караван. Где-то звучала кифара. У корзины с остатками еды и мусора толпились нищие иллирийцы. Кто-то выгуливал коня. Хозяйки выбивали ковры и покрывала. Грек-каменотес стучал молотком, готовя плиты для обкладки базарного колодца. Горные пастухи, что пригнали скот на продажу, сидели в тени плетеных заборов, до крови расчесывая красно-черные шеи. Лицо Сотимуса освежил ветерок.

«И-а! И-а!» — заревел один из ослов каравана: ребяташки тянули его за хвост. Жрец соседнего святилища стал дубасить вислоухого сухой явориной. Торговка шерстью кричала, сотрясая воздух руками:

— Была у меня дочь, славная дочь — а ее украли греки. Был у меня славный сын Керсоблант — его увели сыны волчицы в рабство. О земля медов, родина златорунных овнов! Не будь слепой, как Орфей после смерти любимой жены! Да не разорвут тебя на части змеи лютые, носящие под своими хламидами мечи медножальные!

Подбежал базарный старейшина, стараясь успокоить торговку.

— Рвите на себе одежды, царапайте лицо, меды! — призывала та. — Гоните прочь этот караван. Горе, горе он принес на своих ослицах!

Сотимус сжал рукоятку кинжала.

Вещунью не слушали. Толпа вокруг цепочки ослов все натекала и натекала. Подошли артисты бродячего цирка, звери которого ревели, рычали, позвякивая цепями и колокольцами. Ударил бубен, полуобнаженные гимнастки встали на руки, танцуя между вкопанными мечами.

Циркачам стали бросать деньги, хлеб, виноград, кто-то подал кость с куском жареного мяса. Приняли и это.

Царь темнел лицом все больше и больше, что-то заставило тревожиться сердце. Он знал, что артисты должны приехать в Яворину, так как надвигался большой праздник, но почему так рано? Что задумал царь одрисов, бреющий бороду, как это делают римляне?

Сотимус перебрал в памяти последние события, но ничего настораживающего в них не было: бессы ограбили караван фригийского купца, шедшего к дорикам; Марк Порций выписал корзину с питоном, замышляя какие-то сверхтаинственные планы против медов; у даков снова начали вырубать виноградники, считая вино злом, источающим душу.

Стоящие у базарной площади нищие вдруг закричали, ругаясь между собой. Откуда-то появился Робро, разгоняя пьяных.

Сотимус приказал флейтистке:

— Пусть воины приведут сюда Робро, но прежде помогут и переоденут.

На базаре заревел осел. Донесся звон котлов.

Сотимус вернулся к раздумьям о караване с эллинской посудой и оружием.

От ворот дворца отъехали колесницы. Заскрипели дубовые оси. Возницы, награжденные царем, громко кричали, не уступая друг другу дороги. Свистели кнуты и плети, ржали кони. Искрылись камни под копытами.

затянул один из ездовых. Остальные подхватили звонкий напев.

Выгибая красивые шеи, фракийские жеребцы натянули поводья. Яворинцы почтительно расступались, пропуская участников бегов. Базар при виде разнаряженных колесниц зашумел, закудахтал, забурлил.

— Эй, Робро! — позвал кто-то из возниц. — Иди к нам, Робро!

Великана подхватили, передавая с рук на руки, и понесли к центру базара. Здесь, заливая бороду и грудь, стали целить в его зубастый рот струей из бочонка.

Гогоча и отфыркиваясь, Робро радостно взмахивал обрубками рук, словно молодой орел необросшими крыльями.

Но тут из дворца прискакали воины и вскинули македонца на запасную лошадь.

— Эй, Робро! — кричали великану вслед. — Не переломай коленями ребра царскому жеребцу! Тебе ездить только на слоне или верблюде!

— Ноги, ноги подбери, а то они волокутся, как плети виноградника!

— Ах ты наш красавчик! — укорила торговка шерстью. — Смотри, чтобы к ночи вернулся, а то замерзну без тебя!

А Робро, стиснув ногами бока жеребца и оскалив зубы, плотные и ровные, как вершины Орбелуса, счастливо закатывался смехом, обрадованный вниманием базара.

— Робро! Пусть Сотимус посадит тебя в самый почетный угол!

— Робро!

— Робро!

— Ула-ла! Ула-ла! — отвечал македонец.

— Да обрушатся камни на мой дом, если я еще не успею с вами выпить добрый мех вина! — заваливаясь на круп коня, куражился всеобщий любимец.

Вслед ему понеслись звуки свирели, удары барабанов и верещание рожков.

Сидевшие стороной дарданы, бессы и бруссы, что привезли на продажу свои дальние дива, поддаваясь настроению толпы, громко говорили, усмехаясь и чему-то радуясь.

Но вот кавалькада скрылась в воротах дворца.

Базар поостыл.

Эллинские купцы, разгружая торбы и плетеные корзины, размещались под навесами. Один из них, подыгрывая себе на кифаре, стал выписывать ногами замысловатые фигуры.

Торговка шерстью, позванивая белыми деньгами, что украшали ее лицо, запела:

А была у матери я одна кровинка.
Берегли, хранили в золотой люльке.
В Стримоне купали, молоком поили.
Молоком поили, в шелка одевали.

Грек, обрушив на толстушку новый водопад звуков своего инструмента, спросил:

— Не приходил жрец со змеем в корзине?

— Не знаю, но в старой пещере приготовлено все, как и договаривались, — отозвалась та, продолжив:

Ох, и одевали, в Стримоне купали...

«Дзин-дзун-динзин», — пропела кифара. Грек-купец, взбивая пыль сандалиями, снова пустился плясать.

— Смотри, если дело сорвется, Порций распнет тебя на кресте, — предупредил танцор торговку.

— А если Сотимус узнает о жреце и его пятнистой смерти, вас сбросят на копья, — отозвалась толстуха. — Пали бы все змеи Орбелуса на шею твоего Порция. И зачем только я дождалась этого дня, когда Робро отрубили руки. Марк клялся Юпитером, что Робро вернется живым и здоровым.

«Дзи-дзун-дунзин», — снова облила кифара звуками базар.

— Знают ли в Яворине, что меды убили римского сенатора, ехавшего лечиться на живые воды? Так-то. Легнион потребовал у Порция повесить Робро за

ноги, чтобы каждый из воинов пустил в него дротик. Но тогда благоразумие Лучезарного сумело спасти жизнь, тебе обещанную, он только пожертвовал кистями македонца. Глобус хотел распять его, но Порций запретил. Так что у тебя еще будут дети, о которых ты так мечтаешь.

Стон кифары заглушал слова грека-лазутчика.

— Помни, как только боги помогут нам выкрасть Сотимуса, тебя ждет большая лавка и дом. Он куплен для тебя и твоего безрукого Робро. Пой, кричи громче! Старшина базара смотрит на нас.

— Вторую ночь ломится ко мне, прохода не дает мне этот усатый крокодил, но Робро пересчитает ему косточки...

Берегли, хранили в золотой той люльке,
Золотой той люльке среди пуха, шелка...

— Опустит, презренная, подол! — раздался голос базарного старшины. — Разве Яворина — Афины, а ты — гетера, чтобы обнажаться словно вакханка! Холить бы тебе детей дома, а не скитаться между этих свиней!

— Не хочешь ли ты мне помочь их сотворить, когда ломишься по ночам ко мне в дом?

— О, будь ты трижды околдована, змеиха из-под черного камня, — остолбенел базарный.

— Эй, люди! — вдруг закричала торговка на всю площадь. — Послушайте, что говорит хозяин этих усов!

Старшина испуганно замахал руками.

— Да разорвут тебя барсы в горах и истопчут туры.

«Дзин-дзун-динзин!» — донеслись звуки, приостанавливая торговку шерстью.

— Меды, славные воины, умеющие бить презренных сынов волчицы, старшина базара приглашает вас промочить горло.

— Ула-ла! — отозвалась толпа.

— Быть ему вечно и умереть старшиной!

— Пусть сердцем он будет щедр, как наши горы!

Нищие и оборванцы окружили базарного, взвалили на плечи и понесли к винному ряду.

Сотимус внимательно наблюдал за толпой, не отходя от окна. Попросил позвать жену, а сам прошел в трапезную.

Распорядитель подал знак, девушки-флейтистки заиграли. Из-за широких занавесок, расшитых золотыми нитками, показался виночерпий. Он был в хитоне, подвязанном узким белым пояском. На ногах — постолы из мягкой бараньей кожи. В левой руке он держал ларец с кубками, в правой — кувшин голубого цвета.

Из соседних покоев, вход в которые был задернут пурпурной занавеской, показалась Меда. Ее сопровождали прислужницы. Одна несла шкатулку, инкрустированную рыбьим зубом, и какую-то материю.

Царица подошла к столу, низко поклонилась царю и после его приглашения села.

Дурила, одетая в легкую накидку, поставила перед царицей поднос с фруктами.

Флейты зазвучали нежнее.

Сотимус сидел на низком стуле, окрашенном в голубой цвет. Ветка виноградника, вырезанная из дерева, сплетала сиденье.

— А где Спартак? — спросил он.

— Приехал с охоты.

— С кем?

— С Муржо.

— И с Золотой серьгой?

— Да.

— Сегодня Львенку нужно послушать мой разговор с Робро. Пора ему учиться государственным делам.

— Пора, Сотимус. Вон у него уже усы пробились.

— Как быстро он вырос.

— Жених.

Доложили, что Робро ждет указаний.

— Впустите и принесите ему стол.

Робро вошел и преклонил колено.

— Встань! — приказал Сотимус.

Великан опустил на лавку. Витой явор засто-

нал под его тяжестью. Распорядитель поставил перед гостем блюдо. Мясо и хлеб были предусмотрительно нарезаны. Робро попросил пристегнуть вилку к широкому кожаному ремню, приспособленному к обрубленной руке. Ловко поддевая мясо, он стал смачно жевать.

А когда македонец наелся, Сотимус спросил:

— Направлял ли Геракл твои стопы, Робро, к местам, мною указанным?

— Народ Македонии, царь мой, кипит, как котел с бараньим жиром. Он ждет, когда меды поднимут меч против римлян. О походе Сотимуса поют песни. Многие хотят восстать против легионеров, чтобы сбросить их в море. Нет терпения сносить обиды и оскорбления. Они как ненасытные змеи: чем больше угоняют македонцев в рабство, тем больше ставят засад в горах и на дорогах. На базарах, в тавернах и по мастерским только и песен, что о том, где, кого, как спалили, распяли, а кого угнали. Веди нас, Сотимус, в поход. Пусть сердце мое выключают орлы, а глаза вороны, но нет больше сил слушать, как стонут в когтях легионеров мои братья по крови. Веди!

— Остуди сердце, честный Робро, — попросил Сотимус. — Говоря о братьях, ты забываешь собственное горе.

— Какое горе? А, руки? Что это против того, что я видел. Я — свободен, а это для меня главное. Разве други не напоят Робро, разве не найдется ему овчины для сна? Меня еще пока и троим не одолеть. Любой воз с пшеницей переверну. А ногами коню могу сломать ребра.

— Кто из римлян должен понести кару за надругание над тобою, Робро?

— Марк Порций.

— Как это было?

— Однажды на базаре в Филиппах я не выдержал, видя, как декан Секунд потащил в лагерь дочь селянина-македонца. Я честно, как достойному мужу, сказал ему о наших порядках, но так получил рукояткой меча в зубы, что два самых главных пришлось выплюнуть в лицо этой собаке. А легионерам он ска-

зал, что я спалил каких-то их молодцев в камышах. Вот меня и стали бить мечами в ножнах. Ну, я въехал своим кулаком в его зубастое ущелье.

— А дальше? — спросил вошедший Спартак.

— Взяли меня под стражу и привели к ним в лагерь, где Марк Порций сам говорил со мной. Все было бы хорошо, не убей в это время меды сенатора, что ехал лечиться на воды.

— Меды убили римского сенатора? — удивился Спартак.

— Да, римляне говорили, что меды удушили сенатора медленной смертью — дымом, а жену его так пытали, что она от боли скинула плод. Вот за что мне и отрубили кисти.

— О боги и ты, Геракл-покровитель! Разве силы иссякли в твоей великой палице, что ты не мог восстановить справедливость! А что нам нужно было от этого римлянина? — удивился Спартак.

— Мне об этом не говорили, когда палач Глобус укладывал руки на дубовую колоду.

Царь встал, подошел к окну и застыл.

— Отец, — позвал Спартак, — что там такое?

— Станный караван пришел к нам. Посмотри, и ты увидишь ослов, нагруженных медной посудой. Снова какую-то хитрость задумали одрисы.

Спартак подбежал к окну, отдернул занавеску.

— Да, это плохой признак! — поддержал Львенок отца.

— Снова Митридат тянется к нашему золоту.

Робро допил содержимое фиала и дополнил:

— Царь, какой-то вестник Митридата в плену у Порция. Глобус распял его, но снял и кинул в карцер. Мне говорили овчары-македонцы, что этот кровожадный барс, сдирающий с распятых одежду, нашел в сумке у парфянина заточенную бронзу, которой греки-ювелиры режут ритоны из костей.

— Пойманный признался, что он посланник Митридата? — уточнил Сотимус.

— Нет, твердит, что он пират.

Сотимус прошелся по коврам, останавливаясь у проема в стене.

— Не задумали ли римляне опять захватить наши золотые прииски? К чему бы этот караван? Не кричат ли глашатаи в Филиппах об убийстве сенатора? — обратился Сотимус к безрукому.

— Нет. Но по селам пущен слух, что Спартак Младший будто сделал из черепа римлянина черпало и пьет из него каждый день, посмеиваясь над латинянами.

— Не череп сенатора нужен Порцию, не твои руки, Робро. Им нужно фракийское золото. Как, сын, ты считаешь: есть ли в наших руках сила, чтобы побить римлян?

— Меды сильны, — ответил за Львенка Робро, — да удавит меня Геракл, как он удавил змей в своей колыбели, если я не прав.

— Но мы пока бедны. Для похода у нас мало воинов, отец, — поделился Львенок мыслью. — Надо созвать все те племена фракийцев, которым дорога свобода.

— Ты прав, сын мой. Многие наши собратья задыхаются в рабстве, и еще многим придется быть в плену, если мы не объединимся и не выступим одной армией против латинян.

— Простой народ пошел бы за нами, но согласятся ли встать под твою руку их вожди? Вспомни, Сотимус, Филиппа Одноглазого, отца Александра Македонского, сколько ему пришлось воевать, чтобы подчинить себе соседские племена, — отозвался Робро. — А сколько раз они его предавали.

— Скажи это кто-нибудь другой, — задумчиво дополнил Сотимус, — я бы не поверил. А тебе, — и глаза царя посмотрели на искалеченные руки македонца, — я верю, храбрый Робро.

— Ничего, мой повелитель, у меня еще крепкие зубы. Когда ты поведешь нас на римлян, я буду биться рядом с тобой. Меч, привязанный к моей руке, еще может снести голову любому римлянину. Испытай меня, царь.

— Как? — удивился Спартак.

— В поединке.

— Не много ли ты выпил, Робро? — пожалел великана Львенок.

— Пусть принесут мечи и приладят мой к этому кожаному ремню, что помогает мне набивать живот едой.

Мечи принесли. Один привязали к руке Робро, другой взял Спартак.

Великан, улыбаясь, завращал острой бронзой над головой.

Спартак сделал выпад, но промахнулся. Хотел выбить меч у гостя, но рукоятка была приторочена крепко.

— Гха! — обрадовался великан. — Ула-ла! — закричал он, наступая. — О великий Геракл, пусть мой первый удар будет равен удару твоей палицы!

Рука македонца с такой силой опустила меч на оружие молодого противника, что оба клинка сломались.

— Эй, кто там есть! — призвал Спартак.

Полог раздвинулся, и показался Муржо.

— Отец, — взмолился Спартак, — пусть сейчас же Робро выдадут коня и снаряжение. Я прошу тебя, возьми его в личную охрану. Возьми. Он достоин украсить твою дружину. Ты согласен, Робро?

— Это голос всемогущего Геракла, — протрубил великан. — Вся моя жизнь принадлежит тебе, Спартак! Боги помогут мне отплатить за твое доброе сердце.

— Верю тебе, Робро! — крепко обняв безрукого, ответил Спартак. — Иди и радуйся.

Великан поклонился и, тяжело переступая с ноги на ногу, скрылся за занавесью двери.

Спартак посмотрел на базарную площадь и сказал:

— Пусть Тилтазес отвернется от меня, но ведь не ради же черепа мы, по мнению римлян, напали на сенатора. Что-то другое скрывается в этих таинственных событиях.

— Эй, кто там есть! — позвал Сотимус.

Вошел Рус.

— С эллинов, что пришли с караваном, глаз не спускать. Докладывать утром и вечером. А когда не

будет меня, все говорить Спартаку. Ты понял меня, сын?

Отпустив Золотую серьгу, Сотимус сел рядом с женой, которая все это время молча наблюдала за мужчинами.

— Почему ты не победил Робро? — спросила царица Львенка.

— Он многое сделал и завоевал право на радость, — последовал ответ.

— Почему ты захотел видеть его в охране отца? Сумеет ли он подобно соколу бить сов и летучих мышей?

— Пусть видят все, как надо любить храбрецов.

Спартак подошел к месту, где лежали обломки мечей, и поднял осколки.

— Что бы предсказали гадалки, глядя на это? — усмехнулся Львенко.

— Я вижу новую угрозу, — забеспокоился Сотимус. — Пора, Спартак, и тебе познавать ратное дело. Бери часть забот на свои плечи. Как думаешь, правильно ли я сделаю, если кликну воинский совет?

— Для чего?

— Чтобы знать, кто встанет под мою руку.

— Значит, мы идем в поход, чтобы отомстить за горе, которым окружили нас римляне? — воскликнул Гроздяночка.

— Если нас благословит Тилтазес и поддержит военный совет.

— А где ты хочешь собрать воинов? — заволновался Спартак.

— В горах, в ущелье.

— Ну что ж, народ давно ждет этого.

— Но не торопись. Отец учил меня все хорошо обдумывать. Согласен?

— Согласен.

СЛОНЫ-КАНАТАХОДЦЫ

И все-таки Сотимус не решился идти в поход: не все предводители соседних племен хотели подчиниться ему, а наступать только силами медов, оста-

вив тем самым многие семьи без кормильцев, царь не хотел.

Решено было совершить набег на рудник у Пра-сиас-озера.

В намеченный день меды залегли на тропе, по которой должен был пройти отряд легионеров из рудника в Амфиполь.

Солнце золотым щитом висело над Орбелусом. Стая стрижей, словно связка сушеного перца, прошелестела, пронесшись над застывшими в камышах медами.

Спартак лежал около Муржо. За ним, придерживая жеребца, стоял Рус, над которым звенела туча комаров.

Озеро виднелось большим блюдом, наполненным водой. Готовясь к своему кровавому пиру, кружили в небе стервятники.

Ламп, лежавший рядом со Спартаком, вытянул шею, тревожно поводя ушами.

Всплеснула выпь. Дикая утка с выводком выплыла из соседней заводи. Испуганная гадюка кинулась в спутанные космы камыша.

Сердце Спартака стучало так громко, что казалось, будто звуки его раздавались на всю округу.

— Муржо, — позвал юноша.

— Тихо, — остановил его воспитатель. Дак нахмурился, накручивая чуб на ухо.

— Почему не идут?

— Выстраивают отряд. Они всегда первыми пускают тяжеловооруженных. А копыеносцы идут в хвосте.

— А мы?

— Учись у отца, видишь, как он раскинул своих соколов: на самой излучине, в том месте, где щиты и доспехи потянут легионеров на дно озера. Запомни, какое место для боя выбрал Сотимус.

— А нас не обойдут?

— Тш-ш! — снова насторожился Муржо.

Трижды прокричала выпь. Ей отозвалась кукушка. Это был условный знак.

На дороге показались римляне. Осмотрев берег озера, они тронули коней дальше. А вот и основная часть их отряда. И когда последний копьеносец вышел к воде, дико и боязливо заквакала лягушка. У Спартака что-то дрогнуло в груди. Муржо, сложив ладони у губ, подал сигнал к нападению.

Ловко пущенный из пращи камень сломал ногу у жеребца центуриона, возглавлявшего отряд пехотинцев. Упав, конь преградил путь остальным римлянам.

— Ула-ла! — призвал Муржо.

Меды-меченосцы как выросли перед legionерами.

Те хотели выстроиться в каре, но, окруженные водой, не могли собраться под стандартом центурии.

— С нами Тилтазес! — призвал Сотимус.

Рус обрушил палицу на щит декана.

— За нашу свободу! — поддержал его чубатый, метнув дротик в legionера с львиной шкурой на седле.

Призывно загудели трубы.

— Строиться в каре! Строиться! — призывал центурион, но чавкавшее под ногами месиво мертвой хваткой сдавливало ноги солдат, не давая выполнить приказание офицера.

А трубы продолжали мычать строго и последовательно.

Зазвенели мечи и щиты. Рус поджег за спиной римлян камыши.

Спартак, прижавшись к воспитателю, не знал, что ему делать. Бой разливался все шире. Центурион, найдя более твердое место, властно предупредил:

— Всем стать спиной к спине! Сыны Вечного Рима, вперед!

— Слава Порцию!

— Слава сенату!

— Слава орлам пятого легиона! — несло над озером.

Кто-то из римлян запел гимн. Трубы опять рванули воздух своими львиными рыками.

— Муржо!.. Муржо! Они уходят, уходят! — обрадовался Спартак. — Мы победили!

— Куда они уйдут? Сейчас они словно слоны-канатоходцы — вокруг болото, а перед ними мы. Уа-ла! Меды-туры! — вдохновил Муржо. — Топчите этот навоз! Где ты, Золотая серьга! Где твоя славная палица! Покажи Львенку, как надо бить врага!

— Гроздяночка! — отозвался Рус. — Смотри!

И дубина богатыря обрушилась на щит Секунда.

— А теперь покажи Львенку, как центурион может падать на землю с проломанным черепом!

— Нельзя: царь просил оставить центуриона ему!

К Спартаку подбежал легионер и взмахнул мечом, но Муржо хлестко ударил торопливого кулаком, откинув солдата в болотную жижу.

— Львенок, руби! Руби, не бойся! Не гляди смерти в глаза. Смотри, как надо это делать!

Дак широко раскинул руки и ударил набегавшего Секунда в грудь головой. Тот, глотнув воздуха, перехватил руку чубатого, стараясь подломить ее в локте.

— Это тебе не базар в Амфиполе! — взревел кривоносый. — Слава Марку Порцию! — И он уже хотел вонзить в Муржо кинжал, как случилось странное: дак так ловко увернулся от лезвия, что декан споткнулся. Чубатый подсек его ногой, и Секунд рухнул в болото.

— Слава непобедимому Тилтазесу! — крикнул Спартак. — Их можно бить! Их можно бить! — обрадовался Львенок. — Муржо, я горжусь тобой! Муржо!

Чубатый, довольный победой, обтер лицо рукавом и, вырвав лук у пробежавшего мимо меда, пустил стрелу туда, где все еще звенели трубы. Упал один из фанфаристов.

— Обернись, Муржо! — испуганно закричал Спартак, но дак не услышал его голоса.

А тем временем декан, выбравшись из болота, взмахнул мечом над головой чубатого.

— Получай, презренный варвар! Да переломит Харон тебе позвоночник веслом, — прохрипел Секунд.

Муржо не услышал и этого. Еще миг, и его голова, не защищенная шлемом, могла бы развалиться.

Спартак прыгнул вперед, подставив щит. Меч декана скользнул по нему.

Казалось, к телу дака приложили раскаленное железо, так он содрогнулся, видя, как Секунд сбил Спартака с ног.

— Кинь ему в глаза меч! — закричал дак. — Кинь! Нужно было выиграть хотя бы один миг.

Муржо хотел бросить в лицо декана свой плащ, но никак не мог сорвать его с плеча.

— Брось меч ему в глаза, брось! — снова закричал он.

Спартак не мог понять, для чего все это. Ведь он тогда останется без оружия. Лучше встать в позицию и отвести удар противника, как его учили во дворце. Вот и декан снова готовится взмахнуть мечом.

Но Муржо понимал, что удар Секунда сверху — это только обманный прием: враг опустит меч до уровня паха и проткнет Спартака, как курицу вертелом.

Опытный в боях Секунд понимал, кто стоит перед ним.

Муржо, вкладывая в правую руку всю мощь тела, рванул налокотник и бросил в лицо Секунда. Тот лишь отвел глаза в сторону, но и этого было достаточно, чтобы Муржо встал между деканом и Спартаком, с такой силой направляя кулак в висок Секунда, что тот рухнул на колени.

— Возьми щит! — крикнул чубатый Спартаку. — Не торопись. Помни, что римляне стараются поразить две части тела: колено и печень! А теперь бей декана! Так, хорошо! Еще! Руби! Коли! Наступай, наступай!

Щит Секунда звенел. Спартак прорубил декану поруч.

— Слава Залмоксису! Меды! Львенок выпустил свои первые когти! Сын царя победил декана! Смотрите, декан бежит!

Пот заливал лицо Спартака. Панцирь сдавил грудь. Меч отяжелел, но он продолжал наступать, пока не загнал уставшего декана в камыши.

— Муржо, а где Ламп? — испуганно закричал Спартак. — Где Ламп? Его не убили?

— Не коси глазами. Руби, руби! Твой ветрогон за твоей спиной. Береги печень. Смотри, он целит в бедро.

Но на этот раз дак ошибся: декан не целил, а лишь отбивался. Понял это и Спартак. Заканчивая боевое крещение, он схватил рукоятку меча двумя руками и обрушил острую бронзу на противника.

Здоровяк покачнулся и второй раз упал в грязную воду.

Заржал Ламп. Что-то кричал Муржо, обнимая и целуя Спартак. Приветственно потрясали мечами меды, а царский сын стоял и плакал.

— Их можно бить! Их можно побеждать! — кричал он сам себе. — Можно! Слава оружию медов! Ламп, Ламп! — Спартак вскочил в седло и бросился в самую гущу боя. Муржо внимательно следил за воспитанником, прикрывая Львенка.

Просвистел дротик. Тяжелая стрела ударила по седлу.

— Не утомляй руку! Руби силой всего тела! Топчи конем! — наставлял воин.

Спартак устал, а бой только начинался.

— Не расслабляй ног. Прикрой грудь щитом. Не крути головой, как торговка шерстью на базаре. Вперед! Вперед! — доносился голос дака.

Два ветерана, видя на Спартаке дорогие доспехи, ударили по нему одновременно. Помяли панцирь, срубили верх фракийского шлема. Муржо обрушился на них, как гром среди ясного неба.

— Что, братья, может быть, лучше и не родиться бы этим несчастным, что дотронулись до нашего Гроздяночки! — подбодрил медов чубатый. — Улала! Рубите их, топчите этих Змеев Змеевичей! Эй, Рус, почему дремлет твоя палица!

— Бегут, как мыши от коршуна! — отозвался Золотая серьга, обмолачивая направо и налево головы, закованные в шлемы.

— А где Львенок?

— Рычит рядом с тобой!

— Только рычит или и когти выпускает?

— Секунду поруч прорубил!

— Вот это молодец! Вот это сын царя! Прикрывай его, Муржо, а то эти дикобразы в один момент хвост отгрызут.

— Ула-ла! — огласил поле боя дак, пристраиваясь к Спартаку.

— Слева, слева прикройся щитом! — командовал он. — Так, молодец! А теперь сыграй по голове тому слону-канатоходцу, что со львиной шкурой! Слава Залмоксису! Не оглядывайся. Руби! Руби! Дай Лампу свободу.

Закусив сыромятный ремешок, чубатый и сам клал на сырую землю одного легионера за другим.

— Это вам за всех распятых! Это вам за всех клятых! А это вот за всех угнанных в рабство!

Спартак, охваченный азартом боя, снова кинул Лампа в гущу схватки.

— Не в засаду ли торопишься? — урезонил его наставник.

— Но они бегут! — хотел было выскользнуть из-под внимания старшего паренек. Но куда там, словно сокол за куропаткой наострился за ним Муржо.

— Они — это они, а ты сейчас среди медов должен быть главой.

— Но смотри, они ведь бегут!

— Бегут, но не в ту сторону. Твое дело не рубить, а руководить боем. А ну-ка окинь всю эту кухню глазами.

— Ну, бегут! А вот Золотая серьга отстегивает панцирь.

— Видно, он решил попасть на рынок рабов у храма Весты в Риме. — Ула-ла, Рус! Смотри, обходят тебя, обходят! — предупредил чубатый, взмахивая мечом.

И увидел Спартак, как вовремя приостановил Муржо Золотую серьгу. Встали они спина к спине, спасая друг друга. И тут в первый раз распорядился Львенок в бою: остановил пятерых всадников, заставив их помочь добить легионеров, окруживших двух богатырей. И длинные мечи медов допели ту песню, что начала палица Руса и острая бронза чубатого.

— Муржо, ты ранен! — испугался Спартак, видя кровь на лице воспитателя.

— Все заживет, как на старой Змеихе, — присыпая ссадину пеплом сгоревшего камыша, как бы протрубил храбрец. — Видишь, вон они куда нас заманивали — в жижу. Понял?

— Теперь вижу.

— Ах, будь проклят тот Змей Змеевич, что повываскивал их из болота! — возмутился Рус. — А то бы мы уже свинчивали с них золотые бляхи. Упустил я декана с гривной, вот был бы дома подарок моей старухе.

— Торопись, — пошутил Муржо, — а то Спартак изрубит всех бронзоголовых и ты останешься без белых денег.

— Нет, ты посмотри, что они выдумали, а? — удивился Рус, глядя на каре римлян.

— Смотри, в плен бы не захватили, Золотая серьга! — позаботился чубатый.

— Тебе, Муржо, не с волками биться, а кифаристом песни играть.

— Ты что, Львенок? — вдруг заволновался дак.

— Смотри, Муржо! Смотри!

— Что случилось?

— Это же центурион, тот, что хотел украсть Меду! Гони его в топь! Гони! — И юноша из всех сил метнул дротик в сторону проскакавшего мимо офицера.

— Рус, готовь аркан! Бей их!

Муржо размотал пращу, вложил в нее шарик обожженной глины, но Фонарь споткнулся, и дак промахнулся.

— Видно, хорошо заговорен от смерти, — обозлился Золотая серьга.

— Нет, это боги берегут его для Сотимуса: царь же просил оставить этого Змеевича для поединка, — вспомнил чубатый.

* * *

Спартак осмотрелся: оставшиеся в живых римляне снова выстраивались четырехугольником, ощетинаясь копьями. В центре каре стоял Феликс.

— Рус, — обратился Муржо, — готовь медов к прорыву этой цепи.

— А царь?

— Вот кто-то от него мчится.

И действительно, из-за соседних камней показался всадник. Это был гонец от Сотимуса.

— Ула-ла, побратимы! — закричал он. — Вас зовут к высокому камню! Поехали.

Ламп, разбрызгивая копытами болотную грязь, остановился около огромного валуна, на котором возвышался Сотимус.

Спартак увидел, как напряженно было лицо отца, брови его столкнулись у переносицы, глаза как два Прасиас-озера разлились по лицу, наполненные тревогой.

— Упустили! Упустили удобный момент, когда мы могли их загнать, как кур в курятник!

— А что случилось, отец? — спросил Спартак.

— Они послали на рудник за помощью.

— Запали вокруг них камыш! — крикнул Муржо. — Они живыми закопятся!

— Ветер в нашу сторону! — усомнился Сотимус и, сдвинув шлем на затылок, кинул:

— Ну что, нашел Львенок свое место в бою?

— Га! — отозвался чубатый. — Лучше чем Золотая серьга. Он так прочеканил декана, что тот задрал ноги в жижке! Рубился, как сам Змей Змеевич. Хотел заарканить центуриона, что оставлен для твоего загона, но у меня жеребец споткнулся, а то бы мы привели его к этому камню.

— Отец, а что, если оставшихся заманить в горы?

— А как? — хитровато прищурив глаз, усомнился царь.

— Мы с Муржо нападём, они потянутся за нами, а вы их встретите где надо.

— Молодец, сын! — подбодрил полководец и, кивнув Муржо, поблагодарил: — А что, дак, Львенок начинает урчать как настоящий барс. Тилтазес подарил мне достойного сына.

Спартак приосанился.

— Сотимус! — вдруг крикнул Муржо. — Ветер сменил направление! Теперь он дует от Орбелуса.

— Ула-ла! — подхватил царь. — Поджигайте стрелы.

Муржо повернулся к Спартаку, предупреждая:

— Теперь смотри и запоминай, как надо командовать. Смотри во все свои четыре глаза.

Со стороны рудника затрубил рог. Меды приостановились, поняв, что к противнику подходит помощь.

А рог звучал требовательнее, вдохновляя окружающих римлян.

— Где Севт? — спросил Сотимус.

— Он лежит в горячке, — откликнулся Рус.

В каре Феликса влилась свежая центурия.

— Скачи к Севту, — приказал Сотимус Золотой серьге, — и скажи, что кабан показал свои клыки. Всем уходить в горы! Эй, барабаны, бейте громче! В горы! Все в горы!

— Сотимус! Вторая центурия выстраивается.

— Бегите! Бегите! — распорядился царь. — Скорее на коней!

Меды бросили камыши, направляя лошадей к указанному месту. Болото чавкало, ржали изуродованные жеребцы, стонали раненые. Дымил валежник. В лучах солнца сверкали латы легионеров.

Группами и в одиночку меды бежали к кремнистой тропе, что уводила их в заросли.

— Отец, почему мы бежим? Разве барс не перешиб хребет этому слону-канатоходцу?

Сотимус молчал, таинственно поглядывая в сторону сына.

— Учись наблюдать за полетом кречетов. Главная трапеза впереди. Это мы только подзакусили.

И царь нырнул взглядом в ту даль, где легионеры, перестраиваясь, готовились к преследованию медов.

Командовал Феликс.

— Разворачивайтесь, разворачивайтесь! — ругал Секунд копыеносцев, хлеща молодежь прутом. — Торопитесь, если не хотите стать гладиаторами!

Центурион, подавая пример, вспрыгнул на коня,

направляя его в огонь валежника. Еще мгновение, и он направил двух деканов с солдатами к камню, где находился Сотимус со свитой.

Видя все это, царь не торопился. Уже можно было рассмотреть светлые глаза центуриона, но Сотимус все чего-то ждал, не трогаясь с места. Феликс, предчувствуя победу, все больше подчинялся азарту погони. Теперь-то он отомстит язычникам за все.

— Эй, — подгонял молодежь Секунд, — да умрет мой отец раньше срока, если я не заставлю вас быстрее двигать ногами! Разве вы не видите, что варвары, торчащие на камне, стоят целое состояние!

Декан вытер лицо, выковырнув из сандалии острый камень.

— Свињи, что вы так медленно ползете? Или хотите получить маленькую пенсию? Жаль, что здесь нет Глобуса, он бы вывернул вас на дыбу.

Сотимус все это слышал, но не двигался с места. А Секунд продолжал бушевать около своих подчиненных.

— Эй, Овдий, мало того, что за твою провинность твоего сына разорвали львы в цирке, так ты решил стать дезертиром? Смотри, самые дорогие пленники уходят у тебя из-под носа. Скорее, скорее!

Лучники Сотимуса выпустили по третьей стреле, а он все стоял на камне.

Первый ряд охраны царя медов скрестил оружие с римлянами, а предводитель все еще чего-то выжидал.

— Отец, — заволновался Спартак.

Сотимус приподнял руку, успокаивая его.

И тут в горах блеснул какой-то луч.

— Сотимус! Сотимус! — радостно рванул воздух голосом Муржо. — Смотри! Это сверкнуло зеркало!

— Куда? — не понял царь.

— У Орлиной горы! Вон, видишь ту маковку, что напротив, — звонкоголосо залился дак.

— После боя тебя ждет большая награда, Муржо! А теперь — вперед!

— Ула-ла! — обрадовалась охрана.

Спартак развернул Лампа. Словно обиженный

цыпленок, цвикнула стрела. Другая подтолкнула Львенка в плечо, но панцирь выдержал этот укус.

А где-то рядом продолжал ругаться Секунд, призывая на помощь всех богов Капитолия. И слышно было, как он грозил легионерам продать их рабами за Тибр.

Теперь Сотимус пустил коня во весь опор. Повод он натянул лишь у места, где меды успели завалить дорогу дубами и яворами.

— Слава нашему золотому солнцу! — поприветствовал его появление Рус, вскинув дубину.

— Смотри, смотри, Сотимус! — накручивая чуб на ухо, воскликнул Муржо. — Зеркало снова блеснуло в горах! Вон оно!

— Солнце! — взмолился Рус. — Сейчас слово твое должно зажечь кровь у медов в жилах.

Царь привстал на стременах:

— Славные мои кречеты! Вы рубились, как сам Геракл. Да сопутствует нам Тилтазес! Осталось еще немного, и победа станет нашей. А сынов волчицы мы отправим в Аид, искать вечную жизнь. Слава вам, свободнорожденным мужам седого Орбелуса.

Горы аукнулись возгласами доверия.

— Эгей, царь Сотимус, это я говорю, Золотая серьга! Скажи, не оступился ли в горах безрукий Робро, что его так долго нет с его македонцами?

— А ты что, Рус, — отозвался отец Спартака, — потерял со страху глаза, когда на тебя напали римляне? Вот, смотри, как ярко светит зеркало, которое должно быть в руках храбреца Робро. Македонцы идут к нам на помощь.

Спартак, не понимая, что случилось, оглядывал лесные дали, ничего особенного не замечая.

— Муржо, где Робро, где? — обратился он к чубатому.

— Ищи, ищи! — подбадривал дак.

Сползла каменная осыпь, вспорхнула стайка кудахтающих курочек, из-за клыкастых глыб показался всадник.

— Они идут! Идут римляне!

— Где? — поинтересовался Муржо, вставая на край обрыва.

Легионеры взбирались к завалу цепь за цепью.

Хорошо тренированные, римляне, умело маневрируя, прикрываясь выступами и карнизами, храбро наступали.

Меды обрушили на них камни, бревна, валуны, а копыеносцы поднимались все выше и выше. В чистом воздухе ущелья слышались четкие команды Феликса. Еще миг, и копыеносцы стали взбираться на площадку, где высился завал.

— Сотимус! Сотимус! — позвал Рус. — Пусти! Пусти, пока их еще можно сбрасывать в ущелье! Смотри, уйдет время!

— Рано, терпи! — хлестал словами царь. — Не закусывай удила.

— Сотимус! — доложили со стороны дозорных. — Зеркало мелькает! Робро ведет своих македонцев!

— Теперь пусть римляне плотнее подойдут к нам, так, чтобы Робро ударил им в спину, — пояснил предводитель горцев.

Но Рус не выдержал: не дождавшись команды, он перескочил завал, и его палица опустилась на бронзовый шлем легионера. Рядом с Золотой серьгой оказался и Спартак. Молодое сердце рвалось в бой. Спину Львенку прикрыл Муржо.

— Сотимус! — снова донеслось со стороны дозорных. — Смотри на горы!

По скользкому склону на головы римских солдат катились македонцы.

— Слава тебе, храбрый Робро! — возвестил царь, этим самым разрешая побратимам вступить в бой.

Теперь ударили по легионерам с двух сторон. Меч безрукого взлетал чаще всех. Робро прорубался к Спартаку.

— Ула-ла, Гроздяночка! — радовался великан. — Вот теперь ты увидишь, что такое оружие в моих руках. Держись, держись! — подбадривал здоровяк, защищая Спартака от наседавших латинян.

Давняя хитрость медов удалась и на этот раз: легионерам, растянувшимся по горным тропам, теперь уже не собраться в каре.

Спартаку хотелось поближе пробиться к Робро, но легионеры стояли очень плотно.

Муржо понял желание Львенка и прикрыл спину воспитанника.

— Гроздяночка, следи за деканом, он подбирается к Робро, — предупредил дак, опуская меч на соседнего солдата. — Смотри, Секунд уже прорубился. Упал второй македонец.

— Эй, Робро! — обратился Спартак. — У тебя за спиной смерть ходит!

Но голос сына царя погас в звоне оружия.

— Меды! — рокотнул безрукий. — Благословит наше побратимство Зевс. Жить нам вечно в мире и согласии! Правду я говорю, Спартак?

Ответить Львенку не успел — его оглушили, и он стал оседать на землю.

— О боги! — взревел безрукий македонец. — Пошлите этому презренному рабу, что ударил Гроздяночку, рану с Киммерийский вал! — И его меч сбил с ног солдата, дотянувшегося оружием до Спартака.

Робро хотел добить врага, но раздался голос Львенка:

— Робро! Оглянись!

В это время Секунд хотел уже вонзить копье в спину безрукого. Муржо успел перехватить острие, приняв удар на себя. Хорошо выкованные латы спасли чубатого.

Прижав юношу к себе, Робро, изловчившись, отогнал солдат, а там их перехватил Золотая серьга.

— На, отметь свое второе рождение! — воскликнул дак, подавая Робро баклагу. — Если бы не Спартак, Харон перевозил бы уже твою душу в Аид.

— Ну, славный Лев, поцелуемся за спасение наших душ! — призвал македонец, обняв парня.

Расцеловались. А встав бок о бок, дружно взмахнули мечами.

— Робро, — смахивая пот с лица, вспомнил Спартак, — а как ты сумел зажечь луч в горах?

— Не поворачивай головы, руби, руби презренных! — приказал богатырь.

— Как? — отбивая копьё от груди, повторил Львенок.

— А вот смотри. — И Робро приказал своим людям подать римское зеркало.

— Ну-ка, испугай Секунда, — попросил Львенок. — Наведи ему луч в лицо.

— Наведи! — приказал воину македонец.

Ослепленный, декан растерялся и взревел:

— Клянусь всеми торговками Помпей, это не по правилам боя!.. Опустите проклятое зеркало!

Спартак взял его и еще раз чиркнул лучом по глазам декана. Но тут раздался призыв:

— Муржо, где центурион?

Это был голос Сотимуса.

Дак опустил меч, кивнул в сторону римлянина. И тогда царь вскричал:

— Ула-ла, центурион! Выходи на поединок!.. На поединок!

— Нет, царь, — воскликнул Робро, — ты еще нужен для похода на Македонию! Я убью его! Эй ты, барсучье отродье, навоз из-под хвоста моего жеребца! — обозлился македонец. — Безрукий ждет тебя!

— Презренный осел! — отозвался центурион. — Варвар, пропахший бараньим салом. Я плюю на тебя, как и на всех македонцев! Разве ты достоин умереть в поединке с Феликсом! — взбесился оскорбленный центурион. — Тебя надо было давно сжечь, как холерную свинью, зарыв в яму с известью!

Робро, не выдержав оскорблений, хотел броситься на обидчика, но дорогу ему преградил Сотимус.

— Феликс Помпеец, — спросил он, — это ты приказывал распинать наших черноплужников?

— Я жалею, что не сдирал с них шкуры, чтобы сделать попоны для жеребцов! — задыхаясь, выкрикнул центурион.

Ответ командира понравился легионерам. Они заулыбались.

— Тогда пусть нас рассудят боги! — призвал Сотимус, соскакивая с коня.

Перед ним встал Феликс.

Спартак впервые видел римского офицера в таких богатых доспехах. Глаза его никак не могли оторваться от оружия, украшенного позолотой.

— Торопись, царь, — сказал Рус. — Пока доспехи его не остыли от пожара в камышах, он быстрее устанет.

Первым нанес удар Сотимус. Щит римлянина зазвенел. Центурион легко и быстро отскочил в сторону.

Спартак с опаской посмотрел на Муржо.

— Запоминай каждое движение отца, — посоветовал тот.

— Но пробьет ли его меч доспехи центуриона? — заволновался Львенок.

— Они для парада. У царя меч длиннее на ладонь. Ты видел, какой выпад сделал Сотимус. А теперь следи за центурионом: прыгает, как дикобраз около гнилого арбуза... Не хотел делать в детстве то, чему я учил тебя. Целыми днями, наверное, сидел в тавернах Помпей. Вот и не может наступить на хвост собственной тени. Ноги гнутся, как у старухи.

Муржо умолк.

А царь тем временем отбросил меч, снял панцирь и уронил к ногам щит. Ветер растрепал его светлые волосы. Сотимус повернулся к медам лицом, а найдя глазами Спартака, раскинул руки. В лучах солнца заискрилось кольцо Каликриты. Спартаку вспомнился храм, мертвый дед, мастер, снимавший маску с лица покойного.

Тем временем царь все еще стоял перед центурионом без меча и без доспехов. Глаза Феликса искрились, тело напряглось до последнего мускула, и, вкладывая в удар всю свою силу, он сделал выпад. Замысел этого приема был понятен: центурион хотел красивым ударом вывалить дымящееся сердце варвара на щит. Но не успела заостренная бронза проделать и полпути, как Сотимус, поднырнув под меч противника, перекинул его через себя.

— Ула-ла! — донеслось со стороны медов.

— Ула-ла! — ответили македонцы, сорвавшись с места. Напор их был так силен, что они погнали противника через болото к руднику.

* * *

Спартаку было приказано скакать рядом с отцом.

— А где же центурион? — поинтересовался Львенок.

— Вон бежит по жиже, — отозвался Муржо. — Нам и не догнать.

— А мы едем в рудник?

— Наверное.

— Помнишь, Муржо, ты обещал показать мне машины? Я так хочу их посмотреть.

— Хорошо, я покажу тебе их.

— А центурион? Отец, он убежит? Вон смотри.

— Значит, судьба! — вздохнул Сотимус. — И у него, наверное, есть родители. Он ведь ненамного старше тебя, Гроздяночка. Пусть торопится. А ты, Муржо, молодец: я видел, как ты берег Львенка. На, получай. — И Сотимус передал свой плащ даку, протягивая и мешочек с золотыми.

Гордый вниманием повелителя, чубатый подбоченился, подтолкнув ногами Фонаря.

— Где Робро? — спросил Спартак охрану.

— Гонит римлян к руднику.

— И македонцы славно рубились, — похвалил Львенок воинов Робро.

— Потому что безрукий знает свое дело. Это ты прикрыл его в бою? — спросил царь сына.

— Это он спас меня, отец.

— Ну как, сын, можно бить этих волков?

— Нужно объединить медов с македонцами и дать такой бой, как сегодня.

— Не только медов и македонцев, теперь с нами пойдут синты, бизалты, одоманты и агриане.

— Я горжусь тобой, отец Сотимус!

— Муржо, — позвал царь. — Ты молодец, что выковал во Львенке сердце настоящего фракийца.

Сотимус снял с себя шлем и надел на голову Спартака.

— На, носи. Учись быть полководцем.

А вот и рудник.

Спартак внимательно оглядел укрепление, где македонцы уже разбивали рабам кандалы. А те, освободившись, хватали оставшихся охранников и сбрасывали в раскопы.

Охрана и надсмотрщики молили о пощаде, обещая выкупы, но измученные, покрытые струпьями и язвами рабы били их кто чем мог.

Начальника тюрьмы рудокопы повесили вниз головой.

— Эй, брат, — обратился Муржо к пробежавшему мимо освобожденному, — где находятся пленные меды?

— Они под землей. Если хотите, я опущусь вместе с вами.

Огонь свечей стал отбрасывать тени, напоминавшие чудовищ. Спартак старался рассмотреть что-нибудь впереди, но темнота была такая густая, что сердце, казалось, вот-вот остановится.

Внизу засверкал огонек. Львенок сжался, ему показалось, что они уже в самом Аиде. С потолка капало. Свечи стали гаснуть.

— Крепись, Гроздяночка! — поддержал его Муржо, постучав ладонью по спине любимца. — А наши братья здесь сидят в кандалах.

— Ничего, — обласкал раб-македонец, — скоро доберемся до дна. А там посмотрите, как люди добывают руду.

— А машины есть?

— Покажу. Хорошие машины. Недавно установили черпать воду.

Пахло гнилью, мокрой глиной и каким-то газом. Темень сжимала душу.

Вдали слышались голоса.

Из большой связки березовой щепы Спартак и Муржо взяли несколько лучин, обмакнули их в сер-

ный раствор, налитый в бочонок, подожгли, направляясь за провожатым.

Где-то журчала вода, перекликались одинокие голоса.

Остановились около большого углубления, где к деревянным колодкам были прикованы пленные фракийцы.

— Меды есть? — окликнул Муржо.

Несколько человек тяжело поднялись, позвякивая цепями. Чубатый стал спрашивать, кто они и откуда. Рассказал пленным, что случилось наверху. Освобожденные заволновались, зашпешили наверх.

Спартак посмотрел на изуродованных побоями и голодом людей, повернулся к Муржо и зло прошептал:

— А ты говорил, что они слоны-канатоходцы. Разве можно так издеваться над людьми?

— Мы для них варвары.

— Что-то вроде волов?

— Волов они берегут, те стоят дороже.

Один из закованных застонал.

Чубатый стал освобождать пленников от кандалов.

Спартак стоял как замороженный: перед ним, освещенная огнем факелов, возвышалась машина, чем-то очень напоминавшая верблюда в упряжке. Машина была сделана из толстых брусьев, стянутых металлическими прутьями, и двух громадных колес, на которые крепились ведра, выдолбленные из дерева.

— Они, поднимаясь вверх, черпают воду, что настаивается вот здесь, — пояснил македонец Спартак, — и переливают ее в канаву, что расположена выше. Вот видишь, над нами.

Дотянувшись до колеса, Спартак ощупал брусья, спицы. Взбежал по ступеням, вырубленным в стене. Осмотрел и попытался сдвинуть с места одно из колес.

— Муржо! Помоги же, помоги! — звал он.

Машина пугала чубатого своими размерами.

— Пусть их крутит хозяин этой могилы, — выругался дак. А успокоившись, вместе с горняками на-

давил плечом на одну из спиц. Еще немного, и колеса сдвинулись с места.

— Ула-ла! — обрадовался Спартак.

Подожли освобожденные, налегли на спицы, ведра стали черпать воду, переливая ее в каменный лоток.

— Ула-ла! — снова радостно закричал Спартак. — Я увидел машины! Муржо, смотри, вода стекает в яму, как Стримон бежит в горах! Слава медам! Слава! Мы победили!

— Хватит, остановись, Львенок! — стал звать Муржо воспитанника. — Сотимус ждет наверху, торопись. И людей надо выносить на свет Божий. Измучились они здесь и помереть могут!

Маленький отряд направился к выходу.

— Муржо, а откуда на такой глубине вода?

За дака ответил македонец:

— Видно, когда-то прохудилось дно у Прасиас-озера.

По стене пробежала ящерица. Булькнув, упал в воду камень. Застонал один из медов, освобожденный от кандалов. Голодные, избитые пленники тяжело передвигались.

— Смотри. — Говоривший взял оброненное кем-то рубило и ловко ударил по камню, разваливая глыбу.

— Дай и я попробую, — решился Спартак.

— Пусть попробует. Это сын царя, — пояснил дак.

— Руби, сынок! — предложил рудокоп, подавая инструмент.

Спартак размахнулся и ударил по камню. Рубило отскочило от глыбы.

— Ну-ка посвети, — попросил горняк. — Камень как ладонь, если его хорошо знаешь, можно прочесть всю его судьбу. Вот маковка, сюда сходятся слои. Здесь центр. Ударь — и он развалится.

— Муржо, — спросил Спартак, — а нельзя такую машину использовать для штурма крепостей: посадить в долбленку по человеку и поднимать на стену?

— Можно, — ответил за воспитателя македонец, — только надо иметь хорошего мастера.

На дворе ярко светило солнце, пели птицы, зеленела трава. Воздух так и врывался в грудь.

На подворье ударил барабан и флейта: меды и македонцы справляли победу. Из кладовых выносили амфоры с вином, копченую свинину, вспарывались мешки с мукой, кто-то ловил кур. Битыми яйцами мазали друг другу лица.

— Дионис идет! — кричали македонцы, выпуская кровь из зарезанных баранов.

В центре шумного пира возвышался Сотимус. Он сидел на доске, один конец которой лежал на плече Руса, а другой — на плече Робро.

— Славные меды и вы, македонцы! — обратился он. — Пусть всемогущий Геракл благословит вас! Мы пришли, чтобы отомстить за все то горе, что вы испытали от сынов волчицы. Эй, Муржо! Ты говорил, что поймали тех, кто издевался над пленными!

Муржо указал на спасенного македонца, а тот вывел из сарая двух надзирателей.

— Смерть лакавшим кровь фракийцев!

— На костер их!

— Содрать с них шкуру!

— Сбросить на копья!

Площадь заполнилась возгласами одобрения.

— Готовьте жертвенный костер! — призвал Рус. — Найдите веревку.

Кто-то принес ведро, кто-то побрызгал водой место, где начиналась казнь.

Двух надзирателей и легионера поставили около жертвенного камня.

— Кровь погибших фракийцев требует отмщения! — заключил Сотимус. — Души их не успокоятся, пока достойные слуги не будут сопровождать их в страну теней.

Спартак стоял в тени дерева, выворачивая ногу поджаренной на костре курицы. Он ел, выплевывая кости. Ему почему-то все это время виделся храм, в котором лежал дед, грек, снимавший маску с покойного, и Каликрита в огне костра.

Курица была плохо пропечена, мясо набивалось между зубов. Около дома управляющего страшно завывали собаки. Одна билась, стараясь сорваться с цепи, вторая, задрав клыкастую пасть, выла, словно плакальщица.

Но вдруг зазвучала лира. Это заиграл сошедший с ума управляющий. Он сидел на ковре около мертвой жены и водил по струнам дрожащей рукой.

Отбив псов ногами, македонец, которого только что освободили, вбежал в дом. Раздался дикий крик, и наступила тишина. Узник показался на веранде, вскинув над собой отрезанную голову. Воины взревели.

Меды заспорили о том, как надо приносить жертву Тилтазесу. Кто требовал замуровать надзирателей, кто доказывал, что надо сбросить их на копья.

Муржо принес кусище вепря и два хлеба. На острие кинжала золотились соты, наполненные медом.

— Отрубим им кисти! — предложил рудокоп, стоявший рядом с безруким Робро.

Спартак, обсасывая соты, поинтересовался:

— Муржо, а добыча есть?

— Большая.

— А где?

— Под охраной.

— С македонцами поделились?

— Они отказались от своей доли.

— Дарят ее нам?

— Оставляют нам для похода, с тем чтобы им дали право отомстить своим вождям-изменникам, что продали Македонию сынам волчицы.

Над воинами вскинулась рука царя.

— Пусть утихнет буря в груди жаждущих мести, так как боги приняли нашу победу, посылая гонцов. — И царь указал в сторону орлов, круживших над ними. — Они довольны. По клеточку этих царственных птиц можно понять, какую судьбу предсказывают боги этим лупам.

К жертвенному камню подвели красавицу в разорванной одежде и воина с расцарапанным лицом.

— Клянусь вам, братья, — кричал он, — она сошла с ума! Медюзиса лишила ее разума!

Женщина, призывая в свидетели небо, рассказала, что два меда отобрали у нее драгоценности, которыми она хотела выкупить жизнь отца — управляющего. Ее заставили показать место, где она прятала остальное богатство, которого у нее уже не было. Подведя воинов к колодцу, римлянка столкнула одного из обидчиков в воду. Другой стоял сейчас рядом с ней.

— Слава храброй Афине! — закричал Муржо. — Да отрубят в бою ту руку, которая отнимает у женщин самое святое.

— Смерть презренному!

— Пусть скалы примут тело этого разбойника, — раздался второй голос.

Римлянка, прикрыв обнаженные груди распущенными волосами, рыдала.

Орел, круживший над полем битвы, сел на ветку явора, под которым переобувался Спартак.

— Братья! — призвал Сотимус. — Разве эти два змея, нарушив обряд жертвоприношения, не вызывают своим поступком гнев Тилтазеса? Разве поход наш был для того, чтобы в Македонии о медах говорили, как о презренных сыновьях волчицы? Думаю, что они недостойны того, чтобы медийки мыли им ноги.

— Истину говоришь! Истину!

Виновника насилия над женщиной связали, приподняли и понесли к дому управляющего. Еще миг, и он оказался на крыше строения. Золотая серьга распрямилась, и человек двадцать воинов выстроились у стены дома.

— Ула-ла! — подал команду Рус. На крыше подняли приговоренного к смерти и бросили на копья.

Меды стряхнули с копий мертвое тело и опять сомкнулись.

На крышу подняли и остальных приговоренных.

Молчавшие все это время надсмотрщики стали молить о пощаде. И только один римский легионер крикнул в сторону Сотимуса:

— Презренные скоты! Радуйтесь, пока новые центурии не подошли из Филипп. Я приму смерть достойно, как и должен ее принять свободный гражданин Рима, а вы подохнете распятыми на крестах, как нищие, а оставшиеся в живых будут завидовать мертвым, покрываясь струпьями в каменоломнях. Я плюю в ваши собачьи морды и мочусь в ваши презренные пасти. Слава Риму и республике!

Сказав это, легионер подошел к карнизу и бросился на копья.

— Ула-ла! — рванулось по подворью.

— Ула-ла! — аукнулось где-то у озера.

Стоявшие во дворе рудника протянули руки к солнцу, воздавая хвалу богам.

Муржо, подкрепившись из баклаги, радостно напевал. Спартак, озабоченный увиденным, повернулся в сторону отца, которому Робро кричал:

— Поход! Начинай поход, наше солнце! Спасай Македонию, а то сыны волчицы выпили из нее всю кровь. Освободи народ от этого ярма.

— А что скажут о походе вожди и стратеги Македонии? — боднул царь великана вопросом.

— Ха! Эти вонючие дикобразы ненавидят легионеров, но боятся и пальцем пошевелинуть против, ибо их сразу отправят в Рим, на рынок рабов.

— Ты прав, Робро!

— Если они воспротивятся походу, мы изрубим их, — добавил Робро.

Сотимус задумался.

— Чем ты озабочен? — забеспокоился Спартак.

— Вспомнил, что не отомстил Феликсу.

— Тилтазес совершит положенное.

— Конечно. Он, наверно, сейчас мчится в Филиппы, чтобы привести сюда новые центурии.

— Наши змеи спутают им ноги.

— С братьями Робро мы любому врагу сломаем шею. Слышал, что он говорил: только кинь факел, и поднимется вся Македония. А там томятся тысячи ремесленников и черноплучников. Понял, Львенок?

— Понял, славный Муржо.

У клумбы с цветами начались пляски. Обнявшись, меды и македонцы пели, постукивая ногами.

— Слава Сотимусу!

— Слава победителю римлян!

— Он настоящий сын Спартака!

— А где Спартак Младший?

— А вон слушает сказки чубатого!

— Эгей, Львенок, становись в наш ряд!

Гроздяночка сорвался с места и влился в цепочку танцующих.

— Ула-ла! — залился радостно Рус.

— Ула-ла! — отозвался Львенок, охватываемый весельем победителей.

Вытапывая зелень, перепрыгивая через казненных, меды и македонцы все больше отдавались радости победы.

— В поход!

— В поход! — требовали голоса.

Царь сидел молча, обхватив голову руками. Думая о чем-то, он мурлыкал песню:

А текли три речки,
Текли они быстро...

Песню подхватили, и она забесновалась над всем праздником, вовлекая все новые и новые голоса.

Запел и Спартак. Голос его был еще робок среди остальных. Губы, украшенные светлым пушком, трепетно подрагивали, но он старательно выводил мелодию.

Но вот Львенок подтолкнули в центр круга: надо было показать свое умение танцора.

Муржо подбодрил Спартака. И вот сын царя раскинул руки, словно орел крылья. Светлые волосы его трепал ветерок, глаза излучали радость торжества.

— Ох-хо! Ох-хо! — вторили его движениям воины и освобожденные рабы.

Пот катился по лицу Львенка, но он не сдавался. Сменить его вышел рудокоп, что провожал Спартака и Муржо к пленным фракийцам. Тем временем Муржо подошел к музыкантам, пристроил мех волынки

под левую руку и надул его. Полились какие-то своеобразные звуки, царственно плывущие среди остальных.

— Ула-ла!

— Ула-ла! — поблагодарили его меды и македонцы.

Один из костров разметал ветер. Искры осыпали танцующих.

Со стороны озера донеслись звуки и голоса. Кое-кто потянулся за оружием, накидывая доспехи.

— Может быть, это подошла помощь римлянам? — забеспокоился Рус.

Муржо посмотрел в сторону царя, тот оставался на месте.

Но тут дозорные расхохотались, указывая палицами в сторону озера, по дороге к которому соседние селяне гнали телок на продажу.

Среди победителей стал царствовать смех. Смеясь, они падали на камни и плиты. Кто-то хотел вернуть двух рогатых для костра, но Спартак запретил обижать черноплужников, пригласив селян на пир.

Один из пастухов предложил:

— А посмотрим, какие вы, яворинцы, молодцы. Кто меня перетанцует, тот будет есть мясо моей нетели. А оно слаще пищи богов Олимпа. Кто самый ловкий, выходи!

— Покажи-ка, наше золотое солнце, как ты умеешь побеждать не только в бою, но и на праздниках, — попросил Робро Сотимуса.

Сняв оружие, предводитель медов встал рядом с черноплужником, подав знак музыкантам.

И-и, как эти двое понеслись по кругу: Сотимус полетел стрелой, но и черноплужник был легок как пух.

— Га-а! — поперекосили горцы криками рты. Стали бить по рукам, ставя на Сотимуса, а кто и на своего брата — крестьянина.

Спартак не выдержал и тоже включился в спор танцующих.

— Окрепло ли сегодня твое сердце? — спросил Сотимус сына. — Не опечалил ли тебя в бою страх?

— Сегодня я познал радость победы над врагом, отец!

— Машину видел?

Спартак, устало дыша, ответил:

— Их можно бить, отец! Можно!

Лицо царя вдруг словно окаменело. Он, пропустив несколько тактов музыки, тяжело сморщился, так тяжело, словно кто-то очень зубасто стиснул сердце.

— Отец? — окликнул Спартак.

Побледневший Сотимус не ответил.

— Отец! — еще тревожнее позвал Львенок.

Музыканты приумолкли, но Сотимус нашел силы продолжить танец.

— Он ранен, — указывая на грудь царя, где виднелось кровавое пятно, удивился Робро.

Остальные зашумели, прося прекратить состязание, но предводитель медов продолжал танцевать. Его подхватили и отнесли к жертвеннику.

Сотимус призвал к тишине и спокойствию.

— Продолжайте пиршество, братья, — предложил он македонцам. — А около меня пусть останутся мои приближенные.

Оторопевшие меды окружили царя. Сотимус поманил сына.

— Все ли вы знаете Львенка? — спросил он.

Рыкнули одобрительно.

— Видали в бою?

— Львенок бился как лев! — полоснул тишину Рус.

— Он спас мне жизнь! — кремнисто сообщил Робро.

Сотимус крикнул:

— Достоин ли он будет стать царем?

— Ула-ла! — подхватил Муржо.

Но кто-то, стоявший в гуще медов, передернул перекошенным лицом, прошамкав:

— А почему среди нас нет Севта? Он струсил?

— Севт в горячке, — пояснил Сотимус. — В его владениях сейчас бушует какая-то язва. Так может

моим достойным преемником быть Спартак? — снова обратился Сотимус к медам.

На круг вышел Муржо и, накручивая чуб на ухо, отозвался:

— Яворинцы, кто из вас не знает лютого сына волчицы — декана Секунда?

— Чтоб выели ему внутренности шакалы!

— Распять его!

— Бросить на копья!

Дак подбросил меч, поймал его и произнес:

— Так вот, наш Львенок загнал эту свинью в болото и прорубил ему поруч.

— Он спас нас в руднике! — поддержал чубатого мед, руки которого слегка дрожали.

Сотимус снял с пальца кольцо и поднял над головой.

— Славные меды! — как бы каясь, произнес он. — Признаете ли вы это кольцо?

— Все знают, что это кольцо Каликриты, завещанное тебе в день ее смерти, — отозвался Рус.

— Ула-ла! — согласилось войсковое собрание.

Сотимус еще раз поднял над собой кольцо и решительно надел его на палец Спартака.

Мечи ударили о щиты.

— Тилтазес принял твое решение, Сотимус! — воскликнул Муржо. — Смотри, сколько птиц рванулось в небо.

Спартак не знал, что делать, вскочил на Лампа и пустился к Прасиас-озеру. Он правил конем, ощущая на пальце кольцо Каликриты.

Подскакал Муржо.

— Видел? — спросил Спартак.

— Га! Это сам Залмоксис благословил тебя. Дай я расцелую тебя, Львенок! — Чубатый дотянулся до Спартака губами.

Обнял воспитателя и Спартак. Так они и ехали рука об руку. Ламп и Фонарь терлись бок о бок, приветствуя друг друга ржанием.

— Теперь я стал воином? — настороженно спросил Гроздяночка.

— Теперь ты настоящий мужчина, — успокоил его Муржо.

— Мое сердце переполнено гордостью, ведь я получил сегодня три подарка.

— Какие?

— Победу у Прасиас-озера, машины рудника и кольцо Каликриты.

— Гордись этим, Гроздяночка!

— Клянусь, что всегда буду защищать нашу землю!

— Да ниспошлет тебе Залмоксис счастья.

— И всегда я буду сражаться в первых рядах.

— Понял ли ты, почему Сотимус передал тебе кольцо?

— Конечно.

— Почему?

— Потому что Тилтазес благословил его на этот поступок.

— Потому что если он погибнет в походе, на который только что решился, то царем признают тебя.

Спартак остановил Лампа.

— Скажи, Муржо, сколько было лет Александру, когда он впервые повел свои войска в поход?

— Шестнадцать, — подзадорил дак. — Да и тебе... пора уже ладить невесту.

Спартак замолчал.

— О чем ты думаешь, Гроздяночка?

— О центурионе. Где он? Отец ранил его в ногу.

— Эко что за думы! Я о невесте, а он о сынах волчицы. Бежал твой центурион вместе с Секундом. Но чувствует мое сердце, что мы скоро снова встретимся с ними.

— Почему?

— Не те это люди, чтобы просто так вырвать у них победу из пасти. Очень уж сладкий кусок этот рудник у Прасиас-озера.

— Муржо, слышишь — рог.

— Это Сотимус зовет нас вернуться.

— Вернемся?

— Ула-ла, — поддержал дак, разворачивая жеребца в сторону рудника.

СВАДЬБА

О свадьбе стали хлопотать, как только вернулись из набега.

Когда улицы Яворины принарядились, были снаряжены сваты к Севту, чтобы начать переговоры о невесте — его дочери Семеле.

Низко опустив голову, она сидела в самой верхней комнате, ожидая отцовского решения. Красная накидка и шитье, обметанные серебряными каймами, ей были к лицу, в чем ее убеждали и прислужницы. Но руки не находили покоя: они то одергивали хитон, то поправляли волосы, то трогали ресницы.

Велика была честь для жрицы — стать женой сына царя.

Но вот, громко стуча по ступеням, прибежала банщица — глаза блудливые, руки словно молнии. Вбежала, бухнулась на пол, приоткрыла левый глаз, а он — хитрющий, злющий.

— Семела-красавица, да благословит тебя Артемида!

— Ну, что там? — кинулись к ней служанки.

— Баню велено топить!

— А чего так долго молчишь?

— Дух перехватило.

— Значит, все, договорились!

— Все, отец дал согласие.

Истопили баню, что греки сотворили на афинский манер: посреди помещения высечена из камня ванна, окольцованная узорами. Справа и слева полки с посудой. Под ними — мраморные сиденья, на которые укладывались одежда, обувь, украшения.

В большой медный таз налили горячей воды. Усадили в него, поддерживая Семелу под руки, и стали ополаскивать, читая молитвы и заклинания. Банщица, прихрамывая на попорченную ногу, строго следила за остальными: не сглазили бы такую красоту, порчу не навели на ее мраморное тело, не повредили бы каким заговором.

Семела старалась вспомнить все, что знала о своем женихе, но никак не могла восстановить в памяти его лицо. В клубах пара виделось лицо отца, говорившего, что Спартак храбро рубился с легионерами у Прасиас-озера.

Плескаясь в воде, княжна подбадривала себя мыслью:

«И я хочу стать Каликритой, и я владею оружием: стреляю из лука, бьюсь на мечях, хорошо правлю лошадью».

Девушка приостановила раздумья и, глядя на обнаженных служанок, спросила себя:

«А сможешь умереть рядом со Спартаком, как Каликрита?»

Спросить спросила, а ответить не смогла.

— О чем задумалась, золотая ласточка? — облакала гречанка княжну, обтирая своими длинными волосами мокрое тело Семелы. — Сейчас подольем тебе теплого ослиного молочка, а волосы умастим египетскими благовониями. Вот ты и заиграешь, как цветочек.

Хромоножка повернулась, приказывая:

— Сходите в кладовую за мазями.

Семела боязливо обратилась к банщице:

— Примет никаких не замечали? Во сне ребенка с лицом Змеихи никто не видел?

— Нет, — преданно успокоила Зеласа. — Смотри, чтобы цветов на постель не насыпали: это хуже самой черной смерти. И чтобы собака дорогу не перебежала, когда во дворец повезут.

— А что будет?

— Близнецов эфиопских можешь родить.

— Пожалей меня, Зеласа.

— Если бы не жалела, молчала бы.

— А как я могу родить эфиопов, если муж у меня будет мед — Спартак?

— А у собак глаз такой: пройдут мимо женщины, ребенок уродом родится. Очень они способны на это. Смотри, соблюдай все, что положено.

Семелу подвели к лежанке, стали обтирать.

— Чему улыбаешься, дорогое наше зернышко? — подольстилась Зеласа.

Невеста показала ей на перстень, присланный Спартаком.

Прислужницы натерли невесту, похлопали, побили ладошками и опрыснули от маковки до пят чем-то таинственным.

— Скоро за тобой приедут тридцать три свата. Носилки крытые привезут, — со вздохом, не скрывая зависти, порадовала Семелу гречанка. — Не спеши к жениху. Сначала пусться в слезы, так, чтобы в глазах все помертвело. Помолись за живых и мертвых.

— Меня же не на смерть повезут.

— Так богами Олимпа устроено. А теперь посмотри вот на это.

Зеласа откинула крышку позолоченного ларца. Сочно брызнули всеми цветами радуги камни ожерелий и браслетов.

— Вот это песня! — вздохнула Семела. — Зеласа, а ты Спартака видела?

— На твоих огненных играх. На тебя смотрел глаз не отрывая.

— Высокий, красивый?

— Настоящий мед.

— А храбрый?

— О Афина, он же воспитанник Муржо.

— Того, что жрицу продал каменотесу?

— Укусила бы его Змеиха.

— А Спартак сегодня приедет?

— Он встречать тебя будет во дворце, будущая царица.

* * *

Спустя некоторое время после сватовства из Яворины должны были приехать за невестой. Подворье Севта было огорожено высокой стеной. Справа от ворот вытянул свое холеное тело дом. Слева высились другие каменные строения, спрятавшиеся под шлемы крыш из красной черепицы. Двор был выло-

жен каменными плитами, перехваченными поясами известкового раствора.

Севт встретил свадебный поезд, перегнувшись в поясице.

Взмахнул рукой — слуги приняли у гостей коней, взмахнул другой — стали потчевать гостей лучшим вином из хозяйских подвалов. А там — подарили гостям по соколу. Приехавшие вошли в дом, отдали должное внимание угощению.

Вывели показать невесту. У сватов сердца ударили словно тугие барабаны.

— Вот так красавица.

— Вот это Муржо, змей! За такую невесту простишь не только жрицу из Амфиполя.

— А где он?

— Приданое смотрит.

— Приданое! Он с хромой банщицей за телятником кур шупает!

Хохотнули.

А Зеласа тем временем накручивала чуб Муржо на свое ухо и, целуя большие синющие глаза, мурлыкала:

— Муржо, ты Муржо, старый греховодник, что ты меня все в поясе обнимаешь? Мать, что ли, твоя меня кормила? Или она мне перстень дарила?

— Я тебе жемчуга на грудь повяжу, — горячо обещал чубатый, игриво щекоча гречанку взглядом.

— Вот тогда руки и тяни, как к своей жрице, — шелестела банщица, а сама так и льнула к красавцу.

Взяв за руки гречанку, Муржо поцеловал жаркие трепетные губы элинки.

— Прости, золотишка бриллиантовая, нету у меня сейчас и лишнего мига, я за столом должен быть. А как Семела?

— Артемиде на зависть.

— Ах, как бы ее не испортили! Зеласа, ты моя золотая слезинка, встретимся на свадьбе.

— Уходишь?

— Надо.

А хозяева крепости знают свое дело: меняют блюда, подносят пузатые кратеры, битую птицу и живность — так заведено предками. А их наказы меды умеют стеречь.

Вот и сваты отправились за невестой.

Повезли Семелу в Яворину: караван большой, охраны много. Иной так и старается вырваться на своем вихреноге вперед, чтобы раньше всех принести царю весть о невестке.

Яворина встретила невесту царского сына шумно, яворинцы вышли в праздничных убранствах, на базарной площади все было выкрашено заново. Плали костры, улюлюкали свирели и дудки.

В центре одного из сборищ сидела торговка шерстью, обняв базарного старосту.

То тут, то там сгущалась толпа зевак, обсуждая невесту: кому Семела была красива, а кому и всего-то что не кривобока.

Спорили, бранились, а сами гордились, что не из чужих взяли Спартаку невесту, а нашли настоящую медийку — и лицом, и поступью.

Во дворце приняли Семелу с коня на руки.

Меда поднесла ей золотой столик. Семела положила на него букет золотых цветов.

Родственницы царицы надели на пальцы девушки кольца, получив взамен золотые деньги.

Держалась невеста строго и спокойно, а ее сердце так и вырывалось из груди, трепеща от страха и мысли, что скоро появится и жених.

— И-а! И-а! — прокричал где-то осел. Ударили барабаны: извещалось о том, что во дворце невеста принята царицей.

— Ула-ла! — не выдержал Рус.

Подхватили.

В доме ждал Спартак.

Взглянули молодые друг на друга и как бы слились воедино.

Ай да Муржо! Ай да чубатый!

Свадьба кипела и клокотала много дней. Царь выезжал на базар, на улицы, бросал в народ деньги, обнимался и танцевал с горожанами. К концу торжества Сотимус собрал князей и старейшин в тайных палатах. Муржо выставил охрану.

Говорили о походе. Решили: походу быть весной. Распорядились: ты — мешок денег, ты — сто возов хлеба, ты — три сотни штук полотна, ты — десять стадов овец.

— Не узнал бы про этот сговор Локр. Продаст, — прогнусавил один из вельмож.

— Ходить бы ему босыми ногами по раскаленным углям, — выругался царь.

— Говорят, что Порций держит в карцере пирата, выпытывая, какое яйцо он хотел снести в гнезде у медов, — поделился Севт.

— Долговато нюхает он этот цветок.

— Бережет. Думает, что парфяне хотят вступить с нами в сговор.

— Парфяне с нами? — удивился царь.

— Порцию надо перед сенатом в Риме сплясать, вот он и жмет на палача Леандра, чтобы тот добился от пленника признания, что он от парфян идет к нам. Вот уже сколько времени его в карцере держат.

— Все это он делает, чтобы отвлечь наше внимание от каравана с золотом, который вот уже сколько времени ждет его указаний.

— Нас боятся?

— Он опять затаил какую-то хитрость.

— Зачем Порций прислал Феликса на рудник у Прасиас-озера?

— Да, тут что-то хитрое.

— Так-то, скатилась бы его голова в Стримон. Хитер. Следите, глаз не спускайте.

Сотимус, прижав кулак ко лбу, икнул. Глаза его выражали мудрую решимость, и он молвил:

— Какова еще будет она — эта новая змеиная молитва? — спросил он у кого-то, посмотрев на Тилта-

зеса, нарисованного на стене. Но вдруг, подмигнув кому-то, крикнул:

— Ула-ла, братья, свадьба у нас или поминки?

Поднялись, направились в зал, где грохотало гульбище.

— Царь, — натруженным от песен голосом прошептал родственнику Севт, — ты знаешь, что Порций завел змея-страшилище для каких-то своих новых хитростей?

Сотимус тряхнул головой.

— О, Тилтазес, помоги понять, как все это связано с золотым караваном.

— Связано, очень связано, но как? — поддержал Севт. — Что-то еще будет. Порций — крокодил с тысячей зубов.

* * *

Надвигалась ночь. Горы виднелись корытом, в котором обмывалось солнце, окруженное пеной-тучами. Яворинцы разбрелись по домам, отдав должное веселью.

На базаре, сидя на возу с тыквами, Рус рассказывал кому-то о том, как он рубился в болоте с римлянами.

Его слушали, охали, ахали, удивлялись.

— Бить их можно! — рубя рукой воздух, призывал Золотая серьга. — И надо бить.

Тем временем Муржо вывел Спартака на балкон дворца.

— Вижу, Львенок, что по душе пришлась тебе Семела, — поразился дак.

Спартак снял один из перстней и надел его на палец Муржо.

— И сделай еще одно доброе дело: пусть отец отменит бичевание тех, кто сидит в башенной темнице.

Спустились в подземелье. Здесь, в кругу мокрых стен, поросших мохом, томились закованные в кандалы и колодки.

Грязные и голодные люди ютились на соломенных подстилках.

— Как у римлян на руднике, — заметил юноша.

— Свои, — изрек чубатый.

Человек с болезненно большим животом упал перед Спартакoм на колени и потянулся губами к его ногам.

— О счастливый из счастливейших, да благословит твою судьбу Геракл! — взмолился узник. — Прости меня в этот святой для тебя день!

Остальные арестанты смотрели на пришедших неукротимо люто. На их телах Спартак увидел свежие раны.

— За что они страдают, Муржо?

— У каждого свое.

— А этот, с бурдючным животом?

— Глисты его одолели. Хотел показать сынам волчицы тайный ход в Яворину. Решено отрубить ему голову.

— А женщины, что рассажены по углам?

— Одна подняла руку на мужа, а вон та, — и дак кивнул в сторону скрюченного существа, — за долги.

Подошел мед-верзила:

— Спартак, мы знаем о твоём счастье. Мы знаем, что у тебя доброе сердце. Я ваш брат. Дай мне коня, меч, и я привезу тебе голову Порция. Доверься. А сейчас распорядись, чтобы нас угостили в честь твоей свадьбы. Хоть мы и узники, но пока еще меды.

Муржо осмотрел храбреца, и какая-то лучезарная думка заелозила в его глазах.

Позвали часового.

— Передай! — приказал Спартак. — Пусть этим людям принесут в подземелье всякой поварской радости. А когда поедят, пусть подышат свежим воздухом и посмотрят на солнце.

У свадебного стола Гроздяночка снова посмотрел на чубатого, в глазах которого тлела какая-то мысль.

Узнав о распоряжении сына, спустился в подземелье и Сотимус.

За еду не ругался. Простил женщине долги. Отпустил посягнувшую на жизнь мужа. Выслушал верзилу, что-то отметил в памяти, попросив:

— Восславьте невесту, чтобы боги послали ей сына, а мне внука.

Страже добавил:

— Завтра пусть весь день будут на солнце! Самим вина не пить. Накажу.

КЫШ, ЛЮТАЯ ЗМЕИХА!

Тетки и знатоки свадебных обрядов вот уже какой раз окуривали комнаты и постель молодых, приглядываясь и принюхиваясь, чтобы не случилось какого-либо несчастья.

— Кыш, лютая Змеиха!

— Чур и тебя, Змей, чтоб ты облысел, старый поганец, если совьешь паутину свою!

Словно пух с тополей, слетали с губ слова заговоров. Верещали змеи, зажатые между двумя сковородками, вытаращивая глаза и кусая зубами воздух. Но нет, не выбраться им из сковородок, не присосаться к счастью жениха и невесты.

— Вот тебе, саранча африканская, — нашептывала Рачка, подливая на раскаленную сковородку сала.

Обжарились змеи, клубком свившись в одно целое. Выловила колдунья их, понюхала, отколупнула корочку, пожевала, причмокнула.

— Вкусна будет у Гроздяночки жемчужина, но не судьбина, — прошамкала ведьма.

Завернула колдунья в полотно свое колдовское добро и пошлепала за Яворину, насвистывая.

Несет Рачка свое костлявое тело в горы, выплетая губами разные слова, то шипучие, то гремучие, а то искристые, словно чистые изумруды.

Идет, а сама себя поучает:

— Кому курлычешь, сухорукость подточенная, на кого слепоту наводишь душевную? Рада чужой радости.

У глубокой и широкой пропасти остановилась, замерла, а ее здесь уже поджидает целый змеиный рой. Одних колдунья погладила, других какими-то заговорами упрекнула. Змеиху с царской отметиной на затылке огладила особо. Та вытянулась и хрустнула косточками. А Рачка ей:

— Что это ты? Хочешь быть лучше нашей Семелы, золотая кручинушка? Все тебе одной: побыстрее да получше... Невесте позавидовала? Ты что — старая дева?

Змея не зашипела, промолчала, но свернулась, как бы затаясь.

— Не злая ты, Троянка, но, как видно, вредная. Что ты на Семелу такая ядовитая? Я-то вашему озорству помогаю — зажарила врагов ваших, — упрекнула Рачка. — Вот, смотри. — Колдунья развернула тряпицу и бросила на землю клубок зажаренных змей. Хвостатые застыли, стали клубиться.

— Ничего мне от вас сегодня не надо. Только скажите старой Змеихе: у нее свое царство, а у меня свое. Пусть благословит Гроздюночку с Золотой крупиночкой. А теперь ступайте — празднуйте нашу свадьбу, приговаривая: ни косых, ни кривых, только стройных и прямых пусть родят они детей. Отгоняйте злых химер и кусайте всю нечисть, что будет виться возле кровати молодых.

Во дворце колдунья натомила взвара из чудодейственных трав и в какой уже раз обрызгала путь молодых от свадебного стола до ночных покосов.

Постояла, вздохнула, доверяясь самой себе:

— Ах, золотце ты мое, Спартак Старший, так ты ушел на тот свет, не выслушав моего сердца, не коснувшись моих губ. Хотелось мне, чтобы внуком моим был Спартак, а вот не вышло.

Вздохнула старая и снова закрыла на какой-то потайной ключ сердце.

— А ты, Орфей, творящий суд над обиженными, охраняй Спартака и Семелу, чтобы они не касались грязных дел земных, а когда родят, не дай Змеихе похоронить их потомство в земляной яме, а вознеси их души к звездам.

* * *

Семелу ввели в покои, усадили перед зеркалом, распустили девичьи косы, переплели в одну. Сняли

одежду, набросили шитье — облитое какой-то золотой выдумкой.

Еще раз ее осмотрели, оценили, благословили, плача.

А за дверьми стоял Спартак.

— Ох и заскрипит зубами от зависти к тебе Змей Змеевич! — подбодрил Муржо Львенка. — К невесте ты войдешь моим воспитанником, а выйдешь моим господином.

Спартак обнял дака и признался:

— Мы навсегда останемся братьями. И нет у меня никого роднее и ближе, чем ты, сын великого Залмоксиса.

Чубатый вытер глаза.

Подошел Панука. Мертвая часть его лица так и оставалась каменной. Правая же старалась за двоих — то была грустна, то улыбалась.

Ввалились родственники, приближенные расступились, пропуская Сотимуса и Меду.

Сын с отцом расцеловались.

Из комнаты невесты известили, что Спартака ждут.

— Иди! — властно приказал Сотимус. — И помни: Семела достойна царского почтения. И пусть Золотая крупиночка всегда будет счастливой.

Спартак улыбнулся провожающим его в зрелость и вошел в спальню.

* * *

— Муржо! — позвал царь. — Вот тебе за сына. — И дождь золотых монет пролился на голову дака.

— А где Рус? — поинтересовался Сотимус.

— Танцует на базаре с Робро.

— Пусть готовится, разбойник, скоро мне потребуется его дубинка для большого дела.

Благословив дверь, за которой остались молодые, царь распорядился выставить около нее караул. А спустившись к народу на подворье, долго еще отдавался веселью.

Только у старой Рачки было горестно и смрадно.

Колдунья часто прикладывалась к сосуду с вином, чему-то улыбалась: ей виделась юность и молодой Спартак Старший.

Она часто вздыхала, подбирая седые космы, поглядывала в зеркальце и все упрашивала кого-то:

— Кыш, ты — лютая Змеиха, кыш! Не подходи и близко к молодым!

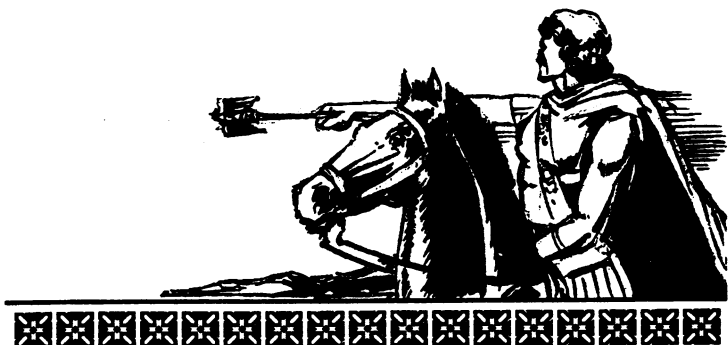
А когда рассвело, Рачка, прихватив кувшин с вином, вышла из Яворины и направилась к гробнице Спартака Старшего, около входа в которую поставила сосуд, положила кусок хлеба и мяса.

«Пусть и он повеселится да порадуется за молодых, — подумала Рачка, добавив: — Ах как я устала без тебя. Каликрита всегда была умнее, она не терзается одна, а ушла вместе с тобой, и опять вы вдвоем, а я мучаюсь на этом черном свете». Ветерок-змееныш подполз к старухе, вильнув хвостиком, тоже ведь всегда одинок, нищ. Рачка и ему бросила кусок хлеба: ешь, горемычный, тебе-то ведь вечно жить с протянутой рукой.

Встала, вздохнула и посмотрела на рыжую рошу солнечного света, что короновала вершины Орбелуса, — вызревало утро.

— Дайте ему сына, великие боги! Пусть внук Спартака Старшего будет таким же сильным, как и его дед!

Поклонилась Рачка могиле своего возлюбленного и запылила по дороге домой.

Книга вторая

ТРОЯНСКИЙ КОНЬ

Порция очень тревожила мысль: правильно ли он поступает, доверяя самое секретное дело оску из Помпей. Сумеет ли лежебока кампанияец в крепости воинственных медов устоять, найтись. Сумеет ли повернуть события так, как думает это сделать он — Марк.

Трибун не хотел охрану золотого обоза поручать этим слюнтяям из аристократических семей, у которых много денег и нет никакого желания служить в армии. Целыми днями они сидят в тавернах и в винных подвалах Филипп, надеясь, что все их грехи окупятся родителями в Риме. Послать в укрепление медов нужно было человека, горевшего желанием отличиться, получить за свои старания хорошее вознаграждение и повышение.

Оск Феликс, кажется, подходил к этому делу: боевит, из древнего бедного рода, храбр, горд, тщеславен, в бою, как и положено центуриону, выполняет свое главное назначение: умеет сражаться до последнего легионера. Хорошо владеет оружием, знает язык врага. Но чего-то еще не хватало в умозаключениях о центурионе, какого-то звена в цепи наблюдений и выводов, чтобы окончательно быть довольным и уверенным в сделанном выборе. Но надо было ре-

шиться: скоро придет время уступить командование следующему трибуну¹.

И тут вдруг старый воин понял, что его смущало все это время, — интуиция, которая не давала прийти к твердому решению потому, что теперь, кажется, он осознал главную слабую сторону Феликса. Бросив острый короткий взгляд на партнера, Марк задвигал челюстью.

«Юпитер побеждающий, обостри слух и зрение мое так, чтобы я сумел подтвердить свои выводы, и завтра ты получишь жертву из моих собственных средств — белого быка, барана и свинью. Ты же знаешь, как хитры меды. Помнишь, как они в последнем походе заманили нас в ущелье и засыпали камнями. Дай мне силы отомстить, вовремя разгадать их хитрости и завести в нашу ловушку. Помоги, Юпитер-Громовержец, наставь на нужный путь».

Где-то в горах раздался гром.

Порций принял это как хорошее предзнаменование и решил, что завтра, с утра, принесет в жертву трех обещанных животных.

Протирая ноги куском старого полога, Марк сказал, обращаясь к Феликсу:

— Было время, когда боги были щедры ко мне и я встретил гетеру, достойную уважения. О! Это был для меня золотой век — времена моей службы у Лукулла в Азии. Как она пела, как играла на фригийской флейте! А как умела читать Эсхила:

Погубят ихтам и потопят,
Прежде чем они, закон преступив,
Сестер двоюродных силой возьмут
На мерзостных брачных постелях!

Какой был у нее выразительный жест, а мимика? Разве сравнить с этими прямоносыми афинянками с короткими ногами. Помню, как-то, после больших учений, конь Лукулла наткнулся на сариссу. Конюхи не сумели удержать парфянского жеребца. Лукулл дорожил им, как редчайшим произведением искус-

¹ Легионы управлялись посменно одним из шести трибунов.

ства, и хотел до последнего асса¹ содрать за коня с плебеев. Я заступился за конюхов, хотел отговорить его, но Лукулл в ответ придрался ко мне и хотел отдать под суд, обвинив в сделке с купцами, поставившими жеребцов из Мараканды. Было назначено расследование, с тем чтобы меня из гвардейского легиона перевели в Ливию или Мавританию, в какой-то там Тимгад. Ты слышал, оск, о таком городе в Мавритании?

— Где-то за Карфагеном, в пустыне? Мой отец подавлял там восстание каких-то афров.

— Презренный Лукулл. Я растерялся. Никаких сделок с купцами у меня не было. Жеребцов я закупал самых лучших... Последнюю схватку Лукулл проиграл не потому, что у коней расслабились хрящи передних ног, а потому, что Лукулл не сумел удержать своих любимцев от грабежа. Надо было объединить удар легкой конницы с наступлением пехотинцев, а он в самый нужный момент причесывался и покрывал лицо румянами. Тяжеловооруженная пехота была изрублена в куски, как туша быка на базаре. За поражение надо было отвечать. Сенат ждал. Ветеринар предложил все объяснить тем, что у кавалерии, прикрывавшей пеший строй, лошади оказались больны, и сенат этому поверил. Так что в нашем деле большое значение будет иметь то, как мы оповестим о нем сенаторов. Ведь все эти события на Прасиасозере можно повернуть так, что центуриона Феликса представят к награде. Согласен?

— Все в руках Юпитера, Лучезарный!

— А мое внимание к тебе ты не оцениваешь?

— Видят боги, как я стараюсь выполнять все ваши приказы.

— И ты прав, оск, иногда любовь простого человека бывает дороже всех этих чванливых, утопающих в роскоши аристократов с Капитолия².

¹ Асс — мелкая медная монета.

² Капитолий — один из семи холмов, на которых расположен Рим. На Капитолии происходили заседания сената.

— Это так же верно, как и то, что Тибр протекает по Риму.

Оск, отпивая из ритона, внимательно следил за своим командиром.

— Что я должен буду делать у медов? — неожиданно прямо задал вопрос центурион.

— Задача простая: до прихода каравана с золотом, что пойдет с верховья Стримона, ты с отрядом войдешь в их крепость и будешь наблюдать за медами.

— А как я приеду к ним? Они же помнят, что я возглавлял набег и похищение их царицы.

— Это я беру на себя, — позаботился трибун. — Ты ведь видел снятого с креста пленника?

— Пирата?

— Это он хотел бы выдать себя за него. А как я понимаю, он — дах... Не дак, а дах, судя по его выговору. Есть такой народ за Каспийским понтом. Это потомки даков, ушедших в древности туда с берегов Истра вместе с киммерийцами. Думается, что он посланник Митридата. Мы устроим ему побег, а ты поедешь за ним, как за уголовником, укравшим жертвенную чашу из храма легиона. Будь тверд, спокоен. Война есть война, а ты солдат, выполняющий приказ. За твоею спиной Рим.

— А что дальше, Лучезарный?

— Мы выкрадываем Сотимуса, пятнистая смерть доведет это дело до конца в одной из пещер одрисов. Между варварами начнется грызня, а мы тем временем проведем караван, вернем рудник, отомстив медам. В Рим пойдет письмо, в котором я буду просить наградить центуриона Феликса, повывсив его в чине за проявленную отвагу. Получается?

— Получается, — согласился оск, краснея от натуги.

— Но простят ли мне меды последний набег и пленных, взятых у них. Они же разорвут меня на куски.

— Ты не знаешь этих больших детей: так они могли бы поступить с тобой у Прасиас-озера, откуда ты почему-то ушел живым. Да, еще и за это поражение мы должны отчитаться перед сенатом. Не могу сообразить, как составить письмо, в котором оправ-

дать поведение центуриона Феликса, сдавшего прииск этим вонючим ослам. Как?! Не подсказешь? Так-то вот, мой мальчик, твоя поездка к медам должна смыть и этот позор. И еще о том, как тебя примут в Яворине, меда очень уважают законы предков, завещавших им чтить гостей. Вот на этом мы и сыграем. Ты гость, а значит, там с тебя не упадет ни волоска. А ты тем временем будешь отвлекать их внимание, давая возможность пройти нашему каравану.

— Роль троянского коня?

— Совершенно точно. Поручение трудное, но что делать, оск из Помпей? Старайся. Если мы еще и караван проиграем, то нам быть в руках палачей Мамертинской тюрьмы. Нам вспомнят и рудник на Пращиас-озере, но это еще терпимо. Здесь мы придумаем кое-что, а вот караван — это пахнет гладиаторством.

— Продадут?

— Республике нужны деньги. Ланистам же интересно выпустить на арену такого гладиатора, как центурион Феликс. Как ты на это смотришь, есть в этом смысл?

— Все логично.

— Еще бы. Такого, как ты, воина купит каждый из них: тебя не надо учить красиво убивать, ты уже готов к боям на арене. А что касается медов, то мы можем смотреть им в глаза прямо: мы хотели выкрасть у них царицу, а они отняли у нас рудник. Все идет правильно. Золото — вот за что сенат простит нам все грехи.

— А что скажет наместник Македонии?

— Это разве мужчина, это блудница для портовых бродяг, занятая набиванием собственных карманов. Трус. Он сидит здесь потому, что у него большие связи в Риме и хорошо поит и кормит инспектирующих, которых к нему присылает сенат. Митридат рвется на Балканы, а этот несчастный сидит и молчит. Теперь ты понял, почему наш пират должен сыграть роль посланника от Митридата, а еще лучше, если он будет гонцом из самой Парфии. Этим мы докажем сенату, что против республики готовится новый заговор. Так-то вот, мой троянский конь.

Думаю, что скоро ты будешь иметь новые виноградники в Помпеях, заведешь собственную соловьиную ферму, купив лучшую школу гладиаторов в Кампании. А теперь пойдем и посмотрим, как чувствует себя этот пират.

ПАЛАЧИ

Привязанный к столбу человек с густыми светлыми волосами и светлыми глазами, запрокинув голову на правое плечо, обессиленно стонал. Сорванная одежда свисала у его пояса ключьями, открывая ввалившиеся бока. Ноги, обернутые какими-то звериными шкурками и опутанные толстыми сыромятными ремнями, были скованы цепью. Пленный наклонился влево, отчего тело съехало со ствола, неглубоко вкопанного в землю, и острый сук, пропоров снизу одежду парфянина, оставил на обнаженной ягодице широкий кровавый рубец.

Помощники палача, сидя у костра, доедали мясо, нанизанное на прутья и поджаренное на огне замирающего костра, украшенного патлами белого едкого дыма.

— Пусть меня самого прикуют к дыбе, — говорил один из них, — но это не входит в наши обязанности. Пусть казначей дополнительно платит за пытки пленных. Посмотри, я порвал себе руки, пока выдолбил яму для бревна. Клянусь, эта гора не ниже Олимпа. Порвал все сандалии.

— Подложи ему под ноги котелок с углями, и он запоет лучше Пана на флейте.

— Глобус запретил, — ответил второй. — Говорит, кожу его надо беречь.

— Наши обязанности — производить наказания только над провинившимися легионерами. Мы палачи легиона, а не Мамертинской тюрьмы.

— Заткни свое горло куском мяса. Лучше сидеть здесь, чем рыть рвы у стен лагеря в жару или под ругань декана Секунда колоть мечом мешок с соломой. Сейчас бы выпить вина.

— Нам даже не отдадут одежду этого презренного.

— В Мамертинской тюрьме ты бы получил ее обязательно. И часть имущества. Там палачи держатся за место. Без хорошей протекции не попасть.

— Э-э, будь проклят тот час, когда я согласился быть палачом!

— Ты хотел бы возглавлять когорту?

— Я учился в гимназии. Мой отец в театральном оркестре отвечал за костюмы и маски. Сам старший каптенармус звал меня возглавить отряд по заготовке дров для легиона. А все эта проклятая жадность.

— Каждому свое, — вгрызаясь в мосол, сказал второй помощник. Нам одежду, трибуну Порцию — жеребят от породистых фракийских кобыл, которых он втридорога продает маркитантам в Брундизии. Слышал, строевых жеребцов выбраковывают как списанных, а потом кастрируют, чтобы этим доказать инспектирующим из сената правоту своих действий.

— Слышал. Потом через египетских купцов сбывает в Александрию и в Сицилию.

— Да, по этому Порцию давно плачет Мамертинская тюрьма. — Помощник палача срезал остатки мяса с кости и, ковыряя в зубах ногтем, попросил: — Послушай, нет ли у тебя еще чеснока? Свой забыл в палатке. А! Будь ты проклята небом. Опять оса прицепилась. Я что тебе — виноград или спелые смоковницы? — Удачно прихлопнув осу ножом, он поднял перебитое тело за крылышко и подул. — Ну разве можно кусать тех, кто сам хозяин смерти. Летела бы к шелковице, там и ягоды поспели.

— Чтоб у того негодяя, что шил мои сандалии, шило встало поперек горла: опять порвались ремни, — возмутился второй. — Из самой Александрии в них шел, а на этих македонских камнях хоть из бронзы отливай.

— Скоро и мы все лопнем. Жадность Порция снова поведет нас к медам, а там камни полетят на наши головы.

— Послушай, а в чем провинился этот пират?

— Ограбил какое-то святилище на Самофракийском острове, где шло посвящение в жрецы.

— Сдается мне, что он такой же пират, как я сын царя медов. Пусть меня разорвут на дыбе и уши залят свинцом, если это не так. На этом Самофракийском острове, где даже женщин учат повелевать змеями, как гладиаторов зверьми в Колизее, дуют такие ветры, что лицо человека становится грубым, словно кожа старого слона. А у него тонкие крепкие пальцы и ладони без мозолей. Ты видел моряков? Руки их от весел и канатов тверды, как панцирь черепахи. Пусть Юпитер пронзит меня молнией, если только он умет отличить корму от уключины.

— Кто-то идет? Или это снова стонет пират? — перебил говорившего второй палач.

— Ветер... Ветер доносит какие-то странные звуки.

— Смотри, сам Порций с центурионом Феликсом.

— Накрой мясо!

Помощники экзекутора втиснули в кожаные мешки еду, схватили плети и стали громко и зло кричать на распятого.

— Клянусь моим уважением к храму Диоскуров в Риме, если только я сейчас не переломаю тебе все ребра, презренная парфянская свинья!

— Ослиный хрен! — добавил второй.

— Баранья шкура! Скажешь ты или нет, что завело тебя в лагерь легиона, где трибуном Лучезарный Марк Порций — сама честь и справедливость.

— Пусть африканская язва проест все мои печенки, если этот варвар не глаза и уши самого Митридата, — вторил помощнику палача сосед. — Надо залить ему рот свинцом, как это сделал Митридат с тысячами римлян в своих городах, и он расскажет о своих замыслах. А мы с ним нежны, как с тенями предков в дни Лемурий¹.

Офицеры остановились, прислушиваясь к возгласам палачей.

¹ Лемурии — праздник мертвых.

ПЛАН ПОРЦИЯ

— Эй, кто там идет? — крикнул второй помощник Глобуса, поворачиваясь лицом в сторону Порция.

— Рим и победа! — отозвался на вопрос трибун, перебрасывая плащ с руки на плечо. Ветер, налетевший неожиданно от соседней горы, на которой высилась сигнальная башня, зашелестел широкими полами накидки.

Глаза Порция властно и со знанием дела оценили работу палачей. Веки тяжело и жестко прикрыли зрачки, ошетилившиеся белыми, как у поросенка, ресницами. Тяжелая бычья челюсть что-то пережевывала во рту.

— Молчит? — спросил он у легионеров.

— Говорит, но на языке Цербера, лающего на всех, кто хочет покинуть страну Орка.

— Позовите Глобуса.

Палач замер перед трибуном, стирая крупный пот с лица.

— Как парфянин? — упрекнул Порций.

— У нас нет переводчиков, — защитился палач.

— Пират? — подтолкнул помощников Глобуса трибун.

— Теперь все варвары бегут в пираты, — отозвался один из них.

— А как лучезарный Порций узнал, что этот пес с кладбища гладиаторов называется парфянином?

— Их было двое, когда легионеры из ночного секрета окликнули этих бродяг на горной тропе. Второй говорил по-гречески, называя его парфянином. Но элина убили сразу, а этот двоим переломал ребра, пока его связали. Хотел разбить себе голову, ударившись лбом о валун. Его закатали в войлок и перетянули веревками.

— Завтра мы пригласим к нему парикмахера, лекаря и массажиста. И еще пригласите к нему банщика.

Порций резко повернулся к палачам и вытянул руку в их сторону.

— За усердие, — и подал несколько сестерциев. — Позовите портных и каптенармуса. Пусть в

самый короткий срок приведут его в хороший вид. — Посмотрел еще раз на пленника и многозначительно добавил: — Хочет быть пиратом, пусть им и останется... Пират с острова Самофракийского! Прекрасно:

Пеленая меня, милая мама.
Пеленая пеленкою кумачовой.
Повивай повоем златотканым.
Дай мне сроку три дня и три ночи,
Дай три денька — я посплю маленько...

Через три дня, Глобус, чтобы он был готов, как строевой конь. — И начал декламировать уже погречески:

Спереди вдруг два ужаснейших льва
напали на стадо
И повалили быка, ревел и мычал он ужасно...

— Это о медах и нашем легионе, — польстил Феликс.

— И о центурионе родом из Помпей.

— Которому тоже через три дня быть готовым, как строевому коню? — дополнил оск.

— Как и двуглавному питону, — доверился Порций подчиненному.

— Которому я бы, после услышанного о смерти патриция, с удовольствием отсек обе головы, — вздрогнув, с омерзением сказал Счастливый.

— Прекрасно! Мне нравится твоя откровенность и постоянство.

— Постоянство — признак ограниченности, Лучезарный, как говорит один из софистов.

— Все относительно в этом мире, мой мальчик, все. Как нет предела пределу. Теперь посмотрим тела удавленных питоном, чтобы ты знал дело во всех его подробностях. Это тебе очень поможет в крепости медов. — И трибун легко и быстро пошел к месту, где каптенармусы хранили мечи, щиты и конскую сбрую. Здесь, под холщовым пологом, лежали три трупа, привезенных из ущелья. Следы смертельных объятий змеи синели на телах мертвых римлян.

В палатке, украшенной пурпуром и дорогим оружием, Порций распорядился позвать жреца — укротителя пятнистой смерти.

Разговор повели на греческом языке.

— Привязали корзину к седлу верблюда? — уточнил трибун у вошедшего.

— Укрепили, Лучезарный, — склоняя голову, ответил жрец.

— Тогда спешите. Караван уже прошел столицу одрисов. Присоединишься к ним в указанном месте. В Яворине, у царя Сотимуса, не задерживайся. Строго помни, что в крепости Спартаков с цирковыми артистами ты должен быть ровно за день до начала празднования дионисовых таинств.

— С ним ли гимнастка, что танцует на спине дикого тура?

— Присоединилась в Византии¹!

— Какая у них программа представления? — спросил центурион.

— Меды увидят жирафа, слона с подвешенной под брюхом плетеной качалкой, в которой будет грудной младенец, двух фригиек, исполняющих танец на руках между обнаженными мечами. Гимнастка будет танцевать на спине тура, гирканка — на золотом парфянском жеребце. И наш дрессированный питон... Все так интересно, что меды продадут вас в рабство, получив много золота. — Порций улыбнулся собственной остроте. — Хороший товар, клянусь Юпитером.

— Лучезарный может не волноваться, — отозвался укротитель, — со мною та, которая никогда не изменит. Разве пятнистая смерть не доказала это в горах с патрицием. — И жрец жестко сверкнул холодным взглядом орлиных глаз.

— Пусть боги Капитолия будут тебе и твоей пестрой смерти щитом и мечом в пути, ибо вам предстоит схватка с царем Сотимусом, а это не патриций в горах. Ты помнишь, где вы должны его хранить?

— В тайных пещерах одрисов, вырубленных у подножия священного Гема.

— Благословит тебя небо! — на латинском языке

¹ Византий — город во Фракии. Впоследствии на его месте был основан Константинополь.

произнес Порций, снова переходя на греческий. — Тихо! — предупреждая приподнял руку Марк. — Мне кажется, что и сама тишина состоит на службе у Лукулла.

— Нет, Лучезарный, — осмелившись, поправил трибуна укротитель, — это богиня моли выпустила на прогулку своих бабочек. Прикажи, и пятнистая смерть будет охранять наш разговор.

— С нее достаточно и патриция, Тевтоний. — Кладя руку на плечо жреца, Порций добавил: — Мне велено передать тебе, что главный жрец латинского храма в Пальмире, где ты учился быть варваром, остался доволен твоим знанием обычаев Азии и Балкан и умением распознавать души тех, кто должен служить интересам нашей республики. Ты знаешь, Феликс, он настолько может принять образ парфянина, сирийца или фракийца, что даже мне, много раз бывшему в Парфии, не отличить в нем того римлянина, что когда-то жил в Вечном городе около Бычьего базара.

— Это мне стоило больших сил...

— Ни одна победа не обходится без жертв. Разве судьбы богов Капитолия не сотканы из подвигов, рождающихся в когтях событий, подчинить которые своему влиянию дано не каждому? Хорошо, прикажи принести корзину со змеей. Мне очень нравится твое умение.

Тевтоний, блеснув холодным огнем черных зрачков, скрылся за пологом двери.

— Пусть это будет нашим вечерним отдыхом.

Плетенку поставили на указанном жрецом месте. Тевтоний завернул рукава хитона и постучал как-то особенно по тугим кольцам пятнистой смерти. Змея приподняла голову, и по ее могучему телу проплыли легкие судороги. Изогнувшись подобно сухому стволу орешника, питон замер в воздухе, высовывая язычки-стрелочки, похожие на наконечники парфянских стрел с двойными остриями. Жрец сменил ритм ударов, и змея стала выползать из корзины. Укротитель бросил перед ней убитого дикобраза. Правая голова удава потянулась к жертве, левая воспро-

тивилась. Правая снова потянулась к дикобразу, а левая — к скифосу с водой. Но правая пересилила соперницу, и пестрое тело подтянуло несколько колец к иглам дикобраза, торчавшим в разные стороны. Питон сдвинул тушу.

Совершив какой-то танец над жертвой, правая голова питона стала заглатывать жертву.

Тихо шелестело в палатке пламя светильника, благоволия заполняли шатер. Змея устало сворачивала свои кольца, вздувшиеся посредине большим комком.

— С царем медов будет так же? — уточнил Феликс, обращаясь к укротителю.

— Нет. Пестрая смерть там должна только исполнять обязанности стража, — опередил почему-то Порций ответ подчиненного. — Питон будет только охранять Сотимуса, когда его похитят. Боги Капитолия! — вздохнул Порций. — Это точно дьявольское наваждение. Если бы кто-нибудь рассказал мне подобное, я приказал бы дать ему сто ударов мечом. Послушай, Тевтоний, что заставило тебя заниматься столь гнусным ремеслом, а не быть легионером нашей славной армии? Ведь ты же рожден свободным. Ты кого-либо убил или ограбил, не успев добежать до порога жилища Фламина Диалиса¹?

— Нет, Лучезарный. Исповедь, на которую ты меня вызываешь, не состоится, ее тайна уйдет со мной в могилу.

— Да будут тебе опорой в деле нашем Лемуры твоего рода².

— Я крепок душой, как Варрон после битвы с Ганнибалом у Канн.

— А меня ты принимаешь за сенат, показавший твердость духа в дни, когда Ганнибал послал в Карфаген целую меру золотых колец, снятых с убитых им римских всадников.

— Да, мне хотелось бы, мой господин, уходя к медам, видеть в тебе тех римлян, которые в черные дни

¹ Фламин Диалис — жрец храма Юпитера в Риме, дом которого был неприкосновенным.

² Лемуры — духи предков.

неудач полководца Варрона не осудили его, а поблагодарили за то, что он не отчаялся в спасении отечества, потеряв под Каннами более сорока тысяч лучших воинов, и был полон боевого духа.

Порций задумался, челюсть его отвисла, и он тихо, но уверенно добавил:

— Иди в свой бой смело, Тевтоний. И если меды выиграют это сражение, я прикажу, как и сенат после разгрома под Каннами, женщинам не выходить на улицы, чтобы своими слезами по убитым не смущать народ.

— Да не оставит нас Марс своим покровительством. Не соблазнят меня ни золото, ни женщины, не отуманят красивые слова льстецов и совратителей... Повтори приказание, Тевтоний, а ты, центурион, запомни сказанное.

— До дионисовых празднеств, — отозвался жрец — белки глаз его покраснели, больше подчеркивая черное пламя зрачков, — я должен появиться в укреплении презренных варваров вместе с бродячими артистами цирка, которые отвлекут стражу и селян. Тогда они не заметят, что будет вершить отряд легионеров центуриона Феликса. В разгул оргий нужно выкрасть их предводителя Сотимуса и под покровительством Юпитера-Громовержца спрятать в пещере одрисов. Если же он попытается бежать, приказать Ио удавить презренного в пещере.

— А если Ио изменит делу, то ты сам, Тевтоний, ударишь мечом в спину Сотимусу.

— Или я должен буду приказать пятнистой смерти, — отразил удар жрец твердым голосом, — удавить меня самого.

— Но учти, Тевтоний, — тихо добавил Порций. — А поскольку Рим потеряет столько, сколько бы десятки тысяч таких, как ты, не отработали бы и за всю свою жизнь, если тебя не накажет питон, я сначала прикажу Глобусу повесить тебя головой вниз между бешеными волкодавами, а после живым зажарить в железном сундуке. Иди! — как плетью ударил жреца трибун приказанием, опускаясь на ложе, покрытое пышным парфянским ковром.

А когда полог, прошуршав, опустился за укротителем пестрой смерти, Порций потянулся к арфе. Музыка, нежная и ласковая, как море в хорошую погоду, заструилась по полотняному шатру.

— Да, Лучезарный. У меня нет пятнистой смерти, меня сразу посадят в железный сундук.

— Ты — офицер. Наказание тебе утверждается только судом. Налей вина. Возьми флейту. Споем, как я любил это делать дома. Да осенит нас Аполлон вдохновением. Значит, в конце календ начнется облава на парфянина, обвиняемого в краже святой ритуальной утвари легиона. Я уже придумал, как устроить ему побег. До дионисовых таинств он попадет в крепость медов, с тем чтобы ты смог появиться у них с легионерами в поисках преступника.

Порций потер ладонью фиал, в золоте которого, как в зеркале, отражалось его лицо. Но смотреть на себя не хотелось — мешки под глазами, глубокие морщины, бороздившие лицо и шею от ушей к подбородку, разрезали щеки, седина на которых торчала, словно жнивье на скошенном ячменном поле. А лоб? Порций отшвырнул кубок. Хоть парикмахер каждое утро искусно и прикрывал его старательно выкрашенными в каштановый цвет волосами, но три глубокие морщины змеились по его покатым склонам, как глубокие ущелья в Родопах. Не скрыть надвигавшуюся старость никакими румянами и белилами, старательно втираемыми после ванн. За день они местами блекли, и лицо в тех местах желтело пятнами, похожими на те, что выступают в момент сильных приступов лихорадки.

— В полночь великих оргий женщины медов начнут танцевать на раскаленных углях...

— Как, ногами на углях? — удивился центурион.

— Голыми... Но это не так страшно. В ночь, когда змей совершит оплодотворение богини Кибелы, может случиться так, что особо ожесточенные вакханки увлекут легионеров за собою, подражая матери богов в продлении жизни. Это опасный момент. Сосредоточься, как никогда. И воспользуйся деканом Секундом. Он умеет держать легионеров в узде.

Именно в момент танца на углях, когда все внимание медов будет направлено на представление, ты и должен похитить Сотимуса. Поднимется шум, но на вас не подумают, так как ты будешь присутствовать на месте событий. Предложишь свою помощь в поисках пропавшего, стараясь поиски направлять по ложному следу, но ни слова ты не должен говорить о похищении царя одрисами. К этому выводу они должны прийти сами. Позвольте себе предельно расслабиться. Сделайте вид, что увлеклись медийками.

— Лучезарный, когда боги Капитолия помогут нам выполнить первую часть замысла — выкрасть этого царька, — что делать дальше?

— Как только убедимся, что меды нашли Сотимуса мертвым в пещере и поверили, будто их предводитель похищен одрисами, мы начнем помогать им развивать и утверждать их предположения. А дальше — воинственный Спартак не успокоится, пока не отомстит одрисам за отца. А это начало войны между медами и одрисами. Последние пригласят нас помочь усмирить родственников-разбойников. Мы демонстративно отказываемся, а тайно поддерживаем наших союзников, наблюдая, как слабеют те и другие, уничтожая друг друга. Придет время, и мы перенесем границу римских провинций на Балканах ближе к Истру. Центурион Феликс возглавляет когарту, получив повышение, а на добычу и вознаграждение, полученное от сената, покупает виноградники около Помпей. А на новых землях, отнятых у медов, разводит табуны высокопородистых фракийских коней, поставляя их в Александрию и Сирию. Пшеницу с полей нового имения купят и в Капуе, и в Помпеях греки-перекупщики. Мало?

— Я выполню твое задание, Лучезарный.

— Выполни, сын мой... Но помни пока главное: смуту вокруг похищения Сотимуса мы должны устроить так, чтобы обязательно этим временем провести караван с золотом.

И уже у порога палатки центурион спросил:

— Почему мы делаем ставку на Сотимуса?

— Он очень воинствен. Видел его в деле у Прасиас-озера? А исчезни отец — сын не даст покоя князьям: будет требовать мести, пока не добьется своего. А это — война с одрисами. С собой возьми Глобуса, он может пригодиться: его голова, как арбуз семечками, заполнена мыслями. Он хорошо знает обычаи варваров.

Центурион, приподняв правую руку и склонив голову, простился, перешагнув полог шатра как новую ступень в своей биографии.

«Старая свинья, — думал Феликс, — хочешь моими руками завоевать себе славу. Получится задуманное — героем будешь ты. Перехитрят варвары — палач Глобус будет при мне. Удар мечом — и все можно свалить на центуриона из Помпей, любящего полежать в тени деревьев. Но выигрыш стоит риска».

Центурион радостнее зашагал, довольный своим поведением у трибуна.

Порций же тем временем, опустившись на ложе, хватал ворс ковра короткими пальцами, но шелковистые шерстинки ускользали из рук.

«Да, — думалось ему, — в Парфии умеют завязывать узлы. И, как видно, не только на основе ковров, но и в делах большой политики. Почему парфянин был послан Митридатом к Сотимусу? Почему в руках этого «пирата» появились резцы для слоновой кости? Раньше бы ты сумел разгадать все эти загадки. А теперь постарел. И сильно постарел. Об этом хотя бы говорит и то, что недавно ты чуть не заплакал у Родопы от бессилия, глядя на ее царственное тело.

А этот щенок, — подумалось Порцию о Феликсе, — не знает, куда силы девать. Соловьиная ферма ему нужна. Сенату власть, а этим чистоплюям из аристократических семей — бессмертие и повинование всего мира. А я ради этих желаний отдал все, чтобы теперь гетера из варварок натирала меня мазью, сваренной колдуньями в горах. Евнух ты, Порций! Евнух! Зачем тебе слава? Зачем Медика? Ты же словно мерин, которому только что жилами сшили мошонку. Теперь на тебе, погани, будут возить навоз в поля.

Порций встал с ковра, выхватил меч из ножен и попробовал его острое пальцем. Остро, очень остро было лезвие.

Трибун вложил меч в ножны и, опустившись на колени, взмолился:

— О Юпитер-Громовержец, сопутствуй мне во всех моих замыслах, пошли мне удачу в выполнении дела против медов. Пожертвуй победу. Я построю в честь твою на берегах Стримона храм. А его... — И Порций с такой ненавистью посмотрел на полог, за которым скрылся центурион. — Если он и вернется живым от медов, клянусь, сгною в подземелье Мамертинской тюрьмы...

У подножия холма, на котором был разбит шатер трибуна, перекликнулись часовые. Дежурный офицер давал сменным караулам новые пароли, поругивая за плохое хранение оружия. Где-то ржали жеребцы. Звенела щитами и панцирями, возвращаясь с учения, когорта копьеносцев.

Порций вышел из палатки. Одиночество давило сердце, как камень. Хотелось духовного равновесия, тихой, душевной беседы и простого человеческого внимания. Он, по одному движению пальца которого в бою могли умереть тысячи легионеров, сейчас был беспомощен, как ребенок. Ему, победителю десятка боев и сражений, хотелось, чтобы кто-нибудь погладил его по седой голове и посочувствовал горю.

Порций приказал заседлать двух коней и позвать Глобуса. Леандр замер перед полководцем, тяжело дыша, после того как бегом взбирался на холм.

— Лучезарный, я слушаюсь и повинуюсь, — отчеканил палач.

— Как парфянин?

— Как видно, Гермес выковал его из бронзы. Когда лекарь хотел обмыть его и сорвал один из струпьев, он лежал так тихо, словно не человек, а камень, что заложен в основу базилики Эмилия. Но когда лекарь попробовал сделать то же второй раз, то парфянин с такой силой ударил его в сердце, что пришлось потратить весь уксус, приготовленный для протирания ран, чтобы отвести смерть от этого лека-

ря... Мои коновалы хотели посмотреть, какого цвета у парфянина внутренности, но я пригрозил им распятием.

— Он может понимать сказанное?

— Видит и слышит, как часовой на башне центральных ворот.

— Приведи его ко мне.

— Пока могу лишь принести, Лучезарный!

— Возьмите ковер, заверните и принесите, да так, чтобы ни один маг не мог увидеть презренного.

— Хватит и холстины от старой палатки. Пусть будет рад, что сам Глобус, подобно Буцефалу, возившему Александра Македонского, принесет его на собственной спине. Клянусь Геркулесом, я бы с удовольствием вновь распял его на перекладине.

— Ты знаешь, что едешь с Феликсом в крепость к медам? — перебил Порций палача.

— Солнце непобедимое, как говорят в Британии. Разве можно войти в подземелье амфитеатра, в котором сидит прижженный раскаленным железом лев! Разорвет на части!

— Неси парфянина.

На стены укрепления римского лагеря взошли первые ночные караулы: один из них ходил по насыпи, другой вдоль основания стен лагеря. Двойная охрана надежно укрывала легионеров от неожиданного нападения горцев, славившихся своими воинскими хитростями.

Устало стерев пот с лица, Глобус развернул холстину, ставя на ноги бледного, измученного парфянина.

— Иди, — приказал Порций экзекутору.

Глобус исчез.

— Ты — парфянин, — утвердил трибун, обращаясь к пленному по-гречески.

Принесенный молча пошатывался.

— Пират с Самофракийского острова? — как шилом уколол трибун. — А вот это? — И Порций показал инструменты для резьбы по кости. — Я узнал тебя, Дах!

Парфянин вздрогнул, делая шаг вперед. Но силы у него не было.

— Здесь никто тебя не знает, но я вспомнил, где я тебя видел. Много лет назад, когда Сулла вел переговоры с твоими царями, я командовал его личной охраной. Ну, не освежили боги твою память? — Видя, как по лицу пленного пробежала судорога, Порций уточнил: — Из царских хранилищ нам были пожалованы нисайские ритоны, один из которых подал мне ты. Он хранится у меня в шатре. Смотри. Тебя подержать?

Парфянин сдвинулся с места.

— Вот он. — Порций короткими, но ловкими прыжками очутился около ложа, на котором светился ритон, и протянул его парфянину, тяжело припавшему плечом к стойке шатра.

Но когда пленный увидел ритон, глаза его вспыхнули — злость, презрение, любовь и нежность заискрились в них, видя родную его сердцу вещь. И он заговорил:

— Я вспомнил твое лицо, римлянин. Вспомнил, как вы лизали словно шакалы пятки парфянскому царю.

— Ты путаешь, — обрадовавшись победе, почти ласково отозвался Порций. — Это Сулла поставил два одинаковых кресла, чтобы доказать представителям великого рода Арсакидов, что Рим в Азии так же могуч, как и Парфия.

— Сидели на одних креслах, но говорили по-разному. Теперь я вспомнил, как привез караван с вином, а вместе с ним и ритоны, один из которых, по указанию хранителя царской казны, передал тебе. Я — парфянин.

— Из племени дахов?

— Да будет так, клянусь конем и солнцем! И имя мое тоже Дах.

— Тропа наших терзаний завела тебя в логово тех, чьи кости ты предпочел бы видеть засыпанными в пустыне песком?

— Наследники великих Арсакидов подарили меня повелителю Фригии. Тот отдал меня одной из наложниц, которая хотела, чтобы я приносил ей деньги, получаемые от богатых купеческих вдов, ждав-

ших моей любви. Хвала небу, достойные люди направили караван моей судьбы к нужным берегам и я стал свободным пиратом Самофракийского острова.

— А не воином Митридата Евпатора?

— Пиратом Самофракийского острова, — утвердил Дах.

— Да будет так, — упрекнул Порций. — Мастер, владеющий тончайшим релиском, не может говорить неправду, — и Порций нежно погладил ритон. — Я верю тебе, сын великой пустыни, где массагеты отрубили голову самому Киру, а твои предки восстали против Александра Великого.

— Не за это ли распинали вы меня?

— Ты же пират, а по законам республики тебя надо было не распять, а вздернуть на рее корабля. Но воспоминания о нашей встрече делают мое сердце милостивым. Я решил подарить тебе жизнь во имя того внимания, которое оказали нам по приказанию твоего парфянского царя.

— Я не парфянин, римлянин, я дах. А дахи свободны, как орлы, храбры, как барсы, сильны, как славные герои древних песен, те, что восстали против фаланг Александра.

— Да будет так, — прикрывая глаза, словно питон, перед тем как проглотить дикобраза, медленно и хищно продолжил Порций. — Я хочу тебе сохранить жизнь и за этот ритон, принесший мне столько удовольствий.

— Я не верю тебе, римлянин.

— Поверишь, дослушай до конца. Всякого пирата я должен повесить. Тебе я предлагаю условия. Если ты их выполнишь хорошо, я буду просить судебную коллегию сената продать тебя в гладнаторы. Ты сильный, смелый. Таких в амфитеатрах Рима очень любят и хорошо одаривают золотом. Накопишь денег, купишь свободу, вступишь во вспомогательные войска¹, дослужишься до ветерана, получишь пенсию, дом, землю, сына назовешь моим

¹ Вспомогательные войска — войска, набираемые из жителей Римских провинций, не римлян, придаваемые отдельным легионам.

именем. Дети твои будут свободными гражданами Рима, имеющими право стать легионерами армии республики. Тебе, Дах, терять нечего. Клянусь всеми богами Капитолия, я говорю правду. Почему я заговорил о гладиаторах. Я отлично помню твой бой с быком, который ты показывал в дни, когда посольство Суллы совершало свое великое дело. Ты помнишь?

Губы Даха побледнели еще больше, кулаки сжались, зубы закрипели.

— Ты хочешь спросить, где та девушка, что танцевала на спине тура? — таинственно улыбнувшись, спросил Порций. — Я скажу тебе, где она. Но сначала ответь: ты бежал к самофракийским пиратам, чтобы найти эту гимнастку?

Парфянин впервые застонал, тяжело и сильно, словно раненый бык.

— Хорошо, ты встретишь ее. Ты встретишь ее там, куда я хочу послать тебя. Этими днями она присоединилась к бродячим цирковым артистам в Византии и скоро будет здесь.

— Приказывай, римлянин. Ради этой встречи я сделаю все, — покорно согласился пленный, опуская голову на грудь.

— Слушай и запоминай, сын страны солнца, все, что я тебе скажу, — произнес трибун резко и хлестко.

ЗМЕИНАЯ ПОДУШКА

Утром следующего дня, после того как Даха перестали пытаться, к палатке хозяина пестрой смерти подошел Глобус. Жрец говорил что-то вполголоса. Палач прислушался, до него донеслось:

— Прана — сила космоса, ты можешь помочь нам оживить любую часть тела и сделать ее сознательной и по желанию души нашей заставить замедлить или ускорить проход еды в желудке и работу сердца.

Глобус отодвинул полог и отыскал Климакса взглядом. Обнаженный, тот сидел на одной ноге, заложив другую за шею, соединив ладони рук около

рта. Глаза укротителя потускнели, напоминая глаза слепого. Хозяин пестрой смерти разговаривал сам с собой.

— Никакой яд не проникнет в тело, человек сможет управлять самим собой и подчинять себе других. Прана¹, о всемогущая прана, помоги мне, приняв яд через укусы змей, так провести его через все мои члены, чтобы не почувствовать боли.

Палач улыбнулся: только этих слов было достаточно, чтобы потребовать предания суду заклинателя как занимающегося черной магией в лагере. Разве может жрец, служитель Юпитера, так общаться с черными силами? Это могут делать только боги или герои. А всех остальных ждет распятие. И пусть Меркурий, покровитель Леандра, заново перекует ему голову, но подобное наказывается очень сильно. И не зря, видно, палач Глобус сразу почувствовал что-то неладное в появлении этого укротителя. Расстоптали бы кентавры всех его змей, от одного только вида которых по коже идет дрожь.

Леандр перестал дышать, замерев у входа в палатку, видя и слыша, как укротитель стал медленно прищелкивать и присвистывать.

Дальше Климакс зашептал слова на непонятном языке. А сменив положение рук и ног, перешел снова на греческий.

— Те, кто хочет укрепить силы ума и сердца, — продолжил он, — должны увидеть собственное я. Прана, о вечная прана, дай мне силы увидеть собственное я, которое помогло бы мне совершить задуманное, находясь в разъединении с собственным телом.

Глобус насторожился, положив кисть на рукоятку меча: говоря о разъединении тела и души, жрец прямо вызывал черные силы в расположение лагеря. А присутствовать при подобном не хотелось.

— О Меркурий, сохрани, защити! — И палач,

¹ П р а н а — в древнеиндийской философии дыхание, жизненная сила.

думая, как бы приостановить желание жреца воссединиться с черными силами, перешагнув порог.

Но Климакс не откликнулся на приветствие Леандра, хотя глаза его смотрели на палача. Словно одеревенев, укротитель продолжал шептать слова заклинаний, теперь уже совсем непонятные Глобусу. Леандр тихо окликнул хозяина палатки, потом дотронулся до него, но тот не отозвался.

— Если ты хочешь получить желаемое, — вдруг снова продолжил Климакс, — протяни правую руку со сжатым кулаком и вытянутым пальцем, которым указываешь заблудившимся дорогу, в сторону исполнения твоего желания и по этому пальцу направляй прану. И ты можешь раскалить руку, думая о жизненной силе.

— Марс всемогущий, — снова прошептал Леандр, — победитель и покровитель воров и преступников, ниспошли моей душе храбрость и силу.

Осмотревшись, он снова приложил ухо к полотну, за которым укротитель продолжал творить свои таинства.

— Прана, о великая прана, я вижу то место, где варвар Сотимус должен будет умереть. Вижу! Вижу его, призывающего на помощь своих воинов. Все!

Укротитель стих. Он медленно опустился на коврик и замер бездыханно.

Глобус продолжал следить за жрецом.

— Клянусь всеми мною распятыми, но душа, видно, покинула его, — прошептал Леандр.

Что-то холодное и липкое заскользило между лопаток палача. Казалось, сердце облили ледяной водой.

— Вижу, вижу, — снова заговорил укротитель. — Вижу черные клубы пыли, поднимающиеся к солнцу. В черной долине смерти рушатся и падают башни крепостей фракийцев и медов. Небо хлещут молнии и льются холодные ливни брошенных римлянами копий и дротиков. Сквозь хмурое небо искрятся изорванные стены укреплений. Но укрепления стоят пустыми, ибо все воины медленно сползают в темную бездну неизвестности. Птицы, огромные птицы бьют

большими крыльями по солнцу. Все горы завалены убитыми. А вот и пепел сожженных жилищ селян. Туман, охвативший вершины, стал плащом Порция. Слава тебе, великий полководец, стратег и тактик! Да будешь ты триумфатором на форуме Рима! Я найду то, что терзает твою душу, и питон совершит задуманное.

Укротитель стал воскресать: кровь прилила к голове, рукам. Оживились ноги. Он задышал ровнее и глубже. А через некоторое время заснул.

Глобус не стал будить жреца. Вернувшись в свою палатку, он долго молился, призывая богов в свидетели, что ничего недозволенного им не было сделано. А присутствие при вызове черных сил — это лишь обязанность, которую ему положено было выполнить. На душе палача посветлело. Но все же он, боясь увиденного, дал обет принести жертву Марсу.

Отпросившись у дежурного центуриона, Леандр днем сходил в город, в термы, чтобы смыть с себя все осевшее на душу. И пока массажист разминал его, топча ногами, палач думал о том, как выгоднее использовать то, что он сегодня увидел и услышал. Конечно, можно было бы донести и Порцию. Но Порций — римлянин, между которыми сейчас модно общение с оракулами и предсказателями судеб. Так что здесь ему, Глобусу, плохо заплатят.

— Клянусь Меркурием, — тихо сказал Леандр, — к чему же я видел во сне распятого орла? Царь-птица с испуга облила меня испражнениями. А это, как сказал оракул, к деньгам. Правда, помнится, я поторопился стереть жижу с лица, что может означать переход золота в другие руки. Торопись, Леандр! — постанывая под ногами баншика, уговаривал себя палач. — А может быть, обо всем увиденном рассказать самому Климаксу? Припугнуть распятием, и он заплатит должное. — Мысль Леандру понравилась, и он застонал громче.

А массажист мял легионера, как тесто, стараясь пальцами ног почувствовать каждую неровность спины и ребер, растирая каждый узелок сухожилий.

Облив худое тело палача из большого бронзового

черпака каким-то настоем трав, перс снова вспрыгнул на тощую спину клиента и пятками долго давил сильно загоревшую шею палача.

Леандр словно помолодел. Банщик намылил его еще раз и устало столкнул в бассейн.

Теперь нужно хорошенько запугать этого колдуна, думал палач, блаженствуя в теплых струях. Пусть эта презренная собака знает, как хитрить с ним — Глобусом. Он думает, что на своей змее больше получит, чем он, Леандр, на одежде распятых. Разве не он, Глобус, разгадал его черную душу? Но пусть все его жертвы оживут, если только сегодня кошелек с золотыми, переданный жрецу на содержание пятнистой смерти и на поездку к медам, не будет у него за поясом.

Леандр поплескался в воде и вышел по ступенькам к мраморной скамье, где массажист ждал его с простыней. Протерев легионеру пемзой наросты на пятках и локтях, банщик тихо сказал:

— Достойнейший Глобус, тебе просили передать, чтобы ты поторопился — к тебе привели двух волкодавов и привезли сундук, окованный медью.

Леандр улыбнулся:

— А где взяли сундук?

— Раздобыли у какого-то македонского воеводы.

— Это очень хорошая примета, — поблагодарил палач, протягивая деньги.

— Красавица Диана ждет объятий славного легионера, — заспешил банщик, рассчитывая получить и за сводничество.

— Передай красавице Диане, что пусть волоокие глаза не грустят, а ждут моего прихода. Вот еще тебе серебро, сходи к пекарям и кондитеру, пусть пошлют ей от меня всего самого лучшего. А в ломбарде посмотри ей монисто, чтобы цветом походило на ее глаза.

Одевшись, Леандр быстро зашагал к лагерю.

А зря.

После первых ночных караулов в палатку палача неожиданно заглянул укротитель. Он осмотрел бедное его имущество, присел на старый хитон, достав-

шийся Леандру два года назад от фракийца, посягнувшего на жизнь Порция, положил у своих ног мешок, в котором лежали вареное мясо, большой круглый македонский хлеб, пучки зелени и сладости. Рядом поставил кувшин с вином.

— Славный Леандр Глобус, если боги Капитолия не омрачили твою душу за прошедший день трудами, то не поделишь ли со мной эту скромную вечернюю трапезу. — Палач понял, что предстоит трудный разговор.

«Марс, всемогущий и снисходительный, — помолился он про себя, — помоги и укрепи во мне мысль о том, что половина денег, полученных жрецом, принадлежит мне».

— Ночи становятся все холоднее и холоднее, — пожаловался пришелец, — и я стал плохо спать. Приходится ложиться рано, чтобы просыпаться к восходу солнца.

— Но клянусь Меркурием, достопочтенный, я не провизор и у меня нет склянок с настоями от бессонницы. Но если ты хочешь, то могу тебя усыпить так, что больше никто не разбудит.

Укротитель молчал, проникательно глядя в глаза Леандра.

— Мало стало людей, которым можно было бы довериться, а как хочется отдохнуть среди добрых сердец. Вот я и забрел к тебе, — медленно развязывая мешок, продолжил Климакс.

Палач почувствовал то напряжение, которое таилось в душе ночного гостя.

Всякий раз, как только за стеною палатки завывали волкодавы, нож в руках Златоуста замирал, плечи вздрагивали и Климакс задумывался.

— Легионеры говорят, что в чреве быка, принесенного вчера в жертву Юпитеру, обнаружен телец, — предупредил о чем-то укротитель. Глаза его прищурились, и он снова внимательно посмотрел на Леандра, отчего холодная изморозь потекла по жилам Глобуса. Стараясь не уронить достоинства, палач сказал, давая понять, что готов принять любой вызов:

— К чему бы такое знамение?

Глобус медленно расставлял посуду, руки его вздрагивали.

— Что касается теленка в животе быка, то оракулы предсказывают разное, — туманно ответил Леандр укротителю.

— Вот истина, достойная того, чтобы каменотесы увековечили ее на мраморных плитах. Но ведь бык, как и тот кожаный мешок, в котором никто не видит, что подано рукою судьбы, — поняв палача, хотел ускользнуть укротитель от разговора. Но Леандр стал увереннее.

— На то боги и дали глаза людям, чтобы оценить увиденное, а особенно то, что видано на деле в крепости медов. Клянусь душой чистосердечных младенцев, что я не видел более храбрых и воинственных людей, чем эти горцы!

— Пусть сам Цербер справится с этими варварами, — надкусывая хлеб и мясо, отозвался ночной гость.

— Ты прав, Климакс. Лучезарный поступает верно, опережая события и посылая тебя в крепость. Кругом уже в варварских городах кричат безумцы, призывая к войне против Рима.

— Клянусь всеми звездами на небе, — торопливо перебил азиат палача, — нужно плетью гнать этих возмутителей спокойствия, предсказывающих обнищание тем, кому оно не грозит.

— Политика, досточтимый Климакс Златоуст. Она, как жажда у тех, кто упивается вином. Иным лекарь запрещает, а они насильно возбуждают у себя жажду. А хитростей для этого много — одни принимают потогонное средство, другие пользуются солью, третьи — острыми кушаньями. В политике — одним обещают славу, а другим дают золото. Есть и такие, кто связывает душу с черной магией, чтобы получить то, что наполовину принадлежит другим.

— Если уважаемый Леандр Глобус относит это в адрес укротителя Климакса, то мои заслуги все честны, как победы Геракла, — дополнил жрец.

— Не те ли победы, которые сам лучезарный

Порций хотел бы подкрепить железным сундуком и волкодавами.

— Хорошо, — согласился хозяин пятнистой смерти. — Мне сказал декан Секунд, что добросердечный палач Глобус был около палатки Климакса Златоуста и долго не решался войти в нее.

— Гермес, мой заступник, руководил мною в это время.

— Не искал ли ты там преемника?

Глобус понял, что выиграл. Жрец, узнав о том, что привели псов и принесли для него железный сундук, пришел предрасположить его к мягкосердечию: при случае, если поручение Порция им не будет выполнено, ему может понадобиться доброе отношение палача.

«Еще немного, — подумалось Леандру, — и мешочек с золотыми отяжелит мой пояс». Но он поторопился.

— Нет. Декан Секунд неточен. Проходя мимо, я услышал слова, которых не должны были слышать чужие уши, а особенно те, которые прислали к моей палатке волкодавов.

— Но ведь палач Глобус так же, как и я, сотворяет заклинания, содрогающие судей, охраняющих законы республики, — вдруг зло заговорил жрец.

— Климакс, не торопись. Раскаленное железо может ожидать тебя за клевету на ветерана Пятого легиона, героя многих сражений во Фракии и Македонии.

— Только после того, когда мой питон задушит в пещере Сотимуса.

— Ты можешь ошибиться, как троянцы, ввезшие деревянного коня в город.

— Вот я и пришел предупредить тебя, что под пыткой могу не выдержать и обратить внимание Лучезарного на то, как Леандр распинал самофракийского пирата.

Палач замер, кусок мяса, что он жевал, застрял в горле. Глобус долго кашлял, протирая слезы на глазах.

— Что ты сказал? — попытался схитрить Леандр.

— Почему ты, распиная парфянина, — почти ше-

потом проговорил ночной гость, — не забивал ему гвозди в ладони, а прикручивал их лишь веревками, как и ноги?

— Порций приказал не портить кожу.

— Ешь, ешь мясо, Глобус. Я сразу понял, что парфянин в твоих руках не умрет.

Бледность поползла по лицу палача. Отбросив мясо в сторону, он замер, глядя куда-то мимо укротителя.

— Теперь ты все знаешь, — сказал жрец.

— Да, Климакс. Но помни, варвар, что и твоя хитрость стоит не больше медной унции. Призывая души медов на свидание, ты говорил на парфянском языке. Кто ты и откуда, чужестранец, выдающий себя за жреца из храма Пальмиры?

— О достопочтенный, я вижу, что боги Капитолия не обошли тебя умом и сообразительностью. Да испарится все тобою услышанное, как роса поутру под лучами солнца, если хочешь получать, как и получал, одежду распятых. Ибо, да защитит тебя Юнона, мать земли, могут и твою одежду подарить одному из твоих помощников.

Под руку экзекутора попались клещи, которыми он ломал пальцы жертвам. В руках укротителя сверкнул кинжал.

Глобус опустил тяжелое железо и, смирясь, сказал:

— Частые войны осиротили многие семьи свободных граждан. Должен же кто-то позаботиться о юных жителях республики, если сенат оставляет их на произвол судьбы.

— Заботиться! Не этим ли руководствуется твоя сестра, продавая детей в рабство?

И тут палача словно ужалил скорпион, он вскочил, заметавшись по палатке.

— Хорошо, Климакс, ты выследил меня. Но ты, похитив в горы лучшего из медов, сделаешь худшее: тысячи людей ты обратишь в рабов. Да источат могильные черви твои внутренности как можно быстрее.

— Десятки тысяч рабов — медов собьют цену на детей в Риме, — как камнем бросил в сторону палача Климакс.

Жадно допив из кувшина вино, Глобус клешами разбил сосуд.

— Хорошо, колдун, знающий тайну моей души. Сказать тебе, почему я стал палачом?

— Знаю. Потому, что ты мед!

Клещи выпали из рук палача.

— Знаю, что детей твоя сестра покупает только из знатных семей.

— Все выследил?

— Да. И даже то, что одежду распятых ты отсылаешь в Рим, к сестре, которая из нее шьет туники купленным и украденным детям.

— Почему же ты не выдашь меня Порцию?

— Всему свой черед. Можешь ли ты за сохранение твоей тайны раскрыть тайну парфянина?

— Кому?

— Тем, кто знает, что ты мед, а не римлянин, за которого ты выдаешь себя.

Глобус молчал, вдавив голову в плечи.

— Пусть будет так, — нарушил тишину палатки жрец. — Значит, ты умеешь молчать. Судя же по твоему лицу, тайна парфянина стоит жизни, которую я посвятил служению родине.

Пришедший поискал что-то за поясом, достал мешочек с золотом и кинул его палачу.

— Половина этих денег, данных мне на убийство Сотимуса, принадлежит тебе — ведь ты соучастник убийства. Возьми и честно раздели их между нами.

Вино сделало свое дело. Захмелевший Глобус, устало покачиваясь, поднял кошелек и бросил его в лицо жреца.

— Возьми свое золото, змеиная подушка. Я честный палач. Хлеб мой горек, но я не убийца. И мне не нужно золото, запятнанное кровью. Лучше я стану последним нищим, чем возьму хоть унцию из твоих презренных рук. Но запомни, если ты не выполнишь указаний Порция, я отнесусь к своим обязанностям так честно, как, может быть, еще ни один палач за все время существования республики не относился к ним.

Укротитель поправил светильник, пламя которо-

го стало угасать, и долго, внимательно и испытывающе всматривался в пьяное лицо Глобуса, а поднявшись на ноги, тихо, как бы самому себе, сказал:

— Хорошо, клянусь всеми башнями Пантикапея. Значит, я не зря заговорил на парфянском языке, увидев тебя около палатки. Ты не выдал тайну Даха. Мы тебе поможем, мед Глобус, хотя кто знает, как тебя назвала мать в твоём родном Орбелусе.

Леандр, упав лицом на хитон, устало храпел, уткнувшись лицом в крошки хлеба.

Хозяин пятнистой смерти тихо вышел из палатки и направился в темноту, туда, где факелы освещали вход в шатер трибуна Порция.

С соседних гор долетел ветерок. Синяя бархатная ночь низко опустилась на их вершины. Где-то блеснула молния.

Жрец посмотрел на освещенную сторону, где высилось величественное наслоение гор, и вспомнил свою далекую родину Сугдею — город, расположенный в Боспорском царстве, около горы, названной римлянами Сенатором. Город, стены которого, сбегая к бухте башнями, виделись издали веселыми пастушками, которые, взявшись за руки, как бы хотели войти в пенистые волны понта Эвксинского. А на самой макушке горы, как Акрополь в Афинах, Капитолий в Риме, высилась над портовыми рядами и тавернами, мастерскими и сторожевыми постами Девичья башня.

Укротитель вздохнул и нырнул в ночную темь.

ТРИ ДНЯ СВОБОДНОЙ ЛЮБВИ

Отец солдата Пятого македонского легиона Элия Овдия, служившего под началом декана Секунда, был простой крестьянин, в армии числился прашником. Но много лет назад в одном из боев на Балканах он получил хорошую добычу, на которую купил фракийских рабов, привез их в Капую и удачно продал в гладиаторскую школу. На вырученные деньги прашник перекупил перепелиную ферму и стал выгодно

поставлять в дни летних каникул птицу и перепелиные яйца в таверны Помпей и по имениям, расположенным вдоль берега Тирренского моря.

Магистр Капуи Ульпий Леонтий, бывший трибун македонского легиона, любил вспоминать свои боевые подвиги в Родопах, за которые получил гривну и браслеты, а смекалистый прашник умело подхвалявал его, принося в дар то бычьи мехи с вином, то перепелиные яйца, которые так рекомендовали местные лекари Ульпию Леонтию.

И вскоре отца Овдия избрали старостой в его деревне, носившей название Веробриттиана. И не пожалели, так как в неурожайный год новый староста сумел получить с помощью магистра подряд на строительство дополнительной клоаки в Капуе, куда направилась почти половина мужского населения Веробриттианы. За подписание этого договора магистр получил немалый куш. Перепало и старосте: крестьяне получали за работу разными деньгами, а стоимость их знали только менялы на форуме, дело с которыми имел сам староста. Вот и прибавился к его землям и виноградник.

Затем семья прашника пересехала в новый дом. А как-то из школы гладиаторов, куда староста продал фракийцев, к нему прислали грека — художника, чтобы расписать в доме стену, прославляя тем самым одну из побед Ульпия Леонтия. Магистр этим остался очень доволен.

Отцы Капуи — самые знатные люди города, приглашенные по случаю окончания росписи стены, остались приемом очень довольны. Хлебосольный староста, провожая гостей, подарил каждому по амфоре хорошего вина, по окороку и клетке перепелок.

Магистр остался еще на один день, сославшись на проверку правильности сбора налогов.

Налоги в Веробриттиане собирались хорошо и в точно указанные сроки. А так как крестьяне, любившие своего покровителя, несли кто что мог, и доставить в дом магистра подарки было тяжело, то в тени кипарисов Леонтия ждала колесница, запряженная двумя породистыми жеребцами — подарок старо-

сты. Магистр въезжал в Капую, как триумфатор в Рим. Всю дорогу его сопровождали молодые крестьяне на конях. Стража у ворот вытянулась, другая их часть стала разгонять горожан, очишая дорогу. Хозяин самой лучшей гладиаторской школы выстроил большой отряд смертников, приветствуя Леонтия как трибуна легиона: он знал, что скоро начинаются большие гладиаторские игры и от Ульпия многое зависит в вопросах выгодной продажи смертников.

— Живи вечно, наш мудрый магистр! — приподняв руку, приветствовал рабовладелец Леонтия.

— Будь ярок, как солнце, отец Капуи! — откликнулся начальник стражи.

Закинув край тоги на плечо, Ульпий наслаждался почестями.

Но на душе у магистра было не очень-то весело. И отцов города он привез в деревню не просто так. Ему надо было убедить их в том, что в предместьях Капуи жизнь идет спокойно. Хотя все было далеко не так. В Веробриттиане произошло такое, что заставило подумать о многом.

По законам, женщина, не желавшая устанавливать над собой власти мужа, три дня в году была свободной, то есть имела право три дня и три ночи не приходить домой, а быть там, где ей хочется.

Один из жителей Веробриттианы, возмущившись тем, что его жена, проведя три дня и три ночи у опциона¹ стоявшего лагерем по соседству легиона, задержалась и на четвертую, пришел требовать у офицера вернуть ему ее. Legionеры, возмущившись таким поведением простого крестьянина, убили его, обвинив в ночном воровстве.

Два раба, брат и сестра, видевшие все это, заявили, что убийство произошло днем, а не ночью, как утверждали солдаты, а это значило, что было совершенно уголовное преступление, так как убивать закон разрешал только ночных воров.

Легионеры хотели зарубить и этих рабов как лже-свидетелей, так как закон разрешал делать и это. Но

¹ Опцион — младший офицер, помощник центурнона.

тут верховный жрец легиона вспомнил, что убивать-то закон за лжесвидетельство разрешает, но только после того, как такой приговор вынесет суд.

На защиту убитого крестьянина поднялись родственники, которых кое-как успокоил староста. Но против солдат поднялись другие крестьяне, за что легионеры избили жителей Веробриттианы.

Об этом можно было и промолчать, тайно переговорив с членами магистрата, но на базаре Капуи уже раздавались голоса о жестоком обращении с рабами патрициев, особенно хозяев вилл, содержащих своих рабов хуже, чем скотину. А теперь добавился и разговор об убийстве солдатами крестьянина.

— Все ли хорошо у нас в гладиаторских школах: решетки, кандалы, охрана? — как-то поинтересовался магистр. — Не взбунтуются гладиаторы, как прежде?

Содержатели гладиаторских школ, которых собрал Леонтий, стали уверять, что они хорошо содержат смертников, хотя многим было известно, что это не так. Один из них признался, что убитый часто жертвовал для его гладиаторов свинину и что теперь в палестрах¹ фракийцы и греки шумно обсуждают незаконное убийство.

— Не усилить ли в эти дни стражу у ворот ваших школ? — предложил магистр.

— Надо подумать, — согласились с ним.

— Усилить надо, — предложил второй ланиста², — но за счет городской стражи.

Он хитрил: ему не хотелось занимать гладиаторов другими делами, так как предстоял торг ими, а хотелось товар показать лицом. Да и потом, выгоднее было заставить смертников делать деревянные мечи для тренировок только что купленных рабов, чем заставлять их терять время у ворот.

— А что будем делать с теми двумя рабами-свидетелями?

— Надо подтвердить их лжесвидетельство, а потом

¹ Палестр — спортивный зал.

² Ланиста — учитель и начальник гладиаторов.

отдать в амфитеатре зверям на растерзание, тем сохранив спокойствие в Капуе. Судя по доносам, зревает новый бунт среди крестьян.

— А в гладиаторских школах?.. Кто подстроил убийство крестьянина?

— Опцион Феликс.

— Он из Помпей? Это его виноградник граничит с округом Капуи?.. А знаете, что их родственник, Вергилий, в большом почете у сената и благородных отцов Рима. В последнем выступлении на форуме консул два раза упомянул его имя в речи. В сенате поговаривают, что скоро он может заменить наместника в Македонии. Как тут быть?

— Объявить этих двух лжесвидетелями, — было предложено вновь.

«Конечно, — думал магистр, — подталкивая меня на нарушение закона, они больше думают о себе, не видя, какая накаленная обстановка складывается в гладиаторских школах, где рабов содержат в тюрьмах, словно скотину. А санитарное состояние помещений, в которых находятся гладиаторы? Подать в сенат прошение о закрытии этих школ? Но Рим не согласится на это, так как налоги, получаемые по этой статье, очень ощутимы во время войны. А этот осел, начальник стражи, хорошо знает, что мне грозит за это, а молчит, выжидая, когда Рим разорвет меня на части, с тем чтобы занять мое место».

— А больше никто не видел, как легионеры наказывали ночного вора? — бросил он в сторону начальника полиции.

— И не увидит, если этих лжесвидетелей разорвут львы в амфитеатре.

— Когда это можно будет сделать?

— В начале календ.

— Хорошо, готовьте.

Солнце золотило воду бассейна. Большая капуста проползла по влажной земле у фонтана. Из кухни запахло приправами.

После этой-то истории крестьянского согна Элия Овдия зачислили в третью центурию Пятого македонского легиона.

ЗОЛОТОЕ РУНО

В эту ночь Спартак спал плохо. Ложе, покрытое шкурами оленя, казалось жестким. Что-то давило грудь, а перед глазами все время почему-то пылал костер с телами деда и Каликриты. Пламя угасло, оставляя под кроною священного явора мерцающие угли. Над толпою медов вознеслись звуки свирели и барабанов. Камышовая сопелочка в руках Муржо так повела свою песню, что казалось, сам бог Пан мог позавидовать его дьявольскому умению переставлять пальцы на дырочках дудочки. А может, и правда то, что дак продал душу Змею Змеевичу за музыку. Разве может человек на простой камышинке выводить такие звуки? Они слаще меда, слаще запаха колдун-травы. Хлеб из рук возьми у голодного, так он и не заметит, слушая славную песню. Ах, Муржо, Муржо! Заворожил чубатый убитых горем медов. Присушил слезы на глазах, накапал на души такого бальзама, что зажглись сердца надеждой-радостью, глядя на царя Сотимуса, высившегося среди родичей, словно храм среди крестьянских лачуг.

А музыка все струилась и струилась из свирели Муржо. Чародей ты, заклинатель: хоть кровь остановить, хоть сердце к сердцу присушить — это ему ничего не стоит, только скажет какие-то слова, круто взварив их из каких-то наговоров, и никакой тебе софист Панука не сможет помочь. Самая молодая придет в лунную ночь к любимому в ущелье, сама обнимет и поцелует. Ох, и многое знает этот Муржо! Многих спас он от хвори и черного глаза. А теперь вот увел собравшихся звуком дудочки в какие-то дальние небесные края, как пастух своих овец в горы.

Коршун заклекотал на высокой ветке явора, как бы благословляя музыку Муржо, а коршуниха, сидевшая рядом, отозвалась дурным голосом, стараясь оборвать ее. И видно, все как надо понял чубатый красавец. Пропищал своею свирелью, словно тушканчик, попавший в петлю, и все повернулись в сторону костра, где мерцали, словно звезды в небе, угли.

А Муржо-озорник перевернул свою свиристелку

другой стороной. И вроде бы и не было песни соловья, плачущего над розой. Вроде бы и жаворонок не кликал свою подругу на полонине Орбелуса и не звенел Стримон волною, как ветрогон Ламп серебряной уздечкой.

Где-то кому-то о чем-то ухал сын.

— Панука, — позвал Спартак, прикрывая ладонью глаза от пламени светильника. — Панука! — снова в темноту ночи вонзился его голос. Но темнота промолчала. И почему-то тоскливо заскрипело на душе у Львенка.

Осторожно, стараясь не разбудить Семелу, Спартак направился в покои, где жил грек.

Философ проснулся, как-то дико поведя единственным глазом.

— Что-то мне не спится, — пожаловался сын царя.

Но промолчал черный шелк ночи, осыпанный серебром звезд-сестричек.

— Панука, я хотел спросить тебя: после того, как Каликрита приняла яд, сразу ли догнала ее душа душу деда?

— Конечно. Харон перевез их вместе через реку в Аид, где души их уже питаются нектаром, а тела смыываются от грехов живой водою, чтобы стать снова юными и наполненными силой...

— А что бывает с душами, когда они вновь наполняются силой? — перебил Спартак.

— Я же тебе говорил об учении Орфея.

— Ты говорил о самофракийских таинствах, в которые был посвящен Филипп — отец Александра Македонского.

— Орфики учат, Спартак, тому, что души, покинув грудь, как птица клетку, очищаются от грехов и возвращаются на землю в виде младенцев.

Спартак встал, подошел к проему в стене.

От реки тянуло прохладой. Перекликалась стража на стенах. В воздухе пахло жжеными перьями и горелым мясом; на базарной площади кто-то палил дичь.

И тут странная мысль пронеслась в голове Спар-

така: «Стоило принимать столько мук на земле, чтобы потом занять место в маленькой урне»?

— Панука, — спросил он, — трудно быть царем?

— Да, мой Спартак, нужно иметь сердце льва и силу слона, чтобы бороться с легионерами Рима, отражать нападения соседних племен и не попасть в тонкие сети ростовщиков-греков, что живут в городах, разбросанных по берегу Фракийского моря. Но страшнее всего римский сенат.

— А одрисы? Почему они так злы на нас?

— Римляне хитро поспорили их с медами, и теперь во Фракии нет единой силы, которая могла бы противостоять замыслам Рима на Балканах. Македония захвачена ими. Эпир погиб. Эллада раздавлена. Остался один Митридат. Но он хитер и зол, как десять тысяч Эриний.

— А поход в Македонию будет тяжелым?

— Да. Но там много рабов-рудокопов. Они из разных племен, и стоит только начать — они помогут, как и те македонцы, что ненавидят своих владык-предателей.

Где-то загремели медные котлы: готовились к завтрашнему дню повара. Лаяли собаки. Далеко в ущелье рокотнул гром. Запахло свежесыпеченным хлебом. Спартак отломил кусочек от головки овечьего сыра, что лежал на столике, и положил в рот.

На дальней полонине рыкнул барс.

— Рим может кого хочешь заставить носить цепи, — снова отозвался софист. — Даже великая Греция у его ног. Ее города в Италии платят налоги сенату.

— Они непобедимы?.. Значит, Сотимус подобен Лампу, идущему под седлом?

— Сотимус знает цену легионерам, он уже бил их. Черноплужники Македонии поддержат его.

— Но ведь сыны волчицы победили самого Ганнибала!

— Но и Ганнибал под Капуей разбил их. Решись он на штурм Рима при поддержке Капуи и греческих городов юга Италии, Ганнибал мог бы въехать на форум Рима победителем. Главным врагом его были не римляне, а его нерешительность.

— Нужен ли тогда поход в Македонию?

— Если сегодня Сотимус простит им грехи, завтра они снова будут у стен Яворины и снова постараются захватить Меду в плен.

— Хорошо ли ты знаешь рудокопов Македонии?

— Да, я работал с ними вместе.

Спартак опустил на пол, тихо покачивая головой.

— Муржо говорил, что римляне сильны своими осадными машинами.

— И военным искусством.

— Разве меды ниже ростом или их руки слабее?

— Нет. Меды храбры, как львы, ловки, как барсы. Вот поэтому римляне и продают их в гладиаторы.

— Да упадут на их грудь все змеи Орбелуса и Родоп.

— Налей-ка мне воды, — попросил грек.

Спартак встал с пола, взял кувшин и подал учителю.

— Может быть, принести вина?

— Нет, Львенок! И сам запомни: если полководец будет в плену Бахуса и женщин, он никогда не познает радость побед.

— А Александр? Он ведь умер от вина?

— Он — сын богов и не поддается земным измерениям!

Грек поковырял ногтем в зубах, прополоскал рот водой и с наслаждением, маленькими глоточками стал утолять жажду.

Спартак снял со стены лук, пытаясь натянуть тетиву, но два рога горного козла, скрепленные в середине бронзовыми пластинами, не поддавались его рукам. Тетива вырывалась из пальцев.

— Ты что делаешь, Гроздяночка?

— Хотел натянуть тетиву.

— Ну и?

— Срывается. С такими рогами могут справиться лишь руки Муржо.

— Он славный воин.

— Я рассказываю ему все, чему ты меня учишь, Панука.

— Слушает?

— Он придумал вот что: в лесу у сломанного дуба он привяжет руно, черноплужники у нас будут сынами дракона, а я — Язоном, чтобы отбить у них это сокровище.

— Да укрепит твою руку в бою Афина-победительница, а сердце сам Зевс-покровитель.

— Мы уже подобрали панцири и шлемы.

— Ты один будешь биться за золотое руно?

— Нет. Со мной будет и Геракл, и Орфей, и все герои Арго, когда наш корабль поплывет по Стримону.

— Это будет хорошая игра.

— Да, муж Панука, мне очень хочется добыть руно. И пусть бы и в нашей земле, как и в Колхиде, зимой плескались фонтаны с теплой водой, а летом с холодной и везде возвышались дворцы из розового камня.

— Пусть добрые феи донесут твои мысли до матери богов Кибелы и она благословит их!

На подворье завизжал кутенок. Заплескалась вода у колодца.

ОХОТА

Спартак вскинул копье, чтобы пригвоздить вепря к огромному стволу дуба, но приостановился — в дупле кто-то застонал.

Кабан, воспользовавшись замешательством среди охотников, рванулся к кустам вдоль реки. Собаки ринулись за ним.

Спартак, оставшись у дерева с несколькими воинами и Семелюю, вытащил из дупла окровавленного человека, силы которого, казалось, покинули его совсем. Обличьем и одеждой спасенный не был похож ни на меда, ни на македонца, ни на элина, ни на римлянина. Лицо раненого было бледное, глаза закрыты. И только стон говорил о том, что жизнь еще теплится в его теле.

Но лишь только найденному влили в рот не-

сколько капель вина, как он заговорил быстро и торопливо. Так быстро, будто рот его был набит горящими углями.

Спартак, уложил раненого на плащ, напряг слух. Человек говорил вроде по-фракийски, но так не говорили ни соседи — бизалты, ни агриане, ни синты, ни одоманты. Хотя многие слова раненого и были непонятны, но смысл сказанного можно было разобрать.

— Не фракиец ли он из Пантикапея? — стараясь помочь мужу, спросила Семела. — Или он из-за Истра?

Что-то поняв по словам и жестам, найденный в дупле тихо заговорил по-гречески:

— Я — парфянин.

— А почему говоришь на каком-то понятном мне языке? — спросил настороженно Спартак.

— Я из племени дахов, тех, что живут около Каспийского моря. И имя мое — Дах.

И тут Спартак вспомнил, что когда-то персидские купцы, частые гости базаров в греческих городах на берегу Фракийского моря, рассказывали, что встречали в далекой Нисе, бывшей столице Парфянского государства, расположенной где-то за Каспийским морем, людей, очень похожих обликом на фракийцев и говоривших на языке, сходном с языком государства одрисов.

— Ты слышишь, Семела? — обратился Спартак к жене.

— Да, мой Спартак.

— Ты помнишь купцов в Амфиполе, что рассказывали о светлоглазых жителях далеких пустынь Парфии?

— В дни празднования дионисий рапсоды пели и о Спитамене, который восстал против Александра Македонского, — ответила молодая женщина, поправив кинжал, висевший у нее на груди. — Если сыновья Борея не выдули мне остатки памяти, я вспоминаю и другие песни рапсодов, в которых они воспевали подвиги наших предков во время похода Македонского в Персию.

— Да и Панука как-то говорил о целом государстве дахов, находившемся там, где когда-то царица Томирида победила Кира, приказав отрубить ему голову и бросить в мешок с кровью.

Семела подошла к раненому поближе, передав повод коня Спартаку. Легким движением обнажив меч, она надрезала одежду на груди парфянина и, намочив повязку водой, обтерла ему лицо и раны.

Воины-меды, стоявшие вокруг, взволнованно заговорили:

— Кто смел так поступить с нашим братом?

— Его ограбили?

— Или он бежал от римлян?

— Помолчите, — предупредила Семела. — Ему трудно говорить, он потерял много крови. Спартак, дай флягу с вином.

Найдя в переметных сумках сосуд, предводитель отряда подал его жене.

Дах попытался приподняться, но это удалось ему с трудом.

— Да, да, он потерял много крови, — оправдывая раненого, позаботилась молодая женщина.

Тот хотел приподняться снова, но острая боль передернула его лицо.

— Муржо, отвези его в город, — распорядился Спартак. — И пусть Рачка промоет его раны.

— Сможет ли она справиться с этим? — спросила Семела, поправляя светлые пышные волосы на голове. — Здесь надо было бы в чистый горшок положить цветок крови Орфея... Смотри, Спартак, — и Семела приподняла одежду на руках парфянина, где на запястьях виднелись свежие струпы от веревок. — Не след ли плена у римлян? — дополнила она.

— Клянусь сединой моего отца, но без рук Калидонского вепря, что в Филиппах, здесь не обошлось, — отозвался Спартак.

— О каком вепре ты говоришь? — переспросила Семела.

— О том, что давно старается собирать желуди под нашим дубом.

Воины стали укладывать парфянина на носилки, сделанные из ветвей.

— Мне надо увидеть вашего царя Сотимуса, — простонал раненый. — Тайна, которую я несу в себе, принадлежит только ему.

— Скажи, кто ранил моего брата? — обратился Спартак.

— За мной гонится отряд легионеров. Скрываясь, я сорвался со скалы. Торопись, человек доброго сердца, и пусть день моего погребения будет воспоминанием о выполненном долге.

— Как могут легионеры гнаться за тобою по местам нашей охоты?

— Римляне все считают своим.

— Клянусь Гераклом, ты что-то путаешь, пришелец!

— Еще глоток вина ради тайны, которую я несу царю Сотимусу. Они близко, совсем близко, вы слышите, как гудит земля под копытами их коней. Спрячьте меня в дупло.

Спартак согласился, и раненого уложили в глубокую расщелину под огромной веткой дуба.

Где-то в кустах, росших по речке, послышался визг вепря и злое рычание гончих псов.

— Ула-ла! — ударив жеребца удилами, призывно закричал Спартак, пустив коня по каменистому берегу.

— Ула-ла! — поддержала его Семела.

Спартак, умело правя жеребцом, двигался так, чтобы приближавшийся отряд римских легионеров издали заметил их.

Феликс, за плечами которого плескался короткий плащ, вдруг резко остановил коня и зычно окликнул по-гречески:

— Центурион Феликс из Помпей приветствует Спартака Младшего!

— И я приветствую тебя, римлянин, — отозвался Спартак, готовый в любую минуту выхватить меч.

Меды теснее сплотились вокруг предводителя и Семелы.

— Да будет вам способствовать в охоте Диана! —

пристально взглядываясь в медов, руки которых потянулись к мечам, спокойно пожелал центурион.

— Разве земля медов стала провинцией Рима, что в ее лесах звучит имя римской богини? — парировал Спартак.

— Пока нет, клянусь Марсом, — не уступил центурион. — Но цель нашего стремления касается интересов царя Сотимуса. Не встречался ли вам беглый раб из Филипп, укравший в храме легиона, которым командует лучезарный Марк Порций, золотую чашу? Да окаменеют у него руки!

— Клянусь, он с перепугу онемел, — громко сказал по-латыни декан Секунд.

— Этому варвару разговаривать только с быками, — добавил палач Глобус.

— Все они тут разбойники. Им лучше быть рабами и возить на полях Латиа навоз, — добавил декан.

— Или развлекать свободных граждан в амфитеатрах боями со зверьми, — поддержал палач.

— Я же сам видел следы этой торговли рыбой, да пронзит его Юпитер молнией. Они вели сюда, к реке, — продолжил возмущенно Секунд.

— Что говорить с этим варваром, — обратился легионер, стоявший рядом с центурионом. — Он сам, видно, разбойник, привыкший грабить на дорогах.

Спартак, подставив широкие плечи свежему горному воздуху, молча слушал переговоры римлян.

— Да, — отозвался центурион на голоса подчиненных, — здесь дикие горы, но еще более дикие люди, заселяющие их. Давно пора их всех подчинить Риму. — А по-гречески добавил: — Так что ответит доблестный Спартак Младший?

— Здесь страна вольных людей, а не плац, где учат отвечать по уставу римских легионеров. Ищите сами тех, кто может от вас убежать. А мы не Церберы, чтобы лежать у ворот ваших желаний, — ответил Спартак, понимая по выражению лиц легионеров, что они ругают медов.

Центурион крепче сжал ногами бока коня, губы его скривились. Дерзость варвара оскорбила его при

подчиненных, многие из которых хорошо говорили по-гречески. Это понял и Спартак. Он тронул Лампа ногами, громко читая:

Сруб они вывели с сотню ступней шириной и длиною.
И на вершину его мертвеца положили, печалась.
Много и жирных овец, и тяжелых быков кривоногих
Перед костром, заколов, ободрали. И, срезав жир с них,
Тело Патрокла кругом обложил Ахиллес этим жиром...

Центурион понял, что лучше мирно проехать мимо: разгоряченные охотой, меды готовы были взяться за оружие.

— Почему римлянин говорил с тобой тоном старшего? — взбодрила вопросом Семела мужа, когда отряд Феликса скрылся за левадою раскидистых яворов. — Разве под копытами его ног римская провинция, а не земля медов?

— Он думает, что он в амфитеатре Филипп стравливает гладиаторов. Презренный! А ты не испугалась. И с парфянином вела себя достойно.

— Его так и оставим в дупле? Ведь это о нем спрашивал центурион?

— Тихо. Я назвал пришельца братом. Он говорит на фракийском языке. Отдадим ли мы его на мучение сынам волчицы? Мало ли они грабили наших селян? Мало ли братьев наших живет у них рабами?

— Когда же настанет день нашего мщения за пролитые слезы и кровь? — поддержала Семела мужа. — Когда нас не будут оскорблять эти Змеи Змеевичи на нашей же земле?

— Клянусь палицей Геракла, мы сейчас догоним этих бирючей латинских и все их мечи огнистые, кони будут наши, а головы их кинем в реку, и пусть они плывут по волнам Стримона.

Спартак торопливо перебрал повод рукой, подзывая на запястье сокола, что сидел у одного из воинов на луке седла.

— Нет, — усомнилась Семела, — чувствует мое сердце, что не ту ты мысль лелеешь, не ту белую лепешку замешиваешь.

— А что тут гадать, хватить этого знатного римлянина камнем так, чтобы жадные глаза повыскакива-

ли. Что у нас, сил меньше или мечи и дроты притупились?

— Чует мое сердце, — продолжила Семела, — что в наш город заползает змея злючая.

— Вот и давай я отмечу ее своей палицей.

— Нет, — заговорила, как заворожила, Семела. — Нас матери рожали однажды, и погибать нам однажды, так что надо все делать с умом и ладом.

— Вот и кинем их в Таргар! — подбодрил Спартак воина, у которого на луке седла сидел сокол.

— Принесем их в жертву богам медов. Вспомним добрым словом наших славных предков. Пояса и одежда у них новые, а наши износились.

В далеких кустах по течению реки вдруг визгливо залаяли собаки. Видно, отбиваясь, кабан пропорол какую-то из них клыком.

— Смотри, Спартак, легионеры свернули к воротам крепости, — предупредила Семела.

— Ах, проклятые корыстолюбцы, не думает ли их центурион искать свою золотую чашу на нашем белом подворье?

— Спартак, мы упускаем время, — заботливо предупредил Рус. — Там кабан перебьет всех наших лучших псов.

Сквозь шум быстрого течения горной реки снова донесся собачий лай.

— О мать богов, — подняв руки к небу, попросила Семела, — да превратишь ты отряд римлян в диких вепрей!

— Ула-ла! — придержав коня жены, призвал Спартак. — Чтобы мы могли еще раз прославить свое боевое оружие. — Ула-ла! Братья, смотрите, как пляшет мой конь, как он требует, чтобы я отпустил удила, дав ему размять резвые ноги. Эй, Муржо и ты, Золотая серьга, ну-ка догоните меня на своих буланых!

Спартак ослабил удила, чуть подтолкнул коня, направляя его по узкой тропе.

К кустам, где собаки все яростнее рвали уставшего вепря, кони медов подскакали, сильно приседая на задние ноги. Зверь, прижавшись хвостом к дереву, низко опустил морду, выставил вперед два больших

клыка. По окровавленным бокам собак было видно, что секач умел бить без промаха.

— Клянусь Гераклом, этот кабан зажат со всех сторон, как меды во Фракии. Перебрось-ка мне твой дротик, — попросил Спартак жену.

Семела передала оружие.

— Спартак, Спартак! — закричал вдруг Рус. — Вепрь уходит! Эй, Чернобокий! Львиная пасть! Возьмите, возьмите его! — стал подгонять псов воин, сдерживая кабана у дерева.

Стая псов, ободренных голосом человека, снова бросилась на прижатого к стволу секача. Один из них вцепился в шетинистый загривок, второй, добравшись зубами до его ноги, вооруженной крепким копытом, вдруг откатился с распоротым брюхом.

— Спартак, если ты еще замедлишь, эта черная смерть перебьет всех псов... Торопись, торопись, — взволнованно предупредила Семела.

— Эй, Золотая серьга и ты, Муржо, этот поединок я посвящаю Гераклу!..

Вепрь снова рванулся вперед, прорвав кольцо псов.

— Уходит, уходит! — ругал кого-то Муржо, карабкаясь по камням.

Спартак уже хотел нанести удар дротиком, но тут почувствовал за спиною дыхание Семелы. Кабан направил свои клыки в ее сторону.

Оглядываться было опасно. Собаки, видя, что подошел человек, устало вывалили языки и кружили около секача, но и кабан, видно, понял, что они опасности теперь не представляют. Смерти ему надо ожидать со стороны человека, стоявшего перед ним. Зверь храбро хрюкнул, подцепив клыком соседний корень, и, низко пригнув голову к земле, приготовился к бою.

Спартак понял это как сигнал к схватке. Вепрь стал рыть землю. Щетина на его загривке вздыбилась, кабан чиркнул по стволу клыком, как разбойник ножом по горлу одинокого спутника. Рана, шириною в два пальца, забелела на стволе молодого ясеня.

Этим вепрь как бы сказал, что он готов биться не

на жизнь, а на смерть. И Спартак понял, что нападать напрямую на зверя было опасно, потому что кабан под стать хорошему льву, которые в то время еще водились в Родопах.

— Клянусь Гераклом, он думает, что напал на меднобронных ахейцев у стен Трои, — донесся голос Руса, стоявшего на возвышенности. — Аид ждет его! Спартак, начинай, мы готовы! — предупредил Золотая серьга.

— Ула-ла! — вдруг подав голос, сделал шаг вперед Спартак, обманно взмахивая дротиком и целя ударить кабану между левой ногой и шеей.

Секач пошел в атаку.

Рус крикнул так, что казалось, обрушилась снежная лавина.

— Упустил время!.. Бей быстрее!

Спартак понимал, что его не упрекнули, а направили.

— Пусть так погибнут все римляне, как этот вепрь!

Секач, как бы предчувствуя свою кончину, еще теснее прижался к стволу, еще ниже опустил голову, настороженнее выставляя клыки. Ему нужен был всего лишь один удачный удар, и он мог бы распороть стоявшего перед ним. Но как добраться до этого, стоявшего впереди. Маленькие глазки зверя впились взглядом в человека, сжавшего над собой дерево с блестящим на солнце острием.

— Ула-ла! — огласил Спартак округу громким криком и, откинув руку, метнул дротик в вепря. Но в какой-то миг секач увернулся и отскочил в сторону. Дротик глубоко вонзился в ствол дерева.

— Клянусь всеми страхами того света, что этот густогривый — один из циклопов, что швыряли скалами в Одиссея! — закричал Золотая серьга. — Держись, Спартак! Смотри, он хитрит, как центурион, что ввел уже свой отряд в нашу крепость. Молю тебя, не спускай глаз с этого густощетинного легионера.

Вепрь наступал. Он, видимо, хотел проскочить между ног коней, но для этого надо было оттеснить стоявшего перед ним человека.

— Так ты, Рус, говоришь, что это — центурион обернулся свиньей, чтобы захватить нас, как рабов?

— Смотри, кабан разворачивается клыками к коням, — заволновалась Семела.

— Нет, римлянин, — раздался голос Спартака. — То не гром гремит, то едет Змеиха-смерть за твоим свинячьим сердцем!

— Ноги, ноги! — предупредила Семела. — Они открыты для удара.

Но Спартак торопливо искал чего-то взглядом и не находил. Женщина поняла замысел мужа. Она сорвала висевший на груди нож и резко бросила вперед. Кинжал в кожаных ножнах шумно упал кабану на спину. Зверь лишь на миг отвел голову, чтобы посмотреть, что такое коснулось его тела, как меч Спартака пронзил сердце вепря.

Лезвия клыков хотели дотянуться до охотника, но боль, подернувшая огромную тушу, помешала секачу отомстить за свою смерть.

— О Геракл, прими в дар душу этого вепря! — раздалось в тиши. — Прими от вольных и свободных медов.

— Скажи, Семела, разве я лежу у ног этого зверя? — вытирая меч прошлогодней листвою, спросил Спартак.

— Я горжусь твоим ударом. И да будут мне свидетелями боги, что везде и всегда будут с тобой рядом.

— Эй, Золотая серьга и ты, Муржо, несите добычу во дворец, — смахивая пот с лица, приказал Спартак. — Двое пусть едут за парфянином, к дуплу явора. Привезите скрытно и через тайный ход пронесите и спрячьте, чтоб никто не видел. Сторожите, пока я не позову. — Молодой предводитель обвел воинов взглядом, прочтя в их глазах одно: смерть отряду центуриона. Так велик был гнев простого народа к тем, кто только за последние годы продал в рабство и посек в боях около ста пятидесяти тысяч фракийцев.

Спартак вложил меч в ножны и тихо добавил:

— Мы принесли жертву Гераклу в честь наших будущих побед! Так пусть же еще крепче смотрят до-

зорные башни на вершины гор и в долины, чтобы не пировала снова в наших домах хозяйка-смерть.

— Ула-ла! — выдохнули воины едино.

— Ула-ла! — поддержало их эхо гор.

И кони медов рысью поспешили к воротам родного города. Позади остались лишь те, кто вез впря, сквозь связанные ноги которого был протянут ствол молодого ясеня. Двое других, прихватив подпасков, что обретались на соседней полонине со стадом, направились к явору, чтобы из примеченного дупла пересадить на запасного коня парфянина.

Дах приподнял голову, тихо застонав.

Наклонившийся с седла старик подставил к его губам баклагу с вином.

— А ну-ка, я твоей милости под голову свой чепец подложу, все повыше будет. Посмотри вокруг — это тебе не в дупле от римлян прятаться: здесь все свои.

Но поднимать головы даху не надо было. Он и так все хорошо видел и слышал. Только совсем об ином думалось и вспоминалось ему. Распятие стояло перед глазами. Он, привязанный к кресту, и палач Глобус у палатки. И все то, что было с ним перед тем, как Спартак Младший нашел его в дупле.

Ламп вынес Спартака к воротам города, от которых была видна полонина, напоминавшая круглый греческий щит. Далеко внизу, у подножия скал, бирюзой искрился разлив реки.

В середине полонины виднелись овчарни, дальше стояли сыроварни и навесы, под которыми хранились виноградные давилъни селян, чьи домики облепили городскую стену. По краям полонины, на взгорье, сползали к реке пашни, на которых поденщики подбадривали волов, запряженных в плуг.

От дальних виноградников доносилась песня. Высоко в небе застыл орел. Овчары перегоняли овец в густую тень леса.

Спартак оглядел родную даль, глубоко вдыхая ветер.

— Посмотри, какая красота, — обратился он к Семеле.

— Неужели все это снова пожрет огонь, как в те

дни, когда здесь была битва с римлянами, — поддержала думку мужа всадница.

— Испытаем сейчас их богатырские сердца и узнаем, что им нужно. Поехали. Я ждал, когда по тайному ходу пройдут те, кто везет парфянина. Вон видишь?

— Вижу.

— Теперь смело можно говорить с центурионом. Он думает, что мы забыли их нападение на наш город.

Кони медов подскакали к воротам.

— Здесь ли легионеры?

— Они, пройдя по тропе, свернули на дорогу в горы, — раздалось в ответ. — Центурион был злой, как десять тысяч змей, — предупредил стражник, поправляя колчан со стрелами. — Ругал парфянина, укравшего золотую чашу. Вора они хотят распять в Филиппах, у театра.

— Разве из-за вора поднимают центурию? — спросил Спартак у жены.

— Надо иметь большую цель, чтобы так храбро ездить по земле медов в поисках пропавшей жертвенной чаши, — раздумывая, вздохнула она. — Раньше я почему-то об этом не подумала.

— Пусть на меня во время ночного дежурства обрушатся все копыта их Марса, — сказал стражник ворот, — если они не уедут от нас с пустыми руками.

— А где отец? — спросил в ответ Спартак.

— Говорят, что в покоях, слушает рапсода. Седовласый пришелец так поет о наших славных предках, что без слез слушать нельзя.

— Он — эллин?

— Нет, он с берегов Фракийского моря, но любой из эллинов посчитал бы за счастье слушать этот голос, потому как он может заставить остановиться речку, а камень ожить.

Спартак направил коня ко дворцу. Процокав по вымощенной квадратными каменными плитами улице, жеребец жадно потянулся к колодцу, но Спартак приостановил вспотевшего коня. Подъехала и Семела.

Конь Спартака заржал. Ему отозвался голос белой кобылы, стоявшей в конюшне у водопойной колоды.

Спартак знал слабость любимца и, почему-то обрадовавшись этой трепетности двух любящих друг друга животных, поддержал порыв коня. От радости предстоящей встречи жеребец по-ребячьи закрутил головой, озорно повел крупом и с какой-то особенной заботливостью подвез седока к створам конюшни.

Светлые глаза Спартака наполнились любовью и лаской. Он протянул руку Семеле и снял ее с коня, бережно опуская на землю.

Молодые люди прошли несколько покоев, поднялись по широким ступеням, вдоль которых тянулись железные поручни.

В большом зале, перегороженном колоннами, вытесанными из белого горного камня, было прохладно и темновато. После яркого солнца глаза не сразу различали предметы и присутствовавших в покоех. Но ухо уловило звуки кифары.

Под ловкими пальцами импровизатора струны звучали таинственно и тревожно. Густой голос рапсода то взмывал над звуками струн, то утопал среди аккордов. Но вот он забился, словно жаворонок перед охотником, подходящим к его гнезду, и долго плескался в темноте зала солнечным зайчиком на поверхности ретивого Стримона.

Заметив вошедших, рапсод утих, струны умолкли.

Сотимус, полулежавший на подушках, приказал поднести сказителю вина.

Старику подали кубок, принесли хлеба и мяса.

— Твои песни, — сказал басилевс, — пьянят, как тонкий аромат весенних цветов. Но такие звуки бесцветны для сердца меда. Хотелось, чтобы ты угостил нас не красивым мифом эллинов, а словами, возбуждающими в сердце жажду подвига, любовь к свободе и ненависть к врагу. Переверни свои струны и сыграй так, чтобы сердце забилося еще сильнее и звучнее.

Старик доел поднесенное, вытер губы тыльной стороной ладони, настраиваясь на нужный лад.

РАПСОД

Увидев Спартака и Семелу, царь указал в их сторону рукой, сказав рапсоду:

— Вот смотри, вошли мой сын и дочь Семела. Я горжусь его плечами и силой удара. Но не знаю, кто будет сидеть в груди моего славного наследника — орел или злая колдунья-змеиха. А дочь моя, Семела, будет ли она крепка и сильна духом, как Каликрита?

Рапсод отхлебнул из ритона и задумался.

— Что хочет сказать мне сын мой и пышнокудрая Семела? Вы привезли тура или сивого ягненка?

— Отец, на полонине центурион Феликс ищет какого-то парфянина, будто бы укравшего из храма легиона жертвенную чашу, — ответил Спартак.

— Почему ты об этом говоришь так спокойно? На твоей одежде кровь?

— Это кровь вепря.

— Клянусь всеми богами, они думают, что после их последнего похода меды не могут ответить достойным ударом меча. Что им нужно в наших владениях?

— Ищут вора.

— Ах, да!.. Нашли?

— Мы спрятали этого парфянина в дупле старого дуба, а теперь он в городе. Мы гнали кабана. И я уже приготовился принести Гераклу в жертву храброе сердце вепря, как услышали стон в дупле, и добыли из него человека лицом чернее афра, но он говорит на фракийском языке.

Сотимус опустил голову на грудь.

— Из каких племен и народов этот человек?.. Парфянин?

— Язык его похож на фракийский, хотя он и парфянин. Вот и Семела слышала, и Муржо.

— Нет ли у него вместо ног хвоста, как у Змея Змеевича? Волчьи дети любят оборотней. Им что пижма, что трава донник, лишь бы в кошину сыпались деньги.

— Нет, отец, этот человек — парфянин, говорящий по-фракийски. Он — дах, а за Истром — дахи...

Так, Муржо? — обратился Спартак к вошедшему воспитателю.

— Клянусь Залмоксисом.

— Сын, смотри, не камень ли кладешь ты в золотую люльку, считая его за ребенка?

— Боги свидетели, отец, и сам Геракл. Мною руководит истина. Парфянин сказал, что имеет к тебе большую тайну. Но тут слышались голоса римлян, и мы спрятали его в дупло.

— Да, теперь в Македонии латиняне могут властвовать, как у себя на виллах: что они прикажут, то македонские владыки и делают. Где же центурион с отрядом?

— Теперь идет в сторону стен Яворины, — доложил Муржо.

— Где парфянин?

— Я приказал спрятать его в задней части дворца.

— Снова заговорят о нас, как о разбойниках. Но пусть будет так, как Геракл наставил тебя, сын мой. Братьев не выдают. Но помни, когда дело имеешь с латинянами, смотри, чтобы они тебя не задрали, как шестикрылый змей златорогого оленя. А эта старая черепаша Порций, как видно, опять что-то задумал.

Зашелестела занавесь на дверях, и воин внес маленький столик с фруктами и сосудами. Поклонившись, поставил все перед царем.

Отломив хлеба, отрезав мяса, хозяин дворца пролил несколько капель вина на пол, принося этим самым жертву богам. Оставшуюся еду приказал передать рапсоду.

И как бы в ответ на это внимание под каменными сводами раздались разлиvistые звуки кифары, а голос певца донес:

Послушайте песню про царя Адмета.
Аполлон в его доме пастухом был как-то.
Пастухом был как-то на ближней полонине,
На ближней полонине, на ровной леваде.
Умирал Адмет царь — солнце золотое.
Солнце золотое, красив собою.
Красив собою, добр душою...

— Послушай, рапсод, — спросил Спартак, — из какого ты племени?

— Мой отец — добринка, а мать — лиха судьбинка.

— Ты знаешь язык эллинов?

— Я был рабом в Афинах. Хозяин хотел продать меня в Александрию, но пираты с Самофракийского острова напали на нас в море, и мне удалось бежать в страну медов. Но и здесь счастье не для таких бедных, как я. Многие селяне, бросив родной кров, ушли, кто в греческие города, кто воином к Митридату. Не полилось молоко потоком и в дом моей дочери, чью усадьбу взяли за долги. Ушла дочь в Афины.

— Как звать ее?

— Родопа, Спартак, Родопа!

— Какая Родопа? — переспросила Семела. — Нет гетера, что сейчас в Филиппах?

— Где ей такую жизнь заполучить, — вздохнул рапсод, перекручивая виноградине шею. — Вот и взял я кифару и пошел по свету славить в песнях богатырей-медов. А почему ты спрашиваешь? Я что-то не так пою?..

— Старик, — наполняя кубок рапсода, перебил его Сотимус. — Ты хочешь еще что-то спеть?

— Хочу, великий! Хочу спеть про то, как лютому Змею добрая девица под крылами раны растравила и дегтю на них наложила.

Спартак откинулся на подушки. Семела придвинула к нему еду и питье. Сама лишь надкусила сочную смокву.

Струны кифары зазвенели искристо и пенисто, так звонко и певуче, как будто край золотой чаши, о который задела струей вина.

— Или лучше, — произнес кифарист, — я спою о царице Томириде, что обвенчала царя персидского Кира с его позорной смертью в далекой парфянской пустыне.

— Правда это или сказки? — думая о чем-то своем, уточнил Сотимус.

— Все этому верят, — отозвался музыкант.

— Отец, — насторожился Спартак, — нам ли сейчас слушать песни, когда на нас надвигается такая кровавая свадьба?

Сотимус постучал ногтем по ритону, поправил брови, курлыкнув:

— Вот я и думаю, на какое место той свадьбы посадить жениха и какой ему приготовить подарок. Да сделать так, чтобы из кровавой свадьбы она превратилась в золотую.

Рапсод хитровато царапнул Сотимуса взглядом, поведя рукой по струнам, словно барс когтями по жилам кровавой жертвы.

НОВОБРАНЕЦ

Отец с радостью объявил Овдию о зачислении его легионером. Но Овдия мало радовала военная служба. Ему больше нравилось читать и слушать споры философов на форуме Капуи. Самое же плохое в его жизни было то, что у него родился сын-урод. У мальчика не было руки и на подбородке виднелся свищ.

Вскоре Овдий был призван в армию и как новобранец начал обучаться военному ремеслу. Его младшим офицером был опцион Феликс из Помпей, а десятником — Секунд.

Жизнь в лагере однообразна: завтрак, фехтование, потом занятие по движению в строю — как ходить, бегать, сдваивать ряды, перестраиваться.

Тяжело было в жаркие дни носить панцирь, тяжелый щит, копье и меч. Иногда хотелось все это бросить и убежать в деревню, где были жена и сын, ставший из-за своего уродства Овдию еще дороже.

А староста тем временем радовался. Приезжая в лагерь новобранцев, он говорил сыну:

— Ничего, Элит, ты крепкий, здоровый, будет еще у меня много внуков.

В дни, когда Овдию давали отпуск, он подолгу бывал рядом с сыном, радуясь тому, что малютка тянулся к его лицу единственной рукой.

«Ну и пусть он урод, — думалось новобранцу. — Но это мой сын... Мой сын, моя частичка».

На воздухе, в тени виноградника, около журчавшего фонтана мальчик окреп и уже требовательно кричал, если что-то было не по его желанию.

Овдий почему-то улыбался этому.

Самых лучших коз стада старосты кормили отборным ячменем и орехами, для того чтобы получать для ребенка хорошее молоко. Индюшек и гусынь сажали в старые мехи из-под вина, закармливая всем лучшим, так как мясо их в таком случае было питательнее, как и отвары, которыми выпаивали уродца.

И наследник Овдия креп изо дня в день.

Вспоминая все это, Гений часто улыбался в строю, пропуская команды декана. И тогда Секунд кричал в его сторону:

— Новобранец Овдий, встань в позицию! Ты что — сын беременной торговли рыбой? Сделай глубокий выпад!.. Больше прогни ноги в коленях!.. Ах, чтобы твой отец умер раньше срока!.. Овдий — сын блудной ночи, почему ты держишь меч, как урод?

Солдат терпеливо выслушивал оскорбления, награждая себя за них воспоминаниями о тех днях, когда он дома был с сыном.

Иногда новобранцы осуждали декана Секунда, но все знали, что центурион ценил его за боевые заслуги, которые декан проявил в Македонии и в Родопах, где легионерам часто приходилось схватываться с фракийцами.

— Запомните, — учил Секунд, — если вам придется биться с варварами, то никогда не верьте этим волкам, они хитры, как десять тысяч титанов. И если вы стали находить брошенное оружие, имущество, золото и деньги, то знайте, что это не бегство фракийцев, а хитрость, с помощью которой они вас заманивают в ловушку, в которой на ваши головы обрушатся камни и бревна... Овдий, ты что развалился, как на базаре. Скажи-ка лучше, как Александр Македонский разгадал хитрость трибаллов на берегу Истра?

Это Овдий знал, но в его голове рисовалось иное: родной рус, виноградная беседка и сын, с которым он играл, подставляя его ручонке свое лицо.

— Почему молчишь, новобранец? — прикрикнул декан. — Или проказа съела твой мозг?

Овдий растерялся и покраснел.

— Ты совсем как молоденькая гетера.

— Невеста перед брачной ночью! — крикнул кто-то.

— Декан Секунд, за это его надо заставить нести щиты в казарму.

— А может, он расскажет, как его отец дома нарисовал подвиги магистра Капуи на стене навозом?

— Видно, оттого у него и родился сын-урод! — донеслось со стороны строя.

— У кого это сын-урод? — встрепенулся Секунд.

— У Овдия!

— Ты что, при рождении своего сына был проклят Юпитером? — спросил декан, заостря взгляд. — В Спарте всех уродов бросали со скалы, как мы бросаем рабов, пойманных за воровство или поднявших руку на свободных.

— Но еще интереснее смотреть, как рабов разрывают в амфитеатре звери, — добавил толстомордый новобранец, призванный из города Русциона.

— А кто был в школе гладиаторов в Капуе? — уточнил Секунд. — Га-а! Там есть такие торговки рыбой, что у них можно поучиться военному делу.

— Когда я стану ветераном, — снова отозвался русционец, — я продам себя в гладиаторы... Чем умирать на лежанке около старух, лучше я умру на арене цирка под аплодисменты красавиц.

— Которые любят настоящих мужчин, а не мешок с костями! — донеслось с левого фланга.

— А свой последний бой на арене я посвящу тебе, декан Секунд.

Десятник что-то хрюкнул и обвел строй строгим взглядом.

— Твоя мечта достойна легионера, сражавшегося в Родопах. Но лучше умирать в бою с медами, чем гладиатором в цирке. Вот что должно быть венцом вашего желания... Слава Великому Риму! — призвал декан.

— Слава! — отозвались новобранцы.

— Молодцы! — похвалил Секунд. — Из таких шенков получатся настоящие воины Пятого македонского легиона. Слава республике!

— Слава!

Из-за соседних палаток показался опцион Феликс. Легкий ветерок задел его плащ. Кожаные наплечники отражали солнце, позолоченные сандалии были красиво подвязаны.

Молодой, сильный, он, казалось, не шел, а летел на крыльях. Белесые омуты глаз искрились желанием показать свое воинское умение.

Остановившись перед строем, он произнес:

— По случаю какой победы, под предводительством какого великого полководца вы так восклицаете?

— Гы-ы-ы, — обрадованно вылил из себя Секунд.

— Вот этот Овдий не знает, как Александр Македонский победил трибаллов, хотя я рассказывал об этом десять раз.

— Об Александре знать надо, но лучше, если новобранцам говорить о славных полководцах Рима... Вспомним хотя бы тех, кто победил Ганнибала... Кто знает их имена?

Овдий хорошо помнил события тех лет, но в груди его бурлило и он еле-еле сдерживал слезы, вызванные оскорблениями сослуживцев и декана.

— Молчите? — продолжил Феликс. — Тогда послушайте... Презренный Теренций Варрон бежал с остатком своих войск, потеряв при битве около Канн пятьдесят восемь тысяч римских воинов, а восемнадцать тысяч оставив в плену.

— Разве это победа? — перебил младшего офицера круглолицый новобранец.

— Вот тогда по милости богов Капитолия у города Замы Ганнибал и был разбит окончательно. Рим получил по контрибуции десять тысяч галанов золота, весь флот Карфагена, слонов и право содержать римскую армию за счет врага.

— Опцион, — зло продавливая слова, обратился Овдий, — а правда, что Капуя во время этих битв перешла на сторону Ганнибала?

Феликс умолк, поправив густые волосы.

— То, что спросил Овдий, это правда, новобранцы, — последовал ответ. — Предатели республики и греки-отпущенники сумели стать выше администра-

ции города, открыв ворота Капуи врагам Рима. И Ганнибал стал хозяином Капуи... Овдий, ты — капуянин?

— Я из соседней деревни.

— Тогда ты должен знать, что после того, как Ганнибал был разбит, Капуя сдалась на милость Рима.

— Но ведь она древней и старше Рима?

— Вроде так.

— А старики говорят, — крикнул круглолицый, — что они не сдались, а их предали! А римляне записали это как сдачу на милость победителям... Капуанцы никогда не уступали римлянам. У них гладиаторские школы — лучшие в республике. Ни один их смертник не просил в амфитеатрах Рима пощады, — продолжил хозяин веснушек. — А какой у них ячмень и капуста?! Разве в Риме есть такие?

— Опцион, — крикнул низкорослый сосед Овдия, — а почему в Риме едят наши овощи, а когда мы с отцом вошли в таверну, то с нас за маленький кусочек мяса взяли несколько сестерциев? А в Капуе за такой кусочек берут всего несколько ассов?

— Потому, — отозвался круглолицый, — что в Риме от разврата все горбатые и кривоногие, а в Капуе все стройные и красивые.

Не будь Феликс сам из Помпей, он мог бы и наказать за такие разговоры, но центурион стал пояснять:

— Новобранцы, повторяю: варвары и изменники Капуи, как греки — ремесленники и купцы, удел которых собственными руками добывать хлеб, предали город Ганнибалу. А когда Ганнибал бежал в Африку, Капуя сдалась на милость победителей. И клянусь вам Геркулесом, они прокляли свой день рождения, когда попали руки палачей, так как многих капуанцев римляне продали в рабство, а земли конфисковали... Все ли всем ясно?

— Ясно!

— Главное, всегда и везде умирать ради славы Рима, — снова огрызнулся Овдий.

— Овдий, я понимаю тебя, — обратился офи-

цер, — но и ты поверь мне, что Рим не виноват в том, что у тебя родился такой сын.

— Клянусь всеми беременными торговками Рима, — раздалось рядом, — но может быть, и не ты, Овдий, отец ребенка?.. Не просила ли твоя жена дать ей три дня свободной любви?.. Ха-ха-ха! Все, кончайте разговоры. Сегодня будем отрабатывать упражнения с мечом и щитом.

— Декан Секунд, очень жарко! Пот течет по спине. Посидеть бы в тени.

— Или на копье фракийцев, — оборвал Секунд. — Стройтесь!

Овдий неохотно занял свое место и поплелся на плац под невыносимыми лучами солнца. Кто бы знал, как он хотел домой к сыну и как не мог терпеть римлян.

С каким бы удовольствием он сейчас вонзил меч в этого декана Секунда, только бы не слышать больше его команд.

— Приготовились! — оглушал тот новобранцев. — Коли!.. Прикройся щитом!.. Коли!.. Прикройся щитом!.. Овдий, умер бы твой сын раньше срока! Ты что, оглох?.. Коли!.. Руби!.. Прикройся щитом!..

Молодой солдат сделал выпад, еще и еще, но думал он совсем о другом. Ему виделся отчий дом, родное поле и сын в виноградной беседке. Зачем ему было учиться убивать каких-то медов, ехать во Фракию, чтобы из нее направлять рабов в Рим, которого он никогда не видел. Ему очень хотелось домой.

Сейчас, по прошествии многих лет, Овдий, направляясь с отрядом Феликса в Яворину, с горечью вспоминал эти дни.

ОРЕЛ О ШЕСТИ КРЫЛЬЯХ

В зале было прохладно, пахло благовониями и приправами к еде, которую дожевывал рапсод.

— Отец, — спросил Спартак, — почему ты так спокоен?

— Разве мы с тобой приехали в Яворину за воров?

Разве мы бегаем по чужим лесам? Вор ищет вора, вот пусть он и трепещет. А мы пока послушаем то, чему в своих песнях учат нас предки. Не спеши, сын, думай... А рапсода попросим, пусть он споет, что знает о тех людях, кого называют дахами. Расскажи нам о них, отец, — обратился Сотимус к певцу.

Кифарист, гордый вниманием царя и его сына, снова прикоснулся к струнам.

— Ты спросил меня о дахах, вот послушай: там, за далекой Фригией, есть дальний город Ниса. В нем души парфянских царей отдыхают, простившись с телом.

— Не побратим ли этот город той горе Нисе, что в Аравии высится?

— Нет, не брат он ей и не деверь...

— А не сестра боспорского царя Митридата, Ниса, дала название городу этому? — переспросил Спартак.

— Приходилось мне бывать рядом с теми местами. Это так далеко, что птицы белых перьев своих туда не заносят. Там я пел при дворе парфянского царя. Там я видел и такие театры, в которых один человек куклами управляет. Над головой у него шатер сделан из материи. Берет такой артист в руки куклы, дует в свою флейту и представления над головою ставит. Вот от них-то я и услышал, что живут где-то около Нисы дахи, говорящие на языке, похожем на фракийский. Вроде бы глаза у них с нашими схожи. И повадками они такие, как мы: борются за свою свободу. Хлеба всякого у них в избытке, а вина столько, что хоть реки наполняй.

Спартак, подобрав за уши светлые волосы, слушал рапсода. Глаза его горели, лицо слегка побледнело.

Семела сидела рядом с мужем.

— Так ты, отец многих, говоришь, что дахи и за дальними азиатскими горами борьбу за свободу ведут?

— Они не побоялись самого Александра Македонского и восстали против него, встав под крыло большого полководца.

— А как его имя?

— Спитамен!

— Слава этому храброму соколу!

— Да, знали герои, где и как привязать к стрелам все девять орлиных перьев. А главное, было у них огромное желание быть свободными. Поклоняться только коню и солнцу, не признавая чужих царей.

— Так куда же сначала направился центурион? — неожиданно спросил сына Сотимус.

— Мимо города в горы.

— А теперь центурион с отрядом повернул назад и приближается к нам, — встревоженно добавил Муржо, входя в зал.

— Я знал, что тут какая-то хитрость. Неспроста они шум вокруг парфянина поднимают, — предупредил кто-то царя. — Хотят, чтобы мы, как жена черноплужника, на стол обед им собрали... Возьми-ка, Спартак, Муржо, небольшую дружину и последи за гостем нашим. Посмотри, кого хочет оцарапать этот куст терновый.

В это время в зал вошел Рус.

— Царь, — сказал он взволнованно, — центурион хочет видеть тебя. Он стоит у ворот города.

— Вот и начинается твой первый настоящий гон зверя, сын мой. Семела, ступай на женскую половину. Ты славная дочь нашего рода, и я понял, что хозяйство и власть передам я в надежные руки. Внука роди мне, вот и все, о чем прошу у тебя. Все остальное — наша со Спартаком забота. Женщинам передай, чтобы лиц своих латинянам не показывали. Ждите моих приказаний.

— А как же дионисово празднество?

— Готовьтесь: наряды проверьте, маски, костюмы. Скажи, чтобы Рачка жарила своих змей. Скоро к нам приедет цирк... Становись, сын мой, вождем, разгадывай сердцем хитроковарных римлян. Рус, веди центуриона в покои. Дружине прикажи внимательно следить за legionерами. — Как ты сказал, — обратился Сотимус к рапсоду, — «птицы белых перьев туда не заносят»?

— Именно так, мой повелитель.

— Кто-то сегодня прилетел к нам?
— Орел о шести крыльях.
— Черный орел, но и мы рождены в медвежьих шкурах. И помни, Спартак, что центурион сегодня гость. Закон предков требует, чтобы в этот миг мы все забыли, наблюдая за врагом. Таков обычай медов... А пока пусть перенесут Даха в твои покои, я переговорю с ним потом.

ДА ОТДАВЯТ ПОВОЗКОЙ ТЕБЕ ЯЗЫК...

Феликс направил центурию к воротам Яворины. Он сохранял спокойствие до тех пор, пока не встретился с взглядом Овдия. И почему-то в горле собралась слюна. Да, прав был центурион, предупреждая, что, имея дело с медами, надо уметь сосредоточиться на главном, а тут перед самыми воротами крепости воображение перенесло его в те дни, когда к нему, тогда еще опциону, пришла молодая крестьянка. Легионеры убили ее сожителя, обвинив в какой-то ночной краже. Судьба разбросала тех солдат по разным провинциям, а вот с Овдием столкнула после того, как Феликс отслужил свой срок в британских болотах. Порций о его прошлом ничего не знает: он никогда не говорил об этом и не намекал. Значит, два последних свидетеля тех событий — Овдий и Секунд — еще не донесли на него. А почему? Ведь это был такой удобный случай отомстить за все оскорбления, которые перенес Овдий. Помнилось, что у него был единственный сын-урод. Где теперь этот однорукий?.. Хотя декан говорил, что мальчишка за какой-то проступок Овдия был отдан в цирк на растерзание зверей.

— Подожди, как это было, — напомнил сам себе Счастливый.

Всплыл в памяти лагерь новобранцев. Вспомнилось, как однажды он вступил в разговор с капуанцами, как, обозленные упреками, они стали задавать вопросы, стараясь этим досадить ему. И вот этот Овдий тогда и спросил: «Правильно ли говорят, что в

Веробриттиане легионеры убили крестьянина, обвинив его в ночном воровстве, хотя он пришел в лагерь днем за женой.

Тогда лицо офицера дернулось, покрываясь бледностью.

— Лучший ответ вы получите в ближайшие календы, когда будут распяты лжесвидетели.

— А на форуме в Капуе говорят, — отозвался новобранец с веснушками на щеках, — что их отдадут в амфитеатр на съедение зверям.

— Поясняю, — откликнулся Феликс. — Рабов распинают тогда, когда они что-то крадут у свободного человека. Зверям отдают на съедение тогда, когда состав преступления не диктует общественно-го воздействия на нарушение правоположения патрициев.

— А кого в Риме разрубает на части в базарные дни?

— Тех, кто предает интересы республики. Понятно?

— Понятно! — подхватили несколько голосов.

— Но вы должны помнить, что есть и такие, кто может вас подбивать против великого Рима. Вы призваны огнем и мечом уничтожать таких, — призвал Счастливый.

— Капуанцы хотят быть равными свободнорожденным Рима, — подал снова голос Овдий.

— Те, кто это заслужил, получили это право давно, — снова отозвался опцион. — А кому республика не доверяет, те пусть его завоюют.

— Вот поэтому вас и подбивают бунтовать, — дополнил декан.

— Черная смерть ждет тех, кто присоединится к ним. Звери будут разрывать вас на арене цирка... Смерть подобным!

— Смерть! — отозвались новобранцы.

— Опцион Феликс, если завтра я, сын декуриона¹ Марциана Траяна Тамугады, принесу присягу, то

¹ Декурион — командир декурии, кавалерийского подразделения.

меня можно уже бросить зверям при нарушении ее? — спросил новобранец с веснушками на лице.

— Не хочу и слышать об этом. Стань достойным легионером в Македонии и будешь ветераном, как и твой отец.

— Что за разговоры в строю! — сказал Секунд.

— Но мы еще не легионеры славных когорт Вечного города, — упрекнул командира Овдий.

— Ты опять зазвенел, отец урода! Вот завтра примешь присягу, во Фракии меды раза два дадут дубиной по голове, тогда и поймешь, как надо разговаривать с офицерами.

Но тут Феликс смолк. Он помнил, как отец Овдия в Веробриттиане поддержал его в дни суда по делу об убийстве ночного вора.

— Секунд прав, Овдий, но думаю, что и наказание мы имеем право накладывать на виновного новобранца только после принятия присяги, — упрекнул декана опцион, заметив во взгляде Овдия ненависть. Феликс понимал, что Овдий знает истину о событиях, связанных с делом ночного вора, который таковым не был. Знал это и отец новобранца. Да и Овдий, виделось, помнил этого хромоногого, у которого росли дети без матери, под присмотром полусумасшедшей родственницы-ключницы.

— Если вы так хорошо знаете службу, то скажите: для чего консул Марий вооружил легионеров пилумами¹?

— Чтобы их бросать в щиты врагов. А отяжелив этим, рубить во славу республики, — объяснил хозяин веснушек.

— Овдий, — как копьём ударил новобранца Феликс, — скажи, какая основная боевая единица пехоты в армии Рима?

— Когорта.

— А раньше?

— Раньше легионы состояли из десяти манипул, каждая из которых имела по две центурии. Теперь же

¹ Пилум — короткое метательное копьё.

легионы стали делиться на десять когорт, являющихся основными единицами римской пехоты.

— Новобранцы, вы слышали, как надо знать свое дело?.. Секунд, на вечерней поверке объявите Овдию благодарность.

Но ненависть в глазах солдата не погасла, опцион отметил и это.

— Овдий, — снова обратился Феликс, — если ты так ответишь и на второй вопрос, я сниму наказание, которое декан может наложить на тебя после присяги... Каждой ли когорте приданы мастеровые, управляющие метательными машинами?

— Только тем, которые идут на штурм крепостей.

— А сколько в когорте легионеров?

— До шестисот.

— Секунд, я снимаю наказание с этого новобранца.

* * *

Центурион откинулся в седле, поднатянул поводья коня, останавливаясь у ворот отпора медов.

«Все-таки интересно, за что его сына отдали зверям? Какое же он совершил преступление, этот капуанец?» — подумал Феликс, глядя на легионера.

Овдий тем временем рассуждал:

«О Юпитер всемогущий, за что ты наказал меня, невинного, а вот этому преступнику предоставил возможность стать центурионом? Вот и Капую ты наказал, отдав в подчинение Риму. А разве это справедливо? Так почему все блага должен получать только один Рим? Почему капуанцы с мечами в руках стали защищать Ганнибала? Не потому ли, что Ганнибал сразу понял этот город и оценил его, предоставив свободу. Он и поход на Рим хотел совершить, чтобы часть войск республики отвлечь от Капуи. Правда, поход Ганнибалу не удался, но ведь он хотел помочь Капуе отстоять независимость... А сейчас зачем я иду в крепость медов? Чтобы выполнить черные замыслы трибуна Порция? И для этого я должен убивать людей, таких же крестьян, как и в нашей деревне».

Обливаясь потом, Овдий поправил щит, копье, сдвинул шлем. У стен Яворины он хотел спрятаться в тени дерева, но грозный окрик Секунда вернул его в строй, под горячие лучи солнца.

Сверху донесся голос:

— Кто и зачем подошел к нашему городу?

— Передайте царю, что центурион Феликс просит принять его.

— Всем отрядом или только одного?

— Всех, — донеслось на греческом языке.

— Ждите, мы доложим, — раздалось, как с неба.

Офицер разрешил легионерам разойтись, спрятавшись в тень соседней рощицы. Овдий обмывал лицо в ручье, а ему виделось, как, обливаясь потом, он в день перед присягой еле донес свое вооружение и свалил его около нар.

Все старательно протирали оружие, вспоминая разговор с командиром, а он лежал и думал о родной деревне, где крестьяне жали ячмень. Вспоминался дом, виноградные лозы и сын, взмахивавший единственной рукой.

— Скажи, — вдруг обратился он к Юпитеру-Громовержцу, — почему ты, словно беременная торговка рыбой, наказал меня уродливым сыном? Ведь это наказание сразу на две жизни — мою и его. Что я сделал тебе плохого, умер бы твой отец раньше срока? Молчишь... А вот опцион Феликс, убивший крестьянина, кричит, получая чины и деньги.

По лицу Овдия покатила слеза.

Почему-то вспомнилась маленькая женщина и ее брат, приметившие, как крестьянка пришла к Феликсу. Овдий видел честного раба, стоявшего во дворе их дома с пятнадцатифунтовыми кандалами на руках и радостно улыбавшегося чему-то. Его ждало распятие, а он был в хорошем настроении.

— Чему ты улыбаешься, — вроде бы как ругнула его какая-то женщина. — Ведь вас ждет тяжелая смерть?

— Нет, — ответила закованная в кандалы рабыня. — Это вы обречены на долгие мучения, а мы умрем за правду. И боги это знают. Вот я и радуюсь.

— Бедная, она обезумела от горя, — всплакнула старушка, протягивая обреченной ячменную лепешку.

— Она-то в своем уме, а вот нам еще мучиться двадцать лет, — не согласился раб, подметавший навоз у конюшни. — Где их будут распинать? Здесь ли, в Капуе?

— Не знаю, где их будут распинать, а вот надо было бы распять и этого офицера, что соблазнил жену крестьянина. Пора бы и других патрициев наказать, как это делали пастухи, собравшись в хорошее войско. Найти бы снова Ганнибала да и пойти походом на Рим.

— Замолчи, — оборвал ее раб. — Да отдавят тебе язык повозкой.

— Я-то замолчу, простят меня боги, а вот в Сицилии простые люди снова взялись за косы и серпы, снова вспарывают животы всем этим кровопийцам. Они над нами издеваются, а мы молчим...

— Дай время, и мы вокруг нашего Тилтазеса станцуем великое хоро.

— Ты фракиец?

— Да, родом из медов, из страны благородных трав и благородных сердец. У нас нет рабов, но рабами делают нас.

Овдий вспомнил этот разговор, глядя на ворота Яворины. Зачем они пришли сюда, зачем им этих вольнолюбивых делать рабами Рима?

«А разве я сам не рабски выполняю все приказания этого города? Разве я ценой собственной крови не добываю блаженства тем, кто спрятался за стенами Рима?»

И он плеснул в лицо водой, надвигая шлем.

СПАСИБО ТЕБЕ, ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ!..

Парфянин хотел повернуться, но острая боль пронзила его бок, и он сильно застонал. Гибкая тень склонилась над ним и тихо приказала:

— Перенесите его в комнату со змеями... И при-

несите сосуды с толчеными зубьями крокодила и бальзамом, настоящим на яде скорпиона.

Шестеро крепких рук как бы сковали раненого. Парфянин до скрипа сжал зубы, чтобы не застонать. Лицо его накрыли тяжелым шерстяным хитоном, от которого пахло нежными благовониями.

Воины подняли Даха. И тут ему показалось, что в левую раненую ногу вцепились десятки волкодавов. Дах снова закусил губы, не обронив ни звездочки стона. Ноги несших прошуршали сначала по соломенной подстилке конюшни, простучали по каменным плитам двора, а вот и заскрипели под их тяжестью ступеньки.

Даха положили у окна, за которым виднелись ветки айлантуса. Раненый хотел приподняться, но испуганно опустился на подушки. Прямо перед ним, покачивая головой, стояла огромная змея; боль в ноге помутила сознание, и он, обливаясь холодным потом, уронил голову на ковер.

Вспомнился день землетрясения, когда он, Дах, должен был разлить заболевшее вино по амфорам. Винодел испугался недосмотра и хотел передать больное вино хранителю в кладовые, чтобы успеть снарядить этим вином караван, шедший в столицу государства Арсакидов. Но в тот момент, когда Дах разливал вино, земля вдруг задрожала, засыпая в хранилище штукатурку. Два больших скорпиона, сорвавшись с потолка, утонули в кувшине. Старший виночерпий заставил Даха выловить этих предвестников несчастья: если бы подобное увидел кто-нибудь из слуг управляющего, им обоим не миновать тяжелого наказания. Опьянев в подвале от запаха напитков, Дах прилег в тени большого пироса отдохнуть. Но в это время новый удар из-под земли опрокинул глиняный сосуд, и тот навалился на грудь юного парфянина.

Дах испуганно закричал, зовя на помощь, но никто из прислуги не мог высвободить его: даже самые сильные из них, упершись спинами в бок сосуда, не сдвинули его с места.

С соседнего поля пригнали верблюда и двух ослов. Кто-то привел вола.

Обмотав горло сосуда веревкой, второй конец привязали к седлу верблюда. Простолюдины, погоняя, кричали, обрушивая удары палок на бока животного.

— Да подохнут все твои родственники и дети! И дети твоих детей, слепая собака! — кричал старший винодел на пахаря, тянувшего веревку, продернутую сквозь проколотую ноздрю верблюда. — Если тебя с утра накормили собачьей тухлятиной, то ты все равно должен помнить, что каждая крошка этого пифоса стоит дороже всех твоих детей, проданных в рабство. Подложи под веревку кусок кошмы, или я прикажу, чтобы под нее подложили твою баранью голову. А тебе кто разрешил лечь спать под сосудом? — ругал мастер Даха. — Я проклинаяю тот день, когда решился взять тебя в виноделы! — кричал старик. — О, черный день моей печали! Разве я мало жертвовал в храм нашего города, чтобы судьба обрушила на меня свои черные крылья. Эй, грязные, плешивые бараны, сильнее бейте своих дохлятин, он же совсем задыхается.

— Чеш! Чеш! — закричал на верблюда старший винодел, изо всех сил упираясь плечом в пифос.

Вечером дома Дах узнал, что управляющий приказал ему отправляться с караваном, который повез вино из Нисы в царский дворец, что расположен был в Ктесифонте на границе Парфии с Арменией. Так кара миновала Даха, и он приехал в Ктесифонт, во дворец Арсакидов, где в это время гостило римское посольство, в честь которого намечался большой пир и представление.

Руководил подготовкой к празднику родственник старшего винодела Нисы. Дах привез царедворцу подарок — ритон из бивня слона. Верхнюю часть его украшала резьба: вакханки, играя на свирелях, танцевали вокруг обнаженного Диониса, ехавшего на колеснице, запряженной двумя тиграми, а за ними тянулась целая вереница женщин, пустивших-

ся в пляску. На острие бывшего бивня была вырезана женская голова, похожая на голову богини Венеры.

Придворный подарком остался доволен и сказал, что во время праздника Дах будет сидеть в первых рядах, рядом с телохранителями царской семьи.

В день торжества, лоя на себе взгляды придворных красавиц, Дах прошел на указанное место и сел в тени тутовника.

Перед царем и послом Рима выступали артисты цирка, канатоходцы, певцы, музыканты, поэты, индийские фокусники и танцоры.

В саду, в загоне, стоял слон, под брюхом которого висела детская люлька.

Но самым интересным было выступление женщин-гимнасток, показывавших свою ловкость на спине быка.

Парфянин внимательно следил за одной из них, талия которой была похожа на тонкую ножку греческой вазы. Всякий раз, как только девушка хваталась руками за рога разъяренного зверя, чтобы перевернуться в воздухе и встать ему на спину, сердце юноши замирало. Бык хлестал хвостом по мокрым от пота бокам, бил ногами о землю, но гимнастка подпрыгивала все выше и выше.

Парфяне и гости из Рима, подбадривая гимнастку, кричали, бросая на арену деньги.

Ветер трепал каштановые волосы девушки. Голубые глаза ее искрились счастьем и радостью.

От царского стола, где Арсакиды щедро угощали римлян, до Даха доносился знакомый запах. Так пахло только вино нисских виноградников. Римские гости пили, отдавая должное напитку. Сулла — их предводитель, что-то говорил переводчику, глядя на гимнастку.

Царь Парфии слегка улыбался, видно, понимая желание гостя и приказывая слугам после представления задержать гимнастку во дворце. Дах все это слышал и не мог понять, почему после слов царя грудь его залило словно раскаленным железом. Казалось, еще миг, и он бросится на римлянина, вы-

хватив нож. Какое-то странное чувство так охватило его, что губы запеклись, горло пересохло.

А бубен на спине быка звенел все звонче и звонче. Тур, опустив рога, неся по кругу, как хороший конь на скачках.

Предводитель римлян все откровеннее восхищался гимнасткой, высказывая желание видеть ее у себя в покоях. Переводчик, хитровато кося в его сторону, подливал и подливал ему вина.

— Клянусь всеми богами Капитолия, — кричал Сулла, — но даже самая юная весталка в Риме — лишь тень этой нимфы! Она подобна Европе! Божественная! Глядя на нее, я пустею, как этот ритон.

— Или как наша казна, которую разоряют дикие орды соседей, — тихо сказал один из Арсакидов.

— Вашу казну пополнит союз с римским мечом, перед которым преклоняется весь свет, — сказал офицер из охраны Суллы, почесывая свою бычью челюсть.

— Ты прав, Порций, — поддержал его предводитель. — А вот наполнит ли она мою душу сегодня ночью, Марк?

— Желание гостя в Парфии так же свято, как и желание отца, — отозвался Порций.

— Тогда и разговаривать с этими ослами я буду снисходительнее, — пьяно добавил посол. — Ты понял меня, Порций?

— Да, мой господин, — ответил тот, следя глазами за гимнасткой.

— Божественная, она, как сама Парфия — знойна, резва и неутомима, — обращаясь к Порцию, снова заговорил посол.

Переводчик пересказал сидевшим под царским балдахином слова римлянина.

— Пусть приготовят ее для встречи с нашим лучшим другом. У бассейна натянуть полог, открыть фонтаны. Больше сладостей, огня и музыки. Хороших и дорогих подарков, — приказал кто-то из придворных.

— Не специально ли ее подсунули, чтобы опьянить нас, загребая тем временем жар в свою сторо-

ну, — подсказал Порций, стараясь этим самым отвлечь внимание посла от гимнастки.

— Клянусь тебе, Марк, но мы выполним возложенные на нас задачи. Я никогда не пропивал своего жребия. А пока иди, мой мальчик, и строже следи за легионерами, меняй караулы как можно чаще. Ибо в такой жаре сон быстро одолевает их. Мы еще покажем этому азиату, как надо разговаривать с послом Рима.

И тут Дах вскрикнул. Там, на арене, взметнулось большое облако пыли — бык, запутавшись ногами в чьей-то накидке, споткнулся и, ударившись грудью о землю, перевернулся через голову. Гимнастка, стоявшая на его спине, сделала в воздухе красивый кувырок и встала на ноги.

А огромная туша с широкими полосами крови на шее и боках кинулась на людей, мыча и жестко хлеща хвостом по пыльной спине. Первый удар быка увенчался успехом: он пропорол рогом одну из гимнасток и стал топтать ее копытами. Потом рогатый метнулся к балдахину. Но перед ним вырос парфянин-воин, один из тех, кто был в цепочке, охранявшей помост. Бык вспахал ногами землю, приседая на задние ноги. Воспользовавшись этим, воин ударил его мечом, но скользнувшая по кости бронза разлетелась.

От удара в грудь рогами парфянин сломался в пояснице. Обливаясь кровью, бык, увидев сверкавшие на солнце костюмы гимнасток, снова рванулся к ним. Танцовщица, что была у него на спине, успела собраться и, рассчитав, когда бык хотел ударить ее, прыгнула вперед, встав на спину разъяренного животного.

Посол восторженно приветствовал героиню властным движением руки, приказав Порцию вступить в дело. Комок мышц, скрытый сверкающими доспехами, храбро выкатился на середину арены. Порций хотел заставить быка остановиться, но позолоченный рог пробил на нем латы. Порций коротким взмахом меча успел отрубить быку один рог. Придворным показалось, что это было сделано красиво, но

Сулла понял ошибку Порция, хотевшего одним ударом вспороть жилу на шее могучего красавца, тогда бы зверь упал, ударившись о каменную стену. Так делали гладиаторы в Риме.

Марк хотел исправить сделанное, встретив новый выпад быка ударом в сердце, но почувствовал ноющую боль в раненой руке и не мог вовремя отступить. Смятый быком, римлянин сильно ударился о землю, перелетая через голову. Все это время гимнастка стояла на волосатой спине животного.

— Теперь дорогой гость видит, что Парфия может устоять на спине любого, кто старается пронзить рогами своей позолоченной политики наше воинственное государство, — намекнул через переводчика один из чиновников, сидевших под балдахинном. — Славный легионер блистательного Рима погиб, сражаясь всего лишь с быком. А если бы это была наша конница?

— Не погиб, а ранен.

— Погиб в глазах парфян.

— Если повелитель желает, я могу сам показать, как великий Рим поступает с теми, кто не подчиняется его воле...

И посол обнажил меч.

— Нет, нет! Мы знаем и другое искусство, когда врага можно уничтожить, не подходя к нему. Принесите мне лук и стрелы, — приказал царь Парфии. — Я покажу дорогому гостю, что слава о парфянских стрелах в Риме ходит заслуженно.

Стрела покорно вытянулась вдоль руки, увитой драгоценными украшениями, направляя свой наконечник в сторону быка. И, как бы предчувствуя смерть, однорогий заревел могучим голосом, высоко задирая голову. Гимнастка только чуть-чуть согнула ноги в коленях, легко переступила ближе к хвосту, ожидая удобного момента, чтобы спрыгнуть в безопасном месте.

Царская рука натянула тетиву, и толпа простого люда замерла, ожидая итога стрельбы.

Дах легким движением перепрыгнул поверженного быком воина и пошел навстречу зверю. Одно-

рогая голова пригнулась к земле, из-под задних копыт полетели комья. Могучая шея приготовилась поднять человека на рог. Бык в два тяжелых, но резвых скачка преодолел половину арены и ринулся на Даха, но вдруг резко остановился, отчего гимнастка, не удержавшись, упала между животным и человеком. К удивлению всех, бык не обратил на нее внимания. Он стоял, подергивая кожей, Дах же сделал шаг вперед. Бык принюхался и попятился. Человек стал наступать увереннее, произнося слова непонятных заклинаний. Бык снова попятился, замычал, уступая. Он еще тряс головой, выставляя рог, но Дах наступал все тверже и смелее, вгоняя разъяренное животное в непонятный страх. Рев, что несся над ареной, словно голос боевой трубы, утих, ноги животного дрогнули. Пятясь, бык направился к загону, где содержались слон и жираф.

Собравшиеся расступились. А Дах все оглаживал и оглаживал воздух руками, произнося заклинания на непонятном языке. Посол, отрезвев, удивленно смотрел на арену. Такого он еще не видел. Царь Парфии, побледнев оттого, что у него из-под самого носа выхватили победу, растерялся. Толпа простолудинов гудела, гордая тем, что один из них так просто и спокойно победил того, кого не могли победить ни офицер Рима, ни воины царя великой Парфии.

Еще миг, и бык оказался в загоне.

— Вот это гладиатор! — воскликнул Порций, стряхивая пыль со своих доспехов. — Клянусь всеми богами Капитолия, я не видел ничего подобного у нас в Колизее. Юпитер-Громовержец не даст мне соврать, что такой гладиатор стоит целую соловьиновую ферму. Всепобеждающий, — подойдя к Сулле, обратился Порций, преклоняя колена, — разве это не будет подарком Риму? Пусть фракийцы отсекут мне обе руки, если хотя бы один из них, став гладиатором, сможет так удивить патрициев в амфитеатре, как это сделаешь ты. Форум и сенат будут тебе аплодировать. Всепобеждающий!

— Разве я уже загнал парфянского быка в загон римской политики? Иди и проверь караулы, — уп-

рекнул посол подчиненного, дав понять, что как бы ни хитрил Порций, но ему не отвлечь его, Суллу, от такого лакомого кусочка, как гимнастка.

К уставшему Даху подошел начальник стражи Арсакида. Лицо его было залито завистью, которую он и не скрывал.

— Сегодня ты, пришелец, показал искусство, которому позавидовали даже гости дворца, — раздалось над ухом винодела. — Солнце солнц, лев над всеми драконами — царь непобедимой Парфии — приказал по достоинству оценить твою услугу, которая может помочь нам говорить с римлянами языком большого доверия и согласия. Тебя ждет великая слава и жизнь, усеянная победами и вознаграждениями, которых ты никогда не видел.

Подошли два воина. В их руках звенели кандалы.

— Заковать! — приказал начальник стражи.

Даха подтолкнули копьями и погнали во дворец.

У входа в широкие ворота он оглянулся и увидел, как гимнастка проводила его взглядом, что-то говоря подругам.

Кандалы давили руки, а еще сильнее кто-то сдавил сердце, когда Дах вспомнил слова о том, что танцовщица должна предстать перед римским послом. Перед ним почему-то всплыл родной Каспий, пустыня и все то, что заставило его приехать в столицу парфянского государства. Он тяжело вздохнул, еще раз посмотрел на гимнастку, прошептал:

— Спасибо тебе, землетрясение!..

* * *

Дах очнулся, ощупал ковры, на которые его положили. Бок и ногу жгло. Парфянин чуть приоткрыл глаза и снова увидел над собою покачивающуюся голову змеи. Ее маленькие глаза посматривали любопытно и спокойно. Где-то за головой шуршала вторая. Сердце сжалось еще сильнее, а в голове кто-то тихо простучал молоточком, как мастер резьбы по кости, оставляя надолго мысль: «Значит, не умру, если змеи ползают рядом, а не переползают через

меня». Так учили когда-то его дахи в пустыне, советуя помнить еще и то, что добрым словом можно и змею из норы вызвать. А как это сделать? Посвистеть. Но тогда римляне могут услышать. Для чего же меды, называвшие его братом, спасая его, положили в комнату, где ползают змеи? Если для того, чтобы он не мог бежать, то у него и так ранен бок и нога, он не только бежать, а перевернуться не может. Значит, змеи были для чего-то другого. Знали бы меды, для чего трибун Порций послал его к ним в крепость, стали бы они с ним так разговаривать. И тут Дах, не задумываясь над значением этого слова, вдруг вспомнил молодого охотника, что вынимал его из дупла и расспрашивал о далекой родине, удивляясь сходству языка фракийцев с языком дахов. Они меня не выдали. Они не знают, что все это придумано Порцием. Тем самым Порцием, по просьбе которого его еще в Ктесифонте заковали в кандалы и опустили в подземную тюрьму.

Дах хотел пошевелить рукой, но рядом снова выросла голова змеи. Вторая отползла в угол и, свернувшись кольцом, насторожилась, словно прислушиваясь.

ПОЖГЛИ БЫ ИМ РУКИ ТЕ ДЕНЬГИ...

Сотимус и Спартак вышли из покосов, пересекли широкую веранду, направляясь к смотровой башне, что возвышалась у ворот крепости.

Царь, легко одолев ступеньки, подошел к бойнице. Внизу виднелся отряд центуриона.

Спартак встал рядом с отцом. У ворот сверкнул латами Феликс.

— Дремать теперь не время, — поделился Львенок с царем.

— А с тем, кто тебе препятствует, будь хитрее: имей с этим волчьим сыном лисий хвост. Пусть пока римлянин думает, что в гнезде орла остались лишь разбитые яйца, а орлята ходят на полях с ярмом на шеях. Прижмись к своему родному Орбелусу, как

жаворонок к земле, и пусть этот Змей Змеевич прокатится по твоей хитрости, как повозки трибаллов по щитам воинов Александра.

— Чтобы центурион захватил медов в плен?

— Не торопись. Ты еще молод и горяч.

— Пожгли б им руки те деньги, что они получают, продавая медов в рабство.

— Тихо. Эй, Рус! — приказал царь. — Впусти центуриона и одну треть всего этого бродячего стада.

А похлопав сына по широкому плечу, Сотимус посоветовал:

— Смири гордыню. Впусти врага в город, но не в сердце. Все вижу, все понимаю, но и ты учись выигрывать время. Закормим их нашей лаской.

Ворота приоткрылись. Рус старательно отсчитал указанное число легионеров, перед остальными опустил решетку ворот. Раздался шум. Центурион поднял руку, солдаты успокоились. Те, что вошли в крепость, построились и зашагали вдоль тесных улиц. Залаяли собаки, предсмертно завывая, словно по улице несли покойника. Ни один из селян не отогнал псов от римлян, не окрикнул грозным голосом. Молча шли легионеры. Никто из них не замахнулся на псов, достающих зубами до ног, никто не бросил дрота, чтобы хоть как-то отогнать от себя волкодавов, пасти которых обрастали пеной, а клыки тянулись к телу чужаков, пахнущих едким солдатским потом и острым, колющим ноздри запахом ремней. Конь Феликса процокал по каменным плитам улицы, направляясь к дворцу, мост которого опустился перед ним широкой ладонью.

А вокруг тревожно ревел скот, всполошились куры, гуси. Одна из хохлаток хотела перебежать дорогу, но запуталась в ногах латинян. Кто-то придавил ей крыло. Курица дико закричала, но задние ряды строя дотаптывали птицу, звавшую на помощь собратьев.

— А, чтоб вас злая Змеиха придушила! — благословила римлян хозяйка курицы.

Голос ее зазвенел в тревожной тишине как звук призывной трубы среди воинов, измученных ожида-

нием боя. Застучали двери, заскрипели приступки, зашуршала трава под ногами.

Легионеры шли, обливаясь потом. Солнце палило нещадно. Оно жгло шеи и затылки, припекая лбы и щеки. Во рту было сухо и горько. И не у кого было спросить воды, так как улицы встречали и провожали их прикрытыми дверьми, сквозь щели которых видны были глаза, наполненные ненавистью. Царь и Спартак, опередив легионеров, сошли с коней, взбежали на башню дворца. К ним присоединилась и Семела.

— А где Меда? — бросил Сотимус.

— На подворье выполняет твою волю, отец, — ответила она.

— Все делают, как я повелел?

— Стараются, — снова спорхнули слова с маковых губ. — Смотрите, они подошли к воротам, — забеспокоилась Семела.

Спартак перевалился через каменный зубец стены.

— Ты что? — спросила жена.

— Хочу до встречи в тронном зале рассмотреть эту Медузу.

— Есть здесь мужчины, или они все доят овец? — крикнул центурион.

— Откройте! — приказал Львенок.

Ворота распахнулись. Феликс легко спрыгнул с седла и смело вошел в тень арки. Перед ним встали хозяин дворца и его сын.

Приподняв правую руку, римлянин произнес:

— Я приветствую тебя, царь Сотимус!

— Да упадут на его грудь все змеи Орбелуса, — прошептал Муржо, стоявший рядом.

— Спокойно, — приостановил его Спартак.

Хорошо натренированное тело офицера казалось неутомимым. Но больше всего Львенок запомнились глаза Феликса, глаза, которые струили такую самоуверенность и дерзость, что ее хватило бы и на десять легионеров. Не ожидая, когда хозяева пригласят его в покои, Феликс сам направился во дворец. За ним порог перешагнули легионеры.

— Здесь нужны не слова, клянусь Залмоксисом, а

мечи, — снова не сдержался Чубатый. — Он думает, что он в своем Риме. Эй, Рус, где твоя дубина?..

Спартак заволновался:

— Тихо, что, если он знает наш язык?

— Значит, услышит мое проклятие. Снарядился в погоню за вором, а разрядился как царский сват.

— Тихо, — остановил Львенок Муржо, почтительно кланяясь в сторону гостя.

— Долг моей службы привел меня в вашу крепость, чтобы задать вопрос, важный для дел священного Рима, — предупредил Феликс.

Спартак, не выдержав вызова, бросил руку к мечу, что висел на поясе. Сотимус положил свою на плечо сына.

— Заповеди наших предков, центурион Феликс, — отозвался царь, — гласят: встречая гостя, прими его и угости всем, чем богат твой дом, а потом лишь говори о его делах. Войди с миром и добрым сердцем в мой дом, и пусть омоются водою наших колодцев и спешащие с тобою, разделив с нами все то, чем благодарят медов поля и виноградники за старания. Эй, подайте рог!

Феликс с достоинством прошел в широкий зал, стены которого были увешаны шкурами зверей и оружием. Ему подали рог вола, наполненный вином.

— Остуди свое сердце, дорогой гость, омой уста, чтобы не засорять речь словами, горячащими сердце, порождая зло, — призвал Сотимус.

Глаза центуриона преломили золотой луч солнца. Он плеснул вином на плиты очага, как это водится у медов, и только после этого поднес рог к губам. Окружавшие потеплели глазами: приятно, что гость знает и чтит обычаи их отцов и дедов.

— Слава Тилтазесу и нашему гостю! — благословил дальнейшее присутствие центуриона в доме Сотимус.

— Слава! — подхватили дворовые.

— Пусть впускают в крепость и остальных воинов! — приказал царь.

Легионеры вошли в Яворчину, располагаясь в тени стен зданий и деревьев.

— Мои славные воины, — выйдя на балкон, призвал Феликс. — Мы принимаем приглашение, и я разрешаю снять латы.

— Есть ли здесь вода? Мои губы лопнули, как подошва старой сандалии, — зло отозвался Секунд.

— Здесь не только вода, здесь вино течет, как весною Тибр, — усмехнулся Овдий.

— Их глаза стреляют, как стрелы, — отозвался палач Глобус, приставляя к стене копье.

— Проклятые горы! Надо быть не человеком, а козлом, чтобы прыгать здесь с камня на камень.

Из подвалов принесли вина, разливая его между легионерами.

— Слава Бахусу и нашему центуриону! — донеслось со всех сторон. Зашелестели вынимаемые мечи, и воздух наполнился ударами рукояток о щиты.

— Внимание и повиновение! — призвал центурион, выбрасывая вперед руку. — Мы принимаем приглашение. Отдохнем, а после продолжим поиски вора.

Римляне согласились, разбредаясь по базарной площади и по соседним улочкам.

— Отец, может быть, это хитрость, чтобы потом напасть на нас со всех сторон? — спросил Спартак.

— Конечно, хитрость, но не для того я дал тебе глаза орла, чтобы ты увидел то, что рядом стоит, а чтобы научить тебя видеть даже мышь в самом глубоком ущелье. Пока прикинься слепым, но как медведь востри уши и спишим. Передай Муржо, чтобы коней дружина держала под седлами. Смой с лица ненависть. Засвети в душе веселое пламя. Центурион — твой гость. А гость — выше отца. Иди в покой, пусть Меда и Семела ждут нашего сигнала в светлицах.

Вернулись в зал. Молча пили вино, приглядываясь друг к другу. Внесли столики, поставив их перед гостем, Сотимусом и Спартаком. На подносе перед Феликсом лежал кусок мяса, дразня ноздри ароматом пряностей. Мясо украшалось стрелами зеленого лука, печеными яблоками, венчиком салата, толчеными орехами и еще какими-то горными радостями,

которых Феликс никогда прежде не видел. И все это дополняла баклага с высокой ручкой.

Феликс знал, почему у медов вино подают в сосуде, сделанном из горного дуба: ни золото, ни серебро, ни мехи не могли так насытить напиток ароматами, как это делало горное дерево, которое, словно мать ребенка, сжеживало в этот сок земли свои самые лучшие запахи. Понимал Феликс, что внимание, которое ему оказывают, — это результат законов гостеприимства горцев.

«Теперь только бы выполнить намеченное», — подумалось центуриону.

Его глаза вперлись в золотые сосуды, утварь, стоявшую в нишах зала, а душа наполнилась чувством завидного счастья.

Спартак внимательно смотрел на гостя, но думал не о нем. Ему вспомнился парфянин. Вспомнилась Семела, что принесла в комнату, где должен был находиться Дах, двух аспидов для охраны раненого.

А тем временем за стеной трапезной стало шумно. Горожане, селяне развели на базарной площади костер, который с удовольствием перекусывал своими огненными клыками прошлогодний сухостой, старательно облизывал бараньи туши, что свисали над ним, нанизанные на вертела. Выполняя указ царя, яворяне, сцепившись руками, заводили танец.

Феликс понимал отдельные слова варваров, а потому старательно прислушивался к крикам, доносившимся с подворья.

А там уже подлаживались к барабану флейты, словно молодуха к подгулявшим персидским купцам. Где-то забилась песня, как раненная на лету птица. И снова все наставлял и наставлял кого-то барабан.

Офицер церемонно откусил небольшой кусочек мяса, но оно оказалось так вкусно, что Феликс не выдержал и вцепился в него всеми зубами.

«Пусть Порций, старый хитрец, думает о своем золотом караване, это его обязанность, а мне почему-то очень понравилось во дворце медов, — пронеслось в голове Феликса. — Здесь я царь и сенат.

Здесь я наместник Македонии: каждое мое желание выполняется, за каждым моим жестом внимательно следят».

А барабан за стеной все чему-то радовался, утробно от души хохоча и подминая голос звонкой свирели. Та как бы не поддавалась на уговоры пузатого толстосума, запрашивая за свое нежное тело все больше и больше, но и сочнощекий не сдавался, отвечая напористо и влюбленно.

«А не ловушка ли все это», — вдруг обжег себя мыслью центурион, отбрасывая кость с остатками махровых сухожилий.

Он поднялся, прошел на веранду, окидывая взглядом двор и легионеров, что сгрудились у вертелов с тушами. А вот и Глобус. Леандр стоял у костра, отхватывая кинжалом кусище от запеченой бараньей туши.

— Ах-хо!.. Ах-хо! — доносились голоса танцевавших.

— Ах-хо!.. Ах-хо! — повторил центурион, снова присаживаясь к столику, на который успели подложить мясо забитого утром вепря.

Во дворе тем временем все шире расплескивалось веселье. Дружинники и челядь, выплетая ногами замысловатые рисунки, вели танец так заразительно, что вот уже в их круг встали Глобус и Овдий.

Декаан Секунд, способный съесть целого барана, забыл об ужине, глядя на все это веселье. А свирель-вакханка все бесновалась и бесновалась, заманивая под свои напевы, словно шалью укрывала танцевавших, окутывая их звуками с головы до ног.

Легионеры, подбодрившись вином, отяжелев от сытной пищи, тоскующе посматривали в сторону женщин. Те понимали, на что намекают липкие взгляды солдат, отчего старательнее укутывали свои богатства. И только торговка шерстью оголилась до жирных коленок.

— Ах-хо!.. Ах-хо! — бойко заигрывала она, видя, как наливались глаза солдат сладострастием. — Ах-хо! — прикидывалась жирноколенная. Но свирель понимала ее хорошо и потому чародействовала еще

азартнее, все больше чаруя тех, чьи щиты и панцири были сложены в тени виноградаря.

Наблюдая за всем этим, думал о чем-то о своем красавец Муржо, накручивая чуб на ухо. Лицо его то белело, то делалось темным. Его глаза так и пускали стрелы в стороны сынов волчицы. Рука тянулась к мечу, но что было делать, если царь приказал пускаться в веселье и следить, чтобы с головы римлян не упало ни одного волоса. Вот и отводит свои глаза Чубатый, встречаясь взглядом с пришельцами. А так бы вскочить на коня и просвистеть мечом этим Змеям Змеевичам их последнюю песню.

Душу Муржо трясло, но и сердце центуриона металось как бешеное. Феликс вдруг поймал себя на мысли о том, что звуки барабана — это звуки не угождения, а чей-то призывный голос-клич. «А для кого? Вот и свирель — вроде бы зазывает простодушно, но чувствуется, что хитрит: где-то спрятала нож, чтобы в нужный миг расправиться с кем-то. А с кем? Нет, как вы ни прячьте свои собачьи клыки под маской гостеприимства, я-то знаю, что ваши руки, сплетенные в танце, только того и ждут, чтобы в них вложили мечи и дроты. Ах-хо! Ведь это гудит у них в груди огонь ненависти. Сто раз прав был Порций, предупреждая об их коварстве. А младший хозяин сидит, как барс, готовый броситься на меня. Окунулся в свою хитрость по макушку и думает, что я поверю тому, что он слушает рапсода, этого плешивого осла, ревущего пропитым голосом. Разве Глобус не говорил мне, что Спартак усиленно занимается фехтованием, борьбой, для этого держат дака Муржо. Пусть ваши колдуньи привораживают к крепости самых злых змей, парикмахеры на рынках в Риме еще будут вам выдергивать седины из волос перед тем, как продать в гладиаторы».

— Ах-хо!.. Ах-хо! — как бы в ответ снова донеслось со двора.

Легионеры, окрепнув от первых глотков вина, доверительно черпали его деревянными и глиняными квартами, все больше заглатывая мяса.

Спартак поднялся и вышел из зала, сославшись на то, что решил посмотреть, как приготовлена спальня для гостя.

Сотимус отдавал какие-то распоряжения слугам. И тут Феликс услышал голос рапсода:

— Центурион, палач Глобус с тобой?

— Кто ты? — удивился Счастливым.

— Потом узнаешь. Плохо выполняешь порученное тебе дело. На твоём лице все нарисовано, как на карте. Спартак, как видно, уже не верит тебе.

Офицер понял, что Порций не доверяет ему. Кто-то более опытный контролирует его. А если это хитрость медов? Но нет, у рапсода чистейший римский выговор.

— Ты из лагеря? — спросил офицер музыканта.

— Да.

— Какой пароль?

— Проверяешь?

— Да.

— Рим и Победа!

— Когда должен быть Климакс? — уточнил старик.

— Завтра.

— Послезавтра начинаются дионисии.

— Не опоздал бы.

— Хозяин пятнистой смерти точен.

— Центурион, твои слова ярки, как перья у крикливого петуха. Учись выдержанности у Сотимуса. Не давай много пить подчиненным. Опасайся Сотимуса: он хитер, как барс. Парфянин здесь, я слышал разговор.

— Теперь он мне не нужен.

— Он нужен им. Тихо. Сюда идут!

Появился Спартак. Он снял доспехи и переоделся в мягкий шелк. За Спартаком порог перешагнули дворовые, внося шкуры.

Гул во дворе усиливался. Центурион подошел к окну и увидел, что его солдаты танцуют, обнявшись с медами. Это чем-то его обидело.

Не скрывая настроения и желания поддержать воинов, Феликс сказал:

— Я хочу танцевать. И вы увидите, что такое воины Рима.

Спартак, не зная, как поступить, посмотрел на отца. Тот подбодрил его взглядом.

Выйдя на крыльцо, Спартак крикнул:

— Эй, Муржо, дай нам дорогу. Я хочу побиться с гостем в танце!.. Пусть играют сильнее и быстрее.

Шире раздвинули возы. Муржо взял двухствольную флейту и затопал по ее отверстиям пальцами.

Спартак в ожидании замер на месте, но вот, сорвавшись, быстро закружился в пляске.

Меды закричали, застучали руками и ногами. Спартак остановился, выжидая чего-то, а потом кинулся в бурлящий поток звуков и движений, как в котел с кипящей смолой.

Горожане, вытирая потные лица, снова так сноровисто зажурчали голосами, что Муржо пришлось дуть во всю свою силу.

— Бьют! Бьют! — кричал Рус, наливаясь какой-то змеиной силой.

— Спартак с римлянином бьются в танце! — понеслось над толпой.

И тут музыка вдруг заплескалась, как волны горного озера, оглаженные порывом ветра...

Спартак лишь на миг замер, сплеснув с лица на затылок пригоршню золотокудых волос, и снова ухнул в прибой лихого настроения земляков.

— О Тилтазес, дай ему силы! — вдруг донесся голос Руса.

— И ты, Залмоксис, — догнал его вздохом Муржо, — всели в его ноги огонь и пламя!

— И ты, Мать-чаровница, будь ему поводырем к самшит-воротам, где мы в честь его победы в горшок змею посадим и на огне ее подогреем, — попросил кто-то из черноплужников. — А потом ту змею тебе и подарим.

А где-то рядом тонко и сноровисто дрогнула песня. Это запели приехавшие от гетов за конями люди.

— Ах-хо! — призывал Львенок.

— Ах-хо! — отозвалось ему множество свободно-рожденных.

Но тут, пересекая путь Спартаку, вдруг встали плотной стеною легионеры. Идя четко — нога в ногу, — римляне танцевали что-то свое — тяжелое, суровое. Лица их были жестко исчерчены глубокими морщинами и шрамами. Руки, свившись в длинную плетенку, то взлетали, то опускались, образовав кольцо, в котором метался их предводитель.

Меды притихли. Такое им приходилось видеть впервые. Стерев с лица пот, Муржо замер, скосив глаза в сторону центуриона.

— Эй, кто там свободен, зачерпните из колодца воды! — приказал Сотимус.

А когда влага заплескалась в деревянной бадье, он поднес ее центуриону.

И снова руки римлянина взметнулись. Теперь уже было не понять, кто из танцующих охотник, а кто зверь. Оба прыгали, не замечая, что Золотая серьга стучит по груди Секунда и кричит:

— Вот скачут! Вот это танцуют!

— Это театр для торговки рыбой, а не танцы, — поняв, что хотел сказать ему Рус, отозвался декан. — Вот когда мы рубили македонцев, вот это была пляска, — передернув перерубленным носом, заволновался великан. — Наш центурион, видно, совсем упился. Лучезарный приказал ему поймать парфянина-вора, а он словно мим кривляется перед черноплужниками. Видно, что он не патриций, а оск из Кампании, где выращивают для Рима капусту.

Словно шел бой в крепости... Из всего сказанного руками и ногами центуриона Спартак понял одно: что в двух недобро сверкающих на лице Феликса огнях лежал тайный ключ к событиям, которые вот-вот должны были разыгаться в городе.

Замерли часовые на стенах Яворины. Напряженно следил за легионерами Рус. Стихли голоса у ворот дворца. Застыла у окна Семела. К ней подошла Меда и попросила пройти в покои.

— Не волнуйся, рядом с ним Сотимус, все будет хорошо.

Семела послушно выполнила просьбу.

А римляне тянули свою песню, хмельно потрясая кулаками, но было видно, что делали они это не от души, а готовые в любой миг броситься на помощь центуриону.

— Ха-хо! — крикнул Феликс, стараясь отвлечь внимание Спартака. И отвлек. Казалось, он только прикоснулся в танце мечом к ткани на плече Спартака, а одежда так и сползла до пояса.

Центурион мстил, не проливая ни капли крови. Женщины прикрыли рты платками, меды-воины встрепонулись, ожидая команды. Рус покачал головой. Сотимус потемнел глазами. На миг оторвавшись от своей свиристелки, Муржо подсказал:

— Смотри, Львенок, у иного и бородавка на носу целая гора!

Спартак понимал, на что намекал Чубатый, но как было осуществить задуманное: сбрызнуть удачным ударом меча конский хвост со шлема центуриона?

Спартак чувствовал, как желание, начавшее бурлить в груди, настолько завладело им, что и не удержать было самого себя.

Понимал это и центурион.

Казалось, вот-вот, и он даст команду легионерам рубить всех этих хитрецов.

Но тут случилось странное. Муржо, найдя взглядом кого-то в толпе, условно подмигнул, и за спиной Феликса появилась Дурила. Она обхватила центуриона, взвалила на плечо и вынесла из круга танцующих. Офицер хотел убить обидчика, повернулся, а увидев женщину, растерялся.

Рука с мечом замерла в воздухе, а тем временем часовой, что стоял на башне у ворот, зыкнул:

— Идут!.. Идут!.. Великий Дионисий посылает к нам своих первых вестников!

В это время на базарной площади показался поводырь, в руках которого позванивала цепь, обвинявшая шею жирафа. Дальше тянулись волы, впряженные в тележки с клетками тигров и львов. Рядом с ними шагал слон. Ручные медведи вставали на задние лапы, ржали зебры, важно вышагивали страусы.

Пляска во дворце сломалась. Все бросились встречать цирк. Слону наносили веток, тиграм и львам бросали мясо. Артистов угощали пшеничным хлебом и всяким колдовством и чудодействами из муки, фруктов и масла. Для зверей стали мастерить загоны, циркачам отвели покои в подсобных помещениях.

Горестно опустив меч, Спартак подошел к Муржо.

— Плод сорвался, но упал в мед, Львенок, — поддержал Чубатый. — Бьешь ты без промаха, но мало хитрости в твоём ударе. Не барана режешь, удар готов скрытно, как не видно звезд днем. И не тяни, бросайся так, чтобы тот Змей Змеевич и глазом не моргнул. А ты тянул, ровно поводыр хромого слона. Вот он и придавил тебя своим телом. Вспомни, как мы это делали, когда били сынов волчицы у Прасиас-озера.

И Муржо на добрую ладонь вонзил меч в сухое дерево.

Тяжело вздохнув, Спартак ушел в трапезную.

РАБЫ ДЛЯ ПРОКОРМА ЛЬВОВ

Закат ютился между дальним леском и лугом, что струился по ребристым бокам соседних отрогов.

Из покоев, в которых были раскинуты шкуры для Феликса, хорошо просматривалась та часть крепости, что была заткана зелеными узорами виноградника.

Прикрыв плотнее дверь, Глобус, наводивший порядок в комнате, вдруг остановился и стал долго смотреть в окно.

— Пусть воскреснут все мною распятые, — вдруг молитвенно произнес он, — если весь этот город, лежащий между гор, не похож на Колизей, где я зарабатывал свои первые ассы.

— Это было в то время, когда цены на волов взлетели, а ты отбирал из тюрем рабов для поединков со львами? — усмехнулся центурион. — Я думаю, среди

них не было тех, что стоят по десять тысяч сестерциев?

— Таких было мало.

— А видел ли ты гениальных гладиаторов? — продолжал Феликс.

— О, будь я проклят богами Капитолия, если перед моими глазами не стоял сам великий Финей — фракиец, этот артист красивых ударов! Рим был у его ног. На его бои собирались, как в лучшие театры.

— А как тебе понравился мой удар, когда я спустил с этого дикаря одежду? — офицер перевел разговор на иную тему.

— Он еще молод.

— А его глаз?

— Глаз у него точен, но пока еще слаба рука.

— А мой удар?

— Ему бы позавидовал сам Финей.

— Об этой схватке ты доложишь Порцию?

— Я палач, а не шпион. Я умею распинать, но не доносить на тех, с кем жизнь связывает меня смертью.

— Думаешь, что в борьбе за караван мы погибнем?

— Не хотелось бы, но, как мне кажется, меды догадались, почему мы остались в крепости ночевать. Будь осторожен, центурион. Климакс передал, что они готовят на базаре клетки не только для зверей цирка.

— А где парфянин?

— Спрятан во дворце.

— Все идет, как задумал Порций. А что, если мы несколько расширим его замыслы?

— Будь осторожен, центурион: если твой план не удастся, то мне придется забивать в тебя гвозди.

— А если?..

— То Феликс возглавит Пятый легион.

— Как думаешь, стоит рискнуть?

— Бывает и так, что цыпленок вылупляется умнее курицы.

— Хорошо. Заканчивай здесь и пришли ко мне хозяйина пестрой смерти.

Глобус, подходя к двери, прикинул в уме:

«Думаешь, что ты главный во всей этой игре? Ты

обыкновенный раб Порция. О боги, с каким великим удовольствием я разрубил бы тебя на части, чтобы накормить львов!»! — А вслух произнес:

— О тысячеумный Феликс, а как тебе удалось оставить отряд на ночлег в крепости?

— Я убедил царя в том, что их гостеприимство так губительно для легионеров, и их теперь невозможно сдвинуть с места. А потом попросил, чтобы нам разрешили переночевать, с тем чтобы завтра продолжить поиски.

— Порций будет тобой очень доволен, тысячеумный.

— Первый этап задания выполнен. Посмотрим, что покажет новое утро.

ПОЧЕМУ ТВОИ ЛАДОНИ НЕ ПРОБИТЫ ГВОЗДЯМИ?

Чадил светильник. Двери были закрыты накрепко.

Спускали сторожевых псов, когда в трапезную вошел Рус.

— Парфянин зовет хозяина. Хочет что-то сказать.

— Пусть принесут сюда, — предложил Сотимус.

— И то дело, — согласился Спартак. — Принесите, но так, чтобы ни одна лестница не скрипнула. Что-то римляне подозревать стали.

Золотая серьга и двое других воинов внесли раненого в зал. Приподняли, обложили подушками. Дах вытер пот с лица, решаясь на что-то.

— Если здесь можно говорить... — и он окинул взглядом окружающих.

— Да благословит тебя Тилтазес, — поддержал Спартак.

— Мне нечем отблагодарить сородичей, но знайте, что меня послали от Митридата к Сотимусу, чтобы передать вот этот знак. — И Дах показал, достав из-за щеки, золотую полоску. — На словах приказали сказать, что скоро он со всем своим флотом перебе-

рется к берегам Фракии. Сотимус должен выставить воинов и помочь золотом.

— О, клянусь благородством и терпением великого Тилтазеса! — воскликнул Сотимус. — Наконец-то день нашего торжества наступает. Слава Митридату! Слава фракийцам!

— Слава! — отозвался Рус.

— Теперь мы можем отомстить за все наши страдания, за горе, которое римляне принесли нашему народу. Скажи, парфянин, когда войска Митридата должны будут пересечь Фракийское море? — горячо заговорил Спартак.

— Я слышал, говорили, что как только под первыми лучами солнца появится трава, чтобы можно было кормить коней.

— Слава Митридату, поднявшему меч свободы против ненасытных сынов волчицы! — выдохнул Муржо.

Стоявшие рядом с ним воины подхватили клич:

— Смерть презренным и ненасытным волкам!

— Отомстим за все страдания медов!

— Пусть каждая капля крови, пролитая на нашей земле, горячей смолой упадет на тех, кто рубил жен и детей наших!

— Сегодняшняя победа над вепрем — это предсказание наших успехов! — воскликнул Спартак. — Пусть солнце моей родины будет освещать нам путь к истине и мести, побратимы! Ибо, как я понял, пройдя путь страданий, объединив усилия всех свободных и рабов в борьбе против этих волчьих сынов, можно разорвать цепи, которыми сковали многих бритолицы ради своего собственного благополучия.

— Пусть твои слова дойдут и до славного Тилтазеса, — призвал царь, добавив в сторону Руса: — Отнесите гостя в тайные покои. Пусть Рачка обмоет его раны и перевяжет их.

— Подождите, — попросил парфянин. — Я должен сообщить вам и другое. Римляне говорили о каком-то караване с золотом, который должен прой-

ти по Стримуону в дни, когда вы будете справлять праздник Диониса вместе с отрядом центуриона.

Присутствовавшие насторожились.

— Ты ничего не спутал, побратим? — переспросил Спартак.

— Нет.

Сотимус обратился к сыну:

— Слышал, они хотели нас обмануть, отвлечь от золота!

— Отец, я отобью это золото для нашего похода! Они на него не имеют никакого права.

— Это золото фракийцев. Наше золото.

— И мы добудем его, — заверил Спартак.

— Я горжусь, что в стенах моего дворца вырос такой храбрый Львенок, кому я могу смело передать правление. Но сын мой! Твое желание только порадовало меня. Твой воинский порыв достоин восхваления, однако ты принял решение очень быстро, словно рядовой воин, отвечающий только за себя. А так ли должен думать предводитель, заботясь не только о себе, но и о селянах? Это хорошо, что такая думка, как месть за все обиды нашего народа, легла тебе на сердце, но будь осторожен, действуй продуманно, так, чтобы малые успехи в задуманном не осушили душу. Опирайся в делах только на преданных тебе воинов. Сначала разберись сам во всем, чтобы сказанное тобой было остро, словно нож. Все выполнение доверь Муржо, но перед сном сам обходи охрану и караулы. Ночью окликай стражу. Как бы ни был Стримуон богат золотом, но и оно иссякает, если позволить римлянам караванами вывозить его из Фракии. Что же, спасибо тебе, парфянин, — поблагодарил Даха царь.

Трещал огонь светильников. За стенами строения конюшни, что стояла, прижавшись к ограде, зло ворчали сторожевые псы, перекликались на башнях караулы.

— Так ты, парфянин, говоришь, что Митридат просит Сотимуса дать ему войска?

— Клянусь Солнцем!

— А что было с тобой у римлян?

— Переплывая Фракийское море, я попал к пиратам, а потом нас догнало римское судно. Порций, вспомнив нашу встречу в Парфии, приказал палачу распять меня.

— Распять! А почему твои ладони не пробиты гвоздями?

— Не знаю.

— А Порций еще ничего не говорил, снимая тебя с распятия?

— Он сказал, что я должен буду обязательно попасть к вам в плен на той дороге, которую он покажет мне. И чтобы я про все молчал. Я так и хотел сделать. Но когда услышал ваши голоса, голоса, родные мне по крови, сердце мое заскакало подобно огненному жеребцу в пустыне, и я решил все рассказать вам... Будьте осторожны, бритолицы задумали против вас что-то плохое.

— Брат наш, — сказал Спартак, — если все, что ты сказал, правда, то клянусь всеми подвигами Геракла, мы завтра же утром уничтожим их всех до одного. А остальные, — приказал Львенок воинам, — пусть запомнят, что никто ничего не слышал...

— А теперь, братья, оставьте нас с сыном и парфянином, — распорядился царь.

Воины вышли.

— Почему на тебе хитон римского воина? — спросил Сотимус.

Парфянин сначала не понял вопроса, а догадавшись, ответил:

— Это дал мне палач Глобус. Мой был совсем разорван.

— А он еще жив?

— Если мне не изменили уши, то он должен был приехать с отрядом центуриона.

— Почему ты все это знаешь?

— Потому, что сам Марк Порций уговаривал меня бежать к вам, чтобы встретиться здесь с гимнасткой, умеющей прыгать и танцевать на спине разъяренного быка.

— О какой гимнастке ты говоришь?

— О той, которой в дни торжеств во дворце Арсакидов я спас жизнь.

— Все ли точно ты говоришь, брат по крови? — вмешался в разговор Спартак.

— Клянусь!

— А как ты попал в лагерь Порция? Как ты попал в лагерь Митридата, если говоришь, что твой дом находится за Каспийским морем, ведь это почти там, где Александр Великий разгромил Спитамена?

— Все сказанное — сама правда. Из Нисы я приехал в Ктесифон с караваном вина. И потом, это было давно, тогда, когда Сулла возглавлял посольство Рима к Арсакиду. Во дворце был пир, и эта гимнастка танцевала на спине быка. Эта девушка мне очень понравилась. Она так напоминала наших голубоглазых дахiek, что я решил спасти ее, когда бык стал бросаться на людей. Я применил старый способ наших пастухов и с помощью всемогущего солнца загнал это чудовище в стойло. После свершившегося царь наградил меня, а римский посол сказал, что подобного никто не видел в Риме и хорошо бы мое умение показывать там. Меня заковали в цепи и подарили бритолицему послу. В одном из городов Фригии он приказал мне показать свое умение legionерам, а я бежал к Митридату... Вот так-то, славный наследник!

— Наши руки крепки, кони быстры. Встанем под свободные знамена Митридата и будем рубить римлян, пока сердце кипит, — согласился Спартак.

За окнами ударил гром. Молнии заметались по черному небу. Сильные порывы ветра полоснули по стенам крепости.

— Что предсказывают эти змеи? — спросил Сотимус, скосив глаза на сына.

— Они, как и те, которых мы несем на шестах, идя в бой, зовут к отмщению.

— Молодец!.. Ты помнишь, когда мы были с тобой в последний раз в Амфиполе?

— Помню.

— Помнишь ли ты рынок рабов в Амфиполе?

— Помню.

— А помнишь ли, как там продавали медов и фракийцев в рабство, а мы с тобой молча смотрели и ничем не могли помочь братьям?

— Помню. А помнишь распятых на деревьях медов?

— Помню.

— Все это случилось потому, что многие из предводителей их родов и племен не могли оседлать такую хворь, как торопливость в решении воинских дел, а она, как колдунья, запрягала их и гнала к позору. Вот я и хочу тебя оградить от кособоких решений при важных делах. Хорошо, что центурион порвал только одежду на тебе, а мог бы ударить и по горлу. Эй, Муржо!

Чубатый выдвинулся вперед.

— Посмотри, как разместятся римляне на ночь. Их много. Сделай так, чтобы они ночевали маленькими группами и в разных концах крепости. Часть из них помести в клетях дворца, но так, чтобы за ними следили надежные глаза. Женскую половину охраняй сам.

В горах заухали совы. Им откликнулись шакалы. Тоскливо затрубили ослы. Замелькали летучие мыши.

— Пусть будет сегодня крепким сон легионеров, — пожелал Сотимус. — И если все то правда, что мы слышали от даха, мечи надо держать наготове... Вина не жалейте. Ты, Рус, ночуй сегодня во дворце, около гостей, и пусть ухо твое всю ночь будет настроженным.

Спартак подошел к окну. Ярко светила луна. Со стороны Орбелуса дул прохладный ветер. Шелестели листья виноградника. Далеко в горах виделся костер. Большие звезды примостились на гребне соседнего леса. Засвиристели цикады. Сколько в их музыке быстрого и легкого, прямо как в звуках флейты Муржо! Вон он, Чубатый, стоит, поигрывая желваками. А как, наверное, хотелось бы ему быть дома, накрывшись шкурами лежать на ковре, выпив добрую кварту вина, закусив овечьим сыром. А потом, повернувшись на бок, смотреть радостные сны про то, как бьют они легионеров под славным крылом Со-

тимуса. А он, Муржо, в первых рядах этого войска летит на своем злом, как сам Змей Змеевич, Фонаре. Спартак улыбнулся, ласково посмотрев на своего воспитателя, и сердечно упрекнул Чубатого мыслью: «Ах ты, Муржо, Муржо, и зачем ты так приворожил мое сердце к этим полонинам и вершинам Орбелуса, что уперлись в небо, задевая за облака толстоствольными яворами и дубами! Сколько сказок рассказано, сколько песен перепето, а вот ничего не говорится в них вон о той звезде, что катится по небосклону, как слеза по морщинистой щеке иной селянки, сына которой давно продали в рабство. Ах же ты, Муржо, и зачем ты, Муржо, играешь в такую голосистую дуду, что так медово умеет лить свои звуки?»

Спартак взял певучую камышинку и тихо заиграл, как бы стараясь напевом рассказать о своих думах. Звуки свирели лились так чисто и ярко, так серебристо, словно свет луны, что повисла над крепостью, как серьга в ухе Руса.

— А-ду-ю-ду-у!.. — пела свирель, и горы отвечали ей эхом.

— Это хорошо, сын мой, что ты играешь. Пусть римляне думают, что мы ничего не замечаем. А мы поддержим Митридата, но используем его магию и для своих заклинаний. Дудеть мы будем в его дудку, а плясать под свою.

— А-ду-ю-ду-у!.. — тянул Спартак звук, хорошо понимая отца.

На базарной площади, где разместились клетки цирка, рыкнул лев. Затрубил протяжно слон. Кони римлян, привязанные под навесом, заржали испуганно и торопливо.

— Ула-ла! — проверил царь часовых на башнях.

— Ула-ла! — разноголосо отозвалась ночь.

И снова, шурша листвою деревьев, она застыла над Явориной, старательно вглядываясь в город своим единственным оком.

— А что будет дальше, отец? — поинтересовался Спартак.

— С кем?

— С легионерами?

— Моя думка такая: мы будем с ними справлять праздник, а тем временем ты с отрядом отправишься к дороге, по которой пойдет караван. Захваченное золото спрячете в тех горных храмах жрецов, где когда-то мы прятали Меду. Учись, Львенок, побеждать сынов волчицы. Не упустишь золото?

— Отец! — глаза Спартака вспыхнули ярким огнем.

— О Тилтазес, придай мне душевного огня, чтобы я всем своим сердцем выполнил то, чего требует от меня родная земля!

Глаза Спартака горели, руки вздрагивали. Чувство справедливого гнева все больше наполняло его.

ПОХОД В МАКЕДОНИЮ

— В поход!..

— В поход!.. — призывали голоса.

И войско медов обрушилось со своих гор, как лавина. Перешли границу, направляясь навстречу римским когортам.

В шатре у Сотимуса сошлись на совещание.

Приказания царя были короткими:

— Я встану в центре войска! Левое крыло поведет... Спартак.

Гроздяночка замер. Но Сотимус добавил:

— Рядом с тобой, сын, встанет Муржо.

И грозное око повелителя как пробило взглядом даха.

— Правое крыло займет Севт. Главное — не дать им опомниться...

— А где Робро, отец? — поинтересовался Спартак.

— Робро в Македонии. Он будет поднимать своих и бить сынам волчицы в спину! Все ли у вас готово?

Спартак молчал, стирая пот с лица. Муржо подал ему платок.

— Тогда встаньте впереди своих отрядов и ждите моего слова.

Взволнованный таким поручением, Спартак всю ночь почти не спал. Подложив под голову седло, он ворочался, то и дело обращаясь к Муржо:

— Как мы пойдем: всем отрядом или цепочкой по тропкам?

— А ты вспомни бой у Прасиас-озера.

— Но там мы залегли на болоте.

— А здесь мы можем спрятаться в лесу.

— Хорошо бы спрятаться в горах и устроить им засаду.

— Только тут придется рубиться в открытом поле.

— Одолеем?

— Римляне рубаки славные, но у нас главное оружие в руках — неожиданность.

— Сотимус знает это?

— Сотимус опытный стратег.

Ранним утром в лагере Спартака уже появился гонец от Сотимуса, и отряд под предводительством Львенка начал выступление. Муржо не спускал с него своих орлиных глаз.

— Ты помнишь, как римский отряд шел из рудника, когда мы его ждали в болоте?

— Помню. Воины с тяжелыми щитами возглавляли все.

— А легкая пехота?

— Последней.

— А у тебя... Видишь, как ты разорвал своих?

Спартак приказал перестроиться.

— Задние отстали.

— Подтянись, задние отряды! — подхлестывал Львенок.

Так, скрываясь на тропках и в ущельях, обходя селения и деревни, меды вышли к назначенному месту. К вечеру голубь принес весть: Сотимус приказывал соединиться. Воины устали. Поднять их стоило много сил. Спартак слез с коня, встал впереди всех и зашагал указанной дорогой.

— Я горжусь тобой, Львенок! — подбодрил его Муржо, пристраиваясь рядом.

Сотимус сообщил, что Робро прислал гонца, который сказал, будто римляне разузнали о передвижении медов и теперь вышли им навстречу.

— Как сообщают нам верные люди из лагеря легионеров, — добавил он, — Порций уже заготовил послание в сенат о том, что он разбил нас.

— Торопятся отыгаться за золотой караван, который мы перехватили.

— Слава медам! — откликнулся царь. — Мы дадим им бой в открытом поле, чтобы выиграть его честно.

— Но у меня есть задумка, отец, — обратился Спартак. — Мне подсказал ее Муржо.

— Говори.

— Пусть мое крыло станет центром. Сзади у нас будет лес. В бою мы станем отступать, войдем в лес и подожжем его. Римлянам придется отступать. Вот тогда-то вы и ударите с флангов.

— А Робро ударит им в спину.

— Хорошо, я согласен. Только надо еще раз все продумать.

— Сколько всего легионеров?

— Пять тысяч.

— Наших хватит.

— Каждый будет биться за троих... Севт, как твои люди?

— Вчера собрал военный совет, все готовы драться как барсы!

— Хорошо. Еще день, и мы начнем бой. Вот только подтянутся македонцы.

Бой завязался сразу и круто.

Порций сразу бросил свои войска вперед. Он понимал, что меды на равнине будут себя чувствовать не так свободно, как в горах. А потом в нем все кипело, как только он вспоминал о золотом караване. Порцию грозила большая опасность, но старые друзья в сенате поддержали его. И теперь ему нужна была победа. И победа большая, шумная, такая, чтобы о ней заговорили в Риме.

Он, Порций, вернет золото, а вместе с ним пошлет в Рим царя медов и его сына Спартака в сопро-

вождении нескольких тысяч рабов — фракийцев. Так он отомстит за все свои боли и обиды.

— Слава вам, великие воины Рима! — призвал он.

— И тебе, Лучезарному, слава! — отозвалась равнина.

— Сегодня судьба улыбается вам! Перед вами богатая добыча. Возьмете себе по три хороших раба, и старость будет обеспечена.

— Хвала тебе, любимцу Рима! — поблагодарили воины.

— Сам Юпитер улыбается вам! — произнес Порций, взмахнув рукой — это был знак к началу боя.

Первые когорты сорвались с мест, врезаясь в ряды стоявших перед ними воинов медов.

— Новобранцы, слушай меня! — призвал Секунд. — Помните, что перед вами не торговки рыбой, а меды, которые хитры, как лисы! Не отрывайтесь от меня... Так! Рубить, рубить... Осматривайтесь. Вперед, только вперед! Так! Слава великому Марсу! Хорошо! Молодцы!.. Пот заливает глаза? Не отвлекаться, а то проткнут копьем!

Первые ряды легионеров уже врубались в горцев, те твердо стояли, отбивая наступление. Спартак взобрался на седло коня, внимательно наблюдая за лагерем римлян.

— Что там? — пытал его Муржо.

— Они стоят.

— И ты стой. Держись, как приказывал тебе Сотимус.

— Наши дрогнули справа.

— Ничего... Я сейчас их выправлю. А ты держись, пока не подадут знак из леса.

— Смотри, смотри, наши падают замертво.

— Это хорошо. Значит, твердо стоят за свое дело.

Стой и ты так! Прикажи, чтобы обозы поставили за воинами, так им будет легче удерживать врага... А я пока поскачу на правое крыло.

— Стой, Муржо... От римлян идут последние когорты!

— Молодец, Львенок! Ты сумел втянуть римлян в дело. Теперь надо ждать Робро.

— Муржо, я хочу обнажить свой меч.

— Твое дело обнажать мысли. Следи за легионерами. Они хитры, как сто сов.

— Наши снова дрогнули!..

— Изогнулись?

— Да. Римляне потрошат их.

— Залмоксис, благослови их души!.. А не сверкает ли зеркало в лесу?

— Нет.

— Значит, надо держаться.

— Я пойду к воинам с мечом.

— Ты будешь здесь, как Сотимус на камне, у Прасиас-озера, и будешь ждать своего времени.

А звон оружия доносился все гуще и злее. Легионеры все ожесточеннее врубались в ряды горцев. Казалось, еще немного, и они прорвут ряды медов, сломят их боевой дух.

— А ну, поднатужьтесь, беременные торговки рыбой! — подбадривал Секунд своих, врываясь в самую гущу сражения. — Смотрите, как должен воевать солдат Пятого македонского легиона!

— Муржо, ты узнаешь его? — спросил Спартак.

— Да, это тот, кого мы в поле били, как шелудивого пса.

— Смотри, смотри, он пробивается к нам.

— Это не твоя забота, а личной стражи. Следи за боем, не отрывай глаз. Будь тверд духом и телом.

— Но наши братья падают на землю.

— А римляне?

— Валяются и они...

Со стороны легионеров зазвенели фанфары, ударил барабан, — это шли ветераны. Их строй был сомкнут, на лицах цвели улыбки, тела, покрытые ранами и шрамами, держались стройно. Ветераны шли, чтобы вернуться с победой. Учись, новобранцы и молодежь, как надо уметь защищать честь Вечного города! Порций, сидя на коне, царским жестом благословлял гвардию в бой. Да, перед таким строем дрогнул бы любой, а может быть, и сам Александр Македонский, по земле которого так легко и уверенно шагали римские воины.

И ничего тут не было особенного, когда новобранцы увидели, как меды дрогнули и побежали, перескакивая через камни и старые стволы деревьев. Вот они одолели речку, взобрались на возвышенность и стали скрываться в лесу.

А гвардия все шла и шла, вытянувшись разомкнутым строем. Их мечи добивали раненых, настигали уставших. После них равнина виделась убранным полем — ни единого пропущенного колоска. И только этот мед на коне все кричал и кричал что-то своим, стараясь вроде бы остановить, задержать бегущих. Но где там — идет такая отборная рать, выдавшая много сражений, знающая цену победам.

Спартак тем временем все успокаивал и успокаивал своих, наблюдая за лучом зеркала, что металось среди яворов, говоря этим самым, что безрукий Робро собрал и привел к указанному месту македонцев, хотевших освобождения от рабства.

— А вот теперь тебе надо идти последним, — подсказал Муржо Спартаку. — Особенно помогай молодежи.

Львснок обнажил меч, останавливаясь в центре позиции.

— Эгей, славные барсы! — окликнул он дружинников, что бросились к лесу. — Не очень торопитесь попасть в Аид. Не оставляйте раненых! А потом собирайте ветки и поджигайте их... Но не торопитесь, пусть больше сынов волчицы войдут в чащобу!

Римляне торопились, подгоняемые голосами центурионов и деканов. Кое-кто опускался, чтобы сорвать с убитых одежду, дорогое оружие, но надо было торопиться, так как меды бросились бежать.

— Не поддавайтесь на эту приманку, — останавливал своих Секунд. — Осматривайтесь, осматривайтесь.

— Но они бегут, как нищие от стражников на бычьем форуме.

— Бегут, чтобы нас заманить в лес.

— Зачем?

— А кто их знает... Это надо спросить у трибуна

Порция. Эй, не собирайте одежду! Все это поделим после боя!

Меды втянулись в лес.

Спартак взобрался на коня. И тут к нему подскакал Рус.

— Сотимус приказал остановиться и поджечь деревья, — передал он.

Сушняк затрещал моментально. Огонь жадно охватил округу, отрезал легионеров от медов и закрывал отход. Теперь ударили со всех четырех сторон: Сотимус, Севт, Робро с македонцами, Спартак с Муржо. Легионеры бились стойко. По приказу Марка и зазвучали фанфары. Выстроилось каре. Оно стояло твердо, уверенно отбивая атаки горян. Македонцам Робро удалось подломить один из углов каре, но увеличить прорыв не удалось, так как Порций укрепил прорыв центурией, расположенной у него в резерве. Тем не менее всем стало понятно, что легиону не устоять. На другой день, отступив, Марк Порций подтянул остатки войск, расположенных по некоторым городам Македонии, но за спиной римлян стали вспыхивать волнения. Народ нападал на отряды, убивал римских чиновников, стал громить собственных князей, считая, что они главные предатели родины.

Состоялось еще два боя между легионерами и горцами, но в конце концов Порцию пришлось отступить.

Македония волновалась все больше и больше. И вот уже отряды Робро безрукого превратились в целое войско.

На одном из привалов освободившиеся завели танец. Обнявшись с медами, македонцы заплясали около костров, отмечая свою победу. Танцевал со всеми и Спартак.

Сотимус был ранен, и командовать окончанием похода он поручил сыну.

Последний бой Львенок провел сам. Битва была не очень большой, но тем была важна для него, что после нее легионеры покинули Македонию.

— Так, значит, их можно бить? — спросил он Муржо.

— Можно, — согласился наставник.

Костры лихо лизали небо, перемалывая сушняк толщиной в руку. С великим чувством радости били шапками об землю победители. Радостные голоса их несли по всем окружающим горам песни, что, словно гребень у петуха-гуляки, венчали победителей.

Озерно разлились меды и македонцы по горным полянам. Обнялись, вспоминая, как и кто рубился с римлянами.

А текли три речки,
Текли они быстро... —

запел Спартак.

Наполнили кубки. Обнялись с безруким Робро, закинули головы и, окрыленные победой, пустились в пляс.

Подняли Сотимуса. Гордый за своего сына, царь раздавал подарки. Особо отличал македонцев — кому кубок, кому оружие, кому горсть золотых монет, а Муржо — полную шапку.

— На, Чубатый, Змей-добрёночка! За сына, за бойца, за стратега. Теперь и умереть не страшно. Все видели, какого скакуна в конюшню поставили... Не видать волкам нашей родной земли. Есть кому защитить ее от недругов. Радуйтесь, веселитесь, братья-македонцы! Вздохните свободу не ртом, а всей грудью.

И пошло, понеслось, где жарено, где парено, где толчено-перчено. Ударил молодеваго барабан, подхватила флейта, да так девственно боязливо, будто легионер хотел македоночку силой осилить. А та и ногтями и зубами защищала то, что дано было ей один раз на всю жизнь, и звала на помощь, обливаясь слезами.

«Ты что?.. Ты что?» — успокаивал ее барабан.

А флейта заливалась голосисто, кликушисто, зазывая в круг самых видных меченосцев, самых храбрых.

И зашагала радость по горным селениям Маке-

дони, по городам Фракии, справляя этот большой свадебный праздник, на котором были обвенчаны победой меды с македонцами.

НЕ СКРИПИ ЗУБАМИ, ЗМЕЙ ЗМЕЕВИЧ

Марк Порций днями и ночами думал, как бы отличиться перед сенатом. И вот, кажется, ему подвернулся случай — стравить медов и одрисов, с тем чтобы попытаться счастья в походе против медов. До Порция в Македонии уже бывали и другие военачальники, но Лучезарный отлично знал, что они терпели поражения, не учитывая воинственного духа гордых противников.

Однажды горцы заманили в ловушку несколько его центурий. Правда, Порций в том походе захватил дворец Сотимуса. Хотя самому царю и сыну его Спартаку удалось увести и унести все нажитое в горы, оставив легионерам голые камни, но кое-какая добыча все же досталась.

Вот почему Порций хорошо понимал, что в борьбе с медами, занимавшими выгодное стратегическое положение в горах Орбелуса, нужна была другая политика: нужно стараться создавать видимость дружбы с горцами. «Научились же крестьяне отнимать у коровы молоко, оставаясь ее хозяевами, — думал он, — ласковыми словами и жестами и мы могли бы отдаивать медов. Клянусь богами Капитолия, может быть, среди горных хребтов, похожих на волны бушующего моря, и мне повезет попасть в грот, из родников которого текут серебряные струи, а вечнозеленые луга будут источать для меня запах фиалок».

Дело, казалось, шло хорошо. Первую ступень к совершению задуманного заложили наместники Рима, удачно стравив медов с одрисами, сначала обещая медам помощь в борьбе с соседями, а потом одрисам — подчинить медов. Вот тут Марк и решил бросить факел с горячею смолою, придумав тонкую интригу. И случай подвернулся. Семья знатного патриция ехала лечиться на источники, находившиеся рядом с

границей Македонии. В одном из селений, где им надо было переночевать, хозяин-мед не пустил их в дом.

Патриций благородного семейства, думая, что находится все еще в Македонии, приказал слугам сжечь жильё строптивного горца. Отобрав у селянина коней, он направился дальше к источникам.

— А меды, презренные собаки, — продолжал Марк размышлять вслух, — осмелились мстить свободному гражданину Рима, подняв руку на достойного представителя республики. Они дымом удушили патриция и так пытали его беременную жену, что она скончалась. Это послужит причиной похода римских легионеров против медов, — закончил мысль Порций.

— О боги Капитолия, почему вы не направили этого разжиревшего на соловьиных языках патриция другими горными дорогами! — не выдержал Феликс.

Лучезарный задумался, потирая между пальцами ног.

— Знаешь ли ты, что патриций был убит не медами-селянами, а по моему приказанию? И это сделал жрец, которого мне прислали из храма, что на Самофракийском острове, как лекаря, — вдруг сказал Порций каким-то окаменелым голосом. Глаза его остекленели, руки поднялись к небу. — Встань на колени, Феликс из Помпей, ибо я доверил последнее, что велено самим Юпитером доверить тебе в час испытаний перед походом.

Центурион опустил на ковер щепча заклинания.

— Лучезарный! — промолвил он побелевшими губами. — Это был приказ сената?

Марк Порций промолчал.

— Милостью Юпитера душа моя была благословлена на подвиг во имя славы республики. Большая политика требует больших жертв. Нам нужны рабы-меды и золото для того же рынка, где и нас, свободных, могут продать в гладиаторы.

Сенат боится, как бы разбойники-меды не объединились с чернью Македонии против нас.

— Лучезарный, не ослышался ли я? — все еще сомневался Феликс.

— Нет, не ослышался. Судьбою тебе подарено еще одно откровение: если хочешь спасти свои виноградники в Помпеях, помни, что мы должны взять большую добычу. Большую!

У Центральных ворот лагеря заиграли горны, извещавшие о конце занятий на плацу. Откинулся полог, и вошел дежурный центурион.

— Лучезарный Марк Порций, горны пропели к смене дневных караулов, — предупредил он.

Феликс, внимательно вслушиваясь в разговор с дежурным по лагерю, думал о только что услышанном.

Опытный стратег, Марк вдруг решил отвлечь внимание противника, расслабить его, как это делалось во время сражения, чтобы обрушиться на врага с новой силой.

Но центурион разгадал ход старшего, поняв, что надо предпринимать какой-то свой шаг, ибо, упусти он его, и виноградники, присмотренные около Капуи, перейдут к ланисте Батиату, этому золотому мешку.

Счастливый вспомнил эти горные площадки, тесно засаженные раскидистыми плетями винограда. Вспомнилась одна из главных улиц Помпей, в том амфитеатре, куда он любил ходить смотреть бои гладиаторов. Там, в Помпеях, его ждут с богатой добычей и большими чинами. Ах, как хочется оправдать эти надежды!

Центурион допил вино. Густая жидкость обожгла горло и разлилась по телу огненными потоками, рождая в сердце новые волнующие предположения.

«Цари, тираны и вожди во имя своих замыслов уничтожали и уничтожают целые народы и страны. Каждое завоевание Рима — это могила для сотен тысяч человек, которых если не убивают в битве, то медленной смертью изводят в рабстве. Разве не так скоро поступят и с медами, к сердцу которых протягивает свой меч Порций. Кто-то в этой жизни должен умирать ради другого или чем-то жертвовать».

— Тебе все понятно, центурион Феликс? — закончил трибун.

ПОСЛЕДНЯЯ БИТВА СОТИМУСА

Сборы начали у Яворины. Двинулись тремя дорогами — меды центром, синты — левой стороной, бизалты — обходом справа. Сломал первые крепости и сторожевые посты, войско шло все дальше и дальше по Македонии.

Города падали один за другим. Беднота и чернь базаров нападали на римлян, стороживших ворота, и впускала долгожданных освободителей. Вооружаясь, черноплужники и горожане вставали в ряды медов. Радость была большая. Римляне бежали, не успев захватить накопленного добра.

Робро метался на коне от отряда к отряду, раздавая македонцам оружие и значки, обучая их боевым приемам.

Теперь Сотимус держал Спартака при себе, заставляя присутствовать на всех военных советах, поручал ему дела, требующие военной хитрости.

— Не спеши, не торопись... Не бросайся в вихри боя. Твое дело следить за всеми. Муржо, а ты что смотришь? Забыл, чему тебя учили?

Семела не отставала от мужа. Переодевшись в мужской костюм, она целыми днями скакала рука об руку со Спартаком: то выполняя обязанности оруженосца, то ординарца. Как-то военный совет поручил Спартаку захватить маленькое селение в ущелье у реки.

С римлянами расправились быстро, но македонцы сами набросились на добро хозяина. Подожгли крепость, разобрали скот и коней, рассовали по мешкам посуду, ковры и одежду, а самого князя повесили на воротах. Спартак об этом с радостью сказал отцу, а царь опустил голову и ничего не ответил. Сын сначала не понял отца: чего печалиться, когда половина Македонии была уже очищена от легионеров. Знай гони их дальше. Но Сотимуса печалило другое — не было еще настоящей первой битвы, где бы меды могли по-настоящему победить. Сотимус боялся, что после первого же поражения развалится их дружба с соседними племенами. И час такой нагрянул. Вол-

чья шкура дал Робро сигнал о том, что Пятый легион под командой Марка Порция встал на дороге медов, запершись в большой крепости с толстыми стенами.

Было решено дать бой. Первыми поставили синтов, людей диких, но духом крепких, хорошо владеющих конями в горах. Потом встанут бизалты. Их поддержат своей выучкой меды. Пока Порций завяжет в этих двух рядах, меды окружают их с двух сторон. Правое крыло поведет Сотимус, левое — Спартак вместе с Муржо.

В этот день Муржо встал рано, но молодых не будил. Пожалел. И только когда запели первые трубы, вошел в палатку. Спартак кинжалом вычерчивал какие-то дуги.

— Да благословит тебя Геракл, — поприветствовал наставник молодого стратега. — Я уже кое-что придумал, Львенок.

И Муржо рассказал Спартаку об одном из боевых приемов мезийских полководцев. Спартак принял его, осторожно разбудил Семелу.

Позавтракали втроем и тут же выехали к войску. Солнце вставало вяло, а Спартак так и рвался в бой. Ламп, чувствуя битву, так и вертелся под седоком. Но Львенок и Муржо сменили коней, подведя одного и к Семеле. Та не хотела отдавать Оду, но, узнав о замысле Муржо, сразу пересела на свою лошадь.

Римляне открыли ворота, выстроились тесными рядами и сразу пошли на синтов. Царек соседей, подхлестнув коня вожжами, крикнул им:

— Ула-ла! Кто вы такие!

Феликс, стоявший в первых рядах, громко крикнул:

— Мы римляне — завоеватели народов!

Царек закрутил коня перед своими и закричал, оскалив большие крепкие зубы.

— Эй! Туры и барсы мои! Я клянусь вам, даю обет, что мы победим этих трусов. Внутренности всех предводителей бритолицых мы пожертвуем богам, а потом съедим сами. А этого жеребенка я сам брошу в котел... Ула-ла, мои славные барсы!

Синты, визжа и улюлюкая, стали скатываться на

своих диких конях на первые ряды римлян, вязко утопая в ровных шеренгах. Римляне стойко врубались в конный строй, рассекая его надвое. И тут раздались условные удары барабанов со стороны Сотимуса.

— Пора, — подсказал Муржо. Он выехал на середину строя пеших медов. Спартак догнал его.

— Братья! — призвал он медов. — Славные воины! Впереди месть за все наши страдания. Пусть Геракл вдохновит вашу силу. Пусть глаза матерей убитых родичей помогают вам побеждать!

Муржо соскочил с коня и с силой ударил его мечом в самое сердце. Конь покачнулся и рухнул. То же сделал и Спартак.

Заиграли дудки, цимбалы.

Меды зашелестели мечами и, переступая убитых коней, все быстрее и быстрее бежали за Спартаком и Муржо. Не отставала от них и Семела.

Со всего разбега сшиблись меды с легионерами. И только тут заметил Спартак, что легионеры придумали какую-то хитрость: они прикрепили к шлемам горшки с горящими углями. Синты, принимая дым за хвосты каких-то невиданных чудовищ, дрогнули. Римляне секли их мечами, сминая ряды.

Спартак из-за плотности рядов не мог ничего разобрать: кто где. Как подняться над всеми — ни холма, ни коня, с седла которого можно было бы осмотреться.

— Становись! — приказал Муржо, сведя троих воинов головами.

Со спин медов Спартак все увидел, как на столе. Сотимус не торопясь вел своих конников к месту боя. Он хотел выгнать из крепости все войска римлян. И когда ворота ее захлопнулись, он выхватил меч и закричал:

— Ула-ла!..

Ударили разом. Смели фалангу, укладывая римлян ряд за рядом на землю.

— Геракл за нашими спинами!

— Бей сынов волчицы!

— С нами Орбелус и вся его сила!

— Легионеры, да погибнут все беременные торговки рыбою, куда бежите! Позор на ваши головы! Рубите их, рубите.

Но зря старался декан Секунд, центурионы и трибуны: когорты сломались и бросились бежать.

— Не торопись, Гроздяночка. Остановись. Помнишь, как стоял на камне Сотимус у Прасиас-озера. Следи, чтобы не обошли.

Семела подвела Спартаку коня центуриона — большого и жирного. Спартак вскочил на него, оглядывая поле битвы. Где-то блеснул и шлем отца. Царь внимательно следил за ходом битвы. От него прискакал гонец, передавая слова одобрения.

И тут в городе запылали пожары, зазвонил колокол.

— Это Робро, — подсказал Муржо. — Печет их, как на костре.

— Гей, Робро! Пусть Змей Змеевич смазывает им пятки!

РАДУЙТЕСЬ СО СПАРТАКОМ, МЕДЫ!

После этой победы, царь стал жаловаться на боли в ногах. Ноги парили, прикладывали снадобья, ничего не помогало. Пройдя несколько шагов, Сотимус присаживался на корточки, и его переносили на лежанку.

Победитель с каждым днем чувствовал себя все хуже и хуже. Уши у него стали бледными, лицо обескровело. Панука старался изо всех сил — разультата не было. Призывались жрецы из Амфиполя, лекари из Одессоса и Филипп, но силы царя таяли. А вечерами, когда боль несколько утихала, Сотимус просил домашних собираться в зале и рассаживаться так, чтобы он видел всех.

Самым главным вопросом последних дней была весть о высадке римских войск в Греции и о движении армии и флота Митридата навстречу этой громаде.

Все это беспокоило, потому что часть медов под

руководством Локра влилась в войска Митридата, хотевшего подчинить землю медов, но горцы сумели сохранить самостоятельность, чеканя собственные монеты. Вести из армии Митридата сначала радовали: войска, поднявшиеся против Рима, благополучно переправились на европейскую сторону и двигались с одним-единственным настроением — победить.

Во дворце было тихо и напряженно. Все ждали дня решительной битвы.

И вот настал этот страшный день. Гонец приехал затемно, загнав коней насмерть. Громко стуча сапогами, он прошел в царские покои.

Сотимус, ожидая новостей, знал, что армия Митридата хорошо обучена и имеет большой флот, привыкший к порядку и повиновению. Теперь эта армия вторглась в Бостию и захватила ее. Знал Сотимус, что армией Митридата командовал Архелай, умевший хорошо выбрать позицию и маневрировать конницей. Уже несколько раз обсуждая со Спартаком возможности Суллы и Архелая, царь разыгрывал на ковре бой римлян с Митридатом. И всегда побеждали союзники.

Гонец же рассказал о другом.

Обе армии стали лагерем поблизости одна от другой. Архелай отдыхал, а Сулла, как и было положено римским уставом, приказал возводить рвы с двух сторон, стараясь тем самым оттеснить конницу Митридата и загнать в болото. Архелай бросил на римлян войска и смял не только строительные отряды, но и большую часть войск, выстроенных к бою.

Тогда Сулла, схватив знамя, сам кинулся в гущу боя, призывая:

— Римляне, здесь, видно, найду я прекрасную смерть, а вы запомните, что на вопрос: «Где предали вы своего повелителя? — вам придется ответить: — При Орхомене».

Римляне остановились и ударили по врагу. Битва была такой тесной, что лучники не могли даже воспользоваться своим оружием, коля пучками стрел, как мечами. На второй день битва разгорелась столь же ожесточенно. Сулла взял штурмом лагерь про-

тивника. Болото наполнилось кровью, а соседнее озеро осталось завалено трупами.

Гонец умолк, опустив голову.

— А что же Сулла? — мертвеющими губами спросил Сотимус.

— Он получил известия, что в Риме Цинна и Карбон чинят беззаконие над знатными патрициями. Хотел вернуться в Рим, но тут, говорят, один из купцов привез ему предложение от Архелая: плыть в Рим на митридатовских триерах, взяв деньги Азии и Понта, чтобы спасти свою власть в тылу.

— Сулла согласился? — перебил гонца Спартак.

— Сулла! Мы плохо знаем этого барса. Он предложил Архелая выдать ему флот и стать союзником римлян, заняв место Митридата. А когда Архелай стал колебаться, Сулла его запугал: я, говорит, думал, что ты благородных кровей, а ты раб и друг царя-варвара. Ты тот Архелай, что бежал с несколькими солдатами и прятался в орхоменских болотах, когда твою двадцатитысячную армию всю разбили. Тогда Архелай согласился.

Гонец вытер с лица грязь, устало опускаясь на скуры. Ему принесли ритон вина. Спартак думал о чем-то мучительно, закусив до крови большой палец.

— Говори, говори, — подтолкнул он гонца.

— Сулла выдвинул условия: Митридат уходит из Азии, оставляет Пафлагонию.

* * *

Сотимус, утопая в подушках, вечерами беседовал с сыном, давал ему советы и наставления, так как теперь все заботы о медах, Яворине и дворце ложились на плечи Спартака. А дел было много: как и куда перегонять табуны на новые пастбища, как помирить враждующие роды, где и какого купить оружия для новой дружины.

Беспокоили и греческие города, расположенные по берегу Фракийского моря, заламывая цены за

свои товары. Одрисы, вставшие на сторону Рима, нападали на черноплужников, живущих у Стримона.

— Спартак, — напутствовал царь, — готовься, сын. Пусть тень битвы Архелая не смущает твою душу. Их можно бить. Можно. Верь мне!.. Верь! У тебя рука меда. Собери всех, кто может держать меч. Подойди, я хочу благословить тебя.

Спартак опустил на колени. Слезы заливали его лицо.

— Не плачь. Будь крепок сердцем. Благословляю тебя! Помни, что ты Спартак.

Спартак встал и замер перед отцом. Глаза его были сухими. Он хотел, чтобы в последние свои минуты отец был тверд духом, видя, что есть кому передать власть.

Царь тяжело дышал, взмахивал руками, прижимая ладони к сердцу. Он показывал, как ему тяжело было расставаться с белым светом.

— Он уходит от нас! — вдруг радостно закричал кто-то из придворных. — Радуйтесь, меды!.. Пойте и веселитесь! Радуйтесь — еще один из нас покинул эту несчастную землю, где все предано проклятию.

— Ула-ла! — празднично раздалось под сводами палат. — Его ждут радости потустороннего мира, где он встретится с душами своих родичей. Сотимус — самый счастливый человек.

Вошли музыканты. Заиграли свирели и барабаны. Окружавшие царя обхватились руками и завели танец. Внесли еще факелов, нарвали цветов и травы.

Веселье заполнило комнату, дворец, Яворину.

Сотимус, издав последние вздохи, умер, не закрыв веками светлых глаз.

На дворе готовились к прощальному веселью. Смеялись и радовались, выкладывая погребальный костер. А Спартак сидел в зале и плакал. Около ног его молча сидела Семела. А у дверей, сложив руки на груди, охраняли молодого царя Муржо, Волчья шкура и македонец Робро.

Прошли похороны. Оставшиеся в живых стратеги, вернувшиеся после битвы у Херонси и при Орхомене, утвердили Спартака царем. С этим согласился и Локр, присягнув на верность. Вскоре одрисы через посланника предложили медам перейти на их сторону. Князя Македонии стали запугивать походом. Спартак молчал, внимательно следя за римскими войсками в Греции.

Муржо то и дело посылал разведчиков, встречаясь с купцами из Амфиполя. Новости были плохие. От Митридата прибыли послы, передав, что их повелитель согласен на все условия Суллы, только просит оставить за ним Пафлагонию и флот.

Сулла, как говорила молва в народе, ответил с издевкой, что Митридату следовало бы валяться у него в ногах, прося оставить ему правую руку, так как он убил в одну ночь семьдесят тысяч римлян в Малой Азии. Архелай молил за Митридата, встав перед Суллой на колени, и просил направить его к Митридату, чтобы добиться принятия ультиматума.

Сулла согласился.

Спартак раздумывал, закрывшись в комнате, где когда-то Панука учил его наукам.

«Как быть, — думалось молодому повелителю. — Митридат разбит. Одрисы ждут только удобного момента, чтобы напасть на нас и свести старые счеты. Князя Македонии еще хорошо помнили поход Сотимуса. Да и Сулла был на их земле. Как не воспользоваться этим случаем, чтобы навсегда покончить с беспокойными горцами? А командование Пятого македонского легиона? Спартак понимал, что всеми силами Сулла не будет наступать на медов. Он направит кого-то из своих полководцев, а сам начнет переправлять войска в Азию и сразится с Митридатом.

«А может быть, отступить в горы и там переждать, пока основные силы римлян уйдут из Македонии, — прикидывал Спартак. — А там да благословит Геракл медов на новые победы».

Посоветовавшись с Семелой, Муржо, Робро и Волчьей Шкуркой, он созвал совет стратегов. Все согласились с его мыслью: пощады никто не ждал.

Севт первым пожертвовал деньги на новую дружину. Раскошелились и другие. Вложили в новое дело и остатки золотого каравана, на которые купили оружие у соседей по Истру. Собрали мужчин всех возрастов и вооружили.

Осмотрели стены Яворины, дворца. Посчитали запасы воды, хлеба. Коней и рогатый скот стали перегонять в горы, где думали пересидеть римлян, если придется уступить Яворину. Спартак валился с ног — так много было дел.

Верные люди безрукого Робро доносили о делах Суллы, к которому князя Македонии обратились с жалобой на медов. О горцах думали не только князя. Думал о них и Марк Порций. Он понимал, что Сулла еще вернется к расспросу о караване с золотом. Кому отвечать за него?

* * *

Луций Корнелий Сулла происходил из знатной семьи. Природа одарила его пронизательным, труднопереносимым взглядом светло-голубых глаз, лицом, покрытым неровной красной сыпью, из-под которой виднелась белая кожа. По этому поводу в Риме ходила эпиграмма: «Сулла — смоквы плод багровый, чуть присыпанный мукой». Но Сулла был и сам любитель острого слова, веселья и легкомысленных поступков, когда дело касалось отдыха. Его хорошо знали самые распущенные актеры театров и общедоступные женщины. Своим привычкам он не изменял нигде. Вот и вчера он устроил пир, на который собрались острословы.

Писца, хотевшего доложить о том, что прибыли князя Македонии, чтобы переговорить о медах, он приказал наказать. Ничто не должно было мешать веселью. А особенно Луций смеялся, когда на расвете жрец, участвовавший в пире, под дубом, укра-

шенным в честь побед над Митридатом, изнасило-вал свинью.

Пили и веселились всю ночь. Гетеры, сопровождавшие римлян в походе, были щедро вознаграждены за старания. Здесь Сулла не жалел денег.

Но утром, на приеме посетителей, Луций Корнелий Сулла был снова Луцием Корнелием Суллой. Парикмахеры и банщики поработали на славу. Мелкие, красиво уложенные кольца волос обрамляли его высокий лоб, ноздри нервно подергивались, голубые глаза полны были решительной силой, свойственной ему всегда и везде.

Первым из записавшихся на прием был трибун Пятого македонского легиона Марк Порций.

Что-то давнее и неприятное питал Сулла к этому человеку с бычьим подбородком. Это неприятное было связано с судьбой исчезнувшего каравана с золотом.

«Кто виноват, — думал Сулла, вглядываясь в стоявшего напротив Порция. — Этот ослиный хрен, которому не легионом командовать, а возить бочки с дерьмом? Или меда? А может быть, он договорился с ними? Уйдет Сулла в Азию, а они поделят его поровну».

После такой мысли Луций внимательнее вгляделся в трибуна. Действительно, за всей этой лошадиной внешностью, как показалось ему, проглядывалось что-то значительнее, хитрее и ловчее, чем старается показать себя эта собака, стащившая кость со стола хозяина. Содрать бы с него на пиру кожу, вот были бы довольны гетеры.

Порций, опустив голову на грудь, думал о диктаторе:

«Подонок. Удалось нахватать в Риме золота и власти, и думаешь, мы не знаем, что ты жил со старухами ради куска хлеба. А теперь гетерам мелкого пошиба даришь состояние за одну ночь... Посмотри на свою морду. Она страшнее лошадиной задницы. Трус и подлец. Ты думаешь, что сейчас разорвешь меня собаками на куски. Думаешь, что возьмешь голыми руками. Распнешь на кресте. Посмотрим. Не будь я

Марком Порцием, если ты сейчас не завершишь, как змея на горячей сковороде. Великий диктатор. Плевать я на тебя хотел. Пить бы тебе мочу и заедать калом, как говорят легионеры. Иди, целуй задницы у своих старух, а не сражайся с Порцием».

— Я слушаю, — словно опустил топор на шею трибуна, первым начал Сулла.

— О великолепнейший! — ответил Порций. — Краса и слава Рима. Победитель Митридата. Сегодня, когда твой гений бросил войска в Азию, не оставляй в тылу медов, которые могут напасть на фуражиров.

«Хороший ход, — подумал Луций. — Вывернулся... А ну-ка и я поставлю тебе капканчик».

И Сулла тихо, старательно впиваясь взглядом в трибуна, как бы прокалывая муху иголкой.

— Это не те, что отобрали у тебя караван с золотом?

Порций упал на колени.

«Мало. Это участь Митридата, а он царь варваров. А ты? — прикинул мысленно Сулла. — Думаешь, выходя от меня, глубоко вздохнешь сладкого воздуха: слава Юпитеру, пронесло. Ну, ну. Поиграем в кошки-мышки».

А Порций думал:

«Ударить или подождать? Нет, пока еще не время».

— Так что с караваном?..

— Я поручил его охрану одному из самых лучших центурионов. Был разработан план движения и охраны. Центурион был ранен и бежал в лагерь.

Луций улыбнулся. Ему надоело разговаривать о золоте, и он хотел уже отдать трибуна под суд, и тут Порций метнул то копьё, которое давно держал в запасе.

— Я хотел этого оска предать смерти, но гнилозубый помпеец...

Дальше говорить было не надо: копьё попало в цель. Сулла напрягся, взор его, казалось, проткнул насквозь трибуна, — нет, не врет. Лицо Луция из красного сделалось черным. Одно только воспоминание о Помпеях заставляло закипать в его жилах

кровь. Кожа у кадыка обвисла, жилы натянулись. Он осунулся. И сразу стало видно, как великий полководец, победитель Митридата, устал.

Порций понял, что он выиграл схватку. Он отвел от себя руку судьбы, а что касается Феликса, то он еще молод и отыграет у жизни право быть счастливым.

Сулла тяжело вздохнул и сузил глаза. В палатке его уже не было. Он скакал по Кампании. Кампания!

Ее он не мог вспоминать без волнения. Это были времена его молодой славы. Хоть это и было почти восемь лет назад, но Луций хорошо помнил дни боевых успехов, победное шествие по этой удивительно красивой стране.

Но не для того Порций выстрелил в сердце Луция, чтобы тот заулыбался, вспоминая приятное. Он видел, как черная буря уже сеяла свои семена в душе диктатора. Он понимал, что мысли Суллы должны были добраться и до Помпей. А вот и они...

Ноздри Суллы дернулись. Помпеи — вот что омрачало его радость победителя восемь лет назад. Единственный кампанский город, который Сулла никак не мог взять в первый раз. Только спустя несколько лет он сломил Помпеи, навсегда возненавидев и их жителей, осков. Вот почему он напрягся при напоминании о прошлом.

— Как это случилось? — только и спросил он.

— Феликсу было строго приказано — тяжелую пехоту пустить первой, чтобы не разорвать строй в горах, — подготовленно соврал Порций. — А он пустил конников.

— Разорвал?

— Да, меды воспользовались этим.

Сулла, кивнув писарю, добавил:

— В гладиаторы этого ооска... К медам направить экспедицию. Стереть с земли...

Порций вышел из палатки покачиваясь. Весь день он лежал в тени, не имея сил двигаться.

К вечеру палач Глобус доложил, что арестован Феликс.

— Знаю, — отозвался Порций.

— В Риме обнаружили заговор против Суллы.

Этот презренный оск должен был убить императора. Хвала богам Капитолия, что изменников схватили и отправили в Мамертинскую тюрьму.

Я КОПЬЕМ ПАХАЛ ЗЕМЛЮ

Взвесив все то, что было известно, Спартак предложил такое решение: римлян в Яворине не ждать, а встретить в горах, оставив крепость за спиной и дав тем самым остальным медам возможность уйти в горы, за облака, к пещерам, вырубленным в скалах. Спартака поддержали Муржо, Волчья Шкура, Меда, Севт и Робро. Присоединился и Локр, предложив попробовать договориться с Суллой мирным путем. Это отвергли.

В Яворине на базарной площади было объявлено решение царя драться с римлянами. Народ одобрил решение.

Вскоре дружина была собрана и вышла по дороге к Прасиас-озеру. Возглавлял ее сам Спартак.

Видно было, что молодой военачальник волновался, но старался не подавать вида. Там, где ему не хватало знаний, помогали более опытные, но не упрекая за это, не ставя в вину. Сразу оценили другое — молодой царь еще не знал многого в военном деле, но чувствовал, что нужно, лучше многих опытных стратегов: не тот много понимает, кто много прожил, а тот — кто многое постиг.

Постигать приходилось все самому. Отстал обоз, надо было бы наказать погонщиков волов — простил. Трое струсил спускаться по отвесной стене за камнями. Надо было бы повесить — отругал, кинувшись с кулаками. В свободную минуту думал. Да так, что казалось, вот-вот голова лопнет.

Спартак взял натертую воском дощечку, нарисовал иглой дорогу, по которой будут двигаться отряды медов, и дорогу римлян. Циркулем наметил пункты отдыха. По старой карте, начерченной от руки каким-то моряком в Амфиполе, мысленно прошел всю дорогу от Яворины до Филипп. Лучшим

местом для битвы была бы равнина у южных откосов Орбелуса, но это было выгодно для римлян — у них было вчетверо больше сил.

Спартак прошел к колодцу, вылил бадью холодной воды на голову. Струйки побежали за одежду, обжигая грудь и спину. Спартак хотел попрыгать, как обычно делал это юношей, но приостановился — неудобно, теперь он царь и надо быть серьезным.

Муржо, принесший ужин, рассказал, что войска римлян уже покинули лагерь Суллы и движутся в их сторону.

— Надо что-то решать, повелитель!.. Меды ждут твоего голоса!

— Хорошо. Будем бить их в ущелье, где дорога ниточкой вытягивается вдоль Стримона. Здесь их караван должен рассредоточиться и растянуться. Правильно? Тропа очень узкая.

Муржо прислушался. Это что-то было новое. Обычно Сотимус отсиживался в крепости. А теперь — битва на берегу Стримона.

— Каким строем они идут?

— Впереди стенобойные и метательные машины, а за ними пехота и конница.

— Значит, будут разбирать машины. Вот в это время и надо ударить, когда вьюки помешают им. Стоит только запастись наверху камнями. Понял, Муржо, надо выиграть время.

— А если охрана пойдет верхними тропами?

— Ты отвлечешь ее на быстрых конях. Клянусь Гераклом, мы еще поработаем мечами.

Уверенность в победе передалась Муржо. Он накрутил чуб на ухо и сияющий вышел во двор, доверив тайну тем, кому верил.

Бодрая песня раздалась на сторожевой башне. Громче заговорили у конюшни. Кто-то радостно ругал баранов, забравшихся в виноградник.

Настроение Спартака стало распространяться по стране какими-то неведомыми путями: меды твердели душой и сердцем, зажигая сигнальные огни на вершинах соседних гор Орбелуса, призывая родичей к сопротивлению. Везде и всюду Спартак держался орлом.

Высокого роста, с сильными руками и ногами, с горящими глазами, он целыми днями носился на Лампе от лагеря к лагерю, не давая покоя Муржо, Волчьей Шкуре и Робро. И казалось, что силам его нет конца.

Но когда они оставались втроем: он, Семела и Меда, — Спартак падал на шкуры и долго молчал, ища во взглядах жены и матери поддержки.

Как-то Меда сказала:

— Сын мой, в горах меда остались без опоры, им нужно слово поддержки.

— Ты хочешь покинуть меня, мать Меда? — заволновался Спартак, ибо мать хоть и не вмешивалась в его дела, но одно ее присутствие вдохновляло на тяжелые решения: она была его матерью.

— Мы не имеем права оставлять народ без вождя. С тобой останется Семела. Сотимус верил ей. Да и Севт всегда был со Спартаками.

— Правильно ли я делаю свое дело, мать Меда?

— Люди тебе верят. Стратеги исполняют твои приказы. А они бывали во многих битвах и боях.

— Может быть, ты и права. Погибнем мы, а родина останется.

Меду проводили, дав ей большую охрану.

Наступал день битвы с римлянами. И он принес успех. Меды напали на легионеров, растянувшихся по Стримону, спустившись по плетям дикого винограда, свитым в тугие веревки.

Замыслы Спартака оправдались. Он сумел выстроить медов так удобно, что они почти не понесли потерь.

Римляне перестроились, подтянули новые когорты и через несколько дней напали первыми.

Меды стойко рубились, но всем было видно, что легионеров больше, чем горцев. Они все прибывали и прибывали, вступая в бой.

Рядом со Спартаком, одетая как воин, находилась Семела. Где-то рубился Волчья Шкура, безрукий Робро.

Муржо не отходил от Спартака, с волнением следившим за тем, как гибли близкие ему люди.

Вон, окруженный шестью легионерами, бился Севт. Слева пел предсмертную песню Локр:

Мое богатство — мое копье,
Мой меч и мой щит,
Ими я обрабатываю землю,
Ими снимаю урожай,
Ими выделываю вино
Из своего виноградника.

Но все тяжелее становится Локру отбивать мечи и копья римлян. Все тяжелее наносить удары. Вот он покачнулся, а выпрямившись, крикнул:

— Царь Спартак, спасай медов! И пусть Геракл способствует тебе в победах. Из тебя получится великий полководец! Встретимся в Аиде!

Стратег уколол нападавшего легионера и упал. Его затоптали.

Севт пришел проститься перед смертью.

— Мне больно и стыдно, — плача, искал у него поддержки Спартак, — что я не мог выстроить воинов так, чтобы мы победили.

Севт поцеловал его и ответил:

— Никто — ни Спартак Старший, ни Сотимус не сделали бы это лучше тебя, царь. Живи гордо — совесть твоя чиста. Уходите в горы, сберегите нашу землю. А я умру, как этого требует зов наших предков. А ты, Семела, хоть торгуй семенами, свинойю или чесноком, но всегда и везде будь рядом со своим мужем... Прощайте.

А вон разлетелась в щепки дубина Волчьей Шкуры. А там и копье пробило богатырскую грудь. Только что и успел Волчья Шкура перед смертью — обхватить подбежавшего легионера и вместе с ним рухнуть в ущелье.

Спартак плакал, видя все это. Но что было делать — римляне побеждали. Конечно, горцы могли бы встать против них, если бы поднялись разом все пятьдесят племен Фракии и черноплужники Македонии. Теперь-то Спартак знал, что римлян можно было бить. Можно, как это они делали с отцом в недавнем походе, но для этого нужна была сила и дух армии. А сейчас надо было сохранить оставшихся.

А там, в Яворине, созвать синтов, бессов, трибал-

лов, чтобы объединиться и стаей ударить на сынов волчицы.

Слезы бессилия душили царя. Семела стояла в стороне, не мешая мужу. Она понимала, как тяжело было в этот миг на душе Спартака.

— Муржо! — призвал он. — Скажи, чтобы трубили отбой. Уходим в Яворину!

СПАРТАК — РАБ

Тем временем события на исторической арене развернулись так: Сулла, разбив войска Евпатора¹, направился к Персии.

Князя Македонии не забыли о том, как меды возмутили простой народ против них, и направили посланцев к Сулле с просьбой уничтожить этот маленький, но гордый народ.

В экспедицию был направлен претор Гортензий. Спартак возглавил войско против римлян, но слишком мала была численность горцев.

В бой меды вступили, как всегда, одной третью своих войск. Остальные залегли на левом и правом крыле. Но Гортензий был очень осторожен, а главное — он имел численное превосходство.

Спартак, как всегда, был в самом центре битвы. Рядом с ним находилась Семела.

— Э-эй, Гроздяночка! — прорубаясь сквозь ряды легионеров, кричал Муржо. — Залмоксис наш заступник!.. Оглянись на всех своих. Встань на возвышение. Посмотри, не обходят ли нас эти сто раз проклятые самой Змеихой.

Но было уже видно, что медам не устоять против врага. Щитоносцы все плотнее и плотнее обступали их, подтягивая все новые и новые силы.

И как Спартак ни старался прорвать линию наступления, Гортензий зорко следил за ходом битвы, подкрепляя те ее места, где намечался прорыв.

¹ Митридат IV Евпатор — царь Понта.

И вот уже упал Рус с проломленным черепом, тихо произнеся:

— Пусть свобода вечно несет над вами крылья!..

Подломился Севт, разрубленный до пупа. И еще многие рыжеголовые смельчаки закрыли свои глаза.

А римляне все стягивали и стягивали кольцо, вырубая горцев из их плотных рядов.

— А этих, — приказал Гортензий, кивнув в сторону Спартака и окружавших его, — взять живыми. Мы покажем их Риму.

— Среди них есть женщина.

Гортензий замер.

— Кто такая?

— Жена Спартака.

— Ее связать особенно осторожно. Может быть, сам Сулла возьмет ее к себе в шатер на ночь.

— Сулла! У него мало благородных дочерей пленных царей и знатных домов из Афин?

— Но, может быть, и эта заинтересует Лучезарного.

Спартак бился из последних сил. Скольких воинов уложил на землю, он уже и не помнил, но перед ним вставали все новые и новые легионеры.

— Эй! — раздался голос Секунда. — Это что, беременная торговка рыбой встала перед нами!.. Славные сыны республики не могут справиться с этой вонючей собакой, что должна сидеть на цепи около дома самого светлейшего Суллы. Дайте мне дорогу, я покажу вам, как владеют мечом ветераны Пятого македонского легиона, где был трибуном Марк Порций.

Спартак отбил первый выпад. Отбил второй. Тело от усталости звенело.

— Слава Юпитеру! — крикнул палач Глобус, стоявший рядом с деканом. — Но наш великий ветеран уже так обозлился, что был готов забыть о приказе Гортензия взять Спартака живым.

— Горец так выдохся, что скоро сам упадет на землю от усталости! — крикнул Овдий.

— Они все от усталости мертвы, — согласился палач. — Приготовились.. Слушай мою команду. Соединили щиты. И сразу бросаемся вперед. Встали! Ближе! Хорошо!.. Вперед!

Легионеры навалились, сбили с ног Спартака, а там и Семелу. Несколько человек навалились на Муржо. Потом их спутали ремнями, взвалили на плечи и понесли к претору.

Спартак пытался вырваться, но его держало множество рук. А потом Секунд ударил его мечом в ножах по голове. Перед глазами все поплыло, закрываясь кровавым туманом, в ушах зазвенело, и черная мгла окутала его.

Семеле связали руки, набросили аркан на шею.

В лагере римлян их заковали в цепи и вместе с другими пленными погнали к морю. Долго длился их путь до Рима. Здесь, на маленькой улочке за храмом Диоскуров, Спартаку, по старому порядку, вымазали по колени ноги, завили волосы, набросили шелковые одежды, накормили жирным мясом.

К Семеле перекупщик позвал парикмахера. Тот покрасил ей ногти на пальцах ног и рук. Подвел брови, намазал персидской мазью под мышками, чтобы удалить волосы.

— Вот царь медов! — кричал перекупщик. — Победенный великим Суллой! Он хорошо владеет мечом, красив, может быть тренером гладиаторов. А это его жена, знаменитая красавица Фракии. С ее лица в самофракийском храме мастера лепили статуи Кибелы для продажи в провинциях. На этом они получали тысячи сестерциев. Подходите, смотрите!.. Эй, красавицы, чьи мужья и женихи погибли в войне с Митридатом и тевтонами, смотрите, какое удовольствие ждет вас, когда такой герой обнимет своими руками!.. А ты, достойнейший, что остановился, купи себе вот эту красавицу-рабыню, и все твои соседи умрут от зависти. Ты посмотри, какие у нее груди: купишь? Я заставлю ее раздеться, снять все с себя, чтобы ты понял, какой божественный запах исходит ее тело. Эй, стража, отодвиньте этого царя, чтобы он не мешал нам, а ты, красавица, разденься, так как твой господин хочет товар пощупать руками. Ха-ха-ха!

Спартак рванулся к Семеле, но на него навалились, прижав остриями копий к стене храма.

Два дня на Спартака посматривали вдовицы,

оценивая его мышцы, зубы, волосы. Два дня красавицы и щеголи Рима обегали взглядами фигуру Семелы, но грек запрашивал за товар очень дорого.

И вот однажды на рынке рабов появились трое носилок. В первых развалился один из сенаторов, во вторых покачивалась его дочь, за ними шесть рабов несли молодого офицера.

Римляне покинули свои подушки и подошли к тому месту, где продавались Спартак и Семела.

— Ты говорил о них? — спросил сенатор у сына.

— Да.

— А что, он красив?

— Он образован. Отличный воин и фехтовальщик. А потом, отец, они, меды, спасли мне жизнь. Спартак, ты узнаешь меня? — обратился офицер, приветствуя раба как равного.

На базаре, увидев подобное, заволновались.

— Хотя ты не видел моего лица. Я приходил к твоему деду и Каликрите с закрытым лицом. Отец, отблагодари судьбу, купи этих двоих в наш дом.

— А что будет делать эта женщина?

— Она отлично составляет мази. Посвящена в самофракийские таинства... Клаудия, разве она не сможет помогать тебе при твоих туалетах?

— Фракийка прекрасна, — согласилась изнеженная римлянка, не отрывая глаз от Спартака.

— Хорошо, — согласился сенатор, — я покупаю этих рабов.

В доме благородного патриция новому рабу и его жене отвели комнату, дали одежду и еду.

У Спартака появилось много обязанностей по двору и имению. Семела наводила порядок в доме молодой госпожи.

* * *

Шло время.

— Отец, — сказал как-то молодой офицер. — Клаудия преследует Спартака, стараясь добиться от него взаимности.

— Смотри, чтобы не заболела. А так он мне нра-

вится: вежлив, тактичен, хорошо обращается с лошадьми.

— Вчера она сказала мне, что Спартак хотел ее соблазнить...

Старик улыбнулся.

— Этот раб не таков, как ее муж-пьяница. Все дни валяется где-то у гетер, а домой заглядывает, чтобы только украсть денег.

— Отец, Спартак — мед, горцы — люди вспыльчивые, как бы не накликать на наш дом беды.

— А что случилось?

...В один из банных дней Клаудия, чувствуя холодность красивого раба, велела ему сопровождать ее в баню, где приказала натирать себя маслами и выкупать.

Спартак понял, что его хотели унижить и оскорбить. Челядь и домашние не придавали всему этому значения, так как во многих семьях Рима подобное выполняли молодые рабы.

Но патрицианка все это делала злясь, стараясь оскорбить его. Спартак же отомстил по-своему: он мыл свою госпожу так, словно в его руках был кусок камня или дерева.

Клаудия все это поняла и хотела его наказать. Все это подметил ее брат.

Через некоторое время по дому полетел слух, что нового раба хозяин отпускает во вспомогательные войска, воевавшие в Малой Азии, за какой-то очень благородный поступок. Какой — это так и осталось тайной для всех.

СПАРТАК-ДЕЗЕРТИР

Спартак хотел увидеть своего противника — Феликса, но перед глазами все еще стоял Рим, тот Рим, который он видел, отправляясь на службу во вспомогательные войска, набиравшиеся из провинциальных народов за самую меньшую плату. Но и здесь можно было получить венок почета, что давало хоть какую-то надежду на улучшение положения.

До Малой Азии Спартак добрался без особых приключений. Здесь же храбрость и боевое умение помогли ему отличиться в бою, за что он и был отмечен особой наградой, дававшей ему возможность стать свободным наемником.

Но чем ближе когорта подвигалась к Фракии, тем сильнее стучало молодое сердце. Все чаще и чаще вспоминались теперь уже погибшие Муржо, Рус, мать Меда и все то, что так радовало сердце в дни, когда они все вместе жили у родного Орбелуса.

Потихоньку Спартак стал устанавливать связь с теми, кто укрылся от мечей легионеров и теперь еще спускался с гор, мстя за кровь и обиды, нанесенные медам сынами волчицы.

Один из таких отрядов возглавлял Дах. Тот самый Дах, кого Спартак спасал в дупле от Феликса. Теперь он засел в горах и оттуда не давал покоя римлянам.

В одну из бурных ночей Спартак покинул армию легионеров и скрылся в родном Орбелусе. И снова его голос гремел в ущельях и на полонинах, призывая медов к мщению. Но не те были времена. Рука горцев еще крепко держала меч, но не было прежней сплоченности медов и римский наместник стал хитрее и изворотливее.

Но все-таки приходили в свои горные кельи храбрецы, увенчанные победами. И не один раз Спартак с Дахом задумывались над тем, как напасть то на лагерь врагов, то на их отряд с продовольствием.

Но однажды их схватили.

Спартака судили как дезертира, Даха — как разбойника. Обоих приговорили быть растерзанными зверьми на арене цирка в Риме.

Но в это время пришел указ сената о том, что казна республики истощилась. Преступников, за которых можно получить деньги, велено было отправлять на рынок рабов.

Так Спартак и Дах были проданы в гладиаторы, но вскоре встретились снова, уже на арене цирка в Помпеях.

РАЗМИНКА В ЦИРКЕ

— Давай проверим нашу силу и ловкость!

— Готовься, становись в стойку, — произнес Спартак. — Посмотрим, чему ты научился за время нашей разлуки. Или ты за это время стал, как говорят латиняне, тощей кишкою?

— Не стал ли ты сам тощей кишкою?..

Друзья сошлись, хлопая друг друга по спинам. Сильным хлестким рывком Спартак, перехватив Даха в поясице, бросил на себя и, подсекая ступнею оторвавшуюся от песка ногу парфянина, хотел опрокинуть его на спину. Но богатырь, вывернувшись, словно кошка в полете, упал на песок ладонями и коленями.

— Клянусь Гераклом, ты хитер и ловок, Дах! — подбодрил соперника Спартак.

Но в это время Дах сделал какое-то неуловимое движение, и Спартак покатился по песку.

— Эй, я многих учил приемам борьбы, но такого не знаю.

— А я бы хотел обладать твоею хваткою! — поблагодарил парфянин за похвалу. — Клянусь, я не хотел бы стоять против тебя с мечом, как это сделает Феликс. Говорят, в Риме на похоронах родственника консула, куда купили его биться на мечах¹, он добыл себе жизнь тем, что, перебросив меч из правой руки в левую, сумел сделать такой выпад, какого никто и никогда не видел.

— Прими стойку, займи центр. У тебя, Дах, правая слабее левой.

— Это после того, как палач Глобус распинал меня на кресте. Быстро немеют мышцы на лопатке.

— У тебя чернеет лицо от напряжения, не страдаешь ли печенью?

— Слава моему родному городу Нисе, где бог Солнце навсегда оставил свой след на моем лице.

¹ Гладиаторские бои возникли и получили распространение как погребальные игры.

— Тогда держись! — и Спартак обманным движением отвлек взгляд парфянина, скручивая его ноги своими, словно удав жертву.

А текли три речки.
Текли они быстро, —

запел мед, зацепив правой пяткой голень своей левой ноги, и как винтом виноградного пресса сдавил конечности побратима.

Окружившие их гладиаторы громкими криками подсказывали тому и другому, как поступить дальше. Но увлеченные борьбой, они ничего не слышали. Жилы их настолько вздулись, что казалось, еще миг, и кровь брызнет из них.

— Что ты там шепчешь, как повитуха, — вдруг, темнея глазами, закричал Спартак парфянину. — Говори громко, они такие же рабы, как и мы.

— Ты сказал Спартак, что у тебя есть ход против центуриона Феликса. Я разгадал твой секрет. Я знаю, о каком ходе ты говорил.

— О каком?

— Я вспомнил о ране в пах, которую ты нанес ему у Стримона. Вот почему в Брундизии, где я его видел, он не мог сделать глубокого выпада левой ногой.

— Ты прав, Дах, — освобождая правую руку из замка парфянина, отозвался Спартак, — но ведь ты знаешь, что бой гладиаторов — это цирковое искусство. Кому улыбнется фортуна.

Говоря о ране Феликса, Спартак чуть расслабился и тут же почувствовал, как парфянин выскальзывает из его объятий.

— Хоть ты и знаменитый гладиатор, Спартак; и к твоим ногам падают цветы вдов прославленных воинов Латия, которые не начинают пиров без твоего присутствия, я докажу тебе, что у меня есть сила. — И тут тело Спартака ударилось о песок.

Гладиаторы гулко засмеялись, показывая на поверженного большими пальцами сверху вниз, как это делает публика в цирках и амфитеатрах, требуя смерти побежденного. Разъяренный мед бросился

на Даха, словно барс на добычу, сдавив его руками, будто питон жеребенка. Казалось, еще миг, и он переломит позвоночник парфянина. Но Дах вдруг ослаб в объятиях Спартака и тихо прошептал:

— Клянусь Гераклом, но в палестру пришел Феликс. Он хочет подоить курицу.

— Нет, скорее вымя суки, — зло отозвался Спартак, холодея. — Где этот обрезок?

Но было поздно, выдохнув воздух, парфянин вынырнул из рук фракийца, который, улыбаясь, стоял на песке, растирая пот, смешанный с втертым в кожу маслом.

— Ты стал ловок, как пантера, побратим, — подбодрил он Даха. — Но повиси в лагере у римлян ты еще день-другой на распятии, тебе бы не уйти из моих рук.

— А ты стал вспыльчив и раздражителен, Спартак. Учти это. Феликс может разозлить тебя словами и расслабить боевой дух во время схватки, — массируя спину меда, продолжал парфянин.

Спартак лег на песок, подложив под голову хитон.

— Ночами мне снится родной Орбелус, Стримон и пожар в нашем городе. Я не могу смотреть на этих счастливых, упивающихся благополучием и властью. Иногда мне хочется кинуться на их носилки и рубить этих кампанийских вепрей на куски. Я не могу смотреть на эти бесформенные головы с прямыми носами. Во мне все дрожит. Клянусь Гераклом, что испотрошу этого Феликса, выместив на нем обиды моей родины. В день битвы он проклянет час своего рождения. Ты знаешь, Дах, это ведь Порций придумал обвинить нас, медов, в том, что мы удушили сенатора, ехавшего лечиться с семьей на воды. Поверь мне, что Феликс будет умирать на глазах своих земляков медленнее, чем перерубленная змеиха на закате солнца. Ты пойми: где и когда я еще могу дожждаться такого случая, когда мне будет позволено убить его на глазах у всех? Я отрублю сначала кисти рук, как они это делали с фракийцами. Потом отрублю ноги, вспорю грудь и поднесу Порцию, который затеял эту охоту с травлей Спартака, сердце его люби-

мого центуриона, получив взамен кубок с золотыми монетами.

— В какой половине дня будет битва? — спросил Дах.

— После того, как бык растопчет чернокожего афра и его пустят на тебя.

— Но он же растопчет и меня, Спартак, — поддержал меда Дах.

— Кто знает, что могут придумать эти Змеи Змеевичи.

— Да вырастут у них волосы на ладонях! Но ты помни один из приемов парфян, который почти всегда приносил им успех.

— Пускать тучами стрелы?

— Занять место в бою так, чтобы солнце, ярко освещая их, слепило врага.

— Это мудро, побратим.

— Сидя на конях, они заворачиваются в плащи, а перед боем, когда враг близок, сбрасывают шкуры, и панцири их ярко вспыхивают на солнце. Начищенная бронза и медь горят огненным пламенем, и это действует на противника, как взгляд удава на кролика.

Спартак отпил из баклаги воды и подал сосуд парфянину. Полуденное солнце жгло землю. Легкий ветерок шелестел листьями виноградника. Хромоногий раб-грек опрыскивал из меха цветы, поправлял песком дорожку. Легкая горlinka ворковала около просыпанной чечевицы.

Зазвенели кандалы. В палестру привели трех могучих гладиаторов, с которыми должен был разминяться Спартак. Стражник снял с них железо, запирая ворота палестры. Двое других воинов, опершись о копья, старались дотянуться до виноградных кистей.

Первым против Спартака вышел звероподобный горец из Нумперии. Руки его, как два гибких хобота, обхватили меда, но Спартак резко выдохнул воздух и, расслабив смертельное кольцо, выскользнул из тесных объятий. Легкая подножка — и нумпериец лежал на полу.

— Слава тебе, Спартак! — вскрикнул Дах.

— Слава! — закричали гладиаторы.

Двух остальных мед поборол сразу. Спартак умылся, вытираясь туникой.

— Он знает много приемов? — спросил Спартак у Даха о завтрашнем враге.

— Но ты сбрось вовремя плащ с брони.

— Нет, Дах, здесь, на юге Латия, кто стоит лицом к солнцу, тот ослеплен. Но все же спасибо, побратим, за подсказанное. Клянусь звонкими копытами кентавров, ты подал мне интересную мысль. И пусть у Феликса завтра вместо рук будут два змея Пифона, подаренные Герой, я сделаю такое, что он окаменеет. Но самая большая радость, укрепляющая меня, как Антея земля¹, это ты. Встретив тебя, я как будто дотронулся рукою до родных гор. Клянусь Гераклом, я завтра сделаю из этого Счастливичика² двух... А сегодня попрошу ланисту, чтобы тебе разрешили ночевать в моей тюрьме. Согласен? Эй, стража, откройте нам ворота.

— Я бы с удовольствием открыл их тебе в Аид! — отозвался, звеня ключами, стражник.

— Боишься, что сверну шею?

— Слава богам, что скоро продадут в Капую. А с остальными мы справимся, как со стадом безрогих коров.

— Плетьми и кандалами?

— Иди. Есть еще и раскаленное железо. Иди, Спартак!

— Этот парфянин пойдет со мной.

— Пусть решает декан — ему платят вдвое больше. Больше дадут и плетей, если парфянин сбежит.

Но тут раздалися шаги, и на дорожке школы появились носилки ланисты. У ворот палестры он откинул занавески и сошел на землю.

¹ Антей — сын Посейдона и Геи, был непобедим в бою, потому что набирался сил от земли. Геракл, понявший его секрет, победил его, подняв над землей.

² Имя Феликс означает «счастливый».

— Куда Юпитер-Громовержец направил твой путь, Спартак?

— Он не фехтовал, а только боролся, — донес стражник.

— Сегодня этого делать нельзя. Феликс сейчас бьется сразу с тремя фракийцами. Бери меч, я возьму другой. Начинай разминку. Эй, ты, ослиная моча, быстро позови массажиста! Я плачу ему деньги не за то, чтобы он в тени деревьев пил вино.

Прибежал лысый морщинистый перс с большими мускулистыми руками. Он припал к ногам ланисты, говоря что-то на своем языке.

— Начинай работу. Где масло? Спартак, ложись на лавку. Дайте мне воды освежиться.

Вскоре ланиста и Спартак встали друг против друга с мечами в руках.

Спартак сделал выпад — мимо. Рукоятка меча ланисты ударом ошпарила ухо. Еще выпад — острие пропороло кожаный наплечник ланисты. Теперь оба сверкали ненавистью друг к другу. Стража вокруг бьющихся сомкнулась кольцом, так как от разъяренного меда можно было ожидать всего.

— Ниже посадку корпуса. Глубже выпад. Спартак, что ты сегодня, как старая сводня!

Спартак снова сделал укол, но ланиста был в ударе, хлопнув плашмя мечом по плечу раба, он удачно отскочил в сторону, вызывая одобрение стражи. И тут мед, блеснув глазами, посмотрел на ворота палестры, настороженно-брезгливо сказав:

— Кто разрешил Феликсу прийти к нам в палестру?

Ланиста оглянулся. И тут меч его, описав дугу, отлетел в сторону, а сам он, скрученный сильными руками гладиатора, был припечатан к песку арены.

— Будь я проклят всеми заклинателями Помпей, если ты все-таки не Спартак! И я горжусь тем твоим боем, который ты покажешь этим бездельникам, набивающим свои животы горохом и свининой. Тебя приехали смотреть стратеги и трибуны из Рима, Македонии и Британии. Эй, вы, чернобрюхие идолы! А ну, возьмите-ка мечи и встаньте против Спартака.

Сразу пятеро... Боги! Но что могут сделать эти трое воров, ставших гладиаторами. Разве им понять всю поэзию поединка, поэзию боя гладиаторов? Им только резать нищих на кладбищах, отнимая медные ассы. Хорошо, возьмите каждый по два меча. Так, займите позицию. Начали! Эй, декан, или ты, массажист, позовите еще дезертира, что сидит в карцере на цепи, пусть он встанет против Спартака. Он хоть немного может махать мечом.

Тренировка закончилась глубоким вечером.

С моря дул ветер, шумела по соседству рыночная площадь. Продавец воды кричал, торопясь освободить мех. Ланиста разрешил Даху ночевать в каморке Спартака, но приказал заковать парфянина в кандалы.

Спартак всю ночь думал. Как быть?.. Так и умирать гладиатором? Растоптанным на арене цирка, под крики зрителей. Но почему он должен уподобляться животному? Почему он должен развлекать тех, кого он мог побеждать там, у Стримона, в родных горах Орбелуса? Но родная земля выжжена дотла. Все проданы в рабство, многие умерли от тяжелых болезней. Можно бежать к Митридату. Можно поступить моряком на один из пиратских кораблей. Ведь они вторые хозяева в римском государстве. Или, бежав из Кампании, скрыться в безбрежных пределах Африки. А если пробраться в Испанию к Серторию, вот уже сколько лет воюющему против Помпей? Да и Сицилия могла бы укрыть гладиатора. Хотя бывшая часть Великой Греции теперь союзница Рима во всех его кровавых завоеваниях.

* * *

Рабы, стараясь привести быстрее в порядок арену для новой схватки, волокли труп льва к Воротам смерти, обливаясь потом. Солнце жгло все нестерпимее. И это, по расчетам Спартака, было хорошо, так как ему очень хотелось спасти жизнь чернокожему.

Спартак, стоя между решеткой ограды и дубовы-

ми воротами зверинца, был похож на льва — так горели его глаза и взбиты были густые светлые волосы, отливавшие золотым цветом пшеничной соломы.

Вокруг него кувыркался черный гладиатор-ливец, готовясь к схватке с туром.

В самой почетной части амфитеатра, за столом, покрытым парфянскими коврами, сидели богатейшие и знатнейшие люди города и их гости — стратеги из Македонии, Сирии, Александрии и островов Британии, наслаждались винами и едою. Слух их улаждали флейты. Подали свежие фрукты, копченую свинину, виноград, сирийские сладости. На золотых подносах высились каппадокийские булки, что так умело пекли греки, жившие в Помпеях.

Снова фригийские двойные флейты стали ткать свою узорчатую музыку. Танцовщицы вскинули над головами руки, украшенные золотом и легкой материей из города Газы.

Освежившись вином, гости оживленнее заговорили о своих воинских делах, делах на фермах и о торговле, которую надо было оживить, учитывая очень большой долг Помпей Риму. Разговор не мешал отцам города то и дело пополнять фиалы вином, струившимся из рук рабов Сирии и Ионии.

Громче всех говорил Порций, поставивший кубок золотых монет на Феликса. Трибун Пятого македонского легиона был убежден в победе своего бывшего центуриона, познавшего законы и тайны фехтования в лучших палестрах и школах Рима. Он отлично помнил гладиатора по совместным боям с медами среди скал Орбелуса. Об ударах меча Феликса в когортах легиона и тавернах Филипп ходили легенды. Порция, лицо которого было награждено снизу тяжелой бычьей челюстью, нисколько не интересовал этот трюк — схватка обнаженного парфянина-пирата с туром, которого так старательно готовили организаторы игр. Порций ждал схватки прославленного гладиатора-фракийца Спартака, своего бывшего врага, опозорившего когда-то его там, в ущелье Орбелуса.

Феликс приготовил для показа землякам сюрприз, такой, что все знатные рубаки Помпей будут не один год пить за его здоровье в таверне у палестры

форума. Конечно, в Риме все обставляется значительно богаче: и одежда гладиаторов, и оружие, но никогда еще патриции не видели такого изобретательного удара, каким он сегодня отомстит презренному меду за все те оскорбления, какие были нанесены в ущельях Орбелуса медами воинам Пятого легиона.

Порций улыбался своим мыслям: «Да, будет что-то интересное, — думал он. — Или, клянусь святым дубом Юпитера в Додоне, я сам выйду с мечом. Разве хуже владею им, чем те, кто ходит сражаться на арену цирка в Риме? Но и Спартак — опытный фехтовальщик, клянусь всеми стрелами Юпитера. Говорят, что он по республике и городам се союзников дал около ста боев. Да, — тут же мысленно ответил сам себе Порций, осушая фиал с вином, — но то были лишь пленные солдаты, разве им знакомо искусство фехтования в такой степени, как офицерам римской армии, которые военное дело возвели в идеал своей жизни со времен царя Нума. Военное дело в крови каждого гражданина Рима».

Порций прислушался к разговору. Обсуждался удар Феликса, который он нанесет Спартаку. Сначала Счастливый ранит меда в колено правой ноги, а потом до половины перерубит кость таза. Так, чтобы от боли Спартак стал закапывать голову в песок арены, прося у богов смерти.

«Если Феликс таким приемом хочет удивить меня, старого знатока фехтовального искусства, то стоило ли трястись из Рима сюда, — думал Порций. — Этот удар был известен людям далеко в прошлом. Просто его уже забыли. Варварский вариант, в варварском исполнении. Его из Африки привезли нубийцы. Но разве это удар? Может быть, для этих ленивых ослов кампанийцев, боящихся замахнуться палкою даже на осла, такой удар считается высшим достижением военного искусства, но для воина по крови победа должна быть выиграна не грубыми приемами, а тем красивым жестом или приемом, который скульпторы Рима хотели бы запечатлеть в изваянии на века... Нет, Феликс всего лишь центурион, обязанность которого в бою — всеми силами

устоять там, где ему было приказано. В подобных же случаях больше работают сердцем, чем мозгами, ибо данное приказание может выполнить только тот, у кого сердце крепче щита. Если бы подобное довелось решать мне, — продолжал думать Порций, — я бы сначала поставил на арене клетку, в которой содержат рабов, самых опасных, и, загнав туда этого вшивого горца, шикарным жестом закрыл дверь, повесив таблицу со стоимостью рабыни-повитухи, которая в два раза дороже любого пленного солдата, да еще дезертира. Ах, как бы это оценили в Риме тонкие знатоки гладиаторского искусства! Смотрите, как трибун Порций умест маневрировать».

— Клянусь прахом всех павших в Британии легионеров, — вдруг закричал старик-стратег, приехавший с далеких туманных островов. — Если он перерубит этому варвару колено, как это делали сто лет назад, то не стоит и сидеть столько под солнцем! Вчера с площади Кастора мне привезли такую танцовщицу, что я не могу спокойно вспомнить ее фигуру.

Маленький патриций, что полулежал на подушках рядом с Порцием, ехидно усмехнувшись, откликнулся:

— На площади Кастора, где торгуют рабами греки, могут столетнюю старуху всучить за девственницу четырнадцати лет от роду.

— Я сам видел, — продолжал старик-стратег, — на ее теле нет ни волосочка.

— Эй ты, старый развратник! Веста, чей храм расположен рядом с базаром рабов, зло подшутила над тобой — это барышники при помощи мазей сняли с нее все волосы, а мышцы, чтобы они выглядели моложе, натерли горячей смолой.

Многие зло засмеялись.

Я РАСПИНАЛ ЭТОГО ПАРФЯНИНА

Солнце стояло высоко. До наступления вечерней прохлады, которой так ждал уставший от солнца город, еще далеко. Здесь все было приспособлено,

чтобы укрываться от жары: и постройки на главной площади, и фонтаны, и колодцы, и навесы у лавок и административных зданий. В Помпеях знали цену прохладе и умели ценить тень в часы дневного зноя. Одни на этом проигрывали, а другие наживали солидные барыши, строя и содержа термы с горячей и холодной водой, торгуя прохладительными напитками. Много работы было водопроводчикам, укладывавшим трубы для бассейнов и фонтанов внутри домов, да и тем, кто делал летние носилки, украшенные материей, имевшей свойство пропускать в балдахин носилок легкие порывы ветра, но задерживавшей обжигающие лучи солнца.

Большие барыши доставались и торговцам охлажденным вином, что расположились с фиалами и ритонами на старых, покосившихся торговых столах, окольцевавших амфитеатр Помпей. Они то и дело обливали водою кувшины, обшитые тряпьем, чтобы прохлада как можно дольше сохранялась в вине, разбавленном на две трети водою. Голоса продавцов прохладного вина летели далеко и за стены амфитеатра, и за ограду соседней палестры, где обычно жители города занимались физическими упражнениями.

— Божественный напиток бога Вакха! — кричали одни.

— Идите, идите, попробуйте этого поистине нектара, что сегодня я получил с винограда у самого подножия Везувия, где почва богаче и плодороднее!

На трибунах цирка свободными гражданами обсуждалось всякое: Рим стал меньше платить за товар. В Кампании неурожай. Цены на еду возросли.

— Оружейники и портные, обшивающие гладиаторов, повысили цены, — бросил человек с повязкой на лбу.

— Митридат снова готовится к войне с Римом.

— С оружием тяжело. Видит небо, оно скоро понадобится и здесь, на юге Италии, — отозвался вольноотпущенник.

Спартак стоял у выхода из подземелья, разные мысли роились в голове. Он объездил всю республи-

ку, его имя писали почти во всех городах на стенах, смотреть его бои съезжались чуть ли не самые знаменитые патриции Италии. Он накопил хорошие деньги, выкупил Семелу из рабства. А скоро и сам станет свободным тренером в одной из гладиаторских школ. И пусть все думают, что он принесет и положит свои знания на алтарь Рима, но он-то знает, где найдут применение его силы... Пора приступать к выполнению задуманного — снова бить легионеров. Армия готова — это гладиаторы. У них есть умение, есть оружие, им нужен хороший предводитель, который знает, как надо создавать и строить когорты, как надо водить их в бой. А бить легионеров можно. И мы будем их бить! Но где же Феликс? Или он так боится памяти того дня, когда мы отбили у них обоз с золотом, а Порций подвел его под суд, перепродав в гладиаторы? Где же ты, Счастливей?

Он посмотрел в ту сторону, где сидели ремесленники, вольноотпущенники, купцы и свободные крестьяне, косо поглядывая на легионеров и стражу, и понял, какое великое чувство обиды оплтело тех, кто ненавидел своих грабителей. Казалось, только брось клич: «К оружию!» — и ярость мщения затопила бы амфитеатр. А это было хорошо знакомо Спартаку еще со дней его юношества, когда меды и соседи их по Стримону вставали с оружием в руках против римлян на Балканах.

Сдерживало этот порыв присутствие легионеров, которые приехали как будто за новобранцами, но многие понимали, что солдаты приехали для поддержания порядка в одной из самых богатых областей, где вот уже несколько лет подряд стоял неурожай.

Гладиатор внимательно прислушивался к голосам у Северных ворот, стараясь по ним понять настроение легионеров, которые, чувствуя себя в Помпеях хозяевами, кричали и ругались, никого не признавая.

— Марк Порций, почему ветеранам снизили пенсию? — донеслось откуда-то сбоку.

— Кто оскорбил святое имя Марка, победителя медов! — закричал, поднявшись, помпеянец в старой солдатской одежде.

— Когда я служил в его легионе, клянусь всеми богами Капитолия, это было самое достойное время!

Постепенно разговор перешел на Спартака:

— Этот Спартак воспитан в горах, он же пронзит центуриона на третьем выпаде. Мед — гладиатор не из воров и разбойников. Горцы рождаются с мечом в руках. Они бьют без промаха, как вепрь клыками.

— Нет ли здесь какой-нибудь подставки?

— Подставки нет, но поговаривают, что последний сын у жены Феликса от Спартака.

— Это — разговоры тех, которые хотят собрать больше публики в цирке. Кстати, говорят, парфянин, что будет бороться с туром, владеет чуть ли не таинствами самофракийских богов, умеющих заклинать даже питонов. Жрецы боятся, что дары будут носить не в храм, а в школу гладиаторов... О, клянусь своим мечом, этот тур сегодня переломает ноги о кости парфянина.

— Его надо распять, как это сделал когда-то славный Марк Порций! — закричал Секунд.

Сжался, великий Зевс!
А вы, молчаливые Мойры, жизни
ненужную нить острым обрежьте серпом... —

стал читать стихи какой-то горожанин.

— Кому посвящаешь стихи? — зло оборвал горожанина декан Секунд.

— Марку Порцию, ждет его Тартар!

Смертью кончается все.
И палубу быстрого «Арго» время заносит
песком.

Радуйся, злобный Эст! —

снова полились стихи греческого поэта.

Пусть воробьи и осы
выедят весь мой виноград,
если только этот предстоящий бой
еще раз не подтверждает мою мысль о том,
что парфянина надо еще раз распять, —

опять громко закричал декан Секунд. — Разве не из-за этих таинств черных сил нам пришлось потерять караван с золотом? Чары фракийцев помешали в ту ночь легионерам бить их!

— Не ты ли вел легионы на фракийцев? — зло спросил палач Глобус. — Не там ли тебе и перерубили нос, чтобы не совал его куда не надо!

— Кто дрался со мной в битве с фракийцами, тот знает цену этому шраму!

— Признавайся, старая черепаха, к какой жене ты заглядываешь по ночам в замочную скважину? Не муж ли ее переломал все хрящи твоего клюва, — снова донесся голос палача.

— Хо-хо!

— Ого-го! — дружно засмеялись легионеры.

— Эй, где префики¹, позовите их, пусть они вытрут слезы герою битв с медами. Ведь это, оказывается, потому разбежались все фракийцы в горах от легионеров, что этот декан Секунд, хозяин мыловарни, вместо меча схватил свой вонючий хитон и стал размахивать им над шлемами горцев.

— Эй, ты, безмозглый мясник, — огрызнулся Секунд, — пусть авгуры² предскажут мне участь самого ничтожного раба, но разве не тебя, палач Глобус, жена этого Спартака сбросила в колодец, когда ты хотел пощупать ее бедра?.. Что же ты молчишь, Леандр? Или у тебя сразу выпали от страха зубы и ты стал похож на беззубую потаскуху, что около таверны продает себя нищим по ассу за вечер?

— Глобус! — закричали вокруг. — Ответь по достоинству этому крокодилу, умеющему только пресмыкаться перед центурионами.

— Ответь, Глобус, или мы выберем себе другого палача.

— Пусть авгуры предскажут мне жизнь раба, а ему — смерть от египетской язвы, — возразил Леандр, — если не он сам хотел опозорить Семелу, хвалясь перед ней мужской силой. Но она защищала свою честь, как рудиарий³ жизнь. Сейчас он размахивает языком, как грязными тряпками, скупленными у легионеров по медному квадранту за талант

¹ Префики — плакальщицы.

² авгуры — гадатели.

³ Рудиарий — гладиатор, получивший свободу.

чистого веса, а в тот день, когда мы захватили укрепление Спартака и она повела его к колодцу, где хотела показать золото, спрятанное в воде, этот дурень притих, чтобы первым завладеть богатством. Но жена Спартака, как борец, перекинула декана в колодец.

Спартак, молча наблюдавший за цирком, теперь, подбадривая парфянина, произнес по-фракийски:

— Эй, Дах, покажем этим бараньим курдюкам, набитым свининой с горохом, как умеют славные горцы биться даже без меча. Да закует этих сынов волчицы Гефест в кандалы! Руки мои горят огнем возмездия, когда глаза видят этих удавов! — воскликнул Спартак.

СМЕРТНИКИ

Тигра, растерзанного львом, волокли по песку арены амфитеатра Помпей, громко и грубо ругаясь. Но их голоса заглушал ревом царь зверей: раненого, ослабевшего, его добивал горный тур, позолоченные рога которого искрились на солнце, как два боевых меча.

Спартак стоял за железной решеткой ограды, отделявшей арену амфитеатра от зрителей, опираясь спиной о ворота подземелья. Из-за решетки, сколоченной из плах столетнего дуба, пахло сыростью, перегоревшим навозом, доносился рев пантер, рык барсов, вздохи носорога, ржание жеребцов и тяжелые удары бичей надсмотрщиков, охранявших темницы, в которых были заперты гладиаторы.

Спартак внимательно наблюдал не за боем зверей на арене, а за той частью публики, что сидела у Северных ворот амфитеатра. Здесь восседали ветераны и легионеры Пятого македонского легиона, расквартированного в эти дни в Македонии, у границ Фракии, родных мест Спартака.

Спартак внимательно вглядывался в лица тех, кто еще совсем недавно ходил по его родным горам, дышал воздухом дорогих сердцу мест.

Из подземелья к Спартаку подошел стройный, плечистый, такой же светловолосый и голубоглазый, как сам Спартак, молодой смертник. Он был обнажен, как статуя Аполлона Капитолийского в Риме. Стыдливо прячась за могучую фигуру Спартака, он старательно растирал между ладонями какую-то жидкость.

— Почему ты гол, словно Зевс, когда он в образе змея, сошелся с Олимпиадой, чтобы зачать Александра Македонского? — спросил Спартак подошедшего по-фракийски.

— Какая-то вдова из Капуи, муж которой погиб в земле медов, видела мой бой с быком. Теперь она заплатила ланисте за то, чтобы я набедренную повязку снимал не в центре арены, на месте схватки с тигром, а еще в подземелье, выходя на бой голым, словно гимнастка, танцующая на руках между мечами. Она говорит, что я фигурой похож на Аполлона с острова Делоса. Сделать бы из ее черепа кубок, Змеиха!

— Свободные граждане республики... — произнес Спартак. — Чем больше оскорбят достоинство человека, тем радостнее у них на сердце. Водят раскаленными углями по ранам человека во имя прихоти. Погубила бы их африканская язва! Нас, медов, считают варварами. Клянусь всеми победами Геракла и песнями Орфея, но разве наши стратеги и воеводы в Родопах устраивают гладиаторские бои? Эй! Да переломает твои руки веслами Харон, — вдруг крикнул Спартак по-гречески в сторону дубовой решетки, за которой один из рабов, в угоду декану с перерубленным носом, колот длинной медной иглой удава, лежавшего в плетеной корзине.

Огромная змея шипела, билась о стенки плетенки, но прочные прутья не давали ей отомстить обидчикам, злорадно наслаждавшимся безнаказанностью.

— Эй! — снова грозно предупредил Спартак. — Перестаньте издеваться над несчастной или я разможу ваши черепа, как это сделали фракийцы с консулом Катонем в Родопах. Ио! Ио!.. — позвал гладиатор питона.

Змея повернула голову на голос, показав то по-

черневшее место на теле, где когда-то у нее была вторая голова, отсеченная в битве.

Перерубленный нос на лице декана несколько раз передернулся, глаза налились бессильной злостью, и он, заскрежетав зубами, произнес:

— Послушай ты, ублюдок! Хоть твое имя Спартак и написано на всех домах Помпей, как имя самого знаменитого гладиатора, но помни, что я могу заставить тебя доить любую суку, что питается отбросами городской свалки и потрохами таких же презренных рабов, как ты. Это говорю тебе я — декан Секунд!

— Не тот ли, которому я в ущелье Орбелуса перерубил нос? — смело спросил Спартак. — Или ты хочешь, чтобы я и сейчас из тебя сделал обмылок, как те, которые варят в твоей мыловарне?

— Твое счастье, Спартак, что скоро тебе выходить на бой с нашим центурионом, а то бы я показал тебе, как оскорблять свободного гражданина Помпей, будь ты беременной торговкою рыбой... Коли! — зло приказал декан рабу.

Питон снова забился и зашипел.

Светлые глаза Спартака потемнели, словно Тирренское море перед бурей. Рука потянулась к мечу.

— Ха-ха! Этот грязный, вшивый фракиец хочет меня напугать! — донеслось из-за дубовой решетки. — Подожди, сейчас Феликс отрубит тебе руки и твою рабскую требуху бросят бездомным собакам на кладбище гладиаторов.

Меч Спартака зашелестел, вынимаемый из ножен.

— Кого ты хочешь напугать — меня, декана Секунда? — понимая, что фракийцу и его товарищу не пробиться сквозь дубовую решетку, храбро закричал декан. — Так знай, что меня за храбрость наградили серебряными браслетами и гривною сам трибун Марк Порций. Эй, стража! Наденьте на него кандалы и запиrite в темницу. Почему гладиатор ходит по амфитеатру, как свободный гражданин? Где ваши плети и раскаленное железо?

Глаза Спартака заискрились, как два костра, и горькая обида бессилия обожгла его.

— Успокойся. Береги силы, — положив на его

плечо руку, сдержал фракийца гладиатор, стоявший рядом.

— Будь благодарен богам Капитолия, что они породнили тебя с нашим городом, где ты сейчас умрешь, а не заставили крутить жернова в темницах мукомолов Боспора, презренный раб. Радуйся, ты сегодня умрешь, возвеличенный среди варваров тем, что патриции благословят твой путь в Аид своими рукоплесканиями и возгласами. Тебя завернут для похорон в холст, сотканный в Помпеях, а не в вонючую баранью шкуру! — продолжал кричать декан, вызывая Спартака на скандал.

— Уйдем, — попросил снова второй гладиатор Спартака по-фракийски. — Он, видно, подослан, чтобы разозлить тебя перед боем. Смотри, смотри, на арене уже ливиец. О! Как он ловко увернулся от удара быка.

Спартак посмотрел на арену, где гладиатор-африканец прыгал перед рогами тура.

Декан Секунд продолжал что-то кричать, но теперь на него не обращали внимания.

— Может быть, Родопа и на меня прольет такой же дождь цветов?

— Пусть лучше это будет дождь золотых монет, чтобы ты мог выкупиться из рабства и не слушать подобных оскорблений.

— Плюнь на этого безносого шакала, воющего под плетью хозяина. Да, ты слышал, говорят, что скоро сенат будет набирать новые центурии вспомогательных войск.

— Может быть, у них большие потери в Азии: Митридат снова глубоко прокусил им шею в Пафлагонии, Лукулл потерпел поражение. А в Испании Сергорий бьет их, как орел черепах о камни.

— Свились бы клубками на их шее все змеи Родоп, — отозвался обнаженный гладиатор. — Но если мы попадем в армию, это лучше, чем умирать для утешения публики на арене.

— Сначала мы должны биться на арене, развлекая этих презренных патрициев, а потом во имя их толстых мешков с деньгами воевать против своей ро-

дины, чтобы тысячи новых рабов заняли наше место, став тачками, жерновами, плугами и мотыгами. — Спартак глубоко вздохнул.

— Смотри, смотри, гетера ставит на барьер кубок с золотыми. Он лучится, как твое сердце... Говорят, Феликс уже договорился за это золото освободиться из рабства.

— Он так уверен, что первым вырежет мне сердце или печенку своим любимым ударом меча? — удивился Спартак.

— Вчера я слышал, что Феликс дал слово землякам в этот раз перерубить тебе до половины кость таза с левой стороны, — настороженно предупредил молодой гладиатор.

— Мне говорили об этом, но ставки делают на удар по моему сердцу. Хотят отвлечь мое внимание. Они ждут, что я ошибусь, оставив сердце в бою открытым.

— Этого ждут все Помпеи. Но греки Капуи и фракийцы-отпущенники, торгующие пшеницей по всему побережью, делают ставку на тебя. На твой удар.

Спартак, плотнее опершись о перехлестнутые плахи решетки спиной, обтянутой греческой хламидой, перенес взгляд на арену, где гладиатор-африканец отбивался от разъяренного тура, только что поднявшего на рога раненого льва.

— Сейчас бы подобно Дедалу сделать крылья и опуститься в родном городе, на берегу Стримона. Помнишь: явор у колодца, луг около крепости.

— Виноград у конюшни. Жеребцы, словно кони амазонок.

— Вскочить бы на Лампа и поскакать к черноплужникам. Подстрелить вепря и зажарить на костре.

— А там — вольно раскинуться на траве, — поддержал обнаженный гладиатор, — и птиц послушать.

— А вокруг яворы и дубы шумят, — мечтательно продолжил Спартак. — Стримон волною звенит, а Муржо песню запекает:

А текли три речки,
Текли они быстро...

Слышал, — продолжил Спартак, обращаясь к соседу, — Лентул Батиат — ланиста из Капуи после этого

боя хочет меня купить в свою школу. За десять тысяч сестерциев.

— Фи-ю! — присвистнул Дах. — Дохода с целого поля пшеницы.

— Говорят, хочет открыть в Риме школу гладиаторов. Теперь, когда столько легионеров гибнет за Тибром, их дети — дешевый товар.

— Многие из свободных идут в гладиаторы. Третий год в республике неурожай. Кампания, самая богатая провинция, и та в долгу — нет хлеба, платить нечем.

— Клянусь Гераклом, они даже проценты от гладиаторских боев вкладывают в счет долга. Смотри! — радостно вскрикнул Спартак. — Африканец снова удачно увернулся от быка!

— Клянусь, он достоин уважения!

— И должен остаться жить, — вдруг решив что-то, утвердил Спартак.

— Но как это сделать?

Амфитеатр снова отозвался громким восхищением, видя, с какой храбростью и красотой боролся чернокожий раб с диким быком.

Отцы города пьяно восхищались мастерством смертника, бросая на арену мелкие монеты.

— Смотри, Спартак, афр споткнулся. Он дышит, как раненый лев! — воскликнул обнаженный гладиатор.

— Да рухнут на них с неба все камни гор Фракии, как это было в дни, когда мы с отцом заманили легионеров вместе с их трибуном Порцием в ущелье Орбелуса.

— Кричит, как пьяная шлюха, удачно продавшая себя нищему у соседней таверны! — в чем-то поддерживая Спартака, отозвался сосед.

Спартак впился глазами в арену. Тур, сверкая позолоченными рогами, готовился к последнему удару. Низко пригнув голову и подбирая задние копыта к передним, бык хотел сделать прыжок в сторону лежащего на песке человека. Но вот афр, специально одетый в пурпурную тунику, чтобы ярким цветом раздражать тура, уже стоит в боевой позиции, гото-

вый встретить двурогого противника. По условиям организатора игр, он не имел права даже дотронуться до быка — чернокожего гладиатора выпустили для того, чтобы тур, растоптав его, разъярился до предела, и вот тогда на арену должен был выйти обнаженный гладиатор, названный глашатаями на форуме, в базилике и палестре Помпей Дахом, парфянином-пиратом.

Схватка обнаженного пирата с диким туром была самым интересным боем на всем побережье Тирренского моря в этом летнем сезоне. И потому зрители, сидевшие под лучами жаркого солнца, мало обращали внимания на ливийца, нетерпеливо ожидая выхода парфянина, прославившегося своими выступлениями уже в Капуе, Геркулануме и соседних городах.

Кровь, злость и гнев затопили лицо афра. Мышцы сильного тела, как бы высеченного из черного мрамора, были напряжены до предела. Руки и зубы — единственное оружие смертника — давно были готовы к защите и нападению. И стоило было лорарию¹ сказать, что ему нужно защищаться, как чернокожий сразу бы применил один из скифских приемов, которому его научили в Капуе в школе гладиаторов. Для этого надо было изловчиться, перехватить переднюю ногу тура у копыта и согнуть в колене. Потеряв равновесие, бык грянул бы о землю всюю своей тушей. Так скифы стреноживали норовистых жеребцов. И африканец готов был воспользоваться своим умением, но он должен был умереть под копытами двурогого противника. Если же он выйдет из этой схватки победителем, лорарии разmozжат ему голову бронзовыми молотами. Знал эти условия и Спартак. Но, глядя на арену, он понял и другое: африканец мог еще и спастись, сделай он одну хитрость — вызови уважение у публики умением владеть разъяренным животным. И как хорошо, что забыли натянуть тент и солнце залило амфитеатр жаркими лучами.

И вдруг Спартак, озаренный новой мыслью, подзвал из рядов, где сидели фракийцы-отпущенни-

¹ Лорарий — надсмотрщик.

ки, какого-то старого человека и сказал на его родном языке:

— Сделай так, чтобы по рядам ветеранов, легионеров и стражников, что сидят у Северных ворот, пронесли молодое вино. Его продают у форума. Пусть больше не разносят воду, а разнесут фалернское, говоря, что это жертва общины скупщиков пшеницы в честь побед трибуна Марка Порция. Денег не жалейте, я верну вон из того кубка, что стоит на оппидуме¹. Торопись, отец! В твоих руках жизнь этого ливийца. Передай Семеле, что Спартак просил ее помочь вам. А гетере Родопе скажи, чтобы она увела отсюда Марка Порция.

Отпущенник, переступая через каменные ступени, направился к Воротам смерти, что были расположены в центре арены, справа от Северных ворот. И уже через некоторое время в рядах легионеров и полицейских показались разносчики с кувшинами вина.

— Славные ветераны и легионеры! — зывали они огрубевшими голосами. — Пейте вино в честь лучезарного Марка Порция, славного победителя медов и завоевателя Фракии! Община скупщиков приносит жертву богам в честь побед Лучезарного над медом Спартаком!

— Слава нашему лучезарному Порцию! — взревел декан Секунд, опрокидывая один за другим два кубка вина.

— Пропах бы он насквозь тем собачьим салом, из которого в твоих мыловарнях делают мыло! — огрызнулся палач Глобус.

— Пейте, славные воины! — призывали разносчики солдат, наливая до краев в глиняные сосуды.

Руки, натруженные тяжелыми щитами и рукоятками мечей, охотно тянулись к охлажденному напитку.

Спартак видел и слышал, как после выпитого в рядах военных разгорались страсти. Громче заговорили. Стали повышать ставку на него и Феликса.

¹ Оппидум — барьер в цирке.

Солнце пекло все сильнее и сильнее. В отверстия стен амфитеатра, что были сделаны для ветра и свежего воздуха, теперь влетали порывы, напоминавшие горячий воздух гончарных печей. Молодое фалернское вино делало свое дело — притупляло внимание зрителей, расположившихся у Северных ворот.

Афр из последних сил держался на арене. Тут, словно труба, возвещающая о поединке на поле битвы, вдруг раздался голос палача Глобуса:

— Эй, декан Секунд, клянусь всеми твоими победами в Родопах, выйди на арену и покажи этой черной свинье, как надо биться с врагом! Клянусь всеми мною распятыми, разве не ты так славно рубился со старухой в укреплении Спартаков, когда она куском черепицы перебила тебе нос!

Легионеры и ветераны громко засмеялись.

— Клянусь доходами тюремщиков, но декан Секунд отправит сегодня Глобуса в свою мыловарню, — отозвался другой легионер, наполняя кубок вином.

— Скорее посадит в карцер, боясь, что Леандр своими костями проколет бронзовые котлы мыловарни.

Декан Секунд поднялся и, шумно втянув воздух перерубленным носом, грозно ответил:

— Эй ты, Леандр Глобус, да помрет твой отец как можно раньше. Это ты так храбро кричишь после выпитого дармового вина? Смотри, не заболей, как в тот день, когда мы, сидя в крепости Спартаков, охраняли обоз с золотом, клянусь всеми беременными торговками рыбой!

— Декан Секунд, — громко отозвался палач Глобус, — но ведь я закусываю не мылом из твоей мыловарни.

Взрыв смеха снова раздался у Северных ворот амфитеатра. Услышав это, Спартак подбодрил Даха боевым кличем фракийцев:

— Ула-ла! — тихо призвал он. — Будь горд, Дах, твоим боем Помпеи хотят завершить сезон гладиаторских игр с дикими зверями. Ты лучший из смертников в этом году на побережье Тирренского моря.

— Лучше бы я был самым плохим виноделом в родной Парфии, чем рабом в этом городе.

Спартак обнадеживающе улыбнулся и тихо прочел:

Тут Амаринкова сына, Диора, судьба оковала:
Камнем он был поражен рукометным, жестокозубристым
В правую голень: его поразил предводитель фракийян
Пирос герой, Имбразид, к Илиону из Эны притекший.
Обе на голени жилы и кости раздробил совершенно
Камень бесстыдный, и навзничь, шатаясь, в прах Амаринкид
Грянулся, руки дрожащие к милым друзьям простирая...

— Чему улыбнулась душа твоя, Спартак? — спросил парфянин.

— Я вдруг понял, что в амфитеатре не все наши враги: вон видишь — палач Глобус, двумя рядами выше — легионер Элий Овдий, это его сын-урод по решению суда был отдан на растерзание диким зверям. Он ведь в Яворине молчал, не выдал, узнав, что мы нашли тебя в дупле, раненым. Молчал и его друг Аксий, которого центурион чуть не избил ножами.

— Но рядом с ним декан Секунд. Он что-то кричит.

— Что может кричать Секунд: «Клянусь Гераклом», «Да помрет твой отец как можно раньше!» или свое любимое: «Что ты расселся, как беременная торговка рыбой!» Помнишь, как на паруснике, подплывая к Брундизию, он увидел в корзине Семелы питона Ио?

Гладиаторы улыбнулись.

— Забился в самый темный угол, как сова днем в развалины старой крепости, — добавил Дах. — А теперь гудит, как щит под ударами меча.

— Но почему легионеры Пятого македонского здесь? Отслужили, вернулись ветеранами?

— У них нет знаков отличия. И дадут ли им участки земли в Кампании? Здесь нет пока черноплужников, которых можно согнать с земли.

— Может быть, приехали за новобранцами? Или в отпуск. О Геракл-покровитель, как я их ненавижу за все то горе, что они принесли моей родине! — скрипнув зубами, выдохнул Спартак.

В это время гости зашумели, требуя выступления Даха. В угоду им закричал и декан Секунд:

— Эй, ты, черная торговка рыбой, долго ты еще будешь топтать песок своими грязными ногами! Надоело ждать! Эй, лорарии, за что вам платят деньги, разможжите голову этому черномазому крокодилу. Мы приехали из Рима, чтобы посмотреть бой Спартака с Феликсом, а не сидеть на солнце, любуясь этим губастым верблюдом!

Кто-то дернул декана за плащ. Секунд стряхнул обидчика в нижние ряды. Завязалась драка. Декан умело бил могучими кулаками по наседавшим, сворачивая челюсти, разбивая носы и губы. Но начальник городской стражи зорко следил за порядком, наводя его плетью и палками подчиненных. Выплесывая выбитые зубы, стирая кровь с лица, солдаты постепенно уgomонились. Тур, словно поняв настроение зрителей у Северных ворот, собрался в могучий комок мышц. Готовился к чему-то и африканец.

По громким, сбивчивым песням отцов города мед понял, что фалернское сделало свое дело и можно было приступить к намеченному — помочь чернокожему гладиатору остаться в живых.

— Смотри! — вдруг обратился к Спартаку Дах, указывая на арену. — Бык пропорол афру грудь!

— Нет. Рог только оцарапал кожу, — отозвался Спартак.

— Ты ждешь, пока тур вывернет ему сердце?

— Я хочу, чтобы мать богов наделила нас победоносным терпением.

И тут Спартак почувствовал, как кто-то смотрит ему в спину. Он повернул голову в сторону дубовой решетки и встретился со взглядом ланисты. Хозяин гладиатора хмуро смотрел из глубины зверинца.

Спартак понимал, что хозяин мог бы его загнать в подземелье, но было одно обстоятельство, сдерживавшее гнев ланисты, — он не смел поднять на гладиатора руку перед выступлением.

ЗУБЫ ИЗ БЕЛОГО БУКА

На трибунах патриции продолжали рассуждать о достоинствах и недостатках танцовщиц и гетер, давали советы, делились опытом.

— Эй, не привязана ли у танцовщицы одна из рук поводьями, что привезли старику с площади Кастора? — крикнул кто-то.

— Нет, рука у нее своя, — перебил соседа трибун из Британии, — а вот зубы сделаны из белого бука и подкрашены краской. На площади Кастора умеют обманывать честных покупателей.

— Перестаньте показывать из себя знатоков Рима, — возмутился старик-патриций. — Если бы я не знал цену товара, разве бы я купил там Спартака? Клянусь всеми победами Юпитера, это я его впервые купил в Риме десять лет тому назад!

— Чем ты докажешь, старая черепаха?

— Да он бы в первую ночь перерезал тебе горло.

Патриций посмотрел в сторону, где у решетки стоял гладиатор, разговаривая о чем-то с обнаженным парфянином, и тихо добавил:

— Он отверг любовь моей дочери. Она хотела унижить его, заставив обмыться в бане. Но Спартак выдержал это испытание, ответив молчаливым хладнокровием к телу одной из красивейших патрицианок Рима. Оскорбленная гордость дочери могла обернуться ему травлей на арене хищниками как обвиненному в покушении на честь свободной женщины республики. Спартак так много сделал для нашей семьи, что я отпустил его во вспомогательные войска Лукулла, что вел легионы в Пафлагонию на Митридата.

— Клянусь всеми стрелами Марса, но они, наверное, разнесли все наши когорты! — закричал все тот же британец, подливая себе вина. — Эй, вы, эфиопы, налейте всем вина. Бой, кажется, действительно будет интересным. А что же ты уходишь, если твой любимец будет рубиться?

— Не хочет видеть, как его Спартак будет зарывать голову в песок!

Патриций обернулся и тихо сказал:

— Мне не хочется видеть позора, который вы сегодня переживете. Если Феликс способен только воспользоваться фантазией ганнибаловских времен, то вы после пяти фиалов вина будете трезвее весталок.

На миг все затихли.

— О! — вдруг воскликнул Марк Порций. И глаза его засверкали искристо и счастливо, как золотое оружие на солнце. Перед ним показалась гетера Родопа, старая любовь полководца.

Не снимая позолоченной обуви, гетера заиграла на лире и, тихо подпевая, стала танцевать, обходя присутствовавших. Гречанка была так красива, что старые, глядя на нее, молодежи, молодые старались выгледеть старше своего возраста.

На арене ревел бык, что-то кричал гладиатор, но никто их не слышал и слушать не хотел.

Родопа обошла всех и опустилась возле Порция. Трибун от счастья готов был бросить все и следовать за гетерой, куда она прикажет.

Присутствие красивой женщины вдруг настроило разговор на другой лад.

— Клянусь, — громко заговорил британец, — по соседству с такой красивой женщиной я бы отменил все эти кровавые игры!

— Нет, пусть молодежь привыкает видеть врага, умирающего от боли, — возразили ему.

— Юпитер-Громовержец знает, какой тропую направлять нас на дорогу побед. В прошлом году мне прислали новобранцев, клянусь всеми погибшими в битвах на островах Британии, но это не легионеры, а мимы. Они, как женщины, — боятся крови. Традиции наших великих предков начинают блекнуть.

— Разве Сулла не победил Митридата?!

— Нет. Он только разбил часть его войска. Да и то, как говорят, подкупив командующего.

— Вот потому и подкупил, что большую часть времени молодежь проводит в золоченых ваннах, наполненных молоком, а не на полях битвы. Они смазывают и красят волосы, забросив оружие. Да, в

Риме слабеет мужская сила, — строго заговорив, поднялся у стола британец.

— Смотрите, вон стоит Спартак. Разве наша республика не достойна быть украшенной воинами такой силы? — произнесла Родопа.

— Клянусь Юпитером! — отозвался Порций, дав знак гетере, что он согласен с ее мнением. — И если кто-то против меня, я могу с ним помериться силами. Стоило бы побывать в ущелье Орбелуса, где меды на наши головы обрушили камни со всех сторон, вы прокляли бы не только свое желание служить в Македонии, но и плоть свою.

— Плевать я хотел на камни, я говорил и говорить буду, что все эти изнеженные молокососы, что выращены на ложах гетер, — ленивые и самолюбивые отродья. Недавно я получил такого щенка. Его отец, главный барышник на форуме Кастора, что расположен рядом с храмом Весты. Он торгует рабами из других стран, самыми дорогими и изысканными. Видели бы вы этого лежебоку, старающегося в солнечный день даже руки прикрывать одеждой. Да благословит Марс судей, узаконивших казни детей за военные проступки родителей. Пусть армия и патриции понимают, что дети — собственность не только свободнорожденных, но и республики. Эй, кто хозяин стола! Приведут к нам женщин, или нам, подобно легионерам, идти в термы? Нигде нет порядка. Захлебнулись бы эти всю жизнь лежащие на боку в тени деревьев кампанияцы в британских болотах жижею.

Со стороны дверей подземелья донесся голос Спартака — он подбадривал афра. Тот подал какой-то условный знак меду, но гладиатор не ответил, как бы прося этим продержаться еще некоторое время.

— Лучезарный, — тихо пропела гетера Родопа, — мне холодно!

— Ха-ха-ха! — отозвался британец, вытирая пот на лице ладонью левой руки, перерубленной у самого сустава. — Выпей фалернского, и тебе будет жарко, как в самом пекле Африки.

— Да пронзит твое сердце стрелою Эрот, — по-

благодарила гетера старика. — Но ваше фалернское имеет плохой вкус.

Беспокойно посмотрев в сторону, где стоял Спартак, Родопа заторопила Порция:

— Лучезарный, я плохо спала сегодня ночью, и мне бы хотелось сейчас отдохнуть в тени атриума¹, у журчащего фонтана. — И гетера так повела бело-розовой талией, просвечивающейся под легкой шелковой материей, что Порций содрогнулся, будто в него угодило копье.

— Успею ли я к бою Феликса? — тихо спросил он, целуя гетеру в маленькое ушко, белое, гладкое и ровно очерченное, словно слоновая кость парфянского ритона.

Голубоглазая Родопа ничего не ответила. Еще раз напряженно посмотрев в сторону Спартака, нервно наблюдавшего за борьбой на арене, она так пощекотала губы трибуна завитками своих светлых волос, что в груди Порция, казалось, вдруг заворочался Везувий.

— Выйди незаметно, — наклоняясь к нему, тихо прошептала гетера. — Торопись!.. — И она запустила свою ручку в густые волосы на груди Порция.

Тело трибуна налилось такой могучей силой, что он готов был сам выйти на арену один против десяти мечей.

— Клянусь Юпитером-Громовержцем, но я опоздаю на схватку! — попытался остудить себя военачальник, не в силах сопротивляться зову Родопы, которая, видя знаки Спартака, заторопилась еще больше:

— Если славному Марку некогда, тогда я приглашу погреть меня вот этого беззубого стратега из британских болот.

Родопа поправила свои светлые волосы, перехваченные в двух местах лентами, выбрала в букете, украшавшем стол пирующих, цветок и протянула его старику, ломавшему руками свиные кости.

¹ Атриум — часть переднего двора дома богатого патриция, окруженного внутренними фасадами строений.

Поцеловав старика в губы, гетера подарила ему лилию и обвила руками шею, напоминающую кожу плохо ошипанного гуся.

Порций остекленел.

— Родопа! — судорожно предостерег он.

А гетера, капризно поводя губами, чем-то похожими на две дольки мандарина, села на колени британца. Британец, не понимая всего случившегося, растерянно глядел на женщину, прижавшуюся к нему грудями, соски которых просматривались сквозь прозрачную ткань двумя глазами чудовища, что так яростно запустило свои когти в душу Порция, выворачивая ее из тела зовом тех знакомых счастливых ощущений, клокотавших внутри римлянина. Он любил там, в Филиппах, утопать в ароматах благовоний и томящих душу запахов тела и волос Родопы, на этот летний сезон приехавшей на гастроли в Помпеи. Видя, что глаза Порция засверкали, как меч на солнце, Родопа, взволнованно посматривая в сторону Спартака, почти приказала трибуну:

— Моя колесница стоит под платаном, у Ворот смерти! Возьми ее и жди в атриуме. Ты знаешь, где я остановилась?

Порций, в знак утверждения, приподнял правую руку.

Гетера игриво повела руками по голове трибуна и, поняв, что он загипнотизирован ее желанием, пошла по направлению к выходу. Стратег-старик старался поймать ее подол, чтобы поцеловать. Родопа же, как бы ставя печать на молчаливый договор, заключенный между ею и Порцием, прижала губы ко рту старика.

— О боги! — вскричал британец, пьяно протягивая руки к женщине. — Она божественна, как сама златокудрая Венера. Это не поцелуй, это капля росы, оброненная с листьев священных лавров... Что золото и власть! За такое можно римское войско отдать варварам.

Гетера подбежала к оппидуму и бросила на арену остаток букета. Афр подхватил его, встряхнул над головой, стараясь этим вызвать реакцию у зрителей, но отозвались только ряды вольноотпущенников и

ремесленников-греков. Ряды над Северными воротами, где сидели легионеры, молчали. Родопа вышла из тени ковров и направилась к Триумфальным воротам.

— Ты обезумел! — летел ей вдогонку голос Порция, трясшего британца за ремни кожаной одежды. — Он посягает на фортуна республики! — как бы обращаясь к окружающим, кричал трибун.

Но в оппидуме все были пьяны и никто ничего не слушал.

— Ты еще молод, — тихо отозвался стратег, — и этим счастливее меня. Что мне, завтрашнему жителю Тартара, все эти придуманные слова — родина, фортуна, республика, присяга! Меня опьянил глоток свежести и любви, которым меня только что наградила молодая гречанка. Ты молод еще и не можешь оценить такого богатства, как любовь гетеры. Что против ее любви все эти твои золотые побрякушки-браслеты, гривны, орлы, выкованные из бронзы, — пустота. О боги! Верните мне счастье, только что подаренное судьбой, и я отдам под присягу варварам не только римскую армию, но и весь Капитолий с его каменными богами. Ибо это нагромождение горных глыб и придуманных мифов разум человека может повторять сколько ему угодно. Я не вечен. А гетера так красива и светла, что могла бы возвеличиться над всеми этими идолами, став их богиней. Спешите жить, Порций, — и ты не вечен! Не верь всему тому, чем тебя обманывает республика. Даря кусочки золота и запугивая придуманными богами, она хочет получить от тебя главное — твою жизнь.

— Ты пьян, ты сумасшедший. Тебя надо продать в рабство за Тибр.

— Поздно, Лучезарный. Меня уже нет. Помни, Порций, в этой жизни все обман. Все. Поцелуй Родопу и за меня. За то, что она своим поцелуем еще раз подтвердила мою мысль, которую я так поздно понял. Спешите, Порций. Спешите, легионер, жить. Иди, счастливый, гетера ждет тебя.

Стратег потянулся к фиалу с вином и упал на подушки, пьяно захрапел.

РАСЧЕТ БЫЛ ТОЧЕН

Устроители зрелищ считали бой Спартака с центурионом Феликсом очень выгодным. Ланиста рассчитывал за это получить большую прибыль, а потом продать меда в Капую.

В том, что Спартак победит, хозяин был твердо уверен. Для этого он обеспечил рабу все: хороший отдых, отменную пищу, разрешил приходить жене Спартака, высокой стройной блондинке с голубыми глазами.

— Спартак, — заботливо крикнул ланиста, — стань в тени стены. Сегодня очень жаркое солнце.

Услышав этот голос, гладиатор впился пятернею в плечо Даха, как орел когтями в ягненка.

— Смотрите, афр упал! — крикнул молодой гладиатор.

— Ты плохо знаешь ливийцев: они догонят антилопу и могут живым связать льва!

— Но тур топчет его! — затревожился Дах.

— Не торопись!

— Афр снова упал!

— Это для публики. Тур не трогает лежащих. Так гладиаторы обманывают публику. О мать богов, щедрая на добрые поступки, дай нам еще миг терпения, чтобы довершить задуманное!

Наступила тишина. Громкое мычание нарушило ее.

— Клянусь всеми богами Капитолия, но этот ливиец все еще бежит живым по арене. Кажется, я сейчас сам прикончу его! — закричал трибун.

— О, это будет прекрасный удар в колено! — поддразнил его патриций, сидящий неподалеку.

— Разве я мясник, отрезающий у свиных туш ноги на бульон, я еще могу сделать такой выпад, что новобранцы позавидуют гибкости моих сухожилий! — закричал трибун из Британии. — Вот, смотрите. — И пьяно покачнувшись, он осел на скамью.

Что мне ливийцы и этот презренный Спартак? Разве Сулла не сломал этим презренным медам хребет после битвы с Митридатом, что мы как Божьего

дара ждем боя варвара с бывшим центурионом. Позор нашей республике. Гибнет великая слава великого города!

— Спартак, смотри, быка прижигают огнем! — крикнул Дах.

— Эй, мясник! — отозвался Спартак. — Это нарушение правил. В условиях не было сказано, что быка будут растравлять огнем.

Спартак понимал, что призывать к законности хозяев ему, рабу, — бесполезное дело. Он также знал, что за такие слова хозяин может подвесить его за ноги или четвертовать, так было оговорено в купчей, которую ланиста заключал с судом, приговорившим бывшего декана Спартака, получившего в боях с Митридатом венок и право гражданства и вот теперь проданного как дезертира в гладиаторы. Но он хорошо знал замыслы ланисты, мечтавшего выдать дочь за сына одного из всадников, разбогатевшего на военных поставках пшеницы. Вот поэтому он и старался как можно больше нажиться на каждом гладиаторе, трижды, четырежды перепродавая его, шел на любые сделки. Для этой цели он подкупал других ланист, чтобы они выставляли против его воинов плохо подготовленных гладиаторов, напайвали их перед боем, поселяли на ночь за свой счет к ним гетер из терм.

Вот почему Спартак метнул свои слова в самое сердце хозяина, понимая, что за Даха «мясник» переживает не меньше, чем за него.

Ланиста дрогнул:

— А будь он проклят всеми заклинателями, этот устроитель игр! — хитровато возмущаясь, ответил ланиста. — Он думает, что может нарушать указ магистрата! Ему завидно, что у меня сегодня выступает такая знаменитая на всю республику пара бойцов. За нарушение правил я получу от него втрое больше. А мой Дах такой молодец, что он этого тура усмирит, как Язон огнедышащих быков.

В это время афр, лежавший на песке, вдруг вскочил и перебежал на противоположную сторону арены. Тур догнал его, хотел ударить рогами, но черноко-

жий отпрянул в сторону. Позолоченные рога вонзились в деревянное ограждение.

Трибуны взревели. Ловкость ливийца вызвала у зрителей одобрение.

— Слава тебе, гетера Родопа! — воскликнул Спартак. — Дах, выбегай на арену. Скорее, торопись!

— Но трубы распорядителя еще не играли выход.

— Но и ему никто не разрешал прижигать быка. Нарушение за нарушение. Торопись, брат!

Широко раскинув руки, обнаженный Дах выбежал на арену, вызвав овацию. Он был настолько хорошо сложен, что многие знатные вдовы Помпей сразу заинтересовались стоимостью этого раба.

Дах обходил арену, отвлекая зрителей от чернокожего, лежавшего под одним из деревянных щитов ограды. Но теперь все внимание присутствовавших было приковано к нему.

Расчет Спартака был точен. Амфитеатр гудел, довольный сменой программы. Женщины бросали к ногам обнаженного Даха платки. Стратег из Британии швырнул горсть ассов.

Призывая к порядку, затрубили горнисты, тем самым показывая гладиатору, что пора приступать к делу.

Гул в амфитеатре вызвал любопытство тех, кто не смог попасть на представление, и соседние высокие деревья запестрели одеждами граждан Помпей, забравшихся на ветки, чтобы посмотреть ту часть программы, о которой так много ходило толков.

Дах протянул руки к расшитому платку, и на его запястьях обозначились рубцы от веревок, которыми он был привязан к кресту в лагере римлян.

ЗАГОВОР

Спартак внимательно наблюдал за амфитеатром. Он видел, как Родопа покинула цирк, как трибун Порций, после ссоры с каким-то старым стратегом, направился к Воротам смерти, где должна была стоять повозка гетеры. Гладиатор мысленно вернулся в

родные места родного Орбелуса, где однажды они заманили в горы легионеров Порция. Того самого Порция, что сидел только что в амфитеатре...

«Клянусь всеми богами медов, кажется, появилась хорошая мысль. Теперь ведь в Помпеях начались вакханалии¹. Значит, горожане наслаждаются вином. Надо, чтобы они выпили его как можно больше».

Мысли в голове лихорадочно заработали.

«В такой жаркий день, как сегодня, все быстро устанут. Раскаленное солнце стоит в зените. А навесов нет. Небольшая тень есть только там, где сидят патриции. Но там уже все пьяны. И к тому же ветеран-распорядитель забыл приказать мальчикам побрызгать водою между рядами. Клянусь звонкими копытами кентавров, если они еще и разнесут в антракте напитки по рядам, то мы выиграем и вторую жизнь, брата моего, Даха».

Спартак поправил пояс, на котором висел меч, вытер пот, выступивший на лбу, и, прищутив левый глаз, посмотрел на солнце, повисшее чуть в стороне над Везувием.

— Вот теперь мы и отрубим у лягушки хвост, — облегченно вздохнул Спартак. — Чернокожий продержался до нужного момента.

Спартак внимательнее стал наблюдать за ареной. Его сильное тело как бы слилось с прутьями железной ограды. Длинные легкие ноги были готовы в любой миг сорваться с места, чтобы оказать помощь Даху. Руки мускулистые, длинные, казалось, мертво свисали вдоль его тела, но тоже готовы были к самым большим напряжениям во имя того, кто чародействовал теперь там, на арене. Лицо гладиатора, напоминавшее чем-то треугольник с несколько сплюснутым нижним углом, было подбито светлой бородой, которая оттеняла два голубых озера глаз, что теперь искрились, словно вода глубоких падей в дни солнцестояния. Руки то и дело тянулись к мечу, но

¹ Вакханалии — празднества в честь Вакха, бога вина и виноделия.

силою воли Спартака возвращались в ту первую позицию, которую при отработке приемов фехтования он рекомендовал тем, кого учил еще дома, в крепости над Стримоном в долине гор Орбелуса. Боясь, что Дах не справится с туром, которого только что прижгли огнем, Спартак быстро подыскивал какую-либо возможность помочь человеку из далекой Парфии, говорившему на языке, чем-то очень напоминавшем фракийский. Гладиатор отлично понимал, что таилось за улыбкой и торопливым ответом ланисты, обвинявшего распорядителя игр в нарушении указа магистра Помпей. Еще вчера у таверны, где ужинал Спартак с женою, ему было сказано, что устроитель игр получил тройную оплату от декана Секунда за то, чтобы Дах не ушел с арены живым, так как торговец мылом поставил против палача Глобуса, служившего в Пятом македонском легионе, сумму, которой хватило бы на покупку хорошего виноградника.

Говоривший был слугою одного из греческих купцов Капуи, торговавшего пшеницей из далекого Пантикапея — столицы государства, где царствовал Митридат Евпатор. Греки южных городов Италии, разоренные за последнее время Римом, не могли простить этого республике. А после того, как Корнелий Сулла сжег Афины, победив защитников страшным голодом, они старались всем чем могли отомстить за свои обиды. Судя по рассказу грека, сообщившего о злых замыслах устроителя, местные греки сочувствовали и старались помочь гладиатору, помня, что в борьбе с легионерами в первой войне Митридата с Римом родина Спартака была на стороне восставших.

Декан Секунд хотел, чтобы Спартак лишился своего товарища, который когда-то жил в крепости непобедимого меда и участвовал в нападении на римлян, охранявших обоз с золотом, направлявшийся с верхних берегов Стримона в Рим. Теперь пострадавшие в том бою хотели отомстить гладиатору. Вот почему прижгли тура. Златорогий должен был убить того, о ком шла слава как о непобедимом покорите-

ле диких быков и как о продавшем душу черным силам.

Вот почему Спартак и хотел, чтобы афр как можно больше утомил тура.

Заговорщики думали, что чем больше будет длиться поединок чернокожего раба с туром, тем яростнее бык нападет на обнаженного Даха.

Но Спартак, хорошо познавший поведение животных на родных лугах, подсказал несколько приемов чернокожему гладиатору, и тот сумел продержаться на арене больше намеченного.

— Будь я беременной торговкой рыбой, если этот парфянин не чувствует себя на арене более свободно, чем наши легионеры в Парфии, — злился декан Секунд, сидя на скамье, вырубленной из серого камня. — Посмотрите, какие у него свежие, легкие жесты. Он словно мим в театре Марциала в Риме. О боги, он разорит меня! Или Лучезарный наймет шайку бандитов, чтобы они прирезали меня, сбросив в старый колодец на площади у фонтана.

Растерянно вел себя и устроитель, понимая, что если Дах останется живым, то и бой Спартака с Феликсом не вызовет того интереса, каким бы он стал, потеряй фракиец друга. Нервничая от огорчения, он стал бы делать ошибки — амфитеатр ревел бы от удовольствия.

У ВОРОТ СМЕРТИ

Спартак с еще большим напряжением следил за борьбой Даха с разъяренным туром, не пропуская ни одного выпада парфянина.

— Эй, славные воины римских легионов, освежите себя изнутри кубком легкого вина, и гетеры в термах останутся вами довольны, полюбив бесплатно! — все еще кричали разносчики вина в рядах у Северных ворот. Но их голоса гасли в гомоне толпы, звоне оружия, шумных раках носильщиков, ожидавших своих господ с гладиаторских игр.

На улице, у стен амфитеатра, кричали ослы, ржали

жеребцы, пахло прогорклым растительным маслом, на котором жарились пирожки с горохом и свиной. Тут же виднелись горки фруктов, привезенных из соседних провинций и стран. Лимоны, бананы, дыни, арбузы, виноград протирались, промывались, освежались, взбрызгивались с тем, чтобы побыстрее и подороже продать все это пришедшим посмотреть на гладиаторское представление.

Здесь же толкались ювелиры с изделиями, портные, башмачники, оружейники, торговцы благовониями, жрецы соседнего храма, продававшие банное масло из Египта.

В тени развесистого платана, у Ворот смерти, где была привязана колесница гетеры Родопы, сидели два старых грека. Лица их были изрезаны морщинами, бороды густо серебрились. Постелив на каменной плите маленький коврик, они жевали вяленую рыбу, заедая ее зеленым луком и ячменным хлебом, запивая все это вином.

— Как у вас в Капуе? — спросил высокий, с гнилыми зубами грек соседа.

— Претор выстроил новую виллу, собирая с купцов золотые, не входящие в базарную пошлину.

— Да, третий год в Кампании неурожай.

— Вот поэтому они устраивают дорогие гладиаторские представления. Голод забирается в деревни, а Рим требует денег на войну.

— Сами презирают работу, считая, что их удел — воевать и повелевать. Кажется, Кампания снова возьмется за меч.

— Почему?

— Голод заставит.

— Безумцы!

— А в Помпеях?

— Запасы хлеба есть. Но из экономии ланиста стал снижать порции гладиаторам. Те утопили в котле с едой повара, грозя разнести и темницы. Многих выпороли и заковали в железо. Это еще больше разозлило смертников. Теперь их боятся выпускать в город. Претор распорядился усилить ночную охрану и двойными замками запирает ворота улиц. Все по-

нимают, что самый большой источник опасности в городе — школа гладиаторов.

— Тихо, идет стража.

Амфитеатр заклокотал. Новый вал рукоплесканий вырвался из каменного горла высоких стен.

— Мы не пропустим Спартака?

— Нас предупредят.

— Спартак — мед?

— Да. Они сводят с ним счеты за какую-то победу во Фракии. Вот, слышишь голоса? Это он!

— Где Спартак? Пусть прекратят это детское развлечение и выпускают фракийца, вонючего варвара, которого сегодня наш славный Фешенебельный разрубит надвое, как свинью!

— Давай, Спартак! — кричал трибун из Британии.

— Выпускай Феликса! — пьяно кричали legionеры на трибунах.

— Почему нет обещанной воды?

— Где поливальщики? От такой пыли горло надо чистить конскими скребками.

И тут декан Секунд громко крикнул, указывая пальцем в сторону Даха:

— Смотрите, но этого парфянина распинал Глобус в Македонии! Квириты, если я вру, то пусть самый последний из палачей отрежет мне руку. Эй, Леандр, ты подтвердишь мои слова?!

— Это верно! — раздался голос.

Спартак никак не мог понять, что произошло с другом. Мед не слышал слов Секунда, и потому гладиатору показалось, что Дах струсил. Спартак на всякий случай приготовил меч, чтобы в случае смертельной опасности встать между быком и человеком. Правда, за это лорарии должны были раздробить ему череп молотами, но сегодня ланиста и публика не позволили бы сделать это.

А там, на арене, происходило что-то странное: Дах медлил наступать, давая тем самым сосредоточиться туру. Ланиста, обеспокоенный поведением Спартака, вот уже который раз приказывал ему спуститься в подземелье:

— Не напрягай правую руку. Тебе надо размяться, ты застоялся.

Но Спартак знал цену этой заботе.

— Спартак, спустись вниз. Твои губы дрожат. Не напрягай рук. Не трогай меч, или я прикажу надеть на тебя кандалы. Посмотри, как отдыхает Феликс. К нему никого не подпускают.

«Ланиста прав, — думал мед, — мои руки и ноги затекли, надо расслабиться, отдохнуть. Но это я могу сделать лишь после победы Даха».

— Оставь меня, ланиста, или ты потеряешь не только десять тысяч сестерциев, но и жизнь!

Амфитеатр ревел, как Тирренское море во время шторма, — опять Дах все увереннее и увереннее стал наступать на тура. Грустно улыбаясь, он поднял правую руку, чтобы определить направление ветра.

— Эй, парфянин, докажи-ка этому презренному Секунду, что не только он один умеет махать мечом, как пекарь скалкой, — раздалось вдруг из рядов вольноотпущенников, среди которых был какой-то старый гладиатор, прикрывавший рукой вытекший глаз. — Если ты ищешь сторону, с которой дует ветер, то встань ко мне спиной. И солнце будет светить быку в глаза, — подсказал вольноотпущенник.

— Послушайте, славные легионеры! Кто разрешил этой вонючей свинье давать советы? — закричал декан в ответ. — Или он думает, что может в присутствии свободных граждан республики кричать во все горло? Эй, ты, — обратился Секунд к быку, — если ты действительно помогал Зевсу украсть Европу, так докажи еще раз, что ваше племя достойно столь великого подвига! Перед тобой всего лишь презренный парфянин, выкормленный ослиным молоком!

Сидевшие рядом с деканом дружно засмеялись. И бык, как бы стараясь выполнить просьбу Секунда, бросился на Даха с такой неожиданной быстротой, что, не оклики его вовремя Спартак, гладиатор мог бы оказаться под копытами тура. Резко отскочив в сторону, Дах успел перекинуть тело на руки и красиво перекатиться к центру арены, оставляя своего врага далеко за спиной.

Такого амфитеатр не ожидал. Ловкость, красота движений, спокойствие и умение обращаться с диким туром вызвали восторг и возгласы одобрения.

— Недаром знаменитый Спартак все время наблюдает за ним, — сказал кто-то из стражников.

— А где Спартак? Где? — заволновались фракийцы-отпущенники.

— Вон стоит у входа в зверинец.

— Зачем он это делает? Скоро его выход. Феликс бьется левой, как и правой. Спартаку надо отдыхать.

— Эй, Спартак! — позвал старик-гладиатор. — Иди в темницу, не напрягай рук. Мы здесь, мы с тобой! Да благословит тебя Геракл!

Декан Секунд снова приподнялся:

— Кто разрешил этих собак пускать сегодня в цирк, когда сам Марк Порций украсил его своим присутствием?

— Помпеям нужны деньги, — подсказал кто-то тихо.

— Тогда надо идти в поход за рабами во Фракию. Гоните этих презренных из цирка. Эй, стража! Где ваши плети?!

— Секунд, перестань реветь, как осел перед случкой. Посмотри, вон сидит жена Феликса.

— Где?

— Рядом с оппидумом. Марк Порций распорядился привезти ее и двоих детей, чтобы он с арены видел их лица.

— Она сама Венера Капитолийская, — похвалил Секунд. — Смотрите!

— Говорят, была гетерой в Филиппах, — поделился палач.

— Пусть так, но она прекрасна, — защитил женщину декан, — не то что какая-нибудь торговка рыбой.

— Поэтому Порций и посадил ее рядом с собой. Если ее муж сегодня отправится в Аид, Лучезарный может со спокойной совестью занять его место на ложе.

— Вчера говорили, что вся эта история с золотым обозом только для того и была придумана, чтобы от-

править Феликса в Мамертинскую тюрьму, а оттуда на остров умирающих рабов.

— Чтобы овладеть гетерой? — уточнил палач Леандр.

— Почему Спартак не уходит в зверинец? — спросил сосед Глобуса, легионер Аксий.

— Надоело чувствовать себя затравленным волком, — отозвался Леандр.

— Раб! А помнишь, как он бился с нами на стене своего дворца в Яворине? Славный рубака.

— Он что-то кричит парфянину, — перебил палач солдата. — Говорят, у этого меда благородное сердце.

— Тогда плохо: Феликс вонзит в него меч по самую рукоятку.

ПУТЬ К ПОБЕДЕ

А Дах тем временем заходил к туру со стороны солнца. Он поднял руку и медленно стал приближаться к быку. И тут случилось странное — остановившись и втянув в себя воздух, тур вдруг замер, принюхался и сделал шаг назад. Бык вздрогнул, скосил глаза в сторону человека и, расслабив мышцы шеи, обесиленно уронил голову к земле, выдувая ноздрями два облачка пыли.

Парфянин еще быстрее стал взмахивать руками, выкрикивая заклинания на своем языке и подступая все ближе и ближе к дрогнувшему животному. Он все смелее и смелее подступал к туру, заставляя его пятиться к воротам стойла. Бык, опустив хвост и тяжело переступая с ноги на ногу, сделал назад шаг-другой и вдруг, храпя и бодая воздух рогами, стал отступать к стойлу, хлеща хвостом по собственным бокам.

— Молодец, Дах! — по-фракийски подбодрил Спартак, попросив лорариев помочь ему поднять решетку клетки для тура.

Загремело железо, тупо застучали деревянные брусья стойла, сбитые толстыми гвоздями и перехва-

ченые веревками. Еще миг, и Спартак перерубил веревку, державшую железную решетку стойла тура.

Трибуны ждали конца этой схватки молча. Декан, храпя перерубленным носом, никак не мог понять, что заставило дикого тура трепетать перед голым парфянином.

А там, на арене, посыпанной морским песком, продолжалось странное таинство: дикая сила зверя подчинилась человеку. Парфянин обладал какой-то великой тайной, заставившей тура смириться.

— Смотрите! — закричал Секунд. — Он обладает силой злых богов. — Пусть лорарии разобьют ему череп! — поглядывая в сторону оппидума, старался декан. Но возгласы трибун заглушили его.

Амфитеатр заревел от восторга. С трибун бросали деньги, цветы, еду и одежду.

Дах поднял чью-то тогу и повязал бедра. Матроны, гетеры, молодые патрицианки и грязные жительницы окраин, старухи с клюками кричали, прославляя имя победителя.

— Эй, ослепший от кислого вина собственных давлений! — окликнул Секунда палач Глобус, сидевший несколькими ступенями выше. — Ты понял, что женщинами надо уметь управлять так, как этот гладиатор быком. А таких деканов, как ты, отправлять в мыловарню. Плати проигрыш. Нас ждет сегодня таверна.

— А ты, Глобус, подавился бы своими тряпками, которые получаешь со своих жертв, — отозвался Секунд.

Парфянин, низко опустив голову, чтобы не показывать глаза публике, медленно приближался к дубовой изгороди подземелья.

Спартак не спускался в темницу, пока Дах не перешагнул ворота зверинца. Здесь мед обнял друга и крепко прижал к груди.

— Я также всю твою схватку с Феликсом буду стоять у входа в подземелье, и, если центурион нанесет хотя бы один запрещенный удар, я пробью его сердце стрелой.

— Спасибо, брат! — поблагодарил Спартак гладиатора.

— Пусть лучше меня раздерут железными прутьями, чем погибнешь ты, Спартак.

— Спасибо. Идем в темницу. А пока македонец будет биться с питоном, я отдохну и ты меня разомнешь.

В маленькой каменной комнатке без окон Спартак опустился на охапку соломы.

— Ты видел его? — спросил Дах.

— Кого?

— Феликса? Он в отличной форме!

— Знаю. Ланиста говорил, — ответил Спартак.

— В амфитеатре его дети и жена. Он хочет получить фиал золотых, чтобы выкупиться на свободу, — продолжил Дах.

— Он будет биться как лев.

— Дал слово, что проткнет тебе артерию на шее ударом левой руки.

— Почти все победы он выигрывал, пронзая сердце или печень, — уточнил Спартак. — Легких побед он не признает. Я хорошо помню нашу первую схватку на подворье дворца.

— Перевернись на живот, — попросил парфянин Спартака, похлопывая ладонью по груди меда.

Спартак перевернулся. Дах снял сандалии, встал на широкую спину гладиатора и медленно ребром ступни стал разминать каждый хрящ его позвоночника. Могучий горец терпел, сжимал до скрипа зубы, упираясь ладонями в пол.

Спрыгнув со спины, Дах ребром правой ступни стал давить на руки и ноги Спартака. Особенно старательно парфянин массажировал суставы правой руки и левой ноги.

Судя по звукам горна, македонец закончил бой с питоном. Спартак поднялся с каменных плит.

— Клянусь Кибелой, я будто родился заново, — поблагодарил Спартак товарища.

— Я принесу масло, — произнес Дах.

Натерев Спартака маслом, Дах протянул ему осколок глиняной посуды с какой-то жидкостью.

— Это легко для желудка и подкрепляет на время битвы — лимон и два яйца.

Спартак выпил.

— Да вернешься ты в свою Парфию живым и здоровым!

— И найду там свою Семелу, — продолжил Дах. — Таковую же смелую и преданную, как твоя жена.

— А ты нашел гимнастку?

— Пока нет. Спартак, скажи, Семела все это время с тобой?

— Да. Она всегда рядом.

— Божественная женщина. Настоящая медийка, верная мужу и родине. Слава этой женщине!

— Ей много пришлось пережить в эти дни. Всякий раз она с ужасом ждет окончания боя. Семела предлагает бежать, договорившись с пиратами. Но куда? Legionеры заняли мою родину.

— Бежим к Каспийскому морю.

— Мы везде рабы.

— Клянусь тебе, что, если доберемся до моих родственников, живущих за Каспием, там, в горах, мы можем познать счастье свободы.

— Быть рабом Арсакидов?

— Свободными барсами пустыни.

— Разве не там тебя продали в рабство? Нет, Дах, у меня есть другой план. — Спартак что-то взвесил и добавил: — Хорошо бы добраться до Брундизия и переправиться во Францию.

— Слава тебе, великий! Слава, что думаешь о наших судьбах! И если тебе нужны будут мои руки и сердце в борьбе за великое дело, скажи, и я сейчас убью Феликса.

— Но тайну надо хранить, как ты хранил те слова, что привез когда-то к нам в крепость. Помнишь?

— Клянусь тебе, Спартак! — отозвался Дах.

Гладиаторы обнялись.

— Спартак, я на всю жизнь запомнил твои слова о Фракии, — прошептал Дах. — Я могу пробить его сердце первой стрелой, как только он выйдет на арену. Зачем рисковать твоей жизнью, — пусть лучше меня

зажарят на углях. Кто выполнит задуманное, если сегодня случится несчастье?

Спартак погладил рукой шлем, расправил ремни панциря.

— Ты меня слышишь, брат? — приблизившись к гиганту, снова заговорил парфянин. — Пусть лучше палач Глобус снова распнет меня на кресте, чем погибнешь ты.

Спартак молчал.

— Разреши мне взять лук. И этот Феликс умрет до твоего выхода на арену.

— Нет, у меня с ним свои счета. Давай-ка лучше вспомним о том, как мы с тобою впервые встретились в ущелье Орбелуса. Вспомним добрым словом наш город, дворец, славных медов, а? — Спартак стер набежавшие на глаза слезы. — Свобода! Орбелус! — простонал гладиатор. — Ты прав, Дах, нам надо помнить о задуманном. Смерть рабству, где бы оно ни существовало. А брать в руки лук я запрещаю. Я хочу в честном бою доказать наше равноправие. Запомни мои слова.

— Они отпечатались в сердце, как буквы на камне.

Дах откинулся к каменной стене темницы и замолчал.

Афр плел из соломы веревку, углубившись в свои мысли. Его большие красные ладони умело свивали стебли ячменя, то и дело пробуя их на прочность.

В зверинце было тихо. Только зло фыркали в стойлах жеребцы, оглашая тишину подземелья злым ржанием, да посвистывали плети конюхов, на концах которых искрились начищенные медные шарики.

Дах, вытянувшись во весь рост, подставил ноги под тонкие лучики света, прорывавшиеся сквозь щели двери, и тихо запел:

Змей меня любит, мама!
Приедут змеи на иноходцах.
Змееныши в пестрых повозках.
Змеиха в золотых колясках...

Спартак, казалось, заснул, прикрыв глаза руками, но это только казалось. Песня, которую он услышал, больно задела за сердце: в памяти всплыли род-

ные горы, конские торжища у Стримона, куда он с Муржо ездил покупать лошадей. Здесь-то Спартак и слышал песню о женихе-змее, которую пел старый кифарист-бродяга. И сейчас словно ветер родных мест обдул его тело, ветка явора брызнула на грудь серебряными каплями утренней росы. Мед жадно вдохнул воздух, и хотя на душе и было черно, но он, подложив под голову щит, тихо, словно под звуки свирели, что так ладно, бывало, посвистывала в соседних селищах, окружавших их отпор, запел свое:

А текли три речки,
Текли они быстро.
Первая — пшеница.
Вторая — вино хмельное...

В подземелье послышались торопливые шаги.

— Надевай доспехи! — приказал голос ланисты. — Скоро тебе выходить. Заклинаю тебя, будь осторожен.

— Не бойся, ты получишь свои десять тысяч сестерциев! — И Спартак так близко описал дугу мечом над головой хозяина, что, казалось, ошибись он на толщину пальца, и макушка ланисты слетела бы на пол, как кружок арбуза, когда с него срезают хвостик. Тот выскочил из темницы, захлопнул дверь и задвинул засов.

— За тобой придут, будь ты проклят, варвар!

Но Спартак уже ничего не слышал. Было видно, что он снова в мыслях унесся куда-то далеко.

Дах и чернокожий стали помогать ему надевать доспехи.

А Спартаку все еще виделся родной дом, отец, софист Панука, Муржо... И вдруг он так тяжело и огорченно застонал, что друзья его замерли.

НЕ ПЛАЧЬ, СЕМЕЛА!

— Спартак, время, — предупредил Дах.

— Прощайте, — тихо сказал он. — Если боги сегодня вознесут мою душу на небо, пусть славные меды позаботятся о Семеле.

Гладиатор еще раз проверил ремни на щите и направился вдоль клеток зверинца на арену. И тут перед ним выросла Семела. Глаза ее были полны слез, но голос был тверд и убедителен:

— Извини, Спартак, я запоздала. На форуме платила за вино. Жив ли афр?

— Я здесь, Семела, — отозвался чернокожий.

Семела поцеловала на Спартаке панцирь, щит и меч.

— Заклинаю тебя именем Меды, моей любовью и нашим будущим ребенком!

— Ты!.. — воскликнул Спартак.

— Пока нет, но там во Фракии, когда мы будем снова свободными, я обещаю тебе совершить это великое дело. Не горячись. Ты сильнее противника, храбрее и достойнее.

Зазвучали фанфары.

— Спартак! — раздался в подземелье голос ланисты.

Гигант опустился на колени перед женой и тихо попросил:

— Благослови, Семела — царица медов!

Семела обняла руками светлую голову и заплакала.

— Я люблю тебя, — сказала она. — Люблю! Люблю! Люблю! И пусть мои слезы будут благословением тебе в этом тяжелом бою. — Семела еще раз поцеловала мужа.

В третий раз прозвучали фанфары.

— Геракл — мой щит, Семела, — сказал Спартак, поднимаясь. — Я люблю тебя!.. Люблю!

У входа в зверинец зазвенело оружие — лорарии шли за Спартаком.

— Гоните его палками, — приказал старший из них.

Вперед выступили афр и Дах. Семела, встав между мужем и лорариями, твердо сказала:

— Разве вы не знаете его? Он один готов биться против троих таких, как Феликс.

Спартак еще раз обнял жену, поприветствовал Даха и афра, хотел идти, как почувствовал в руке что-то теплое. Он разжал пальцы и увидел кольцо Кали-

крыты, своей бабки. Поднеся его к глазам, гладиатор прочел надпись на золоте: «Спартак, я умираю около тебя».

— Нет, нет! — воскликнул мечник. — Семела, я вернусь. Мы еще увидим родину. Не забывай, что ты царица.

Спартак поцеловал кольцо, высоко поднял над собой и надел на мизинец.

Женщина прорвалась сквозь цепь лорариев, прижалась губами к щеке смертника и шепнула:

— У тебя скоро будет сын!

— Повтори! Повтори! — вскричал Спартак. — У меня будет сын! У меня будет сын! — закричал смертник.

— Ты должен жить, должен! — призвала Семела.

— Тащите его, тащите! — приказал старший из лорариев.

Но радость Спартака была мгновенной. Глаза его снова погасли, и он, вздохнув, добавил:

— А где же теперь наш старший маленький сын? Мой дорогой, любимый мальчик... Он такой же раб, как и его отец. О, судьба, чем я тебя прогневал, что ты так несправедлива ко мне!

— Спартак, — крикнул молодой гладиатор, — встань спиной к солнцу! Пусть солнце ему слепит глаза.

— Зачем? — вмешался один из лорариев. — Ему лучше умереть, чтобы все это быстрее кончилось.

— Брат, — обратился старший, — не обижайся, но тебе надо идти, а то мы потеряем работу. А ты, женщина, — сказал он Семеле, — сходи к колдунье, что живет у форума в сторожке, и попроси, чтобы она вытравила тебе плод. Разве ты забыла, что ребенок, родившийся от раба, становится собственностью их владельца. Пошли, — позвал Спартака старший из лорариев, положив на плечо ему руку.

И уже где-то около выхода из подземелья Спартак крикнул в ревушую темноту зверинца:

— Не плачь, Семела, золото Порция будет нашим! Ты еще увидишь родные края, а наш сын будет свободным человеком.

Семела закричала, словно тело Спартака уже лежало на погребальном костре.

Гладиатор хотел отшвырнуть лорариев, чтобы кинуться на помощь к жене, но вдруг почувствовал, как кто-то мягко и сильно сдавил его руку.

— Иди и не бойся, мы с ней рядом. Все будет хорошо, — обнадежил Дах.

Увидев Спартака, амфитеатр взревел. Позолоченные доспехи его искрились на солнце. Шлем, украшенный орлиными перьями, делал его похожим на героя-полубога.

Феликса на арене еще не было.

«Берегут до последнего момента, — подумалось Спартаку, — ждут, чтобы мой панцирь нагрелся раньше, чем его. Но я займу более выгодную позицию.

После темноты подземелья глаза пока видели плохо — ярким был свет дня.

Пообвыкнув, гладиатор осмотрел место, где он должен был умереть, место, где тысячи свободных граждан республики жаждали наслаждения его предсмертными муками.

— Спартак! Спартак! — донеслось до гладиатора. — Мы с тобой рядом! — кричал Дах. Рядом с ним была и Семела.

Мед поднял над головой меч.

Кто-то из публики кинул цветы.

— Презренный фракийский пес! — крикнула жена Феликса, женщина с длинными светлыми волосами и красивым профилем. — Это из-за тебя вот уже десять лет мы живем словно нищие. Чтоб тебя Феликс пронзил на третьем выпаде!

— Спартак, — вдруг раздался голос, — Орбелус приветствует тебя! — это кричала Родопа. — Прими мой подарок, — и гетера бросила на арену шелковый шарф.

Гладиатор отсалютовал ей мечом, поднял шарф и повязал на шею.

Феликса все еще не было.

Спартак понимал, что пора начинать бой, пока симпатии публики на его стороне. Еще немного, и

легионеры, стража и ветераны начнут бросать в него корки дынь и апельсинов.

Понимали это и зрители, делавшие ставки на центуриона. Некоторые из них перешептывались с Секундом. Было видно, что они что-то замыслили.

Спартак посмотрел в их сторону, снял с пальца кольцо Каликриты и еще раз прочел надпись.

Феликс вышел на арену, словно триумфатор, добывший республике караван слонов, золота и красивых рабынь. Перья его шлема переливались в огненно-красных лучах вечернего солнца. Туника развевалась по ветру, оружие празднично поблескивало. Крепкий, широкоплечий, жаждущий побед, бывший центурион поприветствовал отцов города, даже не взглянув в сторону Спартака. «Он почти не постарел с тех времен, когда мы с ним танцевали во дворце, — подумал гладиатор. — Бои в цирках только укрепили его». Нет, это был не просто хорошо натренированный зверь, умеющий убить человека ради удовольствия других, это был гладиатор-артист, умеющий убить противника красиво, со знанием своего дела и слабостей тех, кто дорого платил за его искусство.

— Счастливый! — донесся голос из оппидума. — Пусть тебя благословят боги и Рим!

Это был Порций. Переполненный чувством гордости, он вышел на арену, обнял старого знакомого, надел ему на шею талисман и серебряную гривну.

— Мы ждем твоего знаменитого удара, — благословил он. — Я дарю тебе кубок золотых, чтобы ты снова вернулся в ряды нашего легиона.

— Победы! Победы! — требовали легионеры, патриции, стража и чиновники.

Феликс не торопился, зная, что сигнал к бою дадут только тогда, когда он встанет в позицию.

Ему очень хотелось поиграть на нервах противника, разозлить, сбить настроение. Спартак же в это время думал о том, о чем никто в амфитеатре не знал. Он думал о ране на ноге врага, которую тот получил в бою у рудника, за Прасиас-озером. Быстро ли эта нога устанет и хорошо ли прогибается при глубоких выпадах?

Мед стал присматриваться к противнику. На первый взгляд все было нормально. Феликс подошел к жене, детям. Повернулся лицом к легионерам. Декан Секунд приветствовал его стоя, приподняв правую руку. Поднял руку и центурион. Спартак обратил внимание, что его противник ни разу не посмотрел в сторону кубка. Что это: самоуверенность или прием?

— Спартак! Спартак! — звали фракийцы и греки, но гладиатор думал о своем. «Что, если с первых ударов вести бой на дальней дистанции, чтобы он делал глубокие выпады? — прикидывал он. — Несколько движений левой, и я увижу, чего она стоит. С этого и начнем».

Панцирь нагревался все больше и больше.

— Эй, ланиста, — крикнул Спартак, — если ты хочешь получить завтра десять тысяч сестерциев, тогда скажи, чтобы трубили бой! Сколько я должен ждать?

Через некоторое время гладиаторы скрестили мечи. Феликс сразу стал наступать. Он сделал три глубоких выпада, прижимая Спартака к решетке.

— Распори ему брюхо! — закричал трибун из Британии, протирая глаза.

— Убей эту беременную торговку рыбой! — вдохновлял Секунд.

— Покажи свой знаменитый удар! — требовали легионеры.

Греки, отпущенники сидели молча, не понимая Спартака. Что заставило его отступить, прижаться к решетке и выдерживать такой натиск?

Феликс осыпал его сильнейшими боковыми ударами, готовясь к чему-то, но Спартак был доволен собой: левая, раненная, нога неприятеля была хороша только в ближнем бою.

А меч центуриона все бил и бил, стараясь добраться до тела противника. Вот уже помят щит, срублены перья на шлеме.

«Ему, наверное, нужна моя сонная артерия? — спросил сам себя Спартак. — Проверим — приоткроем», — решил гладиатор, опуская щит.

Трибуны ревели, видя, как мед пятится к воротам зверинца. Спартак чуть отвел щит, открывая бедро.

Феликс в азарте старался дотянуться до него, но промахнулся и снова сделал глубокий выпад. Левая нога не подчинилась замыслу.

— Ставлю виноградник против ста золотых — громыхнул Секунд. — Еще миг, и центурион снимет ему голову!

— Заткните ему рот мылом! — отозвался Глобус, внимательно следя за Спартаком. Он видел, что мед затевал что-то неожиданное, а удары Феликса были только началом поединка.

«Что же задумал бывший царь медов?» — спрашивал сам себя Леандр.

Но вот Спартак сделал ошибку, отражая удар Феликса; он перегнулся и приоткрыл левый бок. Меч тут же порезал меду ногу.

— Это тебе за рудник, — услышал Спартак. — А сейчас ты получишь за все: за мое гладиаторство, за караван с золотом и за танец в твоей крепости, ублюдок!

И центурион нанес удар по шлему Спартака такой силы, что у того зазвенело в голове.

Перед глазами проплыла Семела с протянутыми к нему руками, а фр, кричавший о чем-то, греки, яростно топающие ногами, фракийцы. Спартак хотел перехватить воздуха, но на шлем обрушился новый удар такой силы, что гладиатор только успел схватиться за прутья решетки, чтобы устоять на ногах.

Трибуны ревели, требуя крови и смерти. А тот, кто должен быть изрублен, стоял и улыбался. Северные трибуны приняли это как оскорбление.

— Смерти! Смерти! — кричали зрители, указывая большим пальцем в землю.

— Семела! — крикнул на весь амфитеатр Спартак. — Присмотри, чтобы достойные отцы города не украли кубок с золотыми!

Гул негодования опять взорвал тишину.

— Они разорвут тебя, Спартак, — позаботился старик, покупавший вино по просьбе Спартака.

— Спасибо за заботу, отец! — отозвался гладиатор. А сам тем временем остановился и замер.

Амфитеатр насторожился: почему известный гладиатор сам отдает себя в руки смерти?

Центурион сделал несколько шагов вперед и приостановился.

Спартак отбросил щит, меч, сбросил шлем и развел руки в стороны. Сильные руки его распахнулись навстречу Феликсу, приготовившемуся вырезать сердце варвару.

Трибуны изумленно приумолкли.

Расчет Спартака был точен. Сбитый с толку, центурион растерялся, не зная, что делать дальше. Он вдруг вспомнил, как много лет назад его победили таким образом. В амфитеатре наступила тишина. Где-то заплакал ребенок, из подземелья донесся рык зверей.

— Бей! — потребовал Секунд.

— Руби! — добавил Порций.

— Коли! — крикнул начальник стражи.

Еще миг, и Феликс направит удар меча Спартаку в горло. Спартак приготовился к прыжку, а потом, поднырнув под клинок врага, завладев его рукой, со всей силой перекинул через бедро, ударив о землю.

— Это тебе за все! — сказал он. — Пала бы на твою грудь Змеиха!

Противник лежал оглушенный. Шлем скатился, поножи сползли, ручки щита оборвались.

Спартак вскинул оружие, чтобы опустить его на лежавшего у его ног Феликса, но тут тишину амфитеатра вспорол детский голос:

— Отец! Отец!

Как удивительно голос был похож на голос его сына, проданного в рабство! Спартак вздрогнул.

Он повернулся и посмотрел на мальчика в золотых кудрях. Боже, как он был похож на его сына, которого Муржо возил на спине, а Волчья Шкура учил ловить птиц! Сердце гиганта дрогнуло. Но это был сын Феликса.

— Свободу Спартаку! — крикнула одна из парфянок.

— Слава великому воину! — добавил Дах.

— Слава! — закричали отпущенники.

— Свободу! — поддержали греки.

Призывы крепчали и становились увереннее.

И тут случилось невиданное — гетера Родопа

взяла кубок с деньгами, который обычно вручал победителю претор города, и направилась к Спартаку.

Плакала Семела, что-то радостно кричали окружавшие ее парфянки, бил себя в грудь афр.

— Отец! Отец! — испуганно звал все тот же детский голос.

Спартак посмотрел на Феликса, лежавшего на песке; на губах его пузырилась пена.

— Ты, презренный варвар, — промычал он, — скорее убей меня. Вырви мне глотку, но убери свою рабскую ногу с моей груди. Я же плюю на тебя — собаку и сына собаки! Что же ты стоишь, добей бывшего свободного центуриона Феликса!

Наступило замешательство. Устроители не знали, как поступить. Порций растерянно смотрел на гетеру, а она уже подходила к победителю.

— Свободу великому гладиатору!

— Слава Спартаку-фракийцу! — все еще доносилось с западных трибун.

— Так убей же меня! — просил центурион. — Не мучь позором. А чтобы ты был храбрее, я плюю в твое варварское лицо.

Родопя подала Спартаку кубок, призывая трибуны воздать ему почести победителя. Гладиатор посмотрел в сторону детей центуриона, его жены и повернулся к Семеле. Женщина, вытирая слезы, не могла говорить. Встретившись взглядом с мужем, она как бы что-то сказала ему.

— Семела, — поделился гладиатор, — они не выпустят меня живым.

— Но ты честно выиграл деньги. Это твоя свобода! Он же хотел вырезать тебе сердце!

— Слава богам, я жив! — Спартак тяжело вздохнул, еще раз посмотрел в сторону Семелы и наклонил кубок.

Струя золотых монет пролилась на поверженного врага.

Бросив чашу на грудь побежденного, гладиатор устало направился к воротам подземелья. Спустившись в темницу, он прошел в комнатку, где его уже ждал афр.

Упав на солому, гигант заплакал. Он не слышал,

как подошла Семела. Прибежал ланиста, радостно размахивая руками.

Поднявшись с подстилки, Спартак прошептал:

— Прости меня, Семела, но я не мог видеть и слышать этих детей.

— Ты прав! — раздалось в ответ. — Двух счастливых в один день боги не посылают. Главное, что ты жив.

— А с тобой живо и то великое дело, которое ты задумал, — добавил Дах.

— Тихо, — предупредил гладиатор, — ланиста...

— Он убежал к Батиату за деньгами... Но самое главное, что ты жив, Спартак! Жив! — повторял Дах.

— Там стоит Секунд. Он хочет убить Спартака, — предупредил ливиец. — Но фракийцы подрались с ним. Большая была драка. Хорошая драка.

— Ты слышишь, Спартак, это боги защищают твое благородное сердце, — отозвалась Семела.

Дверь скрипнула, и вошел старик-отпущенник.

— Слава тебе, Спартак! Ты отомстил за всех нас. Сегодня вечером мы приглашаем всех вас ко мне на ужин, который посвящаем твоей победе.

— Кто будет?

Фракиец окинул присутствующих взглядом.

— Можешь говорить, здесь все мои друзья.

— Будут те, кто знает и поддерживает твою тайну.

— Хвала Гераклу!

— Мы ждем вас!

— Меч и свобода! — отозвался Спартак.

— Свобода и меч! — откликнулся фракиец.

Он вышел, прикрывая дверь.

— Все слышали? — спросил гладиатор.

— Все, — ответил афр.

— Тогда клянитесь, что будете хранить нашу тайну.

— Клянемся, — раздалось под каменными сводами.

А текли три речки, —

запел Дах.

Текли они быстро, —

подхватил Спартак, положив руку на плечо гладиатору. Семела поддержала мужа, обняв Даха. Тот

обнял Спартака. Получился хоровод, который стал медленно двигаться по камере.

Ревели львы, барсы, кричали ослы, приготовленные для забоя на вечернее кормление зверей.

Наверху еще буйствовали легионеры, считая, что центуриона сглазил местный гипнотизер, который вроде бы добивался любви его жены.

Другие хотели отомстить Спартаку за ведение боя не по правилам. Больше всех кричал декан, проигравший виноградник.

Притихший Порций стоял в колеснице и молча гладил волосы Родопы.

— Лучезарный, тебе жалко золота?

— Нет. Главное, что ты, Родопа, со мной.

— Я — гетера.

— Была. Ты должна не ублажать, а рожать республике воинов, таких же храбрых, как та Родопа, которую я видел сегодня. Слава тебе, рыжекудрая!

— Лучезарный, выкупи Спартака.

— Таких не выкупают. Таких надо убивать, ибо они приходят к власти.

— Но он гладиатор!

— Великий гладиатор!

1977 — 1988 гг.

Москва

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Литературно-художественное издание

Шалашов Анатолий Федорович

ВЕЛИКИЙ ГЛАДИАТОР

Роман

Редактор *В. В. Жукова*

Художественный редактор *С. В. Курбатов*

Художник *А. А. Хромов*

Технические редакторы *Е. С. Барабанова, С. А. Рубис*

Корректор *Н. Н. Самойлова*

OCR - Давид Титиевский, май 2017 г., Хайфа

ЛР № 061309 от 17.06.92

Подписано в печать с готовых диапозитивов 21.03.96.
Формат 84x108 ¹/₃₂. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 21,8. Уч.-изд. л. 18,7.

Тираж 20 000 экз. Заказ № 1400

АОЗТ издательство «ЭКСМО», 123298, Москва,
ул. Народного Ополчения, 38.

АООТ «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.

А. ШАЛАШОВ

Первый век до нашей эры. Молодой фракийский царь племени медов ведет с римлянами долгую и изнурительную борьбу за независимость. Однако силы маленького народа недостаточны, чтобы противостоять могущественному Риму, меды поработочены, а их царь Спартак продан в рабство.

